БИБЛІОТЕКА МОРС. МИНИСТЕРСТВА.
ШКАПЪ.. VII
ПОЛКА.. 2
РЯДЪ...
№.. 32

11.

Акт № 2

Индекс	М.2		Шифр хранения
Авторский знак	З-К.35-С		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

					√

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 1453—150000

ЦИТАЛЬНЫЙ
ЗАЛ

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Проверена-58 г.

ПРОВЕРЕНА-58

Проверено-85

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

II 48685/16355

СТЕПНАЯ ЖИЗНЬ ВЪ СИБИРИ

Центральная В.-Морская Библиотека ВМФ СССР

СТЕПНАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ

СИБИРИ

СТРАНСТВІЯ МЕЖДУ КОРЯКАМИ И ДРУГИМИ ПЛЕМЕНАМИ

КАМЧАТКИ И СѢВЕРНОЙ АЗІИ

СОЧИНЕНІЕ

ДЖОРДЖА КЕНАНА

47 36

Центральная В.-Морская Библиотека ВМФ СССР

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ Типографіи М. Хана, Болотная № 5
1871

КОМИТЕТА МОРСКАГО УЧЕНАГО

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Попытка Западно-Соединительной Телеграфной Компаніи въ 1865 66 и 67 годахъ провести континентальную телеграфную линію изъ Америки въ Европу чрезъ Аляску, Беринговъ проливъ и Сибирь, была въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самымъ замѣчательнымъ предпріятіемъ нынѣшняго столѣтія. Смѣлое по мысли и важное по цѣли, оно сосредоточивало на себѣ одно время вниманіе всего образованнаго міра и считалось величайшей телеграфической линіей, на которую посвященъ былъ американскій капиталъ. Но подобно всѣмъ несчастнымъ попыткамъ въ нашъ прогресивный вѣкъ, оно скоро забылось и блестящій успѣхъ атлантическаго телеграфа совершенно изгладилъ даже память о немъ. Большинство читателей конечно знаютъ главные факты исторіи этого предпріятія отъ его организаціи до преждевременнаго конца, но очень немногимъ даже изъ первоначальныхъ участниковъ дѣла извѣстно что либо о дѣйствіяхъ компаніи въ англійской Колумбіи, въ Аляскѣ и Сибири; почти никто не знаетъ тѣ преграды, которыя встрѣчали на каждомъ шагу изыскатели пути и рабочіе, тотъ запасъ свѣденій, которымъ они насъ обогатили относительно странъ, доселѣ не посѣщенныхъ путешественниками. Агенты компаніи въ продолженіе двухъ лѣтъ изъѣздили вдоль и поперегъ около шести тысячъ миль пустынной степной страны отъ острова Ванкувера у Американскаго берега, до Берингова пролива и отъ Берингова пролива до Китайской границы въ Азіи. Слѣды ихъ раскинутыхъ лагерей виднѣются еще доселѣ въ дикихъ горныхъ ущельяхъ Камчатки, въ снѣжныхъ степяхъ сѣверной Сибири и въ мрачныхъ сосновыхъ лѣсахъ Аляски и Англійской Колумбіи. Они ѣздили на оленяхъ по горнымъ проходамъ сѣверно-азіатскихъ кряжей; плавали въ лодкахъ изъ звѣриныхъ шкуръ по великимъ сѣвернымъ рѣкамъ; спали въ дымныхъ юртахъ сибирскихъ чукчей и ночевали въ палаткахъ на сѣверныхъ степяхъ въ 50^0 и 60^0 ниже нуля. Врытые въ землю шесты и

построенные ими дома стоятъ нынѣ одиноко среди безконечныхъ степей — единственный результатъ ихъ трехлѣтнихъ работъ и страданій, единственный памятникъ великаго покинутаго предпріятія.

Я ни мало не намѣренъ писать исторіи русско-американскаго телеграфа. Успѣхъ его соперника атлантическаго телеграфа стушевалъ совершенно его первоначальное значеніе, а его неуспѣхъ лишилъ это предпріятіе всякаго интереса въ глазахъ американскаго общества. Однако, хотя его исторія не имѣетъ значенія, изысканія, произведенныя компаніей, имѣютъ интересъ помимо ихъ цѣли. Территорія, на которой произведены были эти изысканія, мало извѣстна читающему міру, кочевыхъ племенъ, населющихъ эту страну рѣдко посѣщали образованные люди. Только немногіе, смѣлые охотники проникали въ эти уединенныя степи и по всей вѣроятности образованные люди никогда не послѣдуютъ ихъ примѣру; ибо страна эта не представляетъ для обыкновенныхъ путешественниковъ достаточнаго соблазна для перенесенія всѣхъ трудностей странствія.

Двое изъ агентовъ русско-американской телеграфной компаніи Вимптеръ и Доллъ уже напечатали описанія своихъ путешествій по Англійской Колумбіи и Аляскѣ; надѣясь, что исторіи изысканій, сдѣланныхъ компаніею по ту сторону Берингова пролива, будутъ имѣть одинаковый интересъ, я написалъ представляемый нынѣ публикѣ разсказъ о двухъ годичной жизни въ сѣверо-восточной Сибири. Я не имѣю никакихъ притязаній на ученныя открытія или на какое бы то ни было важное значеніе моей книги. Цѣль моя просто представить читателямъ возможно ясное и точное понятіе о жителяхъ, обычаяхъ, природѣ и внѣшнихъ явленіяхъ новой, сравнительно неизвѣстной страны. Главнымъ образомъ это разсказъ о моей повседневной жизни въ Сибири и Камчаткѣ, и книга эта можетъ заслуживать вниманія по свѣжести ея предмета, а не по ученымъ свѣденіямъ или художественному изложенію.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Русско-американскій телеграфъ. — Отплытіе «Ольги» изъ Санъ-Франциско въ Камчатку и на Амуръ.

Русско-Американская Телеграфная Компанія или какъ ее болѣе правильно называли „Западно-Соединительная Компанія“ была основана въ Нью-Іоркѣ лѣтомъ 1864 года. Мысль о проведеніи телеграфной линіи изъ Америки въ Европу чрезъ Беринговъ проливъ существовала уже нѣсколько лѣтъ въ умахъ извѣстныхъ телеграфистовъ и планъ подобнаго предпріятія былъ предложенъ еще въ 1857 году Перри Калинзомъ, послѣ его путешествія по сѣверной Азіи. Но никогда серьезно не обращали вниманія на этотъ планъ до тѣхъ поръ, пока неудача перваго атлантическаго телеграфа не заставила серьезно обсудить возможность соединенія Европы и Америки континентальной линіей. Планъ Калинза предложенный Западно-Соединительной Телеграфной Компаніи Нью-Іорка въ 1863 году казался самымъ практическимъ изъ всѣхъ проектовъ. Онъ предлагалъ соединить телеграфныя системы Америки и Россіи линіей, идущей черезъ англійскую Колумбію и сѣверно-восточную Сибирь; такимъ образомъ американскій телеграфъ соединившись съ русскимъ, при устьѣ Амура на азіатскомъ берегу, опоясывалъ бы одной неразрывной линіей почти весь земной шаръ.

Этотъ планъ имѣлъ много очевидныхъ выгодъ. Онъ не требовалъ длинныхъ проволокъ, и телеграфная линія проходила бы вездѣ по землѣ, кромѣ небольшаго пространства по Берингову проливу, гдѣ въ случаѣ порчи бурей или по какой другой при-

чинѣ, проволока могла быть легко исправлена. Этотъ проектъ имѣлъ также цѣлью продолжать телеграфную линію вдоль азіатскаго берега до Пекина и соединить такимъ образомъ Америку съ Китаемъ. Всѣ эти соображенія располагали въ пользу проекта капиталистовъ и практическихъ дѣятелей по телеграфной части, и наконецъ онъ былъ принятъ Западно-Соединительной Телеграфной Компаніей въ 1863 году. Конечно, не было упущено изъ вида, что второй подводный телеграфъ могъ удасться, и тѣмъ принесть большой вредъ, если не совершенно погубить континентальную линію. Однако подобное событіе казалось невѣроятнымъ и въ виду всѣхъ обстоятельствъ дѣлъ, компанія рѣшилась идти на рискъ.

Съ русскимъ правительствомъ былъ заключенъ контрактъ, по которому оно обязалось распространить свою телеграфную линію чрезъ всю Сибирь до устьевъ Амура и даровало компаніи нѣкоторыя особыя привилегіи на русской территоріи. Подобныя же льготы были выхлопотаны въ 1864 году отъ англійскаго правительства; американскій конгресъ обѣщалъ свое содѣйствіе и Западно-Соединительная Компанія была организована съ номинальнымъ капиталомъ въ 10,000,000 дол. Акціи были немедленно разобраны преимущественно акціонерами прежней Западно-Соединительной Компаніи и 5% взносъ былъ немедленно сдѣланъ для полученія необходимыхъ фондовъ къ начатію работъ. Такъ велика была тогда вѣра въ успѣхъ предпріятія, что черезъ два мѣсяца акціи продавались по 75 доларовъ съ однимъ взносомъ въ 5 доларовъ.

Въ августѣ 1864 года, полковникъ Белклей, прежній директоръ американскихъ военныхъ телеграфовъ былъ назначенъ главнымъ инженеромъ проектированной линіи и въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ отправился изъ Нью-Іорка въ Санъ-Франциско для начатія работъ и образованія партій изслѣдователей страны, по которой долженъ былъ пройти телеграфъ.

Побуждаемый желаніемъ принять участіе въ столь важномъ и новомъ предпріятіи, а также врожденной любовью къ путешествіямъ, которой я до тѣхъ поръ не могъ удовлетворить, я предложилъ свои услуги компаніи въ качествѣ изслѣдователя. Мое прошеніе

было принято и 13 декабря я выѣхалъ изъ Нью-Іорка вмѣстѣ съ главнымъ инженеромъ въ Санъ-Франциско. Тотчасъ по прибытіи туда полковникъ Белклей открылъ контору и началъ организовать партіи для предварительнаго изслѣдованія предполагавшейся линіи. Какъ только распространилась по городу вѣсть, что компанія ищетъ людей для изслѣдованья неизвѣстныхъ частей англійской Колумбіи, русской Америки и Сибири, то контора общества стала ежедневно переполняться людьми, желавшими занять то или другое мѣсто.

Искатели приключеній, давно ожидавшіе выгоднаго предпріятія, разорившіеся рудокопы, надѣявшіеся поправить свое состояніе въ новыхъ золотыхъ розсыпяхъ, еще не открытыхъ на сѣверѣ, отставные военные, жаждавшіе отличиться — всѣ спѣшили предложить свои услуги и быть піонерами великаго дѣла. Но все же не находилось достаточнаго количества искусныхъ и опытныхъ инженеровъ; за то простыхъ людей, которые замѣняли опытность энтузіазмомъ, являлось безконечное множество.

Мѣсяцъ шелъ за мѣсяцемъ въ приготовленіяхъ по организаціи и снаряженію различныхъ партій; наконецъ въ іюнѣ 1865 года, суда компаніи были готовы выдти въ море.

Планъ дѣйствія, насколько онъ тогда былъ опредѣленъ, заключался въ отправкѣ одной партіи въ англійскую Колумбію на берега рѣки Фрезеръ, другую въ русскую Америку, въ Нортонскій заливъ, а третью на азіатскій берегъ Берингова пролива, къ устью рѣки Анадыри. Эти партіи подъ начальствомъ Попэ, Кеникота и Мокрэ должны были отправиться во внутренность страны, въ устья тѣхъ рѣкъ, по берегамъ которыхъ они были высажены и собрать всѣ необходимыя свѣденья о климатѣ, почвѣ, лѣсахъ и жителяхъ данныхъ странъ; наконецъ имъ было поручено указать наивыгоднѣйшій путь для предполагавшейся телеграфной линіи.

Обѣ американскія партіи имѣли хорошіе базисы для дѣйствія въ Викторіи и въ фортѣ св. Михаила, но сибирская партія, высаженная на берегу Берингова пролива, должна была очутиться посреди пустынной уединенной страны, отдаленной почти на тысячу миль отъ извѣстныхъ селеній. Брошенная въ невѣдомой странѣ среди враждебныхъ кочевыхъ племенъ и не имѣя другихъ средствъ

сообщенія какъ лодки, партія эта была далеко не гарантирована относительно безопасности и успѣха. Многіе доброжелатели предпріятія увѣряли даже, что оставить людей въ такомъ положеніи и въ такихъ обстоятельствахъ, значило обречь ихъ на вѣрную смерть; русскій консулъ въ Санъ-Франциско написалъ письмо полковнику Белклею, въ которомъ совѣтовалъ не посылать партіи изслѣдователей на азіатскій берегъ Берингова пролива, но отправить ее въ одинъ изъ русскихъ портовъ на Охотскомъ морѣ, гдѣ можно было заготовить продовольствіе, получить всѣ необходимыя свѣденія о внутренней странѣ и купить лошадей или собакъ для путешествія въ какую угодно сторону.

Благоразуміе этого совѣта было очевидно, но по несчастью главный инженеръ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакого судна, на которомъ могъ бы отправить партію изслѣдователей въ Охотское море и потому, если необходимо было въ то лѣто послать людей на азіатскій берегъ, то ихъ нельзя было высадить иначе какъ по ту сторону Берингова пролива.

Однако, въ концѣ іюня, полковникъ Белклей узналъ случайно, что небольшое русское торговое судно „Ольга," отправлялось изъ Санъ-Франциско въ Камчатку и къ юго-западнымъ берегамъ Охотскаго моря; ему удалось убѣдить шкипера взять съ собою четырехъ пасажировъ и высадить ихъ въ русскомъ селеніи Николаевскѣ, при устьѣ Амура. Хотя эта мѣстность не была самая удобная для начатія изслѣдованій, но все же она была гораздо лучше всѣхъ мѣстъ, которыя можно было найдти на азіатскомъ берегу Берингова пролива; поэтому партія была тотчасъ организована и посажена на бригъ „Ольга". Эта партія состояла изъ маіора Абазы, русскаго офицера, который былъ назначенъ высшимъ руководителемъ всего дѣла и фельдмаршаломъ компанейскихъ силъ въ Сибири; Джемса Магуда, инженера пользовавшагося хорошей репутаціей въ Калифорніи; Роберта Буша, только что возвратившагося изъ Каролины, гдѣ онъ находился на дѣйствительной военной службѣ три года; и вашего покорнаго слуги. Партія эта не была могущественна численностью и не отличалась опытностью, но была сильна надеждою, энтузіазмомъ и самоувѣренностью.

28 іюня, намъ было объявлено, что бригъ „Ольга“ принялъ почти весь свой грузъ и тотчасъ отправится въ путь.

Эта морская метафора, какъ мы впослѣдствіи убѣдились, означала, что судно выйдетъ въ море когда нибудь въ теченіе лѣта, но мы по невѣденію предполагали, что бригъ готовъ былъ поднять якорь и потому засуетились съ приготовленіями къ отъѣзду. Мы легкомысленно раздарили и побросали фраки, полотняныя рубашки и лакированные сапоги, а купили въ большомъ количествѣ одѣяла, крѣпкіе башмаки и толстыя фуфайки. Различныя ружья, револьверы и громадные охотничьи ножи придавали нашей комнатѣ видъ безпорядочнаго арсенала. Ученые натуралисты снабдили насъ сосудами съ мышьякомъ и алькоголемъ, сѣтками для ловли бабочекъ и змѣй и многими научными инструментами, употребленіе которыхъ намъ вовсе не было знакомо; путешествія Врангеля, ботаника Грея и нѣсколько научныхъ сочиненій были прибавлены къ нашей маленькой библіотекѣ. Къ ночи мы уже были совершенно готовы, вооруженные и снаряженные на случай всевозможныхъ приключеній, начиная отъ ловли новаго рода блохи до покоренія Камчатки.

Отправиться въ морское путешествіе, не осмотрѣвъ предварительно корабля, противорѣчило бы всѣмъ обычаямъ и потому мы съ Бушемъ вызвались быть экспертами и отправились къ пристани, у которой стояло судно. Капитанъ, грубый обамериканившійся нѣмецъ, встрѣтилъ насъ на шкофутѣ и самъ показалъ намъ маленькій бригъ съ конца въ конецъ. Я такъ мало былъ знакомъ съ морскимъ искуствомъ, что не былъ въ состояніи высказать никакого мнѣнія о кораблѣ, но Бушъ съ характерестической смѣлостью и замѣчательной ловкостью разсуждалъ съ капитаномъ о красотѣ его судна, объ общемъ его строѣ, о парусахъ, новыхъ патентованныхъ реяхъ, о рифталѣ и пр., выказывая при этомъ столько морскаго знанія, что я невольно былъ уничтоженъ и даже капитанъ былъ пораженъ.

Я сильно подозрѣвалъ, что Бушъ почерпнулъ всѣ свои свѣденія изъ „Руководства къ мореплаванію“ Бодача, которое я видѣлъ на столѣ въ конторѣ и самъ мысленно рѣшился купить карманное изданіе морскихъ романовъ Маріета и вызубривъ какъ можно болѣе

морскихъ выраженій удивить его въ свою очередь моими громадными свѣденіями въ морскомъ дѣлѣ. Однако и теперь, чтобы не ударить лицемъ въ грязь, я припомнивъ романы Купера рѣшился сдѣлать нѣсколько замѣчаній, но капитанъ съ презрѣніемъ закидалъ меня словами, которыхъ я рѣшительно не понималъ и потому видя, какой взглядъ полный сожалѣнія къ моему невѣжеству онъ бросилъ на Буша, я молча заскрежеталъ зубами и отправился внизъ для обозрѣнія кладовыхъ. Тамъ я чувствовалъ себя болѣе дома. Длинные ряды всевозможныхъ запасовъ: мяса, сгущеннаго молока, пироговъ, фруктовъ и небольшой боченокъ съ лаконической надписью, „*Зантскій кур.*“ вскорѣ успокоили меня и убѣдили, что „Ольга“ безъ всякаго сомнѣнія былъ отличный, надежный корабль и выстроенъ въ самомъ новѣйшемъ, усовершенствованномъ стилѣ морской архитектуры.

Поэтому я поспѣшилъ возвратиться на верхъ и объяснилъ Бушу, что произвелъ основательный и критическій обзоръ корабля въ нижнихъ его частяхъ, и что это безъ всякаго сомнѣнія отличное и надежное судно. Конечно я не объяснилъ на какихъ соображеніяхъ основанъ былъ этотъ выводъ; онъ самъ ничего не спрашивалъ и мы возвратились въ контору съ донесеніемъ о томъ, что корабль удовлетворительно выстроенъ, снащенъ и снабженъ.

Въ суботу іюля 1 „Ольга“ приняла послѣдній грузъ и выведена изъ дока въ рѣку.

Написавъ домой прощальныя письма и сдѣлавъ послѣднія приготовленія, мы собрались въ понедѣльникъ утромъ на Говардской пристани, гдѣ уже топился пароходъ, который долженъ былъ вывезти насъ изъ гавани на буксирѣ. Много друзей собралось насъ проводить и пристань усѣянная синими мундирами и бѣлыми платьями представляла праздничный видъ при блестящихъ лучахъ калифорнскаго утренняго солнца.

Полковникъ Белклей передалъ намъ лично послѣднія инструкціи, пожелавъ намъ здоровья и удачи. Мы смѣясь приглашали къ себѣ въ гости нашихъ товарищей, остававшихся въ Санъ-Франциско, а они просили прислать имъ образцы сѣвернаго полюса и сѣвернаго сіянія; наконецъ среди всеобщаго шума, шутокъ, пожеланій, прощаній и даже слезъ раздался звонокъ на пароходѣ. Доллъ

никогда не забывавшій интересовъ своей любимой науки горячо обнялъ меня говоря: „прощайте Джорджъ, Христосъ съ вами, не забывайте собирать змѣй и череповъ дикихъ звѣрей.“

Мисъ Б. жалобно просила поберечь ея милаго брата и я обѣщалъ исполнить ея желаніе, думая о другой сестрѣ, которая была далеко и также вѣроятно просила бы поберечь ея брата. Махая платками и оглашая воздухъ криками, мы медленно отошли отъ пристани и описавъ полукругъ, подошли къ тому мѣсту, гдѣ стояла „Ольга,“ на которую мы благополучно и перебрались.

Пароходъ вывелъ насъ на буксирѣ за Золотыя Ворота и тамъ оставилъ; при проходѣ его мимо насъ на возвратномъ пути, бывшіе на немъ друзья наши и во главѣ ихъ полковникъ огласили воздухъ троекратнымъ крикомъ: „ура! первой сибирской партіи изслѣдователей!“ Мы отвѣчали такими же криками—наше послѣднее прости цивилизаціи—и молча слѣдили за быстро умалявшемся вдали пароходомъ до тѣхъ поръ, пока бѣлый платокъ, привязанный Арнольдомъ къ бакштагу не исчезъ совершенно изъ виду и мы остались одни на необозримой равнинѣ Тихаго Океана.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Путешествіе по Тихому океану.

Въ морѣ, 700 миль отъ Санъ Франциско на С. В.
Середа 12 іюля 1865 г.

За десять дней до нашего отплытія изъ Санъ-Франциско, я написалъ на первомъ листкѣ своего дневника слѣдующія слова Буртона: „Онъ нашелъ большое удовольствіе и отраду въ путешествіи, какъ находитъ всякій, который предпринимаетъ таковое“. Полный энтузіазма, я никогда не сомнѣвался въ томъ, что морское путешествіе вполнѣ окажется отраднымъ и жизнь на

океанѣ высочайшее блаженство, достижимое на землѣ. Приведенныя слова стариннаго „анатома меланхоліи“ казались мнѣ, какъ нельзя болѣе кстати и ни на чемъ не основанный выводъ, что всякій долженъ найдти удовольствіе въ путешествіи, такъ какъ онъ его нашелъ, казался мнѣ вполнѣ доказательнымъ и ни мало не нелѣпымъ. Напротивъ, эта фраза мнѣ казалась вполнѣ логичной и я съ презрѣніемъ посмотрѣлъ бы на всякаго, который сталъ бы меня въ этомъ разувѣрять. Мои понятія о жизни на морѣ главнымъ образомъ были почерпнуты изъ блестящихъ описаній поэтическаго захода солнца на морѣ, „очаровательныхъ райскихъ острововъ, „окруженныхъ голубой гладью океана,“ и особливо, лунныхъ ночей на необозримой морской равнинѣ,“ которыми поэты всѣхъ временъ соблазняли невѣжественныхъ континентальныхъ жителей предпринимать морскія путешествія. Туманы, бури и морская болѣзнь не входили въ мое понятіе о морѣ, и если я допускалъ возможность бури, то лишь въ видѣ художественной поэтической картины разсвирѣпѣвшихъ стихій безъ тѣхъ непріятныхъ явленій, которыя въ дѣйствительности характеризуютъ бурю. Правда, во время путешествія въ Калифорнію, я испыталъ непогоду на морѣ, но съ тѣхъ поръ прошло столько времени, что воспоминаніе объ этой поѣздкѣ приняло оттѣнокъ поэзіи и величія, такъ что я даже думалъ о бурѣ на Тихомъ океанѣ, какъ о пріятномъ и желанномъ событіи. Эта иллюзія имѣла своего рода прелесть, но она теперь исчезла. Десять дней настоящей морской жизни совершенно отрезвили меня и привели къ мрачнымъ мыслямъ о несоотвѣтственности поэзіи съ истиной. Буртонъ вральманъ, Тенисонъ обманщикъ, а я ихъ жертва. Никогда болѣе не буду вѣрить поэтамъ. Они можетъ быть и говорятъ правду настолько, насколько она согласуется съ поэзіей, но ихъ сужденія всегда пристрастны и воображеніе слишкомъ пламенно для справедливаго, реальнаго описанія жизни на морѣ. „Лондонскій почтовый бригъ“ Байрона составляетъ блестящее исключеніе, но за то и единственное во всей поэтической литературѣ.

Наша жизнь, съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли изъ порта, далеко не поэтична.

Въ продолженіи недѣли мы переносили всѣ невыразимыя мученья морской болѣзни, безъ какихъ бы то ни было смягчающихъ обстоятельствъ. День за днемъ, мы лежали на нашихъ узкихъ койкахъ и до того чувствовали себя плохо, что не могли ни читать, ни говорить, а только молча смотрѣли на колыхавшуюся то въ ту, то въ другую сторону каютную лампу и прислушивались къ плеску воды и шуму парусовъ.

Мы всѣ считали себя за восторженныхъ сторонниковъ Таплейской философіи — быть веселымъ при всѣхъ обстоятельствахъ; но мы никакъ не могли примѣнить нашей теоріи на практикѣ. Ни малѣйшаго слѣда веселости не было видно на лицахъ четырехъ неподвижно вытянувшихся людей. Морская болѣзнь одержала верхъ надъ философіей. Самыя мрачныя думы о прошедшемъ и будущемъ составляли наше единственное занятіе. Я размышлялъ между прочимъ о томъ, страдалъ ли Ной морской болѣзнью и былъ ли ковчегъ надежнѣе нашего брига, а главное черпалъ ли онъ воду въ бурю.

Если дѣйствительно ковчегъ черпалъ воду, то каково же было положеніе несчастныхъ звѣрей, находившихся въ немъ! Меня также занимала мысль, были ли Язонъ и Уллисъ застрахованы отъ морской болѣзни или имъ приходилось переносить тѣ же непріятности, которыя выпали на нашу долю. Но нѣтъ, все меня заставляло думать, что морская болѣзнь, подобно нѣкоторымъ другимъ, дьявольское изобрѣтеніе новыхъ временъ и люди въ древности обходились безъ нея.

Странно, что никто еще не писалъ „Мечтаній больнаго морской болѣзнью.“ У насъ есть „Вечернія мечтанія,“ „Мечтанія на берегу моря,“ „Мечтанія холостяка“ и т. д., но никто, насколько мнѣ извѣстно, не отдалъ литературной справедливости мечтаніямъ, навѣяннымъ морскою болѣзнью. Одна поѣздка черезъ Тихій океанъ въ маленькомъ бригѣ можетъ доставить безконечный запасъ матеріала для подобнаго литературнаго произведенія.

Наша жизнь была такъ монотонна, что не было ни одного событія достойнаго замѣчанія. Погода стояла сырая, туманная; дулъ свѣжій вѣтеръ, и качка была сильная; мы были постоянно заперты въ своей небольшой каютѣ, имѣвшей въ ширину 7 футовъ, а

въ длину 9 футовъ. Воздухъ въ ней былъ до того спертый и пропитанный ламповымъ масломъ и табакомъ, что много способствовалъ нашему мрачному настроенію духа. Однако я съ удовольствіемъ вижу, что сегодня вся наша компанія на ногахъ и съ интересомъ ожидаетъ обѣда; но даже веселые звуки вальса изъ Фауста, наигрываемаго самимъ капитаномъ, не въ состояніи придать одушевленія испитымъ лицамъ, виднѣющимся вокругъ стола. Магудъ увѣряетъ, что онъ совершенно здоровъ и играетъ въ шахматы съ капитаномъ съ искуственнымъ спокойствіемъ, доходящимъ до героизма, но по временамъ онъ неожиданно выбѣгаетъ на палубу и возвращается оттуда съ еще болѣе болѣзненной, испитой физіономіей. На вопросъ о причинѣ его періодическихъ посѣщеній палубы, онъ отвѣчаетъ съ неестественной веселостью, что ходитъ смотрѣть на компасъ. Мнѣ кажется страннымъ, чтобы смотрѣніе компаса сопровождалось такими печальными послѣдствіями, какъ видно каждый разъ по лицу Магуда. Но такъ какъ капитанъ часто забываетъ даже разъ въ день взглянуть на компасъ, то мы очень благодарны Магуду за ревностное исполненіе этой обязанности.

Бригъ „Ольга“, 800 миль къ с. з. отъ Санъ-Франциско.

Воскресенье, 16 іюля 1865 г.

Вчера ночью, наша монотонная жизнь была нарушена, и морская болѣзнь увеличена сильной бурей при с.-з. вѣтрѣ. Буря началась послѣ полудня и къ 9 часамъ вѣтеръ достигъ своего апогея и море стало быстро вздыматься. Пѣнистые валы били объ утлые бока деревяннаго брига, словно титановскіе молоты; ураганъ гудѣлъ въ снастяхъ и пронзительно свисталъ въ блокахъ; а правильные, монотонные звуки помпъ, отливавшихъ воду, наполняли наши умы страхомъ и отгоняли отъ насъ сонъ.

Наконецъ стало какъ бы нехотя свѣтать и наступило мрачное утро, сѣрые лучи котораго освѣтили комическую сцену общаго безпорядка и хаоса въ нашей каютѣ. Бригъ тяжело вздыхалъ и переваливался со стороны въ сторону, чемоданъ Магуда отвязался отъ стѣны и его перекидывало отъ одной стѣны къ другой; боль-

шой мундштукъ Буша, вмѣстѣ съ громадной губкой помѣстились въ моей шляпѣ, а ящикъ съ сигарами маіора неразрывно сочетавшись съ грязной рубашкой катался по полу. На коврѣ по всѣмъ направленіямъ валялись постоянно перемѣняя свое положеніе книги, сигары, бумаги, щетки, бутылки, сапоги, туфли, сюртуки, чулки и т. д., а громадный ящикъ съ телеграфными принадлежностями грозилъ каждую минуту сорваться съ цѣпи и уничтожить все что попадется на дорогѣ. Маіоръ первый изъ насъ проснулся и приподнявшись на постелѣ, сталъ пристально слѣдить за бѣшеной скачкой вещей по полу. „Любопытное явленіе! Лю-бо-пыт-ное я-вле-ні-е! промолвилъ онъ, задумчиво качая головою, словно перекатывавшіеся съ мѣста на мѣсто сапоги и сигары представляли новое явленіе природы, необъяснимое никакими естественными законами. Неожиданный толчекъ привелъ въ еще большее смятеніе всѣ окружающіе предметы и маіоръ вѣроятно убѣдившись въ прирожденной разнузданности природы вообще и Тихаго океана въ особенности, положилъ снова голову на подушку.

При такихъ обстоятельствахъ вставать было не легко; но Бушъ, потянувшись и зѣвнувъ нѣсколько разъ, началъ одѣваться. Онъ подстерегъ, когда корабль наклонило къ навѣтренной сторонѣ и быстро соскочивъ на полъ, схватилъ сапоги въ одну руку, а панталоны въ другую и сталъ прыгать по каютѣ, ловко перескакивая черезъ катавшіеся у его ногъ предметы и стараясь попасть ногами въ сапоги. Но застигнутый среди этихъ гимнастическихъ упражненій неожиданнымъ толчкомъ, отъ котораго задрожалъ весь корабль, Бушъ наткнулся на не въ чемъ невиноватый умывальникъ, запутался ногами между катавшимися бутылками и грохнулся на полъ, громко расхохотался производя ужасное опустошеніе вокругъ себя. Маіоръ едва могъ проговорить: „Я вамъ говорю, любопытное явленіе!“ — „Да, отвѣчалъ гнѣвно Бушъ, поднимаясь съ полу и потирая колѣни: — встаньте, да попробуйте сами.“ Но маіору было достаточно видѣть попытку Буша и онъ ни мало не желалъ послѣдовать его примѣру, а только хохоталъ до упада. Однако Бушъ, хотя и съ неимовѣрными усиліями, успѣлъ одѣться и послѣ долгаго колебанія я рѣшился послѣдовать его примѣру.

47362

Библиотека ВМФ СССР

Я раза два споткнулся о чемоданъ, ползалъ на рукахъ, садился на корточки и т. д., но наконецъ мнѣ удалось надѣть сапоги хотя правый на лѣвую ногу, а лѣвый на правую, и сюртукъ на выворотъ. Когда я такимъ образомъ одѣтый пробрался на палубу, то ураганъ все еще свирѣпствовалъ. Громадныя массы воды набѣгали со всѣхъ сторонъ на небольшое судно, вздымаясь снѣжными горами на десять футовъ надъ палубой и мгновенно разсѣявались въ облака пѣны и брызговъ, заливавшихъ палубу. То что я видѣлъ не совершенно совпадало съ моимъ понятіемъ о бурѣ, но я долженъ былъ сознаться, что въ картинѣ, открывавшейся передо мной, было много характеристическихъ чертъ этого явленія природы. Вѣтеръ какъ слѣдуетъ завывалъ въ снастяхъ, море подымалось до предписаннаго уровня и корабль накренялся и колыхался, такъ что самый взыскательный критикъ долженъ былъ быть доволенъ. Однако величественное впечатлѣніе, которое я полагалъ должна производить буря, почти совершенно стушевывалось передъ сознаніемъ личныхъ физическихъ страданій и непріятностей. Человѣкъ, который отъ качки только что полетѣлъ черезъ канатъ или промокъ до костей отъ брызговъ волны, не въ такомъ расположеніи духа, чтобъ любоваться величественными видами. Пройдя черезъ рядъ подобныхъ ощущеній, человѣкъ естественно отказывается отъ всякихъ романтичныхъ понятій о красотѣ океана и художественномъ величіи бури. „Водой“ пронизанное полотно, и „бушующее море,“ о которыхъ упоминаютъ поэты, принимаютъ совершенно другое далеко не поэтическое значеніе, когда „водой, пронизанное полотно,“ мы находимъ въ своей постелѣ, а „бушующее море“ бушуетъ на полу нашей каюты; такимъ образомъ мы на опытѣ замѣчаемъ не столько величія, сколько непріятности бури.

Бригъ «Ольга» въ морѣ.
27 іюля 1865 года.

Живя въ Санъ-Франциско, я часто недоумѣвалъ откуда происходили тѣ холодные туманы, которые по ночамъ застилали городъ. Теперь я нашелъ лабораторію, гдѣ они изготовляются. Впродолженіе послѣднихъ двухъ недѣль мы постоянно плывемъ въ густой сѣрой пеленѣ тумана, который иногда до того плотенъ, что почти

скрываетъ брамстенги и до того всюду проникаетъ, что даже находитъ дорогу, въ нашу каюту, гдѣ осаждается крупными каплями на нашей одеждѣ. Этотъ туманъ, я полагаю, подымается изъ теплыхъ водъ „Гольфъ-Стрима“, чрезъ который мы теперь проходимъ; его теплыя испаренія сгущаются въ туманъ подъ холоднымъ дуновеніемъ сѣвера-западныхъ вѣтровъ, идущихъ отъ Сибири. Этотъ туманъ, самое непріятное условіе нашего путешествія.

Наша жизнь окончательно сложилась въ монотонную рутину: мы ѣдимъ, куримъ, наблюдаемъ за барометромъ и спимъ впродолженіи двѣнадцати часовъ въ сутки. Буря, бывшая двѣ недѣли тому назадъ, доставила намъ большое развлеченіе и долго служила предметомъ всѣхъ нашихъ разговоровъ; но теперь мы уже согласились съ мнѣніемъ маіора, что это „любопытное явленіе“ и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ чего нибудь новенькаго. Одинъ холодный, дождливый, туманный день смѣняется другимъ и единственное разнообразіе состоитъ въ томъ, что иногда вѣтеръ свѣжѣетъ или идетъ снѣгъ. Конечно, время для насъ тянется нескончаемо. Насъ будитъ, около половины восьмаго часа, одинъ изъ матросовъ, пресмѣшной, флегматичной голландецъ, который постоянно увѣряетъ насъ, что онъ открылъ въ морѣ большаго кита и что намъ надо поторопиться, а то онъ исчезнетъ. Конечно, этотъ китъ существуетъ только въ его воображеніи и когда эта стратегема перестаетъ на насъ дѣйствовать, то онъ сочиняетъ другую и изобрѣтаетъ удивительнаго морскаго змѣя, для котораго по его мнѣнію стоитъ вскочить съ постели и выйдти на холодный, туманный воздухъ. Мы никогда не слѣдуемъ его совѣту. Бушъ съ полуоткрытыми глазами слѣдитъ за приготовленіями завтрака въ капитанской каютѣ, а я слѣжу за выраженіемъ его лица, такъ какъ съ моей койки не видать капитанской каюты. Если онъ неодобрительно мычитъ и отваричивается къ стѣнѣ, то я знаю, что на столѣ приготовленъ только винегретъ и слѣдую его примѣру, если же напротивъ того, онъ съ улыбкой начинаетъ одѣваться, то это значитъ, что насъ ожидаютъ бараньи котлеты или курица подъ рисомъ, и я также тороплюсь встать. Послѣ завтрака маіоръ куритъ папироску и задумчиво посматриваетъ на барометръ, капитанъ наигрываетъ русскій національный гимнъ,

а я съ Бушемъ отправляемся на палубу подышать чистымъ туманомъ и поспорить съ голландцемъ о его морскомъ зміѣ; остальное время дня проходитъ въ чтеніи, въ игрѣ въ шахматы, въ фехтованьи и въ лазаньи по снастямъ, когда позволяетъ погода. Такъ провели мы двадцать дней и еще должны провести столько же, прежде чѣмъ увидимъ землю.

Въ морѣ близъ Алеутскихъ острововъ.
6 Августа. 1865 года.

„Теперь я бы далъ тысячу миль океана за одинъ акръ твердой земли, будь эта степь, вересковъ или что бы то ни было.“ Только бы не видать монотонной, безконечной глади воды! Чѣмъ бы ни была Камчатка, мы все же также обрадуемся, какъ Колумбъ обрадовался берегамъ Санъ-Сальвадора. Вотъ уже тридцать четыре дня, какъ мы въ морѣ и не видали ни разу ни корабля, ни паруса, ни уголка земли.

Главнымъ нашимъ занятіемъ въ послѣдніе дни были споры о различныхъ историческихъ и научныхъ вопросахъ; удивительно, какое діалектическое искуство незамѣтно развивается въ людяхъ этимъ способомъ. Одно только жаль, что за отсутствіемъ литературныхъ матеріаловъ эти споры никогда не могутъ быть разрѣшены удовлетворительнымъ образомъ. Однако у капитана есть „Всеобщая исторія“ на голландскомъ языкѣ въ двадцати шести томахъ, къ которой онъ постоянно обращается за разрѣшеніемъ всевозможныхъ вопросовъ по естественнымъ наукамъ, искуствамъ, политики, религіи и пр. Если мы осмѣливаемся замѣтить ему, что во всеобщей исторіи не могутъ быть объяснены явленія природы, то онъ начинаетъ уличать насъ въ тупомъ скептицизмѣ, доводящемъ насъ до того, что мы не вѣримъ *печатному* даже на голландскомъ языкѣ. Такъ какъ капитанъ никогда не ѣстъ за обѣдомъ пироговъ, то я нахожу удобнымъ нѣсколько измѣнить своимъ убѣжденіямъ и вторить ему въ его упрекахъ Бушу, который хочетъ быть умнѣе книгъ. Въ результатѣ Бушъ получаетъ одинъ кусокъ пирога, а я два.

Впрочемъ въ послѣдніе дни я замѣчаю, что Бушъ начинаетъ относиться съ большимъ уваженіемъ къ всеобщей исторіи на голландскомъ языкѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Продолженіе путешествія по Тихому океану.—Пріѣздъ въ Петропавловскъ.

Бригъ «Ольга», въ морѣ. 200 миль отъ Камчатки.
17 августа 1869 г.

Наше путешествіе наконецъ приближается къ концу и послѣ семи долгихъ недѣль холодной, вѣтреной погоды, глаза наши наконецъ отдохнутъ на зеленой муравѣ. Въ настоящую минуту, я слышу какъ надъ моей головой скоблятъ и чистятъ палубу; это ясный признакъ, что мы близко къ землѣ и поэтому корабль принаряживается для достойной встрѣчи съ людьми. Прошлою ночью, мы находились только въ 255 мил. отъ Камчатки и если попутный вѣтеръ не измѣнится, то завтра къ полудню мы будемъ на берегу. Но сегодня утромъ, вѣтеръ спалъ и быть можетъ мы продержимся еще въ морѣ до суботы.

Бригъ, «Ольга» въ виду Камчатки.
Пятница 17 августа 1863 г.
Полдень.

Съ ранняго утра дулъ попутный, свѣжій вѣтеръ и корабль подъ всѣми парусами быстро прорѣзываетъ путь черезъ густой туманъ, благодаря которому ничего не видно, на разстояніи трехъ кораблей. Вокругъ насъ носятся несмѣтныя количества чаекъ и другихъ морскихъ птицъ, а вода кишитъ медузами.

Въ 11 ч. 40 м. капитанъ смотрѣвшій въ телескопъ радостно воскликнулъ „ура! ура! земля!“ Конечно, его восклицаніе было подхвачено всѣми на кораблѣ. Всѣ бросились, кто на палубу, кто на реи и только одинъ кормчій оставался неподвиженъ на рулѣ. Далеко на горизонтѣ двумя туманными линіями выступили два высокіе коническіе пика; они находились на такомъ отдаленіи, что виднѣлись только снѣга въ глубокихъ ущельяхъ и почти трудно было ихъ отличить отъ синевы окружающаго неба. Это были горы: Величинская и Овача на Камчатскомъ берегу, отстоявшія

отъ насъ ровно на 100 миль. Маіоръ жадно посмотрѣлъ на нихъ въ телескопъ и торжественно махая рукою произнесъ съ національною гордостью: „Вы видите передъ собою мое отечество, великую Русскую имперію.“ Черезъ минуту однако его энтузіазмъ исчезъ и онъ произнесъ по русски обращаясь къ вновь поднявшемуся туману: „Чертъ знаетъ, что это такое—любопытное явленіе—туманъ, туманъ, и больше ничего!“

Черезъ пять минутъ, послѣдніе слѣды великой Русской имперіи исчезли и мы отправились внизъ обѣдать въ такомъ радостномъ настроеніи духа, какого не можетъ понять никто не проведшій сорока шести дней на Тихомъ океанѣ.

4 часа по полудни.

Мы только что снова увидѣли землю. Я взобрался на верхнюю рею въ ту самую минуту какъ туманъ медленно, словно занавѣсь поднялся надъ горизонтомъ и открылъ передо мною очаровательную картину, освѣщенную розовыми лучами заходящаго солнца. Передъ нами простирался на 150 м. къ сѣверу и югу Камчатскій берегъ, круто поднимавшійся пурпурной массой изъ голубой морской глади. Два дѣйствующіе волкана въ 10,000 и 16,000 ф. вышины возвышались надъ изрытымъ пещерами кряжемъ горъ. Этотъ берегъ, благодаря ясной атмосферѣ, не казался отдаленнымъ отъ насъ на 15 миль, какъ это въ сущности было, а неожиданно появившимся передъ нами, какъ миражъ. Но не прошло и пяти минутъ, какъ новое облако тумана скрыло отъ нашихъ глазъ очаровательное видѣніе и мы почти сомнѣвались былъ ли это дѣйствительный берегъ или оптическій обманъ.

Камчатка.—Петропавловскій портъ.
19 августа 1865 г.

По причинѣ густаго тумана, капитанъ не смѣлъ подходить ближе къ берегу и мы пролавировали всю ночь, дожидаясь разсвѣта для безопаснаго приближенія къ берегу. Въ 5 часовъ я уже былъ на палубѣ. Туманъ былъ гуще чѣмъ когда, и въ немъ шумно перекатывались сѣдые валы, гонимые свѣжимъ юго-восточнымъ вѣтромъ. Около 6 часовъ стало свѣтать и мы направили свой путь прямо къ берегу; капитанъ съ телескопомъ въ рукѣ

ходилъ взадъ и впередъ по шканцамъ, посматривая съ безпокойствомъ на горизонтъ и на ту сторону откуда дулъ вѣтеръ, въ надеждѣ увидѣть признакъ перемѣны погоды. Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ перемѣнить ходъ корабля изъ боязни наткнуться на мель или подводный камень. Но наконецъ погода прояснилась и вся линія горизонта ясно заблестѣла передъ нами; но къ нашему величайшему изумленію не видно было ни одного фута земли. Все чѣмъ мы любовались прошлую ночь, пурпуровыя горы и снѣжные пики, все исчезло!

На разстояніи 1000 миль не было никакого доказательства близости земли, кромѣ громаднаго количества разнообразныхъ птицъ кружившихся въ воздухѣ вслѣдъ за нами. Всякій по своему объяснялъ это странное исчезновеніе земли; капитанъ предполагалъ, что по всей вѣроятности сильное теченіе отъ берега отнесло насъ ночью на далекое разстояніе къ ю. в. Бушъ обвинялъ кормчаго въ томъ, что онъ ночью спалъ и корабль просто перескочилъ черезъ землю; но кормчій торжественно заявлялъ, что никогда передъ нами не было земли, а только миражъ. Маіоръ говорилъ, что это „любопытное явленіе“ и по просту „поганство,“ но не рѣшался представить никакого объясненія занимавшей всѣхъ загадки.

Мы теперь шли съ попутнымъ вѣтромъ, со скоростью семи узловъ. Пробило 8 часовъ, 9, 10, все же земли не было видно, хотя мы прошли съ разсвѣта 30 миль. Однако въ 11 часовъ, на горизонтѣ стемнѣло и неожиданно въ разстояніи 4 миль отъ насъ показалась земля съ крутымъ пикомъ. Снова все засуетилось на палубѣ, бригу данъ другой ходъ и мы пошли вдоль берега на разстояніи какихъ нибудь 3 миль.

Но въ какомъ именно направленіи находился Петропавловскъ, никто не могъ сказать положительно. Тогда капитанъ велѣлъ принести на палубу свои карты, компасъ и готовальню. Русская карта берега, бывшая у капитана, оказалась хорошей и онъ вскорѣ опредѣлилъ мѣсто, гдѣ мы находились и названія видѣнныхъ нами горъ. Мы теперь были къ сѣверу отъ мыса Поворотнаго и въ 9 миляхъ къ югу отъ входа въ Авачинскую губу. Согласно этому открытію капитанъ далъ новыя приказанія и черезъ

часъ мы прошли мимо высокихъ уединенныхъ скалъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Трехъ Братьевъ,“ мимо крутаго, скалистаго острова и около двухъ часовъ вошли въ Авачинскую губу, на берегу которой ниходится Петропавловскъ. Зрѣлище представившееся нашимъ глазамъ вполнѣ удовлетворяло самыя пламенныя ожиданія. Зеленыя, роскошныя долины растилались между скалистыми горами; утесы были покрыты желтоватыми березами, а на полуденныхъ склонахъ горъ виднѣлись даже цвѣты.

— Ура! это клеверъ, воскликнулъ радостно Бушъ, не сводя глазъ съ берега.

— Клеверъ? повторилъ съ презрѣніемъ капитанъ:—въ полярныхъ странахъ нѣтъ клевера.

— Почемъ вы знаете? Вы тамъ никогда не бывали, рѣзко отвѣчалъ Бушъ:—эта трава очень похожа на клеверъ и... (тутъ онъ взглянулъ въ телескопъ) и это дѣйствительно клеверъ.

Самое названіе Камчатки всегда соединялось въ нашихъ умахъ съ холоднымъ климатомъ и пустынной страной, мы никогда не ожидали встрѣтить въ ней что либо кромѣ мха, лишайниковъ и мѣстами скудной травы. Поэтому можно себѣ представить съ какимъ удивленіемъ и удовольствіемъ мы смотрѣли на зеленыя горы, покрытыя лѣсами, на долины, бѣлѣвшіяся клеверомъ и шиповникомъ.

Ровно въ 3 часа мы увидѣли Петропавловскъ, небольшое селеніе съ греческой церковью хитрой архитектуры, немногочисленными домиками съ красными крышами и полуразвалившейся пристанью, у которой стояли два китоловныхъ судна и остовъ полупотонувшаго корабля. Высокія зеленыя горы окружали полукругомъ маленькое селеніе и его уединенную гавань. Тихо, безмолвно, мы вошли въ этотъ спокойный пріютъ и у самаго берега близъ домовъ бросили якорь. Впервые вонзился онъ въ азіатскую землю.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Петропавловскъ.

Вашингтонъ Ирвингъ очень справедливо сказалъ, что продолжительное морское путешествіе лучшая подготовка для посѣщенія иноземныхъ странъ. „Временное отсутствіе свѣтскихъ сценъ и занятій, говоритъ онъ, дѣлаетъ умъ особенно способнымъ воспринимать новыя и живыя впечатлѣнія.“ Онъ могъ бы еще прибавить, что эти впечатлѣнія самыя радужныя. Дѣйствительно скучная, монотонная жизнь на морѣ подготовляетъ путешественника къ благопріятному взгляду на все что можетъ родитъ въ его умѣ новую мысль и разшевелить застывшее воображеніе. Поэтому самая обыкновенная мѣстность и самый простой видъ могутъ возбудить восторгъ путешественника. А такъ какъ первыя впечатлѣнія о новомъ предметѣ всегда сильнѣе послѣдующихъ, то и впослѣдствіи въ памяти болѣе сохраняются пріятныя воспоминанія о жителяхъ и мѣстностяхъ этой страны, чѣмъ воспоминанія о непріятныхъ тяжелыхъ часахъ, проведенныхъ въ ней. Такъ я увѣренъ, что воспоминаніе о радости, съ которой я увидѣлъ впервые камчатскія горы, долго переживутъ воспоминанія о тѣхъ непріятностяхъ, которыя я перенесъ въ этихъ горахъ, о снѣжныхъ пургахъ на ихъ вершинахъ и проливныхъ дождяхъ въ ихъ долинахъ.

Прибытіе корабля въ такой уединенный и отдаленный уголокъ міра, какъ Петропавловскъ составляетъ важное событіе и звяканье нашей якорной цѣпи произвело сильное волненіе въ этой мирной „*деревушкѣ*.“ Маленькія дѣти стали выглядывать изъ дверей домишекъ и забѣгали по берегу сзывая старшихъ; чрезъ нѣсколько минутъ на пристани собралась цѣлая группа темноволосыхъ мѣстныхъ жителей и русскихъ крестьянъ въ синихъ рубашкахъ и кожаныхъ штанахъ; а около сотни полудикихъ собакъ привѣтствовали насъ ужаснымъ лаемъ.

Полдень давно уже прошелъ, но мы не могли совладать съ своимъ нетерпѣніемъ ступить снова на землю и потому, какъ только

спущена была капитанская лодка — Бушъ, Магудъ и я, отправились осматривать городъ.

Петропавловскъ выстроенъ неправильно и даже не живописно. Мысль объ улицѣ по видимому никогда не входила въ голову первобытнымъ поселенцамъ и ихъ потомкамъ; а существующія тропинки окружаютъ разбросанные домики безъ всякаго опредѣленнаго направленія. Невозможно пройдти сто шаговъ по прямой линіи, чтобъ не удариться въ стѣну дома или не нарушить спокойствія какого нибудь задняго двора, а ночью на каждыхъ пятидесяти шагахъ вы рискуете наткнуться на спящую корову. Однако въ другихъ отношеніяхъ Петропавловскъ хорошенькое селеніе, окруженное высокими зелеными горами и находящееся у самой подошвы великолѣпнаго, снѣжнаго Аванскаго пика, имѣющаго 11,000 футовъ вышины.

Г. Флюгеръ, нѣмецкій купецъ въ Петропавловскѣ выѣхавъ на лодкѣ къ намъ на встрѣчу, предложилъ свои услуги въ качествѣ проводника: послѣ небольшой прогулки по селенію, онъ пригласилъ насъ къ себѣ и закуривъ прекрасныя сигары мы долго разговаривали объ американской войнѣ и камчатскихъ новостяхъ. Между лежавшими на столѣ книгами, я замѣтилъ новый англійскій романъ „The Schönberg—Cotta family“ и удивлялся, что онъ уже успѣлъ проникнуть на отдаленный камчатскій берегъ.

Мы почли своимъ первымъ долгомъ представиться русскимъ властямъ и въ сопровожденіи Флюгера и Больмана отправились къ капитану Суткову, мѣстному капитану надъ портомъ. Его домъ съ блестящей, красной, желѣзной крышкой былъ почти скрытъ громадными дубами, между зеленью которыхъ журчалъ горный источникъ. Мы вошли въ ворота и пройдя по широкой песчаной дорогѣ подъ тѣнью дубовъ вошли въ домъ не стуча и не звоня. Капитанъ Сутковъ принялъ насъ очень любезно и не смотря на то, что мы не говорили ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ своего, мы вскорѣ почувствовали себя совершенно дома. Однако разговоръ шелъ очень вяло, такъ какъ каждое слово надо было переводить на два языка, и какъ блестящи ни были фразы, но переведенныя съ русскаго прежде на нѣмецкій, а потомъ

на англійскій языкъ и обратно, онѣ теряли всю свою свѣжесть и силу.

Я съ удивленіемъ замѣчалъ сколько доказательствъ цивилизаціи находилось въ этомъ отдаленномъ уголкѣ міра, гдѣ я думалъ найдти только самую грубую жизнь безъ всякихъ удобствъ. Большое фортепьяно русской работы стояло въ углу комнаты, а кипа русскихъ, нѣмецкихъ и американскихъ нотъ доказывали музыкальный вкусъ хозяина. Нѣсколько хорошихъ картинъ и литографій висѣли на стѣнахъ, а на столѣ стоялъ стереоскопъ съ колекціей фотографическихъ видовъ, а немного подальше виднѣлась недоигранная игра въ шахматы, которую очевидно оставили хозяева въ минуту нашего прихода.

Мы провели очень пріятно часъ времени и разстались, получивъ приглашеніе отобѣдать на другой день.

Мы еще не рѣшили продолжать ли наше путешествіе къ Амуру или остаться въ Петропавловскѣ и начать наше странствіе по сѣверу; поэтому мы считали бригъ все еще своимъ жилищемъ и возвратились на ночь въ свою маленькую каюту. Первая ночь въ гавани показалась намъ, привыкшимъ къ вѣчной качкѣ, странно спокойной и тихой. Не было ни малѣйшаго дуновенія вѣтра, а въ гладкой зеркальной поверхности гавани мрачно отражались вершины горъ и длинными, свѣтлыми полосами огоньки, виднѣвшіеся тамъ и сямъ въ селеніи. Тишина только прерывалась по временамъ звуками бубенчиковъ коровъ, пасшихся на склонахъ окружающихъ горъ и однообразнымъ воемъ собакъ. Я долго старался уснуть, но новизна мѣстности, мысль, что мы въ Азіи и сотни предположеній о нашихъ будущихъ странствіяхъ отгоняли отъ меня сонъ.

Мѣстечко или *деревушка* Петропавловскъ хотя не обширнѣйшее, но одно изъ самыхъ важнѣйшихъ селеній на полуостровѣ Камчаткѣ имѣетъ 200 или 300 туземныхъ жителей русскихъ крестьянъ и нѣсколько нѣмецкихъ и американскихъ купцовъ, привлеченныхъ туда торговлей соболями. Петропавловскъ не можетъ считаться образцомъ камчадальскаго города, ибо онъ подвергся вліянію чужеземныхъ обычаевъ, цивилизаціи и современныхъ предпріятій. Онъ существуетъ съ начала XVIII столѣтія, и могъ бы по

долговременности своего существованія достичь самостоятельнаго развитія; но давность для сибирскаго города не составляетъ условія развитія и Петропавловскъ или не достигъ еще возмужалости, или впалъ уже во второе дѣтство, такъ какъ онъ находится еще въ совершенно неразвитомъ положеніи. Почему это селеніе на отдаленномъ, азіатскотъ берегу названно Петропаловскомъ, т. е. мѣстечкомъ св. Петра и Павла, я не могъ узнать, не смотря на всѣ мои разспросы.Въ священномъ писаніи нѣтъ посланія къ камчадаламъ,хотя они очень нуждались бы въ немъ и нѣтъ никакого другаго доказательства, чтобъ означенные святые когда либо посѣщали эту мѣстность. Потому я полагаю, что мѣстные жители не отличались апостольскими добродѣтелями и чувствуя необходимость заступничества святыхъ, назвали свое селеніе въ честь святыхъ Петра и Павла въ надеждѣ, что эти апостолы сознавая себя какъ бы собственниками этой мѣстности обезпечатъ спасеніе ихъ душъ, не входя въ слишкомъ тщательное разсмотрѣніе ихъ достоинствъ. Руководились ли основатели города этой идеей, я не знаю, но она вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію общества въ бо́льшей части сибирскихъ городовъ, гдѣ вѣра въ людяхъ чрезвычайно сильна, но добрыя дѣла рѣдки и сомнительны.

Замѣчательностей въ Петропавловскѣ съ обычной точки зрѣнія туристовъ очень мало. Есть два памятника въ честь знаменитыхъ мореплавателей Беринга и Ла Перуза, да кромѣ того находятся слѣды укрѣпленій воздвигнутыхъ на горахъ во время крымской войны, для отраженія англо-французскаго флота; но затѣмъ нѣтъ ничего замѣчательнаго въ историческомъ отношеніи во всемъ городѣ и его окрестностяхъ. Однако для насъ, которые почти два мѣсяца были заперты въ душной каютѣ, Петропавлоскъ казался чрезвычайно пріятнымъ, даже очаровательнымъ мѣстомъ и рано на слѣдующее утро мы отправились на лѣсистый полуостровъ, который отдѣляетъ маленькую гавань отъ Авачинской губы. Небо было безоблачно, но густой туманъ заволакивалъ вершины и склоны горъ. Весь пейзажъ отличается зеленымъ колоритомъ, напоминавшемъ изумрудъ, и повсюду виднѣлись капли осаждавшагося тумана; по временамъ сквозь густую пелену мелькали солнечные лучи, сверкая и отражаясь въ мокрыхъ склонахъ горъ, какъ улыбка

освѣщаетъ заплаканное лице. Земля вездѣ была усѣяна цвѣтами: полевыми фіалками, колокольчиками и шиповникомъ, который виднѣлся тамъ и сямъ большими кустами.

Взобравшись по крутой горѣ между гаванью и заливомъ, попирая подъ ногами сотни цвѣтовъ и сбивая росу съ сучьевъ деревъ, мы неожиданно вышли къ памятнику Ла Перуза. Я надѣюсь, что его соотечественники французы увѣковѣчили его память болѣе художественнымъ и основательнымъ образомъ. Это просто деревянный ящикъ покрытый желѣзнымъ листомъ и выкрашенный черной краской. На немъ нѣтъ ни надписи, ни числа, и онъ скорѣй похожъ на монументъ надъ могилою преступника, чѣмъ на памятникъ великому человѣку.

Бушъ сѣлъ на зеленый холмикъ и принялся срисовывать мѣстность, а я съ Магудомъ пошли вверхъ на гору къ старымъ русскимъ батареямъ. Ихъ нѣсколько, и онѣ расположены на гребнѣ того кряжа, который отдѣляетъ внутреннюю бухту отъ внѣшней и командуетъ входомъ въ городъ. Эти батареи теперь почти совершенно заросли травой и цвѣтами и только по формѣ амбразуръ можно отличить ихъ отъ холмовъ. Камчатка, кажется, благодаря своему отдаленному положенію и негостепріимному климату, могла бы расчитывать на безопасность отъ военныхъ дѣйствій; но даже въ мирныхъ горахъ этого уединеннаго уголка земли еще не такъ давно раздавалось эхо пушечныхъ выстрѣловъ. Оставивъ Магуда, занявшагося болѣе ему сроднымъ критическимъ разсмотрѣніемъ положенія батарей, я поднялся по крутому склону горы, до того утеса, съ котораго штурмовавшіе городъ союзники были сброшены русскими солдатами. Теперь не видно никакихъ слѣдовъ кровавой бойни. Мохъ зеленымъ ковромъ покрываетъ всю эту мѣстность, напоенную человѣческой кровью и голубой колокольчикъ, колыхаясь отъ дуновенія морскаго вѣтра не разсказываетъ роковой повѣсти о послѣдней отчаянной рукопашной стычкѣ, послѣ которой союзники были сброшены русскими штыками съ утеса внизъ на песчанный берегъ, отстоящій на сто футовъ.

Со стороны союзниковъ, мнѣ кажется было совершенно не нужной жестокостью нападать на такой отдаленный постъ, взятіе котораго не могло имѣть никакого вліянія прямаго или косвен-

наго на войну и только принесло горе и разореніе нѣсколькимъ беззащитнымъ камчадаламъ, которые никогда не слыхивали о существованіи „восточнаго вопроса.“ Хотя туземцы быть можетъ никогда прежде и не слыхивали пушечнаго выстрѣла, но съ помощью нѣсколькихъ казаковъ, они отбили нападеніе союзнаго флота и адмиралъ, сознавая все униженіе быть разбитымъ горстью казаковъ и крестьянъ, наложилъ на себя руку. До сихъ поръ въ день годовщины этой побѣды совершается крестный ходъ вокругъ города и той горы, съ которой союзники были свергнуты въ море.

Я занялся собираніемъ растеній и травъ на полѣ недавней битвы, а когда явился Бушъ съ оконченнымъ рисункомъ, то мы отправились назадъ въ Петропавловскъ. Наше появленіе на берегу всегда производило волненіе между жителями. Русскіе и туземцы почтительно снимали шапки при нашемъ приходѣ: во всѣхъ окнахъ торчали головы, желавшія увидѣть американскихъ чиновниковъ и даже собаки завидя насъ поднимали лай. Бушъ торжественно заявлялъ, что онъ не помнитъ, чтобы когда нибудь на немъ такъ сосредоточивалось общественное вниманіе, и приписывалъ это благоразумію и дальновидности камчатскаго общества. Онъ утверждалъ, что быстрое, инстинктивное признаніе генія составляетъ характеристическую черту этого народа; при этомъ онъ выражалъ глубокое сожалѣніе, что тоже самое не встрѣчается у другихъ извѣстныхъ ему народовъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Русскій языкъ. — Отплытіе амурской экспедиціи.

Первое, что обыкновенно замѣчаетъ путешественникъ въ иноземной землѣ, это языкъ жителей; особливо же это справедливо относительно Камчатки или всякой другой части русской имперіи. Трудно себѣ представить, какую роль играли русскіе при постройкѣ

Вавилонской башни, чтобы заслужить такой страшный, сложный, смѣшанный и непонятный языкъ. Мнѣ иногда приходило въ голову, что они вѣроятно выстроили свою сторону башни выше, чѣмъ другіе народы и въ наказаніе за это нечестивое трудолюбіе получили свое несчастное нарѣчіе, состоящее изъ непонятной смѣси разнообразнѣйшихъ звуковъ. Но какимъ бы образомъ не пріобрѣлъ русскій народъ своего языка, онъ является непреодолимой преградой для всякаго путешественника. За нѣсколько недѣль до прибытія въ Камчатку, я просилъ маіора научить меня по русски очень простую фразу „дайте мнѣ ѣсть,“ полагая, что умѣя выразить эту первую потребность человѣка на туземномъ нарѣчіи, я буду гарантированъ отъ опасности умереть голодной смертью. Маіоръ прехладнокровно мнѣ отвѣчалъ, что при малѣйшемъ желаніи пищи мнѣ стоило только сказать слѣдующую простую фразу: „ваше высокоблагородіе, ваше превосходительство и т. д.“ Кажется, никогда въ жизни я не питалъ такого уваженія къ человѣческимъ способностямъ, какъ въ эту минуту къ способностямъ маіора, который такъ живо и граціозно произнесъ эту удивительную фразу. Если самое обыкновенное выраженіе представляетъ такія непреодолимыя трудности для произношенія, то каковъ же долженъ быть этотъ языкъ при обсужденіи сложныхъ вопросовъ метафизики? Умъ помрачился при одной мысли объ этомъ.

Я откровенно сказалъ маіору, что онъ можетъ написать эти слова крупными буквами на листѣ бумаги и повѣсить мнѣ на шею, но что я никогда не научусь и не намѣренъ учиться ихъ произносить. Впослѣдствіи я узналъ, что маіоръ воспользовался моимъ невѣденіемъ, и вмѣсто спрошенной мною фразы, сказалъ мнѣ нѣсколько самыхъ трудныхъ словъ, хотя достаточно трудно было бы для произношенія и то что я спрашивалъ.

Я вообще полагаю, что изъ всѣхъ современныхъ языковъ, русскій самый трудный для изученія. Эта трудность однако не заключается только въ одномъ произношеніи. Всѣ слова складываются фонетически, и только очень немногіе звуки совершенно чужды англійскому языку, но русская грамматика чрезвычайно сложна и запутана. Въ русскомъ языкѣ существуетъ семь падежей и три рода; послѣдніе не опредѣляются никакими положи-

тельными правилами, а зависятъ отъ произвольнаго употребленія, почему иностранцамъ почти невозможно научиться правильному окончанію именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Словъ въ русскомъ языкѣ чрезвычайно много, и онъ отличается своеобразной силой, которую нельзя оцѣнить безъ основательнаго знанія народнаго нарѣчія.

Русскій языкъ подобно всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ близко сроденъ санскритскому, и по видимому сохранилъ множество древнихъ ведскихъ словъ. Десять первыхъ чиселъ, произнесенныя древнимъ индусомъ тысячу лѣтъ до Р. Х., были бы понятны съ однимъ или двумя исключеніями современному русскому крестьянину.

Во время нашего пребыванія въ Петропавловскѣ, мы научились произносить по русски: „да, нѣтъ, какъ ваше здоровье“, и чрезвычайно были довольны этими успѣхами въ столь трудномъ нарѣчіи. Говоря о русскомъ языкѣ, я прибавлю еще, что русскія слова обыкновенно передаются на англійскомъ языкѣ совершенно неправильно: ихъ можно передавать гораздо проще и ближе къ русскому произношенію. Такъ звука передаваемаго буквою *w*, нѣтъ въ англійскомъ языкѣ и однако всегда пишутъ Wolga, Wladimir и т. д., вмѣсто того, чтобы просто ставить букву *v*. Точно также совершенно нелѣпо писать вмѣсто Kamchatka — Kamtchatka и вмѣсто Kloochefskia—Klieutchiefskajia. Я надѣюсь, что для пользы новаго поколѣнія географы введутъ какую нибудь простую и общепонятную систему для писанія англійскими буквами иностранныхъ названій, тогда и орѳографія русскихъ собственныхъ именъ не будетъ дѣломъ случая и каприза.

Насъ принимали въ Петропавловскѣ, какъ русскіе, такъ и американцы самымъ гостепріимнымъ образомъ и первые три или четыре дня были проведены нами въ постоянныхъ визитахъ и обѣдахъ. Въ среду мы сдѣлали прогулку верхомъ въ маленькую деревушку, отстоящую на десять или пятнадцать верстъ по ту сторону бухты. Мы совершенно были очарованы живописностью, климатомъ и растительностью этого великолѣпнаго полуострова. Дорога извивалась вдоль зеленыхъ, покрытыхъ травою и лѣсами склоновъ горъ, надъ блестящими, голубыми водами залива; пе-

редъ нами открывался обширный видъ на пурпурные мысы, ограждавшіе выходъ въ море, а тамъ и сямъ, между группами серебристыхъ березъ виднѣлись длинные кряжи снѣжныхъ горъ, простиравшіеся по западному берегу до уединеннаго, снѣжнаго Вельвачинскаго пика, отстоящаго на 30 или 40 миль. Растительность вездѣ была почти тропическая по своему богатству и разнообразію. Мы могли набирать пригоршни цвѣтовъ, почти не нагибаясь съ своихъ сѣделъ, а длинная, роскошная трава, сквозь которую мы ѣхали, достигала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до нашего пояса. Внѣ себя отъ радости встрѣтить итальянскій климатъ тамъ, гдѣ мы ожидали найдти лабрадорскій, мы оглашали воздухъ веселыми, американскими пѣснями и со смѣхомъ и криками перегонялись на маленькихъ казацкихъ лошадкахъ.

На основаніи собранныхъ въ Петропавловскѣ свѣденій, маіоръ Абаза составилъ планъ нашихъ дѣйствій въ наступающую зиму. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ: Магудъ и Бушъ должны были отправиться на „Ольгѣ“ къ устью рѣки Амура на китайской границѣ и сдѣлавъ эту мѣстность базисомъ для продовольствія, изслѣдовать всю горную страну къ западу отъ Охотскаго моря и на югъ отъ русскаго порта Охотска. Между тѣмъ маіору и мнѣ предстояло путешествовать съ партіей туземцевъ на сѣверъ по Камчатскому полуострову и опредѣлить точку отправленія предполагавшейся линіи почти на равномъ разстояніи отъ Охотска и Берингова пролива. Тамъ мы должны были раздѣлиться; одинъ изъ насъ отправится на встрѣчу къ Магуду и Бушу въ Охотскъ, а другой на сѣверъ къ русскому торговому селенію Анадырскъ, находившемуся въ разстояніи 400 миль къ западу отъ Берингова пролива. Такимъ образомъ, мы могли изслѣдовать всю страну, по которой предполагалось провести телеграфическую линію, за исключеніемъ пустынной мѣстности между Анадырскомъ и Беринговымъ проливомъ, которую нашъ начальникъ не намѣренъ былъ въ настоящее время изслѣдовать. Въ виду всѣхъ обстоятельствъ и малочисленности нашего отряда этотъ планъ былъ вѣроятно лучшій, который можно было только придумать, но онъ заставлялъ маіора и меня путешествовать всю зиму однихъ безъ товарищей, кромѣ возницъ. Такъ какъ я не говорилъ по рус-

ски, то мнѣ невозможно было обойдтись безъ переводчика, и маіоръ нанялъ молодаго американскаго мѣховаго промышленника по имени Додда, который жилъ въ Петропавловскѣ семь лѣтъ и зналъ хорошо какъ русскій языкъ, такъ и мѣстные обычаи. Съ прибавленіемъ этого человѣка, весь нашъ отрядъ состоялъ изъ пяти лицъ и долженъ былъ быть раздѣленъ на три отдѣла: одинъ для изслѣдованія западнаго берега Охотскаго моря, другой — сѣвернаго берега и третій — страны между моремъ и полярнымъ кругомъ. Всѣ мелкія подробности, какъ средства сообщенія и мѣры продовольствія, были предоставлены каждой особой партіи. Намъ предстояло жить внутри страны, путешествовать съ туземцами и пользоваться тѣми средствамм передвиженія и продовольствія, которыя могла доставить страна. Русскія власти Петропавловска дали намъ всѣ свѣденія, которыя только могли и оказали всевозможную помощь, но открыто выражали свое мнѣніе, что пять человѣкъ не могутъ изслѣдовать страну между Амуромъ и Беринговымъ проливомъ въ 1800 миль, притомъ пустынную и почти не населенную. Они считали невѣроятнымъ, чтобъ маіоръ могъ проѣхать черезъ всю Камчатку въ эту осень, какъ онъ намѣревался, а еслибъ ему это и удалось, то они увѣряли, что совершенно для него было невозможно проникнуть въ великую сѣверную степь. обитаемую только кочующими племенами чукчей и коряковъ. Маіоръ отвѣчалъ имъ только, что онъ докажетъ, на что мы были способны.

Въ суботу утромъ 26 августа „Ольга“ вышла изъ Петропавловска съ Магудомъ и Бушемъ, отправлявшимися на Амуръ и оставила маіора, Додда и меня для окончанія приготовленій къ нашей поѣздкѣ на сѣверъ Камчатки.

День былъ свѣтлый, солнечный и нанявъ лодку съ туземными гребцами, я отправился провожать Буша и Магуда до моря. Выпивъ стаканъ вина за успѣхъ амурской телеграфной экспедиціи, я пожалъ руку капитану и простился со всѣмъ экипажемъ. „Ольга“ подняла всѣ паруса и измѣнивъ свое направленіе, на востокъ, стала быстро удаляться отъ моей лодки, и я при одномъ изъ поворотовъ брига увидалъ въ послѣдній разъ Буша, дѣлавшаго мнѣ какіе-то телеграфическіе знаки. Я отвѣчалъ также махая шляпой

и приказалъ гребцамъ грести обратно въ Петропавловскъ. Наконецъ „Ольга“ скрылась изъ вида и послѣднія узы, связывавшія насъ съ образованнымъ міромъ, казалось навѣки порвались.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Камчадальская свадьба.—Отъѣздъ на дальній сѣверъ.

Наша жизнь въ Петропавловскѣ, послѣ отплытія „Ольги,“ была преимущественно занята приготовленіями для нашего сѣвернаго путешествія по Камчатскому полуострову. Въ среду однако Доддъ пригласилъ меня пойдти въ церковь и посмотрѣть на свадьбу. Вѣнчанье происходило посреди церкви передъ налоемъ. Совершалъ службу священникъ въ черной шелковой рясѣ и громкимъ, звучнымъ голосомъ быстро читалъ молитвы. Это чтеніе постоянно прерывалось дьякономъ, который съ противоположнаго конца церкви, гдѣ онъ смотрѣлъ въ окно, отвѣчалъ однообразнымъ пѣніемъ на возгласы священника.

Женихъ и невѣста держа въ рукахъ по три зажженыя свѣчи, перевязанныя голубой лентой, стояли молча и постоянно крестились и кланялись въ землю. Женихъ былъ молодой, круглолицый казакъ, лѣтъ двадцати, въ темномъ казакинѣ съ краснымъ кантомъ и собраннымъ у пояса подобно женской юбкѣ. Въ честь торжественнаго случая онъ надѣлъ громадный бѣлый стоячій воротникъ, который доходилъ до самыхъ ушей; благодаря же какому-то странному раздору между его бѣлыми каленкоровыми штанами и башмаками, между ними сіяло ничѣмъ не занятое пространство въ

шесть дюймовъ. Невѣста по видимому была старая женщина, лѣтъ двадцать старше жениха и вдова. На ней было платье изъ того особаго ситца, который называется мебельнымъ, безъ всякаго украшенія или обшивки. Какого оно было фасона, я не съумѣю сказать, такъ какъ дамскіе наряды для меня непостижимая тайна. Волоса ея были крѣпко повязаны краснымъ шелковымъ платкомъ, застегнутымъ золоченой запанкой.

Послѣ продолжительнаго чтенія молитвъ, священникъ спросилъ жениха и невѣсту роковое да и надѣлъ на нихъ кольца. Потомъ среди новыхъ молитвъ, священникъ далъ имъ по чайной ложкѣ вина изъ чаши. Наконецъ дьяконъ принесъ два золоченныхъ вѣнца, украшенныхъ медальонами и сдунувъ съ нихъ пыль надѣлъ на жениха и невѣсту.

Вѣнецъ молодаго казака былъ слишкомъ великъ и накрылъ его голову до самыхъ глазъ. Прическа невѣсты не дозволила надѣть ей на голову вѣнца, и нѣкто изъ зрителей былъ отряженъ для держанія его надъ ея головой. Между тѣмъ священникъ, соединивъ ихъ руки, обхватилъ руку жениха и повелъ ихъ вокругъ налоя; впереди шелъ священникъ, за нимъ казакъ, который ничего не видя отъ вѣнца постоянно наступалъ на ноги священнику, потомъ невѣста, старавшаяся не допустить вѣнецъ до своей головы и наконецъ асистентъ, державшій вѣнецъ и постоянно наступавшій на платье невѣсты. Послѣ троекратнаго обхода налоя, обрядъ былъ оконченъ; молодые почтительно поцѣловали вѣнцы, обошли всю церковь крестясь и кладя земные поклоны всѣмъ образамъ; наконецъ они стали принимать поздравленія отъ своихъ друзей. При этомъ конечно всѣ присутствующіе ожидали, что *знатный американецъ*, извѣстный своимъ умомъ и любезностью, произнесетъ поздравительную рѣчь молодой. Но *знатный американецъ* зналъ только по русски: „да, нѣтъ и какъ ваше здоровье“, а очевидно ни одна изъ этихъ фразъ не подходила къ настоящему торжественному случаю. Однако, желая поддержать національную славу и выразить свое сочувствіе молодой, я выбралъ послѣднюю изъ этихъ фразъ, какъ всего болѣе подходящую, и подойдя торжественно, хотя вѣроятно съ нѣкоторою неловкостью, спросилъ у мо-

лодой: „какъ ваше здоровье?“ Она отвѣчала: „чрезвычайно хорошо, покорнѣйше благодарю.“ Тогда *знатный американецъ* удалился съ гордымъ сознаніемъ, что онъ совершилъ свой долгъ.

Едва сдерживая смѣхъ, мы съ Доддомъ убѣжали изъ церкви и возвратились домой. Впослѣдствіи маіоръ мнѣ разсказывалъ, что вѣнчальный обрядъ въ греческой церкви, исполненный какъ слѣдуетъ, отличается большой торжественностью и производитъ сильное впечатлѣніе.

Съ той минуты, какъ маіоръ рѣшился предпринять путешествіе черезъ Камчатку, онъ посвятилъ все свое время и энергію на необходимыя приготовленія. Ящики покрытые тюленьей шкурой были приготовлены для укладки нашихъ продовольственныхъ запасовъ и приспособлены къ сѣдламъ; палатки, медвѣжьи шкуры и всякія лагерныя принадлежности были куплены и уложены въ искусные тюки; все что туземная опытность могла посовѣтовать для облегченія трудностей путешествія было заготовлено въ достаточномъ количествѣ на два мѣсяца. Изъ сосѣднихъ деревень были забраны лошади и особый курьеръ былъ посланъ впередъ, по той дорогѣ, по которой мы должны были ѣхать, съ приказаніемъ предупредить всѣхъ жителей о нашемъ проѣздѣ и убѣдить ихъ ожидать насъ съ своими лошадьми.

Когда все такимъ образомъ было готово, мы 4 сентября отправились въ путь на далекій сѣверъ.

Полуостровъ Камчатка, покоторому мы должны были путешествовать, составляетъ неправильную длинную косу земли, идущую на востокъ отъ Охотскаго моря между 51° и 62° с. ш. и имѣющую въ длину около 700 м. Она почти вся волканической формаціи и великій кряжъ утесистыхъ горъ, пересѣкающій ее вдоль, заключаетъ въ себѣ даже нынѣ пять или шесть постоянно дѣйствующихъ вулкановъ. Большая цѣпь горъ, еще не получившая особеннаго названія, простирается отъ 51° до 60° ш. однимъ почти непрерывнымъ кряжемъ, который неожиданно и круто опускается въ Охотское море, оставляя къ сѣверу плоскую возвышенность, называемую степью и составляющую мѣсто кочеванья оленьихъ коряковъ. Центральныя, южныя части полуострова пе-

ресѣкаются отрогами и холмистыми продолженіями великаго горнаго кряжа, которые образуютъ глубокія живописныя долины, не имѣющія по красотѣ и величію ничего себѣ равнаго въ сѣверной Азіи. Климатъ вездѣ, кромѣ крайняго сѣвера, сравнительно мягкій и ровный, а растительность почти тропическая по роскоши и свѣжести. Народонаселеніе полуострова, я полагаю на основаніи старательныхъ изслѣдованій, простирается до 5,000 и состоитъ изъ трехъ опредѣленныхъ классовъ: русскихъ, камчадаловъ или осѣдлыхъ туземцевъ и кочующихъ коряковъ. Камчадалы, оставляющіе многочисленнѣйшій классъ, живутъ въ небольшихъ селеніяхъ, разбросанныхъ по полуострову близъ устьевъ маленькихъ рѣчекъ, текущихъ съ центральнаго кряжа въ Охотское море и Тихій океанъ. Ихъ главное занятіе рыбная ловля, охота за звѣрями и обработка риса, рѣпы, капусты и картофеля, растущихъ до 58°. Самыя большія селенія находятся въ плодоносныхъ долинахъ рѣки Камчатки между Петропавловскомъ и Ключевской горой. Русскіе, сравнительно немногочисленные, разсѣяны тамъ и сямъ по камчадальскимъ селеніямъ и занимаются преимущественно покупкою мѣховъ у камчадаловъ и у кочевыхъ племенъ сѣвера. Кочевые коряки, самое дикое, могущественное и независимое изъ туземныхъ племенъ, рѣдко приходятъ на югъ далѣе 58° ш. развѣ въ исключительныхъ случаяхъ для торговли. Они обыкновенно кочуютъ съ мѣста на мѣсто по громаднымъ, пустыннымъ степямъ, лежащимъ на востокъ отъ Пенжинской губы; они живутъ въ юртахъ изъ звѣриныхъ кожъ и питаются мясомъ прирученныхъ домашнихъ оленей. Власть, подъ которой номинально находятся всѣ жители Камчатки, сосредоточена въ рукахъ русскаго чиновника, имѣющаго титулъ „исправника“ или мѣстнаго губернатора, который рѣшаетъ всѣ судебныя дѣла между частными людьми и племенами, а также собираетъ ежегодный ясакъ, т. е. подать мѣхомъ, платимую каждымъ жителемъ мужскаго пола. Этотъ чиновникъ живетъ въ Петропавловскѣ и благодаря громадному пространству управляемой имъ страны и трудности путей сообщенія, онъ почти никогда не выѣзжаетъ изъ своей резиденціи. Единственное средство сообщенія

между отдѣльными поселеніями камчадаловъ—вьючныя лошади, лодки и собаки, а на всемъ полуостровѣ нѣтъ ничего похожаго на дорогу. Если я впослѣдствіи буду говорить о дорогахъ, то лишь въ смыслѣ линіи отъ такого-то мѣста до такого-то, но не въ смыслѣ извѣстнаго пути сообщенія.

По этой то дикой, едва населенной странѣ мы должны были путешествовать, нанимая по дорогѣ туземцевъ съ лошадьми отъ одного селенія до другаго, пока мы не достигли территоріи кочующихъ коряковъ. Къ сѣверу отъ этой мѣстности мы не могли расчитывать ни на какія средства сообщенія и должны были вполнѣ положиться на случайности и любезность полярныхъ племенъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ѣзда верхомъ въ Камчаткѣ.—Горы.—Растительность.—Животныя.—Селенія.—Народъ.

Я не помню во всей моей жизни путешествія, которое бы оставило во мнѣ болѣе пріятное воспоминаніе, чѣмъ наша первая поѣздка верхомъ на протяженіи 275 верстъ по зеленымъ горамъ и долинамъ южной Камчатки. Со всѣхъ сторонъ насъ окружали дикія, но самыя живописныя мѣстности сѣверной Азіи; и мы впервые испытали всю прелесть и новизну жизни въ палаткахъ; радуясь новому сознанію совершенной свободы и независимости, мы весело отвернулись отъ цивилизаціи и направили свои стопы въ пустыню, оглашая воздухъ пѣснями и радостными восклицаніями.

Нашъ отрядъ кромѣ возницъ и проводниковъ состоялъ изъ четырехъ человѣкъ: маіора, генералисима нашихъ силъ и начальника азіатской экспедиціи, Додда, юнаго американца нанятаго въ Петропавловскѣ въ качествѣ переводчика и меня. Ядовитое выраженіе Митридата на счетъ арміи Лукула, что если они яви-

лись, какъ послы, то ихъ слишкомъ много, если же какъ солдаты, то ихъ слишкомъ мало — совершенно подходило къ нашему маленькому отряду, но не всегда силу можно измѣрять численностью и мы не боялись встрѣтить непреодолимыхъ препятствій на пути. Къ тому же мы могли просуществовать тамъ, гдѣ болѣе многочисленная партія умерла бы съ голоду.

Въ воскресенье 3-го сентября, наши лошади были навьючены и отправлены впередъ на ту сторону бухты, куда мы должны были переѣхать на китоловномъ суднѣ. Въ понедѣльникъ 4-го, мы сдѣлали прощальные визиты русскимъ властямъ, выпили значительное количество шампанскаго за свое собственное здоровье и за успѣхъ предпріятія, и отправились въ двухъ китоловныхъ судахъ къ Авачи въ сопровожденіи всей американской колоніи. Поднявъ паруса и погоняемые попутнымъ ю. з. вѣтромъ, мы быстро вошли въ устье рѣки Авачи и вышли на берегъ у селенія того же имени, гдѣ снова выпили въ честь святаго, покровительствующаго путешественникамъ въ Камчаткѣ, и простившись съ нашими американскими друзьями Гунтеромъ и Фронфильдомъ, мы опять сѣли на суда и медленно стали подниматься по рѣкѣ на веслахъ по направленію къ камчадальскому селенію Окутѣ.

Наши туземные гребцы приняли такое живое участіе въ нашей попойкѣ и такъ къ этому мало привычны, что приведены были въ совершенно безпомощное состояніе, пѣли камчадальскія пѣсни, благословляли американцевъ и по очереди падали въ воду, не оказывая никакого содѣйствія успѣшному плаванью нашего тяжелаго китоловнаго судна. Однако Вьюшинъ съ характеристической энергіей вытаскивалъ несчастныхъ изъ воды за волосы, ударялъ ихъ по головѣ весломъ, чтобъ привести въ сознаніе, сдвигалъ судно съ мелей, дѣйствовалъ весломъ и багромъ, выскакивалъ въ воду, кричалъ, бранился и вообще оказался человѣкомъ на всѣ руки.

Мы выѣхали изъ Петропавловска послѣ полудня и благодаря неспособности нашихъ гребцевъ и частымъ мелямъ наступила ночь прежде, чѣмъ мы достигли Окуты. Выбравъ на берегу сухое и удобное для привала мѣсто, мы причалили и сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія для первой бивачной ночи, проведенной

пами на чистомъ воздухѣ. Примявъ высокую, мокрою траву, Вьюшинъ разбилъ нашу маленькую, каленкоровую палатку, уложилъ ее внутри теплыми, сухими медвѣжьими шкурами, поставилъ вмѣсто стола пустой свѣчной ящикъ, покрылъ его полотенцемъ въ качествѣ скатерти, развелъ огонь, заварилъ чай и черезъ двадцать минутъ мы сидѣли за горячимъ ужиномъ, который сдѣлалъ бы честь самому Соэру. Послѣ ужина мы сидѣли у огня, куря и разговаривая пока совершенно стемнѣло; тогда завернувшись въ наши тяжелыя одѣяла, мы улеглись на медвѣжьи шкуры и вскорѣ заснули.

Когда я проснулся, то на востокѣ только что загорался день. Туманъ, который впродолженіи цѣлой недѣли заволакивалъ сѣрыми облаками окружающія горы, теперь исчезъ и первое что представилось моимъ глазамъ сквозь отворенную дверь нашей палатки былъ громадный, бѣлый конусъ Вилучинской вершины, ярко выступавшей на сѣромъ фонѣ сумерекъ. По мѣрѣ того, какъ на востокѣ загоралась заря, вся природа оживала. Дикіе гуси и утки гоготали въ камышахъ на берегу; издали доносились крики морскихъ чаекъ, а въ голубой небесной выси слышались мелодичные звуки дикихъ лебедей, летѣвшихъ во внутрь страны. Я умылся холодной водой въ рѣкѣ и разбудилъ Додда, желая чтобъ онъ поскорѣе полюбовался живописными горами. Прямо за нашей палаткой поднимался къ небу одной громадной снѣжной массой Корятскій пикъ, имѣющій въ вышину 10,500 фут.; острая, бѣлая его вершина уже алѣла подъ лучами восходящаго солнца, а утренняя звѣзда еще слабо отражалась на его восточномъ скатѣ. Немного на право виднѣлся громадный вулканъ Авача съ длинной струей золотистаго дыма, стоявшаго надъ его жерломъ; рядомъ возвышался Росельскій волканъ, дымившійся черноватымъ паромъ изъ трехъ кратеровъ. Вдали по берегу, въ 30 миль разстоянія находился остроконечный Вилучинскій пикъ, за которымъ виднѣлись голубоватыя очертанія береговыхъ горъ. Туманныя облака, носящіяся тамъ и сямъ по скатамъ горъ, исчезали какъ ночные духи передъ зарождающемся днемъ. Медленно, но постоянно розовые лучи солнца спускались по снѣжнымъ склонамъ горъ, и наконецъ неожиданно широкій снопъ свѣ-

та блеснулъ на долину, окрашивая нашу бѣлую палатку въ нѣжно розовый цвѣтъ, превращая каждую каплю росы въ бриллiантъ и гладкую поверхность рѣки въ растопленную серебряную массу.

Пока я восхищался красотами природы, Доддъ, никогда не забывавшiй своего желудка, вышелъ изъ палатки и съ насмѣшливой торжественностью объявилъ, что если я могу оторваться отъ идеальныхъ созерцанiй и возвратится къ матеріальной жизни, то завтракъ готовъ. При этомъ онъ замѣтилъ, что завтракъ можетъ простыть, а солнечные лучи никогда. Убѣжденный логичностью этого довода и побуждаемый вкуснымъ запахомъ, долетавшемъ до меня, я послѣдовалъ за Доддомъ, но все же посреди ѣды не могъ удержаться отъ выраженiя вслухъ своего восторга о живописной красотѣ мѣстности. Послѣ завтрака палатка была снята, вещи уложены и снова усѣвшись въ наши китоловныя суда, мы пустились въ дальнѣйшiй путь вверхъ по рѣкѣ.

Повсюду растительность, не тронутая еще осенними морозами, казалась намъ по своей роскоши чисто тропической. Высокая, густая трава, усѣянная цвѣтами, доходила до самаго берега рѣки. Альпiйскiя розы и сантифолiи росли густыми кустами на самомъ краю воды, такъ что красные и желтые лепестки усѣивали воду словно маленькими лодочками, желтые колокольчики, граціозно наклоняя свои головки къ рѣкѣ, отражались рядомъ съ громадной массой горъ; а странныя, черныя камчатскiя лилiи грустно стояли тамъ и сямъ, оплакивая какую-то тайную потерю въ цвѣточномъ царствѣ.

Для полноты картины не было недостатка и въ представителяхъ животнаго царства. Дикiя утки съ длинными вытянутыми шеями летали взадъ и впередъ мимо насъ, оглашая воздухъ своимъ однообразнымъ крикомъ; вдали на высокихъ склонахъ горъ гогочутъ гуси, а по временамъ орлы плавно и величественно поднимаются со скалъ и кружатся до тѣхъ поръ, что исчезаютъ въ лазуревой выси. Никогда я не видалъ такой дикой первобытной природы какъ въ этой великолѣпной, плодоносной долинѣ, окруженной дымящимися вулканами и снѣжными горами, однако зеленой, какъ долина Темпейская и полной, растительной и живот-

ной жизнью, хотя не населенной людьми и невѣдомой міру. Около полудня лай собакъ обнаружилъ, что мы приближались къ селенію и неожиданно обогнувъ извилину рѣки, мы увидали камчадальское селеніе Окуту.

Камчадальское селеніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такъ громадно разнится отъ американскихъ пограничныхъ селеній, что заслуживаетъ подробнаго описанія. Оно обыкновенно помѣщается на небольшомъ возвышеніи на берегу рѣки или потока и окружено купами тополей и березъ, а высокія горы охраняютъ его отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Дома раскинутые не правильными группами, очень низки и сложены изъ бревенъ, обрубленныхъ на концахъ и соединенныхъ между собою сухимъ мхомъ. Крыши покрыты сухой, длинной травой или древесной корой. Въ оконныхъ рамахъ иногда вставлены стеклы, но чаще всего прозрачная ткань, изъ рыбьихъ пузырей, сшитыхъ нитками изъ оленьихъ жилъ. Двери обыкновенно четвероугольныя, а печи состоятъ изъ длинныхъ жердей, поставленныхъ въ кружокъ и густо покрытыхъ глиной. Тамъ и сямъ между домами возвышаются странныя, четыреугольныя строенія, называемыя балаганами и служащія кладовыми для рыбы. Это просто коническіе, бревенчатые шалаши, помѣщенные на четырехъ высокихъ жердяхъ для безопасности отъ собакъ и походятъ издали на копны сѣна, старающіяся убѣжать на ходуляхъ. Подлѣ каждаго дома возвышаются рамы изъ горизонтальныхъ жердей, полныя тысячами лососокъ, вывѣшанныхъ для сушки; рыбный запахъ стоящій въ атмосферѣ обнаруживаетъ занятіе и пищу камчадаловъ. Съ полдюжины челноковъ лежатъ вверхъ дномъ на песчанномъ берегу и покрыты громадной, акуратно связанной сѣтью; къ стѣнѣ каждаго дома прислонены двое или трое длинныхъ саней, а сто или болѣе собакъ волкодавовъ съ острыми ушами лежатъ на солнцѣ, скаля зубы на безпокоющихъ ихъ мухъ и мошекъ. Посреди селенія фасадомъ къ западу стоитъ всюду присущая греческая церковь, во всей славѣ Камчатско-Византійской архитектуры, сіяя золоченнымъ куполомъ и красными стѣнами, представляя странный контрастъ съ грубыми, бревенчатыми домами и коническими балаганами, которыхъ осѣняетъ ея блестящій золотой крестъ. Церковь обыкновенно вы-

строена изъ тщательно срубленныхъ бревенъ, выкрашенныхъ въ краснокирпичный цвѣтъ; крыша всегда зеленая и на ней возвышаются два луковицообразныхъ купола, часто окрашенныхъ голубой лазуревой краской съ золотыми звѣздами. Сіяя золотомъ и пестротою, церковь среди некрашеныхъ, бревенчатыхъ строеній представляетъ такое живописное зрѣлище, которое невозможно себѣ представить человѣку, не видавшему этой поразительной картины. Однако, изъ всего сказаннаго, я полагаю можно составить довольно вѣрное понятіе о камчадальскихъ селеніяхъ высшаго класса. Они различаются одно отъ другаго только по своей величинѣ и красотѣ церкви, что же касается до бревенчатыхъ хижинъ, коническихъ балагановъ, сушеной рыбы, собакъ волкодавовъ, челноковъ, саней и рыбьяго запаха, то эти элементы встрѣчаются повсюду.

Жители туземныхъ селеній южной Камчатки, смуглая, темноволосая раса, гораздо меньше ростомъ обыкновенныхъ сибирскихъ туземцевъ, и отличаются многими характеристическими чертами отъ кочующихъ племенъ, коряковъ и чукчей, живущихъ гораздо сѣвернѣе. Мужчины, ростомъ пять футовъ и три или четыре дюйма, имѣютъ широкія, плоскія лица, выдающіяся скулы, маленькіе, нѣсколько впалые глаза, длинные, гладкіе черные волосы и небольшія руки и ноги, кромѣ того они отличаются отсутствіемъ бороды и способностью быстро отпускать животы. Они вѣроятно центрально-азіатскаго происхожденія, но безъ всякаго сомнѣнія не имѣли никакихъ позднѣйшихъ сношеній съ другими сибирскими племенами, которыя я видалъ, и нисколько не походятъ на чукчей, коряковъ, якутовъ и тунгузовъ. Благодаря своей осѣдлой жизни, они гораздо легче подчинились русскому владычеству, чѣмъ ихъ кочевые сосѣди, и потому подверглись гораздо болѣе образовательному вліянію русскихъ. Они почти вездѣ переняли религію, обычаи и привычки своихъ побѣдителей, даже ихъ языкъ, чрезвычайно любопытный, мало по малу выходитъ изъ употребленія. Ихъ характеръ легче всего опредѣлить отрицательно. Они не отличаются независимостью, самодѣятельностью и воинственностью сѣверныхъ чукчей и коряковъ; они не скупы и не безчестны, исключая тѣ случаи, когда они пере-

няли эти недостатки отъ русскихъ; они неподозрительны, а скорѣе довѣрчивы; что же касается до гостепріимства, щедрости, доброты и вѣрности своему слову, то я никогда не встрѣчалъ народа, равнаго камчадаламъ. Какъ отдѣльная самостолтельная раса, они несомнѣнно вырождаются. Съ 1780 года, ихъ число убавилось на половину, а постоянные голода и эпидеміи вскорѣ доведутъ ихъ до сравнительно немногочисленнаго и слабаго племени, которое будетъ окончательно поглощено постоянно увеличивающимся русскимъ населеніемъ полуострова. Они уже теперь потеряли многія изъ своихъ обычаевъ и суевѣрій, и только случайное жертвоприношеніе собаки какому-либо злому духу, навѣвающему грозу или болѣзнь, даетъ понятіе современному путешественнику о ихъ первобытномъ язычествѣ. Относительно пищи, они главнымъ образомъ живутъ на лососкахъ, которыя каждое лѣто, въ громадномъ количествѣ, входятъ въ сѣверныя рѣки для метанья икры; ихъ ловятъ тысячами въ заколахъ и сѣтями. Эта рыба, высушенная безъ соли, на чистомъ воздухѣ составляетъ единственную пищу камчадаловъ въ долгую, холодную сѣверную зиму. Лѣтомъ же ихъ пища разнообразнѣе. Климатъ и почва рѣчныхъ басейновъ южной Камчатки дозволяетъ разведеніе риса, картофеля и рѣпы, а весь полуостровъ изобилуетъ звѣрями. Олени и медвѣди, черные и бурые, снуютъ всюду по степямъ, покрытыми мохомъ и по зеленой муравѣ въ долинахъ; дикія овцы встрѣчаются нерѣдко въ горахъ, и миліоны утокъ, гусей и лебедей плаваютъ по всѣмъ рѣкамъ и маленькимъ озерамъ полуострова. Этихъ водяныхъ птицъ ловятъ громадными количествами въ періодъ ихъ линянія; на нихъ охотятся большими партіями, въ 50 или 75 человѣкъ, и загоняютъ ихъ стаями вверхъ по небольшому потоку, въ концѣ котораго разостлана громадная сѣть. Потомъ ихъ убиваютъ дубинами, чистятъ и солятъ на зиму. Чай и сахаръ ввезены впервые русскими, и туземцы такъ къ нимъ привыкли, что ежегодно потребляется на Камчатскомъ полуостровѣ болѣе 20,000 фунтовъ каждаго изъ этихъ предметовъ. Хлѣбъ теперь печется изъ ржи, которую камчадалы сами производятъ и мелятъ въ муку; но до появленія русскихъ въ странѣ единственный сурогатъ хлѣба, извѣстный туземцамъ, былъ нѣчто въ родѣ печенаго тѣста изъ

толченыхъ луковицъ пурпурной камчатской лиліи. Въ этой странѣ вовсе нѣтъ фруктовъ, кромѣ дикихъ вишенъ, но за то множество ягодъ, отъ пятнадцати до двадцати сортовъ, изъ которыхъ самыя важныя морошка, голубица и мелкая брусника. Туземцы собираютъ эти ягоды поздно осенью и замараживаютъ на зиму. Почти въ каждомъ селеніи есть коровы и молоко вездѣ въ изобиліи. Странное туземное кушанье, приготовляемое изъ кислаго молока, творогу и сливокъ, которое ѣдятъ съ сахаромъ и корицей, достойно занять почетное мѣсто на столѣ образованныхъ народовъ.

Такимъ образомъ читатели видятъ, что жизнь въ камчатскихъ селеніяхъ, съ точки зрѣнія гастрономической, не такъ непріятна, какъ мы полагаемъ. Я видалъ туземцевъ въ долинахъ Камчатки, которые живутъ также хорошо и пользуются такими же удобствами и роскошью, какъ девять десятыхъ пограничныхъ поселенцевъ въ западныхъ штатахъ Америки.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

«Іерусалимъ.» — Жилища. — Камчатскій ужинъ. — Индѣйское лѣто. — Молитва. — Тяжелая ѣзда.

Въ Окутѣ мы нашли лошадей и людей ожидавшихъ нашего прибытія и наскоро позавтракавъ въ туземномъ домикѣ хлѣбомъ, молокомъ и голубицей, мы вскарабкались на сѣдла и отправились гуськомъ по лѣсу; впереди ѣхали Доддъ и я распѣвая американскую пѣсню „Bonnie Dundee.“

Мы постоянно держались близъ горнаго кряжа показавшагося намъ утромъ столь великолѣпнымъ, но благодаря рощамъ березъ и рябинъ, покрывавшихъ горные скаты, только тамъ и сямъ виднѣлись между макушками деревьевъ бѣлоснѣжныя вершины.

Передъ самымъ заходомъ солнца, мы въѣхали въ другое маленькое туземное селеніе, названіе котораго было до того ужасно, что я рѣшительно не могъ ни выговорить его, ни написать.

Доддъ разъ пятнадцать мнѣ повторилъ это названіе, но оно каждый разъ казалось мнѣ непонятнѣе, и я наконецъ рѣшился покончить дѣло тѣмъ, что назвалъ его Іерусалимомъ. Для географической точности я его такъ и отмѣтилъ на моей картѣ, но я не желалъ бы, чтобъ будущіе коментаторы указывали на это, какъ на доказательство переселенія израильскихъ племенъ въ Камчатку.

Уставъ отъ необычной поѣздки верхомъ, я въѣхалъ въ Іерусалимъ шажкомъ и бросивъ поводья камчадалу въ синей рубашкѣ и кожанныхъ штанахъ, который почтительно мнѣ поклонился, я слѣзъ съ лошади и вошелъ въ домъ, который по словамъ Вьюшина былъ приготовленъ для насъ.

Лучшая комната въ домѣ была небольшая, низкая въ двѣнадцать квадратныхъ футъ; но стѣны, потолокъ и полъ изъ некрашенныхъ березовыхъ досокъ были такъ чисто подскоблены и вычищены, что этой комнатой могла бы гордиться лучшая изъ хозяекъ голландскаго городка Брука, этого рая чистоты. Огромная, глиняная печь, выкрашенная въ красную краску, занимала одну стѣну комнаты, а скамья, три или четыре стула и столъ стояли рядкомъ по противоположной стѣнѣ. Черезъ два окна со стеклами и ситцевыми занавѣсками проникали теплые солнечные лучи; нѣсколько грубыхъ американскихъ литографій висѣли тамъ и сямъ на стѣнахъ; а общій видъ опрятности и чистоты до того насъ поразилъ, что мы съ укоромъ совѣсти вспомнили о своихъ грязныхъ сапогахъ. При постройкѣ дома не было употреблено другихъ орудій, какъ топоръ и ножъ, но некрашенныя доски были доведены до такой бѣлоснѣжной чистоты, что всякій самый брезгливый человѣкъ сталъ бы ѣсть съ удовольствіемъ на полу. Самой замѣтной особенностью этого камчадальскаго дома, подобно всѣмъ домамъ видѣннымъ нами въ южной Камчаткѣ, были низенькія двери. Онѣ повидимому устроены для расы — существъ двигающихся только на рукахъ и колѣнкахъ; входить же въ нихъ безъ подобныхъ приспособленій требовало такой гибкости спиннаго хребта, которая пріобрѣтается только долгимъ опытомъ. Вьюшинъ и Доддъ, путешествовавшіе и прежде по Камчаткѣ, мирились очень легко съ этой особенностью мѣстной архи-

тектуры; но маіоръ и я въ первыя двѣ недѣли нашего путешествія нажили себѣ на лбахъ такія шишки, которыя привели бы въ недоумѣніе самого Галла.

Казакъ посланный впередъ въ качествѣ курьера для предупрежденія туземцевъ о нашемъ прибытіи, разсказалъ Богъ знаетъ что о нашемъ значеніи и власти, такъ что важныя приготовленія были сдѣланы Іерусалимцами для нашего пріема. Домъ назначенный для насъ былъ, какъ мы уже сказали, на славу выскобленъ и вычищенъ; женщины надѣли свои самыя пестрыя, ситцевыя платья и повязали головы шелковыми платками; лица дѣтей были старательно вымыты мыломъ и мочалками; все селеніе было подвергнуто реквизиціи для доставленія намъ достаточнаго количества тарелокъ, чашекъ и ложекъ. Утки, оленьи языки, голубица и сливки приносились къ намъ отовсюду, въ такомъ изобиліи, что одинъ этотъ фактъ могъ вполнѣ доказать доброту и гостепріимство туземцевъ. Черезъ часъ мы усѣлись за отличный ужинъ, состоявшій изъ холодной жареной утки, вареныхъ оленьихъ языковъ, чернаго хлѣба и свѣжаго масла, а также голубицы, сливокъ и варенья изъ розановъ. Мы пріѣхали въ Камчатку съ геройской рѣшимостью питаться тюленьимъ жиромъ, сальными свѣчами и ворванью, но представьте себѣ наше удивленье и восторгъ, когда мы увидѣли на столѣ такія сибаритскія роскоши какъ ягоды, сливки и варенье изъ розановъ. Даже Лукулъ въ своемъ Тускулумѣ никогда не ѣдалъ варенья изъ розановъ. Рецептъ приготовленія небесной амброзіи былъ потерянъ за долго до Лукула и найденъ только жителями Камчатки и теперь представляется міру, какъ первая лепта гиперборейцевъ въ сокровищницу гастрономической науки. Возьмите равное количество сахару и лепестковъ альпійской розы, прибавьте сока голубицы и составивъ розовую прелестную массу, положите на листья жимолости и кушайте воображая себя на вершинѣ Олимпа, на пиру у боговъ!

Тотчасъ послѣ ужина я улегся на полу подъ столомъ, который практически и эстетически вполнѣ замѣнялъ кровать съ балдахиномъ, положилъ подъ голову свою резинчатую подушку и завернувшись въ одѣяло какъ мумія крѣпко заснулъ.

На другое утро маіоръ, всегда встававшій рано, поднялся на разсвѣтѣ. Додлъ и я считали раннее вставаніе остаткомъ варварства, котораго никакой американецъ изъ уваженія къ цивилизаціи XIX вѣка не могъ поддерживать. Мы поэтому согласились спокойно спать до тѣхъ поръ, пока караванъ будетъ готовъ выступить въ походъ.

Однако, вскорѣ послѣ разсвѣта, въ нашей комнатѣ произошелъ такой страшный шумъ, что я быстро вскочилъ, ударился головою о столъ, подъ которымъ спалъ и протерѣвъ глаза, съ изумлѣніемъ сталъ смотрѣть на окружавшую меня сцену. Маіоръ въ déshabillé бѣгалъ взадъ и впередъ, браня самыми классическими русскими словами испуганныхъ возницъ за то, что всѣ наши лошади ночью убѣжали, какъ онъ выражался, „чертъ знаетъ куда.“

Это было несчастное и печальное начало для нашего путешествія, но часа черезъ два большая скрывшихся животныхъ нашлась; ихъ тотчасъ навьючили и мы отправились изъ Іерусалима по зеленой подошвѣ Авачинскаго волкана.

День былъ теплый, лѣтній, настоящій индѣйскій и какая-то торжественная тишина царила во всей природѣ. Листья березы и ольхи висѣли неподвижно въ тепломъ, насыщенномъ солнечными лучами воздухѣ, лѣнивое карканье вороны, на отдаленней лиственницѣ, ясно доносилось до нашихъ ушей; намъ даже казалось, что мы слышали плескъ морскихъ волнъ о далеко отстоявшій отъ насъ берегъ.

Въ воздухѣ жужжали пчелы и сильно благоухали ягоды, на которыя мы наступали на каждомъ шагу. Все казалось соблазняло уставшаго путешественника лечь на роскошную траву и провести весь день, лѣниво смотря на облака дыма, поднимавшіяся изъ жерла громаднаго вулкана. Я смѣясь сказалъ Додду, что вѣрно мы очутились не въ Сибири, мерзлой странѣ русскихъ ссыльныхъ, но, благодаря какому нибудь волшебству, въ странѣ лотуса, чѣмъ и объясняется снотворное вліяніе атмосферы.

„Чертъ бы ее побралъ, страну лотуса!“ отвѣчалъ онъ гнѣвно,

ударяя себя по щекѣ: „жителей страны лотуса никогда не мучили такіе проклятые комары. Это доказательство, что мы въ Камчаткѣ, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не бываетъ комаровъ въ величину шмелей.“

Максимовъ, старшій изъ нашихъ возницъ, вѣроятно заключилъ по окружающей насъ тишинѣ, что было воскресенье и пробираясь шашкомъ между кустами березъ громко пѣлъ литургію греческой церкви; только время отъ времени, онъ останавливался и бранилъ свою лошадь самыми дурными словами.

Тутѣ Максимовъ сталъ произносить такія хитрыя, метафорическія ругательства, что я рѣшительно не могъ понять, и долженъ былъ пополнять непостижимыя слова силою своего воображенія. Онъ по видимому не сознавалъ всей несоотвѣтственности распѣваемой имъ молитвы съ нечестивыми восклицаніями.

Дорога, или лучше сказать тропинка, повернула изъ Іерусалима на западъ и извивалась вдоль подошвы низенькаго, обнаженнаго кряжа чрезъ густой лѣсъ тополей и березъ. По временамъ мы выѣзжали на небольшія зеленыя поляны, покрытыя ягодами и каждый съ безпокойствомъ искалъ глазами не спрятался ли гдѣ нибудь медвѣдь, но все было тихо, неподвижно, даже стрекозы жужжали лѣниво, сонно, точно и онѣ поддавались общему снотворному духу, которымъ одушевлена была вся природа.

Для избѣжанія комаровъ, преслѣдованіе которыхъ дѣлалось невыносимымъ, мы ускорили шагъ лошадей и миновавъ широкую долину, усѣянную высокими густыми, зонтичными растеніями, мы поднялись на небольшую гору и вскачь въѣхали въ селеніе Корякъ, среди лая сотни собакъ, ржанія лошадей и неописаннаго волненія жителей.

Въ Корякѣ мы перемѣнили нашихъ лошадей и людей, позавтракали въ камчадальскомъ домѣ и въ два часа выѣхали въ

другое селеніе Малька, отстоявшее на 50 или 60 миль, по ту сторону басейна рѣки Камчатки. Къ солнечному закату — проѣхавъ 15 или 18 миль, мы неожиданно выѣхали изъ густаго лѣса тополей, березъ и рябины на зеленую поляну, величиною въ акръ, которая какъ нарочно была создана для нашей стоянки. Она окружена была съ трехъ сторонъ лѣсомъ, а съ четвертой выходила въ горный проходъ, полускрытый утесами и густыми кустарниками. Быстрый, холодный потокъ бѣжалъ по каменьямъ изъ темнаго ущелья и проходя по зеленой полянѣ исчезалъ въ окружающихъ лѣсахъ. Напрасно искали бы мы лучшаго мѣста для ночлега и потому мы тотчасъ рѣшили остановиться и раскинуть лагерь пока было свѣтло. Разнуздать лошадей, собрать валежникъ для костра, развести огонь, повѣсить надъ нимъ котелъ и разбить палатку было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ и вскорѣ мы лежали, растянувшись во весь ростъ на теплыхъ медвѣжьихъ шкурахъ вокругъ свѣчнаго ящика, служившаго намъ столомъ, попивая чай, разсуждая о Камчаткѣ и слѣдя за послѣдними розовыми лучами заходящаго солнца.

Засыпая въ эту ночь подъ мелодичное журчанье воды и не менѣе музыкальные звуки бубенчиковъ нашихъ лошадей, щипавшихъ траву позади палатки, я думалъ, что ничего не можетъ быть пріятнѣе степной жизни въ Камчаткѣ.

На другой день мы достигли до Мальки очень усталые, такъ какъ дорога была чрезвычайно трудна и представляла постоянныя преграды, въ видѣ узкихъ ущелій, забросанныхъ каменьями, громадныхъ деревьевъ, загораждавшихъ дорогу, небольшихъ болотъ, покрытыхъ мхами и крутыхъ горныхъ спусковъ, по которымъ мы должны были сводить лошадей подъ уздцы. Насъ нѣсколько разъ вышибало изъ сѣдла, а вещи наши то ударялись со всего розмаха о деревья, то погружались въ трясину; лошади падали, проводники произносили бранныя слова и на каждомъ шагу, мы отдѣльно и колективно подвергались всякаго рода непріятностямъ. Маіоръ, непривыкшій къ трудностямъ камчатскихъ путешествій велъ себя однако какъ спартанецъ и только отъ времени до времени кричалъ Додду: „Эй Доддъ! когда жъ мы доѣдемъ до этой проклятой Мальки!“ Доддъ ударялъ свою лошадь хлыстомъ и по-

вернувшись на сѣдлѣ съ свойственнымъ ему хладнокровіемъ отвѣчалъ улыбаясь: „скоро.“ Наконецъ, уже въ сумерки, мы увидали вдали высокій столбъ бѣлаго пара, который по словамъ Додда и Вьюшина выходилъ изъ теплыхъ ключей Малькп. Минутъ черезъ пятнадцать, мы въѣхали въ селеніе усталые, мокрые, голодные. Въ этотъ вечеръ ужинъ для меня былъ дѣломъ второстепеннымъ; главное, я желалъ улечься подъ какой нибудь столъ, гдѣ на меня никто не могъ бы наступить. Я никогда такъ не сознавалъ, какъ въ эту минуту, что у меня есть кости ибо каждая изъ нихъ давала себя знать, а спина такъ наболѣла, что я думалъ никогда не буду въ состояніи ее разогнуть. Погруженный въ подобныя грустныя мысли, я свернулся въ клубокъ подъ столомъ и вскорѣ заснулъ, забывъ даже снять сапоги.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Малька.—Прелестная мѣстность.— Генулъ.— Охота на медвѣдей.—Пущинъ.

Тяжело было на слѣдующее утро снова садиться на лошадей, но маіоръ не хотѣлъ и слышать нашихъ просьбъ о пріостановкѣ путешествія. Рѣшительный, неумолимый онъ взобрался на свою пуховую подушку, служившую ему сѣдломъ и подалъ сигналъ къ отъѣзду. Съ помощью двухъ камчадаловъ, которые вѣроятно также испытали на себѣ какъ тяжело не быть въ состояніи разогнуть спины, я кое-какъ взобрался на лошадь и мы отправились въ Генулову долину, прозванную садомъ южной Камчатки.

Селеніе Малька лежитъ на сѣверномъ склонѣ бассейна Камчатки, окружено невысокими, обнаженными гранитными горами и напоминало мнѣ по своему мѣстоположенію городъ Виргинію въ американскомъ штатѣ Невада; оно замѣчательно главнымъ образомъ по своимъ теплымъ минеральнымъ ключамъ, но мы должны были повѣрить на слово тузсмцамъ на счетъ температуры и вра-

чебнаго ихъ дѣйствія, такъ какъ мы сами только видѣли издали столбъ пара, стоявшій надъ этимъ источникомъ.

Къ сѣверу отъ этого селенія начинается длинная, узкая долина рѣки Генула, самая красивая и плодоносная мѣстность на всемъ Камчатскомъ полуостровѣ. Она имѣетъ въ длину около 30 миль, а въ ширину 3, и граничитъ съ обѣихъ сторонъ цѣпями высокихъ снѣжныхъ горъ, которыя идутъ отъ Мальки длиннымъ рядомъ утесовъ почти до верховья рѣки Камчатки. Небольшой потокъ извивается черезъ эту долину и берега его покрыты высокой травой доходящей до 5 фут. и мѣстами купами березъ, ивъ и рябинъ. Листва начинала принимать блестящіе цвѣта ранней осени и широкія полосы, красныя, желтыя и зеленыя пробѣгали горизонтально вдоль горныхъ скатовъ, ясно обозначая послѣдующіе поясы растительности, начиная отъ поверхности долины до вѣчныхъ снѣговъ горныхъ вершинъ.

Достигнувъ средины долины около полудня, мы не могли удержаться отъ восторженныхъ восклицаній при видѣ блестящаго величія окружающей насъ картины. На 25 м. съ каждой стороны тянулась веселая долина, по которой Генулъ извивался, какъ серебрянная лента. Какъ счастливая долина Расселаса, она казалась была отдѣлена отъ всего остальнаго міра непроходимыми горами, снѣжныя вершины и пики которыхъ разнообразіемъ и красотою своихъ формъ соперничали съ самыми пламенными мечтами восточныхъ зотчихъ. На полусклонѣ горъ пробѣгала широкая, горизонтальная линія зеленыхъ сосенъ, представлявшихъ великолѣпный контрастъ съ бѣлоснѣжными вершинами и пурпурными подошвами горъ, усѣянными рябинами. Тамъ и сямъ горы, прорванныя какъ бы титаническою силою, представляли узкія ущелья и разсѣлины, куда рѣдко проникали солнечные лучи. При всемъ этомъ вообразите себѣ теплую благоуханную атмосферу и темно голубое небо, на которомъ лишь изрѣдка показывались небольшія облака и вы быть можетъ представите себѣ великолѣпнѣйшую мѣстность всей Камчатки. Быть можетъ Сіерра-Невада представляетъ виды, отличающіеся болѣе дикимъ величіемъ, но нигдѣ въ Калифорніи или Невадѣ я не видалъ отличительныхъ чертъ зимы и лѣта—снѣга и розановъ, обнаженнаго гранита и роскошной зелени въ такомъ гармониче-

скомъ сочетаніи, какъ въ Генуловой долинѣ, въ солнечный осенній день.

Мы съ Доддомъ большую часть времени посвящали на собираніе ягодъ. Опередивъ на нѣсколько миль каравань, мы останавливались въ какомъ нибудь лѣску на берегу рѣки и привязавъ лошадей къ деревьямъ ложились на траву и ѣли душистую, медовую морошку.

За часъ до захода солнца мы приблизились къ туземному селенію Генулъ и проѣхали мимо луга, на которомъ туземцы и туземки косили траву грубыми косами. Отвѣчая на ихъ изумленные взгляды съ спокойнымъ величіемъ, мы продолжали свой путь, но неожиданно остановились на берегу рѣки, за которой находилось селеніе. Вставъ на колѣни на сѣдла, мы перебрались въ бродъ черезъ рѣку не промочивъ одежды, но едва вышли на берегъ, какъ передъ нами снова извивалась рѣка. Мы перешли ее также въ бродъ и черезъ минуту очутились передъ третьей рѣкой. Послѣ столь же удачнаго перехода, мы увидѣли передъ собою четвертую рѣку и тогда маіоръ съ отчаяніемъ воскликнулъ обращаясь къ Додду: „Эй Доддъ, сколько поганыхъ рѣкъ до этого дьявольскаго селенія?“ — „Только одна,“ отвѣчалъ спокойно Доддъ. — „Одна! такъ сколько же разъ она извивается вокругъ селенія?“ — „Пять разъ, отвѣчалъ также спокойно Доддъ: — вотъ видите, у этихъ бѣдныхъ камчадаловъ только одна рѣка для ловли рыбы и то небольшая, такъ они ее и заставили пройти мимо ихъ селенія пять разъ, почему и ловятъ рыбы въ пять разъ больше, чѣмъ еслибъ она проходила одинъ разъ.“ Маіоръ задумался, но черезъ нѣсколько минутъ устремилъ на Додда строгій взглядъ упрека и спросилъ торжественно: — „Сколько разъ должна данная рыба пройдти мимо селенія для доставленія жителямъ необходимаго запаса пищи, если притомъ рыба при каждомъ проходѣ будетъ поймана?“ Это reductio ad absurdum заставило Додда громко разсмѣяться и ударивъ лошадь, онъ прыгнулъ въ воду и очутился на противуположномъ берегу въ селеніи Генулъ.

Мы остановились въ домѣ старосты и разостлали наши ковры на чистомъ, бѣломъ полу нижней комнаты, оклеенной разрознен-

ными нумерами Лондонской Илюстраціи. На одной изъ стѣнъ висѣла американская крашенная литографія, представлявшая примиреніе двухъ влюбленныхъ; по видимому хозяинъ гордился этой картиной, какъ доказательствомъ его образованія, изящнаго вкуса и близкаго знакомства съ американскими обычаями и искуствомъ.

Мы съ Доддомъ, не смотря на усталость посвятили весь вечеръ на литературное занятіе, старательно разыскивая съ сальной свѣчей въ рукахъ послѣдовательные нумера „Лондонской Иллюстраціи“ читая придворныя извѣстія на карнизѣ въ углу, а некрологъ замѣчательныхъ англичанъ на двери. Благодаря нашему усердію и постоянству, мы къ ночи кончили цѣлую сторону комнаты и набрались многими полезными свѣденіями о ново-зеландской войнѣ, что̀ дало намъ желаніе продолжать нашу работу на слѣдующее утро на остальныхъ стѣнахъ и потолкѣ. Но къ нашему величайшему сожалѣнію намъ пришлось на слѣдующій день такъ рано отправиться въ путь, что мы не успѣли узнать чѣмъ кончилась эта война. До 6 часовъ мы уже выѣзжали на свѣжихъ лошадяхъ по направленію къ Пущину, отстоящему на 90 верстъ.

Наша одежда къ этому времени приняла странный, разбойничій характеръ; каждый мало по малу бросалъ различные предметы цивилизованной одежды, оказавшіеся неудобными и непрактическими, замѣняя ихъ живописными сурогатами, болѣе приспособленными къ требованіямъ дикой, степной жизни. Доддъ бросилъ свою шапку и повязалъ голову красно-желтымъ шелковымъ платкомъ; Вьюшинъ украсилъ свою шляпу длинными красными лентами, развивавшимися по воздуху. Синяя охотничья рубашка и красная феска замѣнили мой форменный сюртукъ и фуражку. У всѣхъ насъ было надѣто черезъ плечо ружье и заткнутъ за поясъ пистолетъ, такъ что мы казались фантастическими разбойниками, и скромный туристъ, повстрѣчавшись съ нами упалъ бы на колѣни, и безъ всякаго разговора отдалъ бы свой кошелекъ.

Имѣя свѣжихъ, бойкихъ лошадей, маіоръ Доддъ, Вьюшинъ и я ѣхали въ продолженіи всего дня далеко впереди остальнаго отряда. Дѣло шло къ вечеру, когда проѣзжая по низменной пустынѣ, извѣстной подъ названіемъ Камчатской тундры, маіоръ вдругъ осадилъ лошадь и повернувшись къ намъ воскликнулъ:

„медвѣдь! медвѣдь!“ въ ту же минуту предъ самой его лошадью тихо поднялся изъ травы громадный черный медвѣдь.

Это неожиданное появленіе несказанно насъ всѣхъ поразило. Вьюшинъ схватилъ съ плеча ружье и сталъ осыпать медвѣдя дробью, Доддъ выхватилъ револьверъ, но лошадь унесла его вдоль по долинѣ. Маіоръ бросилъ поводья и заклиналъ меня всѣми святыми, не застрѣлить *его*; лошади храпѣли, бились и вздымались на дыбы. Одинъ только медвѣдь велъ себя спокойно и съ достоинствомъ. Онъ хладнокровно посмотрѣлъ на насъ всѣхъ и потомъ пустился бѣжать къ лѣсу. Въ ту же минуту, мы всѣ очнулись отъ неожиданнаго страха и стали его преслѣдовать съ удивительнымъ геройствомъ, безпрерывно оглашая воздухъ пистолетными и ружейными выстрѣлами, и вообще производя чудеса храбрости издали, но не приближаясь къ нему ближе ста шаговъ. Но всѣ наши усилія были тщетны. Медвѣдь исчезъ въ лѣсу и мы боясь, чтобъ онъ намъ не подготовилъ засады, сочли за лучшее остановить преслѣдованіе. Сравнивая наши впечатлѣнія мы нашли, что всѣ одинаково были поражены его величиной и страшнымъ видомъ, а также всѣ возымѣли непреодолимое желаніе схватить его за горло и распороть животъ, какъ представляется всегда на картинкахъ въ старыхъ географіяхъ. Только неповиновеніе нашихъ лошадей и быстрота медвѣдя не дали намъ исполнить нашего желанія.

Мы еще далеко были отъ Пущина, когда стемнѣло, но наши усталыя лошади, ободренныя свѣжимъ, вечернимъ воздухомъ, бѣжали гораздо шибче и около восьми часовъ мы услыхали лай собакъ, который мы привыкли считать за предвозвѣстника горячаго чая и ночлега. Дѣйствительно, черезъ двадцать минутъ, мы преспокойно лежали на медвѣжьихъ шкурахъ въ камчадальскомъ домѣ.

Мы въ этотъ день сдѣлали тридцать миль, но благодаря хорошей дорогѣ и большой привычкѣ, мы не такъ устали, какъ прежде. Теперь намъ оставалось только тридцать верстъ до верховьевъ рѣки Камчатки, гдѣ мы должны были оставить лошадей и спуститься по рѣкѣ на протяженіе 250 миль, въ туземной лодкѣ.

На слѣдующее утро мы встали рано, и послѣ четырехъ-часовой ѣзды, по плоской равнинѣ, прибыли въ Шеромъ, гдѣ для насъ были готовы лодки.

Не безъ нѣкотораго сожалѣнія простился я на время съ путешествіемъ верхомъ. Я не помню путешествія, которое доставило бы мнѣ столько удовольствія какъ эта прелестная экскурсія. Но передъ нами лежала вся Сибирь и сожалѣніе о мѣстности, которую мы вѣроятно никогда болѣе не увидимъ, заглушалось ожиданіемъ новыхъ, болѣе интересныхъ приключеній среди природы болѣе величественной, чѣмъ все нами доселѣ видѣнное

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Шеромъ. — Путешествіе по рѣкѣ.—Милково.—Меня принимаютъ за императора.

Для человѣка лѣниваго нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ спускаться въ лодкѣ внизъ по теченію. Вы пользуетесь всѣмъ разнообразіемъ природы и пейзажей безъ малѣйшей усталости; къ тому же лѣнивое удовольствіе лодочной жизни не отличается убійственной монотонностью жизни на кораблѣ. Грей кажется сказалъ, что его идеалъ райской жизни заключается въ томъ, „чтобъ вѣчно лежать на диванѣ и читать новые романы Мариво и Кребильона.“ Еслибъ авторъ элегій могъ растегнуться на открытой палубѣ камчадальской лодки, на мягкой подстилкѣ изъ свѣжаго сѣна и цвѣтовъ, и тихо спускаться по широкой, безмолвной рѣкѣ, мимо снѣжныхъ горъ, густыхъ лѣсовъ и широкихъ степей, покрытыхъ травой, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ и мерцаньи блѣдной луны, прислушиваясь къ плеску воды и весла и къ меланхолической пѣсни гребцовъ, то онъ, конечно, бросилъ бы въ воду Мариво и Кребильона и представилъ бы лучшій идеалъ райскаго счастья. Я знаю, что меня упрекнутъ въ преувеличенномъ восхваленіи камчатской природы и мѣстоположенія, и мой энтузіазмъ можетъ быть вызоветъ саркастическую улыбку болѣе опытныхъ путешественниковъ, видѣвшихъ Италію и Альпы, но я описываю

свои впечатлѣнія и ни мало не утверждаю, что видѣнное мною произвело бы одинаковое впечатлѣніе на людей болѣе меня видѣвшихъ свѣтъ. Говоря словами одного испанскаго писателя, „человѣка, который никогда не видалъ солнца, нельзя осуждать за то, что онъ восхищается луной, и человѣка, никогда не видавшаго луны, за то, что онъ хвалитъ блескъ утренней звѣзды.“ Еслибъ я видѣлъ Рейнъ, взбирался бы на Маттергорнъ или любовался восходомъ луны на Неаполитанскомъ заливѣ, я быть можетъ смотрѣлъ бы на Камчатку справедливѣе и не такъ восторженно; но въ сравненіи съ тѣмъ, что я до тѣхъ поръ видѣлъ или воображалъ,— горные виды южной и средней Камчатки были по истинѣ великолѣпны.

Въ Шеромѣ, благодаря посланному впередъ курьеру, мы нашли лодку или камчатскій плотъ, ожидавшій нашего прибытія. Онъ состоялъ изъ трехъ большихъ челноковъ, отстоявшихъ другъ отъ друга на три фута и соединенныхъ ремнями изъ тюленьей кожи и большими жердями, на которыхъ положенъ полъ или платформа, имѣющая десять футовъ длины и двѣнадцать ширины; спереди и сзади на каждомъ челнокѣ оставлено мѣсто для гребцовъ. На платформѣ, покрытой на шесть дюймовъ только что скошенной травой, мы раскинули нашу маленькую палатку и внутри устроили отличное помѣщеніе изъ медвѣжьихъ шкуръ, одѣялъ и подушекъ. Ружья и револьверы были развѣшаны на столбахъ палатки, сѣдла спрятаны до востребованія, тяжелые ботфорты сняты и замѣнены мягкими башмаками изъ оленьей шкуры, вообще всѣ наши вещи были расположены такъ, чтобы представить намъ какъ можно болѣе удобствъ и комфорта.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха, впродолженіе которыхъ нашъ тяжелый багажъ былъ перенесенъ на подобный же плотъ, мы отправились на песчаный берегъ, сказали собравшейся толпѣ: „прощайте!“ и черезъ нѣсколько минутъ спускались уже внизъ по рѣкѣ, провожаемые маханьемъ шляпъ и платковъ. Мѣстность верхней Камчатки, впродолженіи первыхъ двадцати миль, была не интересна, такъ какъ горы были совершенно покрыты соснами и березами, доходившими даже до берега рѣки. Однако, сначала намъ доставляло большое удовольствіе лежать въ палаткѣ на мягкихъ

медвѣжьихъ шкурахъ и смотрѣть на блестящую, постоянно измѣнявшуюся растительность, покрывавшую берега, на прихотливые изгибы рѣки, на тучи рѣчныхъ птицъ, кружившихся длинными вереницами, и на одинокихъ орловъ, отъ времени до времени поднимавшихся съ утесистыхъ скалъ, сторожевой ихъ стоянки. Плаванье по верхней части Камчатки трудно и опасно ночью отъ быстроты теченія и часто встрѣчающихся поворотовъ. Поэтому, какъ только стемнѣло, наши туземные гребцы объявили, что надо остановиться, и мы вышли на берегъ, рѣшившись подождать восхода луны.

Мы очистили небольшое, полукруглое пространство на берегу, покрытое кустарниками, и развели огонь; черезъ нѣсколько минутъ кипѣли котлы съ рыбой и картофелемъ, а мы всѣ усѣлись вокругъ, куря, разговаривая и распѣвая американскія пѣсни. Конечно вся эта сцена для глазъ образованнаго человѣка должна была показаться странною, дикой и живописной. Темная, мрачная рѣка уныло извивалась среди полузатопленныхъ деревьевъ, покрывавшихъ ея берега; вѣковой, первобытный лѣсъ тихо шепталъ пробѣгавшему легкому вѣтерку, какъ изумленъ онъ былъ неожиданнымъ нарушеніемъ его безмолвнаго уединенія; раскинутые костры освѣщали краснымъ мерцающимъ блескомъ гладкую поверхность воды и мрачную массу лѣсовъ, а вокругъ огня, на медвѣжьихъ шкурахъ, небрежно покоялась группа людей въ странныхъ костюмахъ. Вообще, вся эта картина была достойна кисти Рембранта. Послѣ ужина, чтобъ убить время, мы развели на самомъ краю берега громадный костеръ изъ валежника и бросали пылающими головнями въ плывущихъ лососокъ и утокъ, которыхъ пробудилъ неожиданный шумъ на берегу. Когда отъ нашего костра ничего не осталось, кромѣ груды угольевъ, мы разостлали на песчаномъ берегу медвѣжьи шкуры и мало по малу предались сну и забвенію.

Около полуночи меня разбудили крупныя капли дождя и завываніе вѣтра въ листвѣ окружающихъ деревьевъ; я поспѣшно выползъ изъ подъ своего мокраго одѣяла и увидѣлъ съ удивленіемъ, что маіоръ и Додлъ притащили съ парома палатку, и раскинувъ ее подъ деревьями, спрятались подъ ея гостепріимный

кровъ, оставивъ меня въ грязи подъ дождемъ. Въ первую минуту я колебался: скрыться ли мнѣ въ палаткѣ, или сорвать ее и тѣмъ жестоко за себя отомстить; но тотчасъ же рѣшилъ прежде укрыться отъ дождя, а потомъ уже при первой возможности отомстить товарищамъ. Не успѣлъ я снова уснуть, какъ почувствовалъ на своемъ лицѣ мокрое полотно палатки и услыхалъ крики: „пора вставать!“ Я кое-какъ выползъ изъ подъ упавшей палатки и надувшись, молча пошелъ къ парому, придумывая лучшее средство мести противъ Додда и маіора, которые прежде оставили меня подъ дождемъ, а потомъ повалили на меня мокрую палатку. Былъ часъ пополуночи, погода была дождливая, мрачная, но туземные гребцы предполагали, что луна уже взошла, и объявили, что достаточно свѣтло для продолженія путешествія. Я былъ противнаго мнѣнія; но всѣ мои протесты, произнесенные тихимъ, соннымъ голосомъ, ни къ чему не повели, и маіоръ приказалъ отправиться въ путь. Надѣясь, что мы сядемъ на мель, я улегся молча на мокрыя шкуры и старался забыть горе во снѣ. По причинѣ вѣтра мы не могли разбить палатки и принуждены были лежать на открытомъ воздухѣ, покрывшись одѣялами и клеенками.

Чрезъ часъ послѣ разсвѣта, мы приблизились къ камчадальскому селенію Милково, самому большему на всемъ полуостровѣ. Дождь пересталъ и тучи разсѣявались, но все еще было холодно и сыро. Курьеръ, посланный наканунѣ на лодкѣ изъ Шерома, предупредилъ жителей о нашемъ прибытіи и выстрѣлъ, сдѣланный нами въ видѣ салюта, огибая послѣдній изворотъ рѣки, привлекъ на берегъ почти все населеніе Милкова. Сдѣланный намъ пріемъ походилъ на торжественную овацію. Старцы, или какъ ихъ назвалъ Доддъ, „отцы селенія,“ числомъ двадцать, ждали на берегу и завидѣвъ насъ, начали кланяться, снимать шапки и кричать „здравствуйте!“ Когда мы еще находились въ пятидесяти шагахъ отъ берега, туземцы выстрѣлили изъ десяти или двѣнадцати старинныхъ кремневыхъ ружей, и около дюжины людей бросилось въ воду, чтобы намъ помочь пристать къ берегу. Селеніе находилось недалеко отъ рѣки, но туземцы приготовили для нашего переѣзда двухъ лошадей, хуже которыхъ я не видывалъ

въ Камчаткѣ. На нихъ были деревянныя сѣдла, похожія на щипцы угловатаго дона, стремена изъ тюленьей шкуры, въ 12 дюймовъ длины, и недоуздка изъ моржевой хожи. Волненіе, въ которомъ находились всѣ жители во время нашего прибытія, я полагаю, не имѣло ничего себѣ равнаго въ исторіи этого уединеннаго селенія. Я не знаю, какъ маіоръ вскочилъ на лошадь, но человѣкъ десять камчедаловъ набросилось на меня и Додда и, схвативъ насъ, стали теребить то въ ту, то въ другую сторону, пока наконецъ торжественно не посадили насъ на лошадей. Какъ не лѣстно намъ было такое вниманіе, но еслибъ этотъ гостепріимный пріемъ повторился, то компанія Русско-Американскаго телеграфа, конечно, лишилась бы нашихъ услугъ. Бросивъ взглядъ на маіора, я увидалъ на его лицѣ въ одно и тоже время выраженіе страданія, удовольствія и изумленія; но я не успѣлъ выразить ему своего сочувствія, ибо одинъ туземецъ схватилъ мою лошадь подъ уздцы, а нѣсколько другихъ окружили меня и потащили съ торжествомъ неизвѣстно куда. Я не могъ сознать всей нелѣпости нашего положенія, прежде чѣмъ мы достигли селенія; тамъ только я обернулся и увидалъ маіора, Додда и Вьюшина верхомъ на камчадальскихъ коняхъ въ такомъ положеніи, что ихъ подбородки и колѣни находились на одной поверхности; вокругъ ихъ бѣжало около дюжины туземцевъ въ самыхъ эксцентричныхъ костюмахъ, а сзади шла длинная процессія людей съ обнаженными головами и мальчишекъ, пырявшихъ лошадей острыми палками для возбужденія въ нихъ большей энергіи. Это зрѣлище напоминало мнѣ римскіе тріумфы; маіоръ, Доддъ и я казались побѣдителями, а камчадалы плѣнными, которыхъ мы заставили украшать нашъ торжественный въѣздъ въ Семихолмный городъ. Я сообщилъ эту фантастическую мысль Додду, но онъ отвѣчалъ, что требовалось громадное усиліе воображенія, чтобы сдѣлать изъ насъ героевъ побѣдителей, и предложилъ скорѣе признать насъ геройскими мучениками, что̀ было болѣе поэтично и справедливо. При нашемъ вступленіи въ Милково, волненіе еще усилилось; нашъ эскортъ махалъ руками, бѣгалъ взадъ и впередъ и оглашалъ воздухъ непонятными криками; въ окнахъ домовъ показывались и исчезали

какія-то невѣдомыя головы, а сотни собакъ примѣшивали къ общему смятенію свой оглушительный лай. Наконецъ, мы остановились передъ большимъ бревенчатымъ домомъ и съ помощью дюжины камчадаловъ сошли съ лошадей. Какъ только Доддъ очнулся отъ неожиданности такого пріема, онъ громко воскликнулъ: „что это, чертъ побери, значитъ! Съ ума они что ли всѣ сошли?“ Немедленно, Вьюшина отправили за старостой, который явился черезъ нѣсколько минутъ, кланяясь надодобіе китайскаго мандарина.

Маіоръ долго бесѣдовалъ по русски со старостой, который время отъ времени пояснялъ свои слова по камчадальски, что̀ ни мало не дѣлало ихъ понятнѣе маіору. Но мало по малу лице его все прояснилось и наконецъ онъ такъ весело расхохотался, что я, не зная въ чемъ дѣло, сталъ ему вторить. Успокоившись немного, онъ произнесъ: — „туземцы приняли васъ за императора,“ — и снова такъ расхохотался, что ему по видимому грозилъ апоплексическій ударъ. Теряясь въ догадкахъ что означали его слова, я только улыбался, дожидаясь, чтобы припадокъ смѣха у него прошелъ и онъ разсказалъ бы въ чемъ дѣло. Изъ его послѣдующихъ объясненій оказалось, что курьеръ, посланный изъ Петропавловска для предупрежденія туземцевъ о нашемъ проѣздѣ, имѣлъ открытое письмо отъ русскаго исправника въ Петропавловскѣ, въ которомъ были поименованны всѣ наши имена и занятія, а на счетъ меня было написано: „Егоръ Кенанъ, телеграфистъ и *операторъ*.“ Получивъ это письмо, староста Милкова, умѣвшій читать, что рѣдкость въ Россіи, былъ приведенъ въ необъяснимое смущеніе словомъ *телеграфистъ*, но слово операторъ было для него чрезвычайно знакомо и хотя написано оно было не такъ, какъ онъ привыкъ видѣть, но очевидно означало *императоръ*.

Маіоръ объяснилъ старостѣ наши титулы и званія, но, по видимому, это не произвело никакой перемѣны въ обращеніи съ нами гостепріимныхъ туземцевъ. Они угощали насъ всѣмъ, чѣмъ только могли, а то жадное любопытство, съ которымъ они смотрѣли на насъ, ясно доказывало, что путешественники въ Милковѣ большая диковина. Послѣ торжественнаго обѣда, на кото-

ромъ мы попробовали нѣсколько странныхъ туземныхъ блюдъ и основательно поѣли оленины, мы возвратились на берегъ съ такой же точно процесіей и сѣли на свои лодки при церемоньяльномъ салютѣ изъ дюжины ружей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Путешествіе по рѣкѣ.—Ключевская Сопка.—«Черная Баня».

Долина рѣки Камчатки несомнѣнно самая плодородная часть всего полуострова. Почти всѣ селенія, мимо которыхъ мы проѣзжали, окружены полями ржи и хорошо воздѣланными садами; берега повсюду покрыты лѣсомъ или высокой травой, доходящей до пяти футовъ вышины; великолѣпные цвѣты, попадающіеся тамъ и сямъ, вообще богатая растительность, доказываютъ плодородіе почвы и благопріятность тепло-сыраго климата. Подснѣжники, фіалки, ранункулы, шиповникъ, касатики и кавалерскія шпоры растутъ повсюду въ изобиліи, а особый видъ зонтичныхъ растеній достигаетъ во многихъ мѣстахъ до шести футовъ вышины и растетъ такъ густо, что громадные листья его скрываютъ человѣка на нѣсколькихъ шагахъ. Вся эта растительность является и исчезаетъ въ одно лѣто.

Простившись съ нашими гостепріимными друзьями въ Милковѣ мы въ понедѣльникъ утромъ отправились далѣе внизъ по рѣкѣ. Это путешествіе продолжалось три дня; по временамъ мы останавливались, выходили на берегъ, отыскивали медвѣдей въ лѣсахъ, собирали ягоды, а по ночамъ разбивали палатку на берегу между деревьями—вообще вели жизнь дикую, свободную, прелестную. Мы миновали туземныя селенія Керчаникъ, Маршуру, Щапину и Толбачекъ, гдѣ вездѣ насъ принимали чрезвычайно гостепріимно; наконецъ въ середу 13 сентября мы расположились лагеремъ къ югу отъ Козыревска, въ 120 верстахъ отъ селенія Ключей. Въ продолженіи почти всего дня шелъ дождь и мы боялись, что непогода помѣшаетъ намъ насладиться великолѣпными видами южной Камчатки, въ которую мы вступали. Однако къ полуночи прояснило и рано утромъ меня разбудилъ Доддъ, приглашая встать и посмотрѣть на горы. Въ воздухѣ было такъ тихо, что даже листья не шевелились и атмосфера отличалась какой-то хрустальной прозрачностью, какъ иногда бываетъ въ Калифорніи. Трава и наши лодки бѣлѣли отъ инея и желтые листья падали съ большой березы, подъ которой раскинута была наша палатка. Никакіе звуки не нарушали безмолвной тишины разсвѣта и только слѣды оле-

ней и волковъ на песчанномъ берегу доказывали присутствіе жизни въ окружавшей насъ пустынной степи. Солнце еще не встало, но все небо на востокѣ было освѣщено желтоватымъ блескомъ; даже утренняя звѣзда какъ бы пожелтѣла, хотя все еще продолжала блестѣть, сохраняя свое положеніе застрѣльщика въ борьбѣ между днемъ и ночью. Далеко, на сѣверо-востокѣ, за густыми лѣсами, рельефно выступали пурпурной массой острые пики Ключевскихъ горъ, освѣщенные первыми лучами восходящаго солнца. Почти мѣсяцъ тому назадъ, я видѣлъ эти чудныя горы съ палубы маленькаго брига, въ 75 миляхъ отъ берега, и конечно не думалъ, что мнѣ вскорѣ придется любоваться тѣмъ же зрѣлищемъ изъ лѣсовъ, окаймляющихъ рѣку Камчатку.

Около получаса просидѣлъ я съ Доддомъ на берегу, бросая камешки въ спокойную гладь воды и разговаривая о всемъ нами видѣнномъ послѣ отплытія изъ Камчатки. Какъ измѣнился мой взглядъ на жизнь въ Сибири съ тѣхъ поръ, какъ я впервые увидалъ крутые берега Камчатки, выступавшіе изъ голубыхъ водъ Тихаго океана.

Тогда Камчатка была для меня невѣдомой страной снѣжныхъ горъ и ледниковъ, мрачной, пустынной, хотя и представлявшая возможность любопытныхъ приключеній. Теперь уже она не была для меня ни мрачна, ни пустынна. Каждый горный пикъ соединялся въ моей памяти съ воспоминаніемъ о гостепріимномъ селеніи, гнѣздящемся у его подошвы; каждый маленькій ручей напоминалъ какую либо пріятную страницу изъ нашей степной, кочевой жизни, и такимъ образомъ имѣлъ неразрывную связь съ великимъ міромъ человѣческихъ интересовъ. Возможность приключеній все еще существовала, но опыта нѣсколькихъ дней было довольно, чтобы разсѣять всѣ мысли объ одинокой, мрачной, пустынной жизни. Я старался вспомнить тѣ смутныя представленія, которыя я имѣлъ въ Америкѣ объ этой прекрасной странѣ, но всѣ мои усилія были тщетны—такъ стушевали ихъ впечатлѣнія послѣдняго времени. Я не могъ снова окружить себя прежней, умственной атмосферой цивилизаціи и примирить свои ожиданія съ тѣмъ, что я видѣлъ на дѣлѣ. Нелѣпыя фантазіи, казавшіяся столь живыми и справедливыми три мѣсяца назадъ, теперь были словно давно

забытый сонъ и ничто не было дѣйствительно кромѣ рѣки, тихо катившей свои воды у моихъ ногъ, березъ сыпавшихъ свои пожелтѣвшіе листья на мою голову и виднѣвшихся вдали пурпурныхъ горъ.

Нѣсколько ударовъ въ котелокъ, служившіе сигналомъ собираться къ завтраку, заставили меня очнуться отъ этихъ мечтаній. Черезъ полчаса завтракъ былъ оконченъ, палатка снята, все убрано и мы снова пустились въ путь. Впродолженіи всего дня мы плыли внизъ по рѣкѣ, постоянно любуясь новыми, безпрестанно измѣнявшимися видами на великолѣпныя горы. Къ сумеркамъ мы достигли Козеревска и, взявъ новыхъ гребцовъ, продолжали наше путешествіе всю ночь. Къ разсвѣту мы миновали Кристи и въ 2 часа прибыли въ Ключи, ровно черезъ одиннадцать дней по отъѣздѣ изъ Петропавловска.

Селеніе Ключи находится на открытой равнинѣ, на правомъ берегу рѣки Камчатки, у самаго подножья великолѣпнаго Ключевскаго вулкана и ничѣмъ другимъ не отличается отъ остальныхъ камчадальскихъ городовъ, кромѣ живописнаго мѣстоположенія. Оно расположено между группою великолѣпныхъ горныхъ пиковъ, ограждающихъ входъ къ рѣкѣ, и густой черной дымъ изъ двухъ кратеровъ часто стелется надъ селеніемъ. Оно основано въ первыхъ годахъ XVIII вѣка нѣсколькими русскими крестьянами, которыхъ оторвали отъ ихъ родныхъ жилищъ въ средней Россіи и послали съ земледѣльческими орудіями и сѣменами основывать колоніи въ отдаленной Камчаткѣ. Послѣ долгаго и труднаго путешествія, на протяженіи 6,000 миль, черезъ всю Азію, черезъ Тобольскъ, Иркутскъ, Якутскъ и Колыму, небольшой отрядъ этихъ обязательныхъ эмигрантовъ достигъ до Камчатки и поселился на берегу рѣки, у самой подошвы огнедышащей горы. Тутъ они и ихъ потомки жили болѣе ста лѣтъ, такъ что почти исчезла память о томъ, откуда они пришли и кто ихъ прислалъ. Не смотря на частыя изверженія огнедышащихъ горъ, находящихся за самымъ селеніемъ, оно ни разу не измѣнило своего положенія, и жители хладнокровно смотрятъ на подземный грохотъ, по временамъ раздающійся изъ кратеровъ, и на тучи пепла, которыя часто носятся надъ ихъ домами и полями. Никогда не слыхавъ о Герку-

ланумѣ и Помпеѣ, туземцы не опасаются нисколько тѣхъ мрачныхъ облаковъ дыма, которыя въ хорошую погоду вылетаютъ изъ Ключевскаго кратера, и громовыхъ ударовъ, раздающихся изъ нѣдръ его меньшаго, но столь же опаснаго, сосѣда. Быть можетъ еще пройдетъ столѣтіе, прежде чѣмъ какое либо несчастье разразится надъ мирными жителями этого маленькаго селенія; но слыша на разстояніи 60 верстъ глухой грохотъ Ключевскаго вулкана и видя черныя облака дыма, выходящія изъ его кратера, я съ большимъ удовольствіемъ чувствовалъ, что находился на такомъ почтительномъ разстояніи отъ его вулканическаго величества и изумлялся смѣлости камчадаловъ, избравшихъ такую мѣстность для своего житья.

Ключевская Сопка одинъ изъ высочайшихъ и постоянно дѣйствующихъ вулкановъ великаго вулканическаго кряжа на сѣверныхъ берегахъ Тихаго океана. Съ XVII столѣтія не проходило почти ни одного года и даже теперь не проходитъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чтобы пламя не показывалось изъ страшнаго жерла и тучи пепла не носились по всему полуострову. Зимою снѣгъ часто покрытъ пепломъ на 25 миль вокругъ Ключей, такъ что ѣздить на саняхъ почти невозможно. Много лѣтъ тому назадъ, по словамъ туземца, было великолѣпное изверженіе. Оно началось въ темную ночь съ страшныхъ громовыхъ ударовъ и землетрясенія, которые пробудили несчастныхъ жителей Ключей и заставили ихъ въ испугѣ выбѣжать на улицу. Высоко надъ ихъ головами, на мрачномъ зимнемъ небѣ, стоялъ пылающій снопъ, выходившій изъ кратера и окруженный облаками дыма. Среди подземнаго грохота и глухихъ раскатовъ, жидкая лава понеслась широкими огненными потоками по снѣжнымъ склонамъ горы, такъ что вскорѣ вся гора до половины своей высоты составляла одну огненную массу, освѣщавшую селенія Кристи, Козеревскъ и Ключи, словно солнечными лучами и всю окружающую страну на 25 миль. Это изверженіе, говорятъ, покрыло полуостровъ на разстояніи 300 верстъ слоемъ пепла въ $1^1/_2$ вершка.

До сихъ поръ лава никогда не спускалась ниже снѣжной линіи, но я не вижу причины, почему когда нибудь ей не затопить

огненнымъ потокомъ селеніе Ключи и даже водоемъ рѣки Камчатки.

Насколько мнѣ извѣстно, до вершины вулкана никто не достигалъ и онъ имѣетъ по приблизительному разсчету какого-то русскаго офицера около 16,500 футовъ вышины. Какъ бы то ни было, это самый высокій пикъ на камчатскомъ полуостровѣ и онъ скорѣе превышаетъ эту высоту, чѣмъ не достигаетъ ея. Намъ очень хотѣлось взобраться по гладкимъ снѣжнымъ его склонамъ и взглянуть въ его дымящійся кратеръ; но было бы безуміемъ предпринять восхожденіе на подобную гору безъ трехнедѣльнаго приготовленія.

Гора представляетъ почти правильный конусъ и начиная отъ селенія Ключей такъ обманчиво съуживается, что послѣдніе 3,000 футовъ кажутся совершенно перпендикулярными. Другой вулканъ находится рядомъ на очень недалекомъ разстояніи на юго-востокъ отъ Ключевскаго и соединяется съ нимъ неправильнымъ изрытымъ кряжемъ. Я не могъ никакимъ образомъ узнать названіе этой горы, и хотя она ниже первой, но по видимому черпаетъ изъ одного источника свои огневые элементы и постоянно дымясь, почти скрываетъ въ облакахъ дыма бѣлые склоны Ключевской Сопки.

Намъ отвели въ Ключахъ большой, удобный домъ старосты или мѣстнаго начальника. Стѣны этого дома были покрыты пестрымъ ситцемъ, а потолокъ бѣлымъ коленкоромъ; что же касается до грубой сосновой мебели, то она была доведена мыломъ и пескомъ до крайней степени чистоты. Столы были покрыты скатертями американскаго издѣлія; горшки съ цвѣтами стояли на окнахъ, завѣшанныхъ занавѣсками, маленькое зеркало висѣло на стѣнѣ противъ дверей; вообще всѣ украшенія комнаты были расположены съ такимъ вкусомъ и эфектомъ, которыми мужской умъ можетъ восхищаться, но не перенимать. Американское искуство также украсило этотъ уединенный домъ висѣвшими на стѣнахъ изображеніями жизни и мѣстностей въ Виргиніи.

Въ этомъ удобномъ и даже роскошномъ жилищѣ мы провели очень пріятно остальную часть дня.

Теперь намъ пришлось рѣшить, какой дорогой мы будемъ продолжать наше путешествіе на сѣверъ. Самый кратчайшій путь и во многихъ отношеніяхъ лучшій былъ тотъ, которымъ обыкновенно ѣздили русскіе торговцы; онъ шелъ чрезъ горный проходъ Яловку къ Тигилю, а потомъ по западному берегу полуострова до верховья Охотскаго моря. Единственное возраженіе противъ этого пути было позднее время въ году и возможность найдти глубокій снѣгъ въ горныхъ проходахъ. Другой путь состоялъ въ продолженіи нашего путешествія отъ Ключей по восточному берегу до селенія Дранка, гдѣ горы обращались въ невысокіе холмы, и тамъ переѣхать въ камчадальское селеніе Лѣсной, на Охотскомъ морѣ. Этотъ путь, хотя и длиннѣйшій, былъ гораздо вѣрнѣе и безопаснѣе.

Послѣ долгихъ совѣщаній съ туземцами, которые по видимому знали кое-что о странѣ, но изъ осторожности почти ничего не говорили, маіоръ рѣшился предпочесть путь черезъ горный проходъ Яловку и приказалъ приготовить лодки для отплытія въ воскресенье утромъ вверхъ по рѣкѣ Яловкѣ.

Самое дурное что могло съ нами случиться, это неуспѣхъ въ попыткѣ перейдти горы, и тогда мы всегда могли возвратиться въ Ключи и еще до начала зимы отправиться по другой дорогѣ.

Какъ только мы порѣшили съ важнымъ вопросомъ послѣдующаго нашего путешествія, мы предались безгранично тѣмъ немногимъ удовольствіямъ, которыя могло доставить такое маленькое и степное селеніе, какъ Ключи. Тутъ не было никакихъ гуляній, гдѣ бы мы могли, какъ говорятъ русскіе, себя показать и другихъ посмотрѣть, къ тому же наша одежда находилась теперь въ такомъ несчастномъ состояніи, что не произвела бы никакого эфекта на публичномъ гуляньѣ. Намъ надо было обратиться къ чему нибудь другому. Единственныя общественныя удовольствія, на которыя намъ указали, были посѣщенія бани и церкви; поэтому, маіоръ и я отправились въ одинъ прекрасный день осмотрѣть эти интересные предметы какъ слѣдуетъ современному туристу. Мы предпочли по многимъ причинамъ начать нашъ

осмотръ съ бань. Я часто слыхалъ отъ Додда о черныхъ баняхъ камчадаловъ и никакъ не могъ объяснить себѣ этого назнанія иначе, какъ предположеніемъ, что въ этихъ баняхъ погружались въ какую нибудь цѣлебную жидкость, походившую на чернила. Но войдя въ „черную баню“ Ключей, я понялъ свою ошибку и призналъ всю справедливость эпитета. Раздѣвшись въ маленькомъ переднемъ помѣщеніи, которое не представляло никакихъ удобствъ, необходимыхъ въ комнатѣ для раздѣванья, мы открыли маленькую покрытую мѣховою шкурою дверь и очутились въ самой бани, которая конечно была довольно темна и черна, чтобы заслужить самый мрачный эпитетъ. Сальная свѣча стояла на полу слабо мерцая, такъ что можно было только различить очертанія низенькой, обнаженной комнаты въ десять квадратныхъ футовъ, солидно выстроенной изъ неструганныхъ бревенъ безъ малѣйшаго отверстія для воздуха или свѣта. Каждый вершокъ стѣнъ и потолка былъ совершенно черенъ съ осадкомъ сажи отъ густыхъ облаковъ дыма, наполнившихъ комнату во время топки. Въ одномъ углу находилась большая груда каменьевъ съ отверстіемъ внизу для разведенія огня, а въ другомъ концѣ комнаты находился рядъ широкихъ ступеней, по видимому никуда не ведущихъ. Какъ только огонь потухъ въ печномъ отверстіи, заслонку тотчасъ герметически закрыли и отъ груды каменьевъ понесло такимъ сухимъ пыломъ, что стало тяжело дышать и на тѣлѣ выступили крупныя капли пота. Вскорѣ явился и мѣстный духъ этой адской трущобы въ видѣ голаго, длинноволосаго камчадала, который сталъ поливать водою раскаленные камни до тѣхъ поръ, пока они начали шипѣть какъ локомотивъ и свѣчка тускло мерцала въ облакахъ пара, застилавшаго всю комнату. Я думалъ, что сначала было жарко, но теперь я увидалъ, что тогда была сибирская зима, сравнительно съ той атмосферой, которая воцарилась благодаря этой операціи. Мои кости казалось плавились отъ нестерпимаго жара. Доведя воздухъ въ комнатѣ до 212^0, туземецъ схватилъ меня за руку, разложилъ на нижней ступени, облилъ меня съ головы до ногъ кипяткомъ и сталъ растирать съ такою силою, словно желалъ возвратить меня къ основнымъ элементамъ, изъ которыхъ состояло мое тѣло. Я не стану описывать количество,

разнообразіе и дьявольскую хитрость тѣхъ пытокъ, которымъ я былъ подвергнутъ въ продолженіи 20-ти минутъ. Меня скребли, терли, обливали холодной водой, ошпаривали горячей, били вѣниками и наконецъ оставили опомниться на верхней ступени лѣстницы. Послѣ всего этого меня еще разъ окатили холодной водою и пытка была кончена; дрожа всѣмъ тѣломъ я поспѣшилъ въ сосѣднюю комнату и сталъ одѣваться. Черезъ минуту ко мнѣ присоединился Доддъ и мы вышли изъ бани, чувствуя себя какими-то безплотными существами.

Благодаря позднему часу, мы должны были отложить посѣщеніе церкви, но видѣннаго и испытаннаго нами было совершенно достаточно для одного дня, и мы возвратились домой, если не восхищенные, то вполнѣ удовлетворенные камчатской черной баней.

Вечеръ прошелъ въ разспросахъ туземцевъ о сѣверной части полуострова и средствахъ сообщенія между кочевыми коряками, а около 9 часовъ мы улеглись спать, чтобы встать на другой день пораньше и снова отправиться въ путь.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Путешествіе на лодкѣ по Яловкѣ.—Вулканическій разговоръ.—«О! Сусанна!»—Затруднительная поѣздка въ Яловку.

Чрезвычайно разнообразны были средства передвиженія, къ которымъ мы должны были прибѣгать въ нашемъ путешествіи по Камчаткѣ. И этому факту мы вѣрно обязаны тѣмъ, что въ продолженіи нашихъ трехъ мѣсячныхъ странствій мы постоянно имѣли новыя и свѣжія впечатлѣнія. Мы поочередно испытали удовольствія и неудобства путешествія на китоловныхъ судахъ, верхомъ, на паромѣ, на лодкахъ, въ саняхъ на собакахъ, въ саняхъ на оленяхъ, на лыжахъ. Не успѣвалъ намъ надоѣдать одинъ изъ этихъ видовъ передвиженія, какъ уже являлся другой.

Въ Ключахъ мы покинули наши паромы и пересѣли на камчатскіе челноки, которые могли легче идти противъ быстраго теченія Яловки. Самая замѣчательная особенность этихъ лодокъ заключается въ ихъ хроническомъ настроеніи перевертываться вверхъ дномъ безъ всякой видимой причины. Мнѣ разсказывалъ человѣкъ, вполнѣ достойный вѣры, что незадолго до нашего путешествія одна лодка пошла ко дну на рѣкѣ Камчаткѣ только по нерадивости какого-то камчадала, который, имѣя ножъ въ лѣвомъ карманѣ жилета, забылъ положить противовѣсь въ правый; точно также меня увѣряли, что обычай камчадаловъ носить проборъ посреди головы происходитъ одинаково отъ желанія поддержать равновѣсіе во время плаванія въ туземныхъ челнокахъ. Я конечно не повѣрилъ бы этимъ страннымъ, хотя и не новымъ разсказамъ, еслибъ ихъ не передавалъ Доддъ, въ добросовѣстности и знаніяхъ котораго я не могъ сомнѣваться. Къ тому же этотъ вопросъ былъ такъ важенъ для насъ, что онъ не позволилъ бы себѣ извращать истину ради шутки.

Мы спали въ суботу утромъ больше, чѣмъ бы слѣдовало и вышли на берегъ не ранѣе восьми часовъ.

При видѣ утлыхъ челноковъ, которымъ надо было ввѣрить какъ нашу судьбу, такъ и интересы Русско-Американскаго Телеграфа, всѣ мы не могли скрыть своего удивленія и неудовольствія. Одинъ изъ насъ, съ обычной поспѣшностью дѣлать заключенія a priori, тотчасъ объявилъ, что неминуемымъ слѣдствіемъ путешествія въ подобныхъ судахъ будетъ смерть на днѣ рѣки и потому отказывался принять участіе въ такой пріятной экспедиціи. Нѣкогда Цезарь, переѣзжая чрезъ Іоническое море, среди страшной бури успокоилъ матросовъ тѣмъ, что утлая ладья несла Цезаря и его судьбу, слѣдовательно съ ними не могло случиться ничего дурнаго; но нашъ камчатскій Цезарь по видимому сомнѣвался въ своей судьбѣ и его самаго пришлось утѣшать. Туземный гребецъ не сказалъ: „Мужайся Цезарь: твоя ладья несетъ камчадала и его судьбу,“ но серьезно увѣрялъ его, что онъ нѣсколько лѣтъ плавалъ по рѣкѣ въ такихъ челнокахъ и *ни разу* не потонулъ. Чего могъ Цезарь еще требовать! Послѣ непродолжительныхъ пере-

говоровъ и совѣщаній мы усѣлись на медвѣжьи шкуры, разостланныя на днѣ челноковъ, и пустились въ путь.

Въ окрестностяхъ Ключей всѣ прелести природы стушевываются передъ колосальнымъ образомъ Ключевскаго вулкана, этого царя сибирскихъ горъ, острая вершина котораго, вѣчно окруженная золотистымъ облакомъ, виднѣется отвсюду на разстояніи ста миль. Всѣ другія красоты мѣстоположенія являются второстепенными въ сравненіи съ этой великолѣпной горой и цѣнятся только сравнительно тому, насколько онѣ служатъ къ болѣе рельефному очертанію знаменитаго пика, поднимающагося одной громадной снѣжной массой изъ зеленыхъ долинъ Камчатки и Яловки, разстилающихся у его подножья. Возвышенный кратеръ этого преемника заката и провозвѣстника утра освѣщается розовыми лучами солнца утромъ, когда еще въ долинахъ царитъ мракъ и вечеромъ, когда уже давно солнце сѣло за Тигильскими горами. Во всякое время и при всѣхъ обстоятельствахъ, эта великолѣпнѣйшая гора, когда либо мною виданная. То она является залитая теплыми лучами индѣйскаго лѣтняго дня и только легкія пурпурныя облачка полускрываютъ очертанія ея снѣжныхъ склоновъ; то она заволакивается густымъ вулканическимъ дымомъ и грознымъ грохотомъ предостерегаетъ окрестныхъ жителей о могущемъ случиться изверженіи; то по вечерамъ она окружаетъ свою вершину сѣрой мантіей тумановъ и, спихнувъ ихъ мало по малу вдоль своихъ снѣжныхъ скатовъ, является колосальнымъ „столбомъ облаковъ,“ въ 16,000 футовъ высоты, опирающемся на 50 кв. миль сосноваго лѣса.

Смотря на нѣжно-розовый оттѣнокъ снѣга, покрывающаго склоны горы при закатѣ солнца, вамъ кажется, что ничего не можетъ быть великолѣпнѣе этого зрѣлища, но взгляните на нее при свѣтѣ блѣдной луны, когда туманная ея вершина серебрится, когда мракъ застилаетъ ея глубокія ущелья и бѣловатая мгла сіяетъ на ея снѣжныхъ пикахъ, когда звѣзды, кажется, окружаютъ ея вершину, а серебристый млечный путь какъ бы виситъ на ея вершинахъ—и скажите, когда это чудо природы великолѣпнѣе, днемъ или ночью.

Мы вошли въ Яловку около полудня. Рѣка эта впадаетъ въ

Камчатку съ сѣвера, въ двѣнадцати верстахъ отъ Ключей. Ея берега бо̀льшею частью низкіе, болотистые и густо заросшіе тростникомъ и высокой травой, гдѣ гнѣздятся тысячи утокъ, гусей и дикихъ лебедей. Ночью мы достигли туземнаго селенія Харчины и тотчасъ послали за знаменитымъ русскимъ проводникомъ Николаемъ Брагинымъ, котораго мы надѣялись убѣдить сопровождать насъ черезъ горы.

Отъ Брагина мы узнали, что на прошлой недѣли шелъ въ горахъ густой снѣгъ, но онъ полагалъ, что при теплой погодѣ послѣднихъ трехъ дней снѣгъ этотъ вѣроятно растаялъ почти весь и горныя тропинки доступны путешественникамъ. Во всякомъ случаѣ онъ былъ согласенъ попытать счастья и проводить насъ черезъ горы. Освободившись такимъ образомъ отъ тяготившей насъ заботы, мы на другое утро, 17 числа, выѣхали изъ Харчины и продолжали свой путь вверхъ по рѣкѣ. Въ виду быстроты теченія въ главномъ руслѣ, мы повернули въ одинъ изъ многочисленныхъ рукавовъ или протоковъ, на которые въ этомъ мѣстѣ дѣлится рѣка, и медленно плыли въ продолженіи четырехъ часовъ. Фарватеръ былъ такъ узокъ и извилистъ, что можно было дотронуться весломъ до обоихъ береговъ, а мѣстами развѣсистыя березы и осины соединялись вѣтвями надъ рѣкой и пожелтѣвшія ихъ листья падали на наши головы. Тамъ и сямъ длинные старые пни наклонялись надъ рѣкою, а изъ воды торчали бревна, покрытыя мохомъ, такъ что не разъ намъ приходилось останавливаться. Нашъ проводникъ Николай Александровичъ плылъ въ своемъ челнокѣ впереди напѣвая, для нашего развлеченія, камчадальскія пѣсни; пѣсни эти отличаются монотонной меланхоліей и потому по временамъ мы съ Доддомъ оглашали воздухъ живыми, веселыми американскими напѣвами. Наскучивъ музыкой, мы улеглись на днѣ челнока на своихъ медвѣжьихъ шкурахъ и вскорѣ заснули, не смотря на плескъ воды и шумъ веселъ. Съ наступленіемъ ночи мы вышли на песчаный берегъ для ночлега, въ какихъ нибудь десяти или двѣнадцати миляхъ отъ Яловки.

Ночь была темная, тихая, и сидя вокругъ разведеннаго огня, покуривая трубки, мы неожиданно услыхали какъ бы отдаленные глухіе раскаты грома, сопровождаемые взрывами.

— Что это? спросилъ поспѣшно маіоръ.

— Это, отвѣчалъ Николай, спокойно вытряхая свою трубку:—это Ключевская Сопка разговариваетъ съ Суваличскимъ пикомъ.

— Вѣрно разговоръ ихъ не интимный, замѣтилъ Доддъ:—экъ она кричитъ!

Раскаты грома продолжались нѣсколько минутъ, но Суваличскій пикъ ничего не отвѣчалъ. Этотъ несчастный вулканъ легкомысленно истратилъ всѣ свои силы въ юности и теперь не имѣлъ голоса, чтобы отвѣчать на громовые возгласы его сосѣдки. Было время, когда вулканы въ Камчаткѣ были столь же многочисленны, какъ рыцари вокругъ стола короля Артура, и полуостровъ дрожалъ отъ ихъ громовыхъ возгласовъ, но одинъ за другимъ они задохлись отъ пламеннаго потока своего собственнаго краснорѣчія и наконецъ остался одинъ Ключевскій, который въ мрачные часы ночи взываетъ къ своимъ старымъ товарищамъ, но тщетно: никто не откликается и ему вторитъ только отдаленное эхо его собственнаго, могучаго голоса.

На другое утро меня разбудили веселые звуки американской пѣсни: „О, Сусанна! не плачь обо мнѣ“ (Oh! Suzanne, dont ye cray for me), и высунувшись изъ палатки, съ удивленіемъ увидѣлъ, что эту любимую мелодію американскихъ негровъ распѣвалъ одинъ изъ нашихъ камчадальскихъ гребцовъ, ударявшій въ тактъ по кастрюлѣ. Я не вытерпѣлъ и громко разсмѣялся, что̀ вызвало тотчасъ изъ палатки Додда. Пѣвецъ, полагавшій, что онъ наединѣ придается музыкальнымъ упражненіямъ, неожиданно остановился и сталъ какъ-то странно озираться вокругъ себя, какъ бы сознавая, что онъ сдѣлалъ нѣчто смѣшное, но что именно, онъ не вѣдалъ.

— Я не зналъ, Андрей, что ты умѣешь пѣть по англійски.

— Я не умѣю баринъ, отвѣчалъ онъ: — но я могу немного пѣть по американски.

Мы съ Доддомъ снова расхохотались къ вящему изумленію Андрея.

— Гдѣ жъ ты научился? спросилъ Доддъ.

— Матросы рыболовнаго судна научили меня этой пѣсни въ

Петропавловскѣ, два года тому назадъ, отвѣчалъ онъ и поспѣшно прибавилъ: — развѣ это нехорошая пѣсня?

— Нѣтъ, отличная, успокоилъ его Доддъ: — знаешь ли ты еще какія нибудь американскія слова?

— О, да! ваше благородіе, отвѣчалъ онъ съ гордостью: — я знаю „dam yerayize," „by'm bye tomorry", „no savey John" и „goaty hell," но я не знаю, что они значатъ.

Его знаніе американскаго языка было очень ограниченное и наврядъ ли принесло ему какую либо пользу, но самъ кардиналъ Меццофанти не такъ гордился своимъ знаніемъ сорока языковъ, какъ Андрей этими сомнительными фразами. Еслибъ онъ когда нибудь достигъ Америки, благословенной страны, о которой онъ мечталъ во снѣ, то конечно, такія фразы, какъ dam yerayze" (вмѣсто: damn your eyes—лопни твои глаза) и „goaty hell" (вмѣсто: go to hell—ступай къ черту) ввели бы его тотчасъ въ лучшее общество.

Пока мы бесѣдовали съ Андреемъ, Вьюшинъ развелъ огонь и приготовилъ завтракъ, состоявшій изъ селянки, чая и черстваго хлѣба; это былъ обычный menu нашей ежелневной пищи въ степныхъ странствіяхъ и только иногда появлялась за нашимъ столомъ жаренная утка. Что же касается до молока, масла, свѣжаго хлѣба, рыбы и варенья изъ розъ, то мы лакомились ими лишь въ туземныхъ селеніяхъ.

Усѣвшись въ свои челноки мы продолжали послѣ завтрака подниматься по рѣкѣ, пугая плывущихъ утокъ и обрывая лѣсныя ягоды съ нависшихъ надъ водою вѣтвей. Около полудня мы вышли на берегъ и пока лодка огибала длинный изгибъ рѣки, пошли пѣшкомъ по направленію къ Яловкѣ. Трава, покрывавшая равнину, была гораздо выше нашего пояса и идти по ней было чрезвычайно трудно; но все же мы достигли селенія около часа, задолго до прибытія нашихъ лодокъ.

Яловка — небольшое, камчадальское селеніе, состоящее изъ полдюжины домовъ, — лежитъ у подножья великаго центральнаго камчадальскаго кряжа, подъ самымъ горнымъ проходомъ, носящимъ его названіе, и на дорогѣ въ Тигиль, и на восточный берегъ. Это центръ движенія лодокъ по рѣкѣ Яловкѣ и мѣсто отправленія путешественниковъ чрезъ горы. Предчувствуя невозможность

достать лошадей въ такомъ маленькомъ селеніи, маіоръ послалъ восемь или десять лошадей изъ Ключей сухимъ путемъ, и мы нашли ихъ уже на мѣстѣ назначенія.

Почти весь остальной день мы посвятили на навьючиванье лошадей и на другія приготовленія къ путешествію и провели ночь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія у холоднаго источника. Погода днемъ была ясная и теплая, но ночью небо заволокло тучами и мы начали восхожденіе на горы въ среду утромъ, 19 сентября, среди сильнаго холоднаго дождя съ бурей. Дорога, если можно такъ назвать тропинку въ десять дюймовъ ширины, была отвратительна. Она слѣдовала по берегу горнаго потока, низпадавшаго водопадомъ въ узкое, темное ущелье; она шла, то по одной сторонѣ потока, то по другой, то наконецъ по самой ложбинѣ вокругъ громадныхъ вулканическихъ массъ, чрезъ крутые склоны застывшей лавы, гдѣ вода протекала чрезъ густую чащу сосенъ, наконецъ по такимъ узкимъ выступамъ горъ, что едва могла пройдти тутъ овца. Я ручаюсь головою, что двадцать человѣкъ удержали бы это ущелье противъ соединенныхъ армій всей Европы. Наши вьючныя лошади скатывались съ крутаго берега въ потокъ, срывали свои вьюки, натыкаясь на высокіе пни, падали на каждомъ шагу, прыгали чрезъ бездны съ клокочущей внизу водой и вообще совершали такіе подвиги, которые были бы не по силамъ всякой другой лошади, кромѣ камчатской. Наконецъ, пытаясь перескочить черезъ потокъ, имѣвшій въ этомъ мѣстѣ восемь или десять футовъ ширины, я былъ выбитъ изъ сѣдла, но моя лѣвая нога крѣпко засѣла и не выпускала маленькаго, желѣзнаго стремени. Лошадь взобралась на противоположный берегъ и понеслась вверхъ по ущелью, таща меня по землѣ за одну ногу. Я помню, что я сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобъ охранить свою голову и приподнялся на локтяхъ, но лошадь неожиданно меня лягнула и я потерялъ сознаніе. Когда я очнулся, то лежалъ на землѣ, нога моя все еще была запутана въ сломанномъ стремени, но лошадь была уже далеко. Я былъ обязанъ жизнью тому незначительному факту, что ремень стремени порвался, иначе я непремѣнно размозжилъ бы себѣ голову о груды камней. Я получилъ тяжелые ушибы и былъ очень слабъ, но кости

всѣ были цѣлы и я всталъ безъ всякой посторонней помощи. До этой минуты маіоръ сдерживалъ свой горячій характеръ, но тутъ онъ набросился на бѣднаго Николая и осыпалъ его самыми ужасными ругательствами за то, что онъ смѣлъ вести насъ по такому отвратительному горному проходу. Тщетно Николай говорилъ въ свое оправданіе, что не было другаго прохода, маіоръ гремѣлъ, что его обязанность была найдти другой путь, а не подвергать людей опасности въ Богомъ забытомъ ущельѣ, полномъ воды, лавы, сломанныхъ деревьевъ и такъ далѣе. Маіоръ кончилъ тѣмъ, что поклялся убить Николая на мѣстѣ, если что нибудь случится съ однимъ изъ насъ. Блѣдный и дрожа отъ страха, проводникъ поймалъ мою лошадь, починилъ ремень стремени и отправился впередъ для доказательства, что онъ не боится той дороги, на которую насъ привелъ.

Я полагаю, что мы по крайней мѣрѣ пятьдесятъ разъ перепрыгнули черезъ этотъ потокъ, чтобъ избѣжать выдающихся утесовъ и крутыхъ скатовъ, являвшихся то съ одной, то съ другой стороны. Одна изъ нашихъ вьючныхъ лошадей пала, а нѣсколько другихъ почти совершенно отказывались служить; наконецъ вечеромъ мы достигли вершины горы, находившейся на 4,000 фут. надъ уровнемъ моря. Передъ нами растилалась громадная равнина, полускрытая грозовыми тучами и туманомъ; мелкій сѣверный мохъ покрывалъ на 18 дюймовъ глубины эту равнину, но на ней не было ни одного признака жизни, ничего кромѣ моха и тумана. Холодный, пронзительный сѣверный вѣтеръ навѣвалъ грозовыя тучи и полузамершія капли дождя хлестали насъ по лицу. Промокнувъ до костей послѣ восьми или десяти часовъ, проведенныхъ подъ дождемъ, усталые и изнуренные мы наконецъ остановились, чтобъ отдохнуть и рѣшить о послѣдующемъ путешествіи. Мы поднесли всѣмъ людямъ водки въ крышкѣ оловяннаго ведра, но холодъ былъ такъ силенъ, что дѣйствіе водки было совсѣмъ незамѣтно. Бѣдный староста Яловки въ мокрой одеждѣ съ посинѣвшими губами и скрежеща зубами, былъ въ самомъ несчастномъ положеніи. Онъ поспѣшно схватилъ водку, которую ему подалъ маіоръ, и судорожно дрожа всѣмъ тѣломъ пролилъ большую часть водки прежде, чѣмъ донесъ ее до рта.

Боясь, чтобы темнота насъ не застигла прежде чѣмъ мы доѣдемъ до селенія, мы направились къ уединенной, полуразрушенной юртѣ, которая, по словамъ Николая, находилась на западномъ краю равнины, на разстояніи восьми верстъ. Наши лошади на каждомъ шагу спотыкались и проваливались по колѣна въ губкообразной, мокрой массѣ мха, такъ что мы должны были ѣхать шагомъ, и несчастныя восемь верстъ показались намъ безконечными. Наконецъ послѣ четырехъ часовъ странствія, при температурѣ 32° и холодномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, мы достигли юрты въ полузамершемъ состояніи. Это была низкая пустая хижина почти четырехугольная, выстроенная изъ бревенъ различной величины и покрытая сверху мохомъ и землею, на которой выросла трава, такъ что снаружи она казалась ледникомъ. Половина стѣны съ одной стороны была оторвана для разведенія огня застигнутыми бурею путешественниками; деревянный полъ былъ совершенно мокрый отъ протекавшей съ крыши воды; вѣтеръ и дождь глухо ревѣли въ отверстіе для трубы; двери вовсе не было и вообще это жилище представляло картину общаго разоренія. Вьюшинъ никогда не унывавшій, оторвалъ еще часть разоренной стѣны, развелъ огонь, повѣсилъ котелокъ и принесъ наши ящики съ провизіей. Я не могъ добиться откуда Вьюшинъ взялъ воду для чая, такъ какъ ближайшій ручей отстоялъ на 10 миль, а вода, сочившаяся черезъ крышу, была слишкомъ густа и грязна для употребленія; но я полагаю, что онъ добылъ воду, выжавъ большое количество мокраго мха, сорваннаго съ тундры. Между тѣмъ я съ Доддомъ сняли сапоги, вылили изъ нихъ около кружки грязной воды, просушили ноги и по мѣрѣ того, какъ паръ сталъ выходить облаками изъ нашей мокрой одежды, мы стали ощущать нѣкоторое довольство. Вьюшинъ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Онъ добровольно принялъ на себя обязанность во все продолженіе дня присматривать за туземцами и отличался чрезмѣрными усиліями, то поднимая падающихъ лошадей, то осторожно проводя ихъ по опаснымъ мѣстамъ, то воодушевляя отчаявающихся камчадаловъ; теперь же онъ выжималъ воду изъ своей рубашки и волосъ, по разсѣянности, въ котелокъ съ супомъ, но при этомъ лице его было такъ спокойно и онъ такъ чистосердечно смѣялся,

что никто изъ насъ не могъ сердиться и жаловаться на усталость, холодъ или голодъ. Смотря на это веселое лице и слыша этотъ веселый смѣхъ, мы сами забыли свои несчастья и стали веселѣе. Послѣ ужина, состоявшаго изъ селянки, сушеной рыбы, черстваго хлѣба и чая, мы растянулись на тѣхъ мѣстахъ пола, гдѣ менѣе было воды, и прикрывшись одѣялами, клеенками и медвѣжьими шкурами, вскорѣ заснули, не смотря на нашу мокрую одежду и мокрое ложе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Холодное жилище.—Великолѣпная мѣстность.—Еще охота на медвѣдя.—Скачка съ препятствіями.—Плаваніе въ Тигиль.

Я проснулся около полуночи, дрожа всѣмъ тѣломъ. Огонь, разведенный на мокрой землѣ, потухъ и тлѣвшія головни по временамъ вспыхивали, освѣщая юрту мерцающимъ блескомъ. Вѣтеръ жалобно вылъ, а дождь неумолимо стучалъ въ стѣны и просачивался сквозь крышу на мое уже и то мокрое одѣяло. Я приподнялся на локтяхъ и взглянулъ вокругъ себя. Юрта была пуста и я въ ней былъ одинъ. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ я не могъ очнуться и дать себѣ отчета въ томъ, какъ я попалъ въ такое мрачное мѣсто, но мало по малу я припомнилъ всѣ событія предыдущаго дня и вышелъ въ дверь, чтобъ посмотрѣть куда дѣлись мои товарищи. Оказалось, что маіоръ и Доддъ съ камчадалами разбили палатки на мокромъ мхѣ и спали тамъ вмѣсто того, чтобъ оставаться въ юртѣ и портить свою одежду и одѣяла, которыя подвергались грязнымъ потокамъ съ крыши. Палатка едва ли была лучшимъ убѣжищемъ, но конечно надо было отдать преимущество чистой водѣ передъ грязью и потому я перенесъ свою постель и улегся рядомъ съ Доддомъ. Вѣтеръ однажды ночью снесъ палатку и оставилъ насъ на нѣсколько минутъ подъ дож-

демъ, но не смотря на бурю, мы снова поставили палатку, укрѣпили ее бревнами, вытащенными изъ стѣны юрты, и такимъ образомъ проспали до утра.

Грустное зрѣлище представляли мы на другое утро, но дѣлать было нечего и на разсвѣтѣ послѣ завтрака, мы осѣдлали лошадей и пустились снова въ путь. Буря еще продолжалась, но видимо приближалась къ концу. Видъ съ той возвышенной точки, на которой мы теперь находились, долженъ быть великолѣпенъ въ хорошую погоду: съ одной стороны виднѣется Тигильская долина и Охотское море, а съ другой Тихій океанъ, долины Яловки и Камчатки и снѣжные пики Сувалическій и Ключевскій. По временамъ въ разсѣлинахъ тумана мы видѣли далеко внизу, на нѣсколько тысячъ футовъ подъ нами, рѣку Яловку и вершину отдаленнаго вулкана, скрытаго въ облакахъ дыма; но туманъ, навѣваемый Охотскимъ моремъ, былъ большею частью такъ густъ и непроницаемъ, что мы почти ничего не видали передъ собою кромѣ мховъ, по которымъ лѣниво ступали наши уставшія лошади.

Казалось невозможнымъ, чтобы человѣческія существа жили на этой уединенной пустынной степи, находившейся на 4000 футовъ надъ поверхностью моря и подвергавшейся постояннымъ туманамъ, бурямъ и пургамъ. Но даже здѣсь кочевые коряки пасутъ своихъ оленей, разбиваютъ свои юрты и вступаютъ въ борьбу со стихіями. Три или четыре раза въ продолженіи этого дня мы проѣзжали груды оленьихъ роговъ и кучи угольевъ, окруженныя вѣтвями и обнаруживавшія мѣстонахожденіе корякскихъ юртъ; въ настоящее время дикіе номады, оставившіе послѣ себя эти слѣды, быть можетъ пасутъ оленей на хладныхъ берегахъ Сѣвернаго океана.

Благодаря густому туману, постоянно насъ окружавшему, мы не могли составить себѣ яснаго понятія о формаціи того горнаго кряжа, чрезъ который мы переходили или о величинѣ и свойствѣ той великой равнинѣ, покрытой мхомъ, которая простиралась на такой высотѣ между вулканическими пиками. Я знаю только, что около полудня мы покинули эту тундру, какъ называютъ степь, покрытую мхомъ, и стали постепенно спускаться въ дикую, горную страну, гдѣ не видно было почти никакой растительности кромѣ чахлыхъ сосенъ. На разстояніи десяти миль земля была покрыта

массами вулканическихъ обломковъ различной величины отъ 5 кубическихъ футовъ до 500. По видимому, въ какой-то невѣдомый геологическій періодъ небо усѣяло землю вулканическими камнями, такъ что ихъ обломки покрыли землю на 50 футовъ глубины. Почти всѣ изъ этихъ вулканическихъ обломковъ имѣли двѣ гладкія полированныя стороны и походили на неправильные куски чернаго, окаменѣлаго пудинга. Я недостаточно былъ знакомъ съ вулканическими явленіями, чтобы рѣшить какимъ образомъ и благодаря какому вліянію земля покрылась этими странными камнями, но они походили на обломки громадныхъ листовъ окаменѣлой лавы, свалившихся съ неба и разбившихся въ миліоны мелкихъ плитъ. Я невольно вспомнилъ описаніе у Вальтеръ-Скота той мѣстности, гдѣ вышелъ на берегъ Брюсъ и лордъ Острововъ, такъ какъ кромѣ этого описанія никогда не читалъ ни о чемъ подобномъ.

Около полудня мы остановились для завтрака на западной сторонѣ каменистой пустыни, а къ ночи достигли уже такой мѣстности, въ которой показались кустарники, трава и ягоды. Мы провели ночь на открытомъ воздухѣ подъ дождемъ, а на разсвѣтѣ 21 сентября снова продолжали спускаться по западнымъ склонамъ горъ. Около полудни мы къ величайшему удовольствію встрѣтили людей и лошадей, посланныхъ намъ на встрѣчу изъ туземнаго селенія Сидонки, и перемѣнивъ нашихъ усталыхъ коней на свѣжіе, мы быстро продолжали путь; погода скоро прояснилась и стало тепло; дорога, по которой мы ѣхали, извивалась вокругъ подножія горъ, среди березовыхъ и рябиновыхъ рощь; мало по малу солнечные лучи высушили нашу мокрую одежду и отогрѣли наше окостенѣвшее тѣло такъ, что вскорѣ мы совсѣмъ забыли дождь и мрачную пустыню, оставшуюся позади насъ; наша прежняя веселость быстро къ намъ возвращалась.

Я уже однажды разсказывалъ исторію о медвѣжьей охотѣ, въ которой участвовала наша партія при переходѣ чрезъ камчатскую тундру, но такъ какъ тотъ разсказъ не выставлялъ съ хорошей стороны наши охотничьи доблести, то я намѣренъ описать еще одну охоту на медвѣдя, которая имѣла мѣсто во время нашего путешествія по склонамъ Тигильскихъ горъ. Я даю торжественное обѣщаніе при этомъ, что этотъ разсказъ будетъ послѣдній.

Около полудня мы ѣхали по узкой долинѣ, покрытой травой и окаймленной густыми сосновыми и березовыми лѣсами, какъ вдругъ одинъ изъ туземцевъ неожиданно воскликнулъ: „медвѣдь!“ И дѣйствительно, большой черный медвѣдь небрежно шелъ по травѣ, отыскивая ягодъ. Онъ постепенно приближался къ намъ, но очевидно еще насъ не замѣтилъ; поэтому тотчасъ составилась партія охотниковъ изъ двумъ камчадаловъ, маіора и меня, вооруженныхъ ружьями, ровольверами и ножами. Пробравшись между деревьями, мы заняли выгодное мѣсто на опушкѣ лѣса впереди его медвѣжьяго величества и спокойно дожидали его прихода. Думая только о ягодахъ и не предчувствуя своей судьбы, медвѣдь тяжело ступалъ, переваливаясь со стороны на сторону. Наконецъ онъ былъ отъ насъ въ пятидесяти шагахъ. Камчадалы встали на колѣни, взяли свои длинныя и тяжелыя ружья, перекрестились три раза, тяжело перевели духъ, прицѣлились и, закрывъ глаза, выстрѣлили. Въ окружающемъ насъ безмолвіи что-то зашипѣло, потомъ раздался выстрѣлъ, сопровождавшійся тотчасъ и изъ нашихъ ружей выстрѣлами. Когда разсѣялся дымъ, я съ любопытствомъ взглянулъ, желая поскорѣе увидать куда упало убитое животное; но какое же было мое удивленіе, когда оказалось, что медвѣдь не только не плавалъ въ крови, какъ слѣдовало приличному звѣрю, но прямо бѣжалъ на насъ. Этого не было въ нашей программѣ. Мы не расчитывали на атаку съ его стороны, а его разъяренный видъ не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ серьезности его намѣреній. Я сталъ-было припоминать историческіе примѣры, которые говорили бы въ пользу попытки взлѣсть на дерево, но мой умъ находился въ такомъ смущеніи, что я не могъ воспользоваться моими обширными историческими свѣденіями. Не даромъ на востокѣ говорятъ: „Человѣкъ можетъ знать наизусть пять частей Корана, но преслѣдуемый медвѣдемъ, онъ забываетъ даже азбуку.“ Что бы мы сдѣлали въ послѣднюю минуту, покрыто мракомъ неизвѣстности, ибо выстрѣлъ изъ револьвера маіора побудилъ медвѣдя перемѣнить свой планъ, и неожиданно повернувъ въ сторону исчезъ въ лѣсу, и проложивъ себѣ дорогу черезъ кусты, въ десяти шагахъ отъ нашихъ ружей. Мы старательно изслѣдовали листву кустарниковъ и траву,

надѣясь найдти слѣды крови, но были принуждены наконецъ сознаться, что онъ исчезъ даже не раненый.

Охотиться на медвѣдей съ русскимъ ружьемъ чрезвычайно пріятное и безобидное препровожденіе времени. Въ промежутокъ времени, какъ ружье начнетъ шипѣть и какъ раздастся выстрѣлъ, медвѣдь вполнѣ успѣетъ наѣсться ягодъ, пробѣжать 15 миль до слѣдующей провинціи и преспокойно улечься въ свою берлогу.

На маіора это второе приключеніе съ медвѣдемъ произвело такое дурное впечатлѣніе, что въ продолженіи двухъ недѣль послѣ этого было не безопасно произносить передъ нимъ слово „медвѣдь.“

Мы провели ночь подъ развѣсистыми вѣтвями громадной старой березы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ театра нашихъ охотничьихъ подвиговъ, а рано въ пятницу пустились въ путь къ Сидонкѣ. Въ 15 верстахъ разстоянія отъ этого селенія Доддъ предложилъ скачку для развлеченія и пробы туземныхъ лошадей. Зная, что наши кони отличные, я согласился, но съ своей стороны предложилъ скачку съ препятствіями вплоть до самаго селенія. Изо всѣхъ опасныхъ поѣздокъ, совершенныхъ нами въ Камчаткѣ, самая худшая конечно была эта скачка. Наши лошади вскорѣ разгорячились, какъ сѣдоки, и летѣли стремглавъ чрезъ кусты, камни, ущелья и топи. Однажды меня выкинуло изъ сѣдла и нѣсколько разъ мы едва не расшибли себѣ головъ о деревья. Приблизившись къ городу, мы увидали трехъ или четырехъ камчадаловъ, рубившихъ лѣсъ не въ далекомъ разстояніи. Съ громкимъ крикомъ, походившимъ на военный кликъ индѣйцевъ, Доддъ пришпорилъ свою лошадь и мы оба налетѣли на нихъ какъ молнія. При видѣ двухъ чужестранцевъ въ синихъ охотничьихъ рубашкахъ, ботфортахъ и красныхъ фуражкахъ, съ пистолетами и ножами за поясами, несчастные камчадалы, бросивъ топоры, бѣжали въ лѣсъ. Послѣ этого до самаго селенія мы ни разу не перевели духа и я опустилъ поводья только, когда меня туземцы сняли съ лошади, совершенно изнеможенной и въ мылѣ.

Ночью мы спустились по рѣкѣ Тигилю къ селенію того же имени, куда и прибыли до разсвѣта, сдѣлавъ такимъ образомъ въ 16 дней 1130 верстъ,

Мои воспоминанія о Тигилѣ нѣсколько смутны и неопредѣленны. Я помню, что меня поражало то громадное количество шампанскаго, хереса, рома и водки, которое русскіе жители могли выпить; также Тигиль мнѣ показался такимъ уродливымъ селеніемъ, какъ всѣ остальныя въ Камчаткѣ, но вотъ и все. Послѣ Петропавловска Тигиль однако важнѣйшее селеніе полуострова и составляетъ комерческій центръ всего западнаго берега. Русскій пароходъ и американское комерческое судно заходятъ въ устья Тигиля каждое лѣто, привозя для всего полуострова большіе запасы ржаной муки, чая, сахара, сукна, мѣдной посуды, табака и крѣпкой русской водки. Брагины, Воробьевы и двѣ или три другія торговыя фирмы имѣютъ здѣсь свою главную квартиру, а зимою здѣсь сборный пунктъ многихъ сѣверныхъ племенъ, чукчей и коряковъ. Такъ какъ намъ не предстояло проѣхать мимо ни одного комерческаго центра до селенія Гижигинскъ на Охотскомъ морѣ, то мы рѣшились остаться на нѣсколько дней въ Тигилѣ для отдыха и пополненія своихъ путевыхъ запасовъ.

Теперь намъ предстояло совершить ту часть нашего путешествія, которой мы боялись, и которая казалась самой трудной по причинѣ мѣстности, по которой мы должны были ѣхать, и позднему времени года. Только семь камчадальскихъ селеній лежали между Тигилемъ и степями кочующихъ коряковъ, а мы еще не придумали никакого плана для проѣзда по этимъ негостепріимнымъ пустынямъ прежде снѣговъ, которые дозволяли бы ѣзду на оленяхъ. Человѣку, незнакомому съ сѣверными странами, почти невозможно составить себѣ ясное понятіе изъ разсказовъ о сибирской степи, покрытой мхомъ или вполнѣ оцѣнить тѣ преграды, которыя она представляетъ для путешествія лѣтомъ. Даже зимою, когда земля замерзши и покрыта снѣгомъ, путешествіе не очень легко, но лѣтомъ оно почти невозможно. На триста или четыреста квадратныхъ миль, замерзшая земля, покрыта на два фута роскошнымъ губкообразнымъ сѣвернымъ мхомъ, а тамъ и самъ виднѣются ягоды или такъ называемый лабрадорскій чай. Мохъ этотъ такъ пропитанъ водою, что онъ никогда не высыхаетъ отъ іюня до сентября, и вы на каждомъ шагу проваливаетесь до колѣнъ; когда же вы вытащите ногу, то, благодаря губкообразной

эластичности, поверхность быстро принимаетъ свой прежній видъ. Причины этого удивительнаго и по видимому не нормальнаго роста мха тѣ самыя, которыя повсюду имѣютъ могущественнѣйшее вліяніе на растительность—именно теплота, свѣтъ, вода, и эти элементы въ сѣверномъ климатѣ соединяются въ такомъ видѣ въ лѣтніе мѣсяцы, что побуждаютъ нѣкоторыя растенія къ почти тропическому развитію. Земля оттаиваетъ весною на какіе нибудь два фута, а внизу простирается непроницаемая ледяная масса. Вода, происходящая отъ таянія зимнихъ снѣговъ, не можетъ, благодаря этимъ ледянымъ пластамъ, проникнуть глубже въ землю и имѣетъ одинъ исходъ—медленное испареніе. Поэтому она пропитываетъ собою мохъ и, съ помощію почти никогда не заходящаго въ іюнѣ и іюлѣ солнца, доводитъ мохъ до изумительно роскошнаго развитія.

Ясно, что путешествіе лѣтомъ по громадной степи, покрытой эластичнымъ, пропитаннымъ водою мохомъ, чрезвычайно трудно, если не совершенно невозможно. Лошади проваливаются до колѣнъ на каждомъ шагу и очень быстро изнуряются отъ постоянно встрѣчаемыхъ преградъ. Мы уже испытали подобное путешествіе по вершинѣ Яловскаго прохода и потому естественно думали съ значительными опасеніями о странствіяхъ по великимъ тундрамъ коряковъ въ сѣверной части Камчатскаго полуострова. Быть можетъ, было бы благоразумнѣе намъ остаться въ Тигилѣ, и терпѣливо ожидать наступленія зимы, а слѣдовательно возможности ѣзды въ саняхъ на собакахъ; но маіоръ боялся, что главный инженеръ компаніи Русско-Американскаго Телеграфа высадилъ отрядъ людей въ опасную страну, окаймляющую Беринговъ проливъ, и ему хотѣлось непремѣнно достигнуть такого мѣста, гдѣ онъ съ возможной скоростью могъ навести справки объ этомъ предметѣ. Онъ рѣшился поэтому во что бы то ни стало и подъ какимъ бы то ни было рискомъ достигнуть корякскихъ степей и если только возможно, то проѣхать ихъ верхомъ.

Въ Тигилѣ мы купили китоловное судно и отправили его съ туземнымъ экипажемъ въ Лѣсной, такъ какъ въ случаѣ невозможности пробраться черезъ Корякскія степи, мы могли бы переѣхать водою черезъ Охотское море въ Гижигу до наступленія

зимы. Мы закупили и упаковали въ ящики изъ звѣриныхъ шкуръ провизію, товаръ для мѣны и мѣховую одежду вообще; сдѣлали все что могъ посовѣтовать нашъ предыдущій опытъ для огражденія себя отъ всѣхъ непріятностей кочевой степной жизни и холодной ненастной погоды.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Берегъ Охотскаго моря.—Лѣсной.—Китоловное судно и континентальный отрядъ.—Чертовъ проходъ.—Саманкскія горы.—Пурга.—Дикая мѣстность.

Въ среду, 27 сентября, мы снова пустились въ путь съ двумя казаками, корякскимъ переводчикомъ, десятью людьми и четырнадцатью лошадьми. Небольшой снѣгъ выпалъ наканунѣ нашего отъѣзда, но онъ не испортилъ дороги, а только служилъ намъ предостереженіемъ, что зима близка, и что мы не могли расчитывать на хорошую погоду. Мы съ возможной быстротой обогнули берегъ Охотскаго моря, частью по самой песчаной окраинѣ воды, а частью по низкимъ отрогамъ центральныхъ горъ, спускавшихся до моря; мы миновали селенія Аминьяну, Вымпелку, Хуктану и Поляну, перемѣняя повсюду людей и лошадей, и наконецъ 3 октября достигли Лѣснаго, послѣдняго камчадальскаго селенія на полуостровѣ. Лѣсной находится, насколько мы могли удостовѣриться, подъ 59^0 $20'$ шир. и 160^0 $25'$ долготы, около 150 верстъ къ югу отъ корякскихъ степей и почти на 200 миляхъ разстоянія отъ Гижинска, цѣли нашего теперешняго путешествія.

Мы до сихъ поръ испытали мало трудностей въ нашихъ странствіяхъ по Камчаткѣ, такъ какъ погода стояла отличная и мы встрѣчали на пути мало естественныхъ преградъ. Но теперь мы вступали въ степь почти необитаемую и малоизвѣстную даже нашимъ камчадальскимъ проводникамъ. Къ сѣверу отъ Лѣснаго

центральный кряжъ камчатскихъ горъ круто опускается въ Охотское море длиннымъ рядомъ страшныхъ обрывовъ, которые представляли непроходимую стѣну между нами и степями кочующихъ коряковъ. Черезъ этотъ горный кряжъ чрезвычайно трудно перебираться съ лошадьми даже лѣтомъ, тѣмъ болѣе теперь, когда горные ручьи раздулись, благодаря дождямъ, въ бушующіе потоки и каждую минуту можно было ожидать грозныхъ бурь, этихъ провозвѣстницъ зимы. Камчадалы въ Лѣсномъ положительно объявили, что тщетно было пытаться перейдти горы до тѣхъ поръ, пока рѣки замерзнутъ и снѣгъ настолько выпадетъ, что будетъ возможно ѣздить на саняхъ, а потому они отказались рисковать пятнадцатью или двадцатью лошадьми, не говоря уже о своей жизни въ подобномъ предпріятіи. Маіоръ отвѣчалъ имъ въ болѣе энергичныхъ, чѣмъ любезныхъ выраженіяхъ, что онъ не вѣрилъ ихъ сказкамъ, что ему необходимо было перейдти черезъ горы и они должны его сопровождать. Повидимому имъ никогда не приходилось имѣть дѣло съ такимъ рѣшительнымъ и упорнымъ человѣкомъ, какъ маіоръ, и потому, послѣ продолжительныхъ совѣщаній между собою, они согласились попытать счастье съ восемью ненавьюченными лошадьми, оставивъ весь нашъ багажъ и тяжелыя лагерныя принадлежности въ Лѣсномъ. Сначала маіоръ объ этомъ не хотѣлъ и слышать, но обдумавъ серьезно наше положеніе, онъ рѣшился раздѣлить нашъ отрядъ на двѣ части: одна партія должна была обогнуть горы водой со всѣмъ багажемъ на китоловномъ суднѣ, а другая перейдти черезъ горы съ двадцатью ненавьюченными лошадьми. Полагали, что дорога черезъ горы шла близъ берега, такъ что обѣ партіи всегда имѣли бы возможность сообщаться, хотя бы сигналами, и въ случаѣ непредвидѣнныхъ преградъ помочь другъ другу. Около средины горнаго пути, къ западу отъ главнаго кряжа, протекала небольшая рѣчка по имени Саманка и устье ея было назначено сборнымъ пунктомъ для обѣихъ партій, въ случаѣ если онѣ потеряютъ другъ друга изъ виду, благодаря туманамъ и бурямъ. Маіоръ рѣшился идти съ Доддомъ на китоловномъ суднѣ, а мнѣ предоставилъ начальство надъ сухопутнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ нашего лучшаго казака Вьюшина, шести камчадаловъ и двадцати ненавьюченныхъ лошадей.

Мы составили цѣлый словарь сигналовъ и надѣлали флаговъ для передачи этихъ сигналовъ, потомъ перенесли весь багажъ въ китоловное судно и большой челнъ изъ тюленьей шкуры; наконецъ 4 октября утромъ я простился съ маіоромъ и Доддомъ на берегу, и они отплыли. Мы съ своей стороны сѣли на лошадей и поскакали по долинѣ къ разсѣлинѣ въ горахъ, черезъ которую мы и вступили въ „пустыню.“ Дорога на первыхъ десяти или пятнадцати верстахъ была очень хорошая, но къ моему величайшему удивленію, вмѣсто того, чтобъ огибать морской берегъ, она углублялась въ горы въ совершенно противоположное направленіе, и я началъ опасаться, что нашъ планъ о взаимной помощи окажется вполнѣ неудачнымъ. Полагая, что китоловное судно не уйдетъ далеко въ первый день на веслахъ, такъ какъ не было вѣтра, мы довольно рано расположились на ночлегъ въ узкой долинѣ, между двумя паралельными кряжами горъ. Я взлѣзъ на небольшое возвышеніе позади нашей палатки, надѣясь увидать море, но мы были по крайней мѣрѣ въ 15 верстахъ отъ берега, и между моремъ и нами тянулся рядъ высокихъ, доходившихъ до снѣжной линіи, пиковъ. Скучно было сидѣть одному въ палаткѣ безъ веселаго Додда, который постоянно развлекалъ нашу одинокую степную жизнь комичными разсказами и веселыми шутками. Вьюшинъ хлопоталъ объ ужинѣ и старался во чтобы то ни стало развеселить меня воспоминаніями о своихъ странствіяхъ по Камчаткѣ, но оленьи котлеты какъ будто потеряли для меня всю свою прелесть, а русскихъ шутокъ я не понималъ. Послѣ ужина я легъ на медвѣжью шкуру въ палаткѣ и, наблюдая за восхожденіемъ луны изъ за отдаленныхъ вулканическихъ пиковъ, вскорѣ заснулъ.

На второй день мы отправились по узкой извилистой долинѣ между горами по мокрому губкообразному мху и чрезъ глубокія ущелья; чрезъ нѣсколько часовъ мы достигли разоренной подземной юрты почти на полудорогѣ между Лѣснымъ и рѣкой Саманкой. Здѣсь мы позавтракали сушеной рыбой и черствымъ хлѣбомъ, послѣ чего снова поѣхали по долинѣ среди бури и дождя, окруженные со всѣхъ сторонъ утесами, снѣжными горами и заглохнувшими вулканами. Дорога стала неожиданно хуже. Долина постепенно съузилась до горнаго ущелья, имѣвшаго 150 футовъ

глубины, на заднемъ фонѣ котораго низвергался горный потокъ, по остывшимъ массамъ лавы. Вдоль узкихъ, мрачныхъ сторонъ этого чертова прохода казалось не могла пройти и коза, но нашъ проводникъ говоря, что онъ проходилъ тутъ не разъ, слѣзъ съ лошади и пошелъ впередъ по узкой закраинѣ утесовъ, которую я прежде не замѣчалъ. Мы осторожно послѣдовали за нимъ, то спускаясь почти къ самой водѣ, то поднимаясь до такой вышины, что потокъ клокоталъ подъ нашими ногами въ 50 футахъ разстоянія. Полагаясь, увы, слишкомъ много на умъ и вѣрность ногъ моей лошади, я легкомысленно пустился по этой опасной тропинкѣ верхомъ и едва не поплатился жизнью за свою смѣлость. На половинѣ дороги, гдѣ тропинка шла въ десяти футахъ надъ потокомъ, закраина утеса поддалась подъ ногами моей лошади и мы оба грохнулись на подводные камни, усѣявшіе ложбину потока. Я успѣлъ выдернуть ногу изъ желѣзнаго стремени и падая повернулся головою къ утесу такъ, чтобъ лошадь не упала на меня. Паденіе наше было не съ большой вышины и я упалъ на лошадь, но приподнимаясь на ноги, она едва не разбила мнѣ голову копытами. Бѣдное животное получило поврежденія, но не серьезныя, и взявъ за уздцы, я повелъ ее по водѣ до тѣхъ поръ, пока представилась возможность выйдти на тропинку. Тогда я снова вскочилъ въ сѣдло и продолжалъ путь весь мокрый и съ порядочно потрясенными нервами.

Передъ самыми сумерками мы достигли такого мѣста въ долинѣ, далѣе котораго казалось невозможно было идти, такъ какъ дорогу пересѣкали высокія горы. Это былъ центральный кряжъ Саманскихъ горъ. Я взглянулъ вопросительно на проводника, но тотъ указалъ на кряжъ горъ и отвѣчалъ, что тамъ шла наша дорога. Березовый лѣсъ тянулся до половины горы, послѣ чего шли сосны и невысокіе кустарники, а наконецъ на верху чернѣли обнаженные утесы, на которыхъ даже мохъ не могъ найдти достаточно земли для своихъ корней. Видя это, я понялъ почему камчадалы отказывались перебраться черезъ эти горы съ навьюченными лошадьми и сталъ даже сомнѣваться, возможно ли это было совершить безъ всякаго багажа. Не смотря на всю мою привычку лазить по горамъ, я положительно боялся рискнуть на

такое смѣлое предпріятіе и рѣшился сдѣлать привалъ съ цѣлью переночевать и отдохнуть, а уже на другое утро, съ новыми силами, приняться за трудное дѣло. Ночь наступила рано; дождь лилъ ливмя и мы не могли высушить нашего мокраго платьл. Мнѣ очень хотѣлось согрѣть свою остывшую кровь водкою, но моя фляжка была забыта впопыхахъ при отъѣздѣ изъ Лѣснаго, и я долженъ былъ довольствоваться горячимъ чаемъ. По счастью моя постель, завернутая въ клеенку, была суха и я взлѣзъ какъ былъ мокрый въ свой мѣшокъ изъ медвѣжьей шкуры и, накрывшись другими шкурами, благополучно заснулъ.

На другое утро Вьюшинъ разбудилъ меня рано и объявилъ, что идетъ снѣгъ. Я поспѣшно всталъ и выглянулъ изъ палатки. То, чего я всего болѣе опасался, наконецъ случилось. Страшный снѣжный ураганъ, или какъ туземцы говорятъ, пурга, свирѣпствовалъ по долинѣ и природа неожиданно облеклась въ бѣлый зимній саванъ. Снѣгъ покрывалъ землю на 3 вершка, а на склонахъ горъ конечно онъ долженъ былъ быть еще глубже и рыхлѣе. Я на минуту колебался: идти ли черезъ горы въ такую погоду, но мнѣ было положительно приказано по крайней мѣрѣ достигнуть до рѣки Саманки и неисполненіе этого приказанія могло причинить неудачу всей нашей экспедиціи. Предыдущій опытъ убѣждалъ меня, что маіоръ не дозволитъ бурѣ измѣнить его плановъ, и мысль, что если онъ достигнетъ рѣки Саманки, а я нѣтъ, то придется признать превосходство славянской крови надъ англо-саксонской — побудило меня идти впередъ. Поэтому, хотя и не охотно, я приказалъ снимать палатку, и какъ только собрали и осѣдлали лошадей, мы отправились въ путь. Едва поднялись мы на 200 футовъ надъ долиною, какъ сильнѣйшій сѣверо-восточный ураганъ началъ мести намъ прямо въ лицо громадныя тучи снѣга, и вскорѣ земля и небо исчезли въ нашихъ глазахъ; мы были въ хладныхъ объятіяхъ ужасной мятели. Вскорѣ дорога стала такъ крута, что мы не могли болѣе ѣхать верхомъ; мы спѣшились и тихо, осторожно повели лошадей, то утопая въ снѣгу, то карабкаясь по острымъ окраинамъ утесовъ, разрѣзавшихъ наши сапоги изъ тюленьей шкуры. Поднявшись такимъ образомъ на 1000 футовъ, я до того усталъ, что принужденъ былъ лечь. Отдохнувъ такимъ

*

образомъ нѣсколько минутъ, мы продолжали путь и черезъ часъ столь же труднаго странствованія, иногда по поясъ въ снѣгу, мы достигли по видимому хребта горы, возвышавшейся по крайней мѣрѣ на 2000 футовъ надъ поверхностью моря. Тутъ всякое сопротивленіе разъяренной стихіи было почти немыслимо. Густыя облака вьющагося снѣга скрывали отъ глазъ предметы, находившіеся въ нѣсколькихъ шагахъ; мы казалось стояли на обломкѣ погибшаго міра, окруженные снѣжнымъ ураганомъ. Только по временамъ черная вулканическая масса какого нибудь возвышеннаго, неприступнаго пика появлялась надъ нашими головами, разрѣзая снѣжную пелену и придавая всей картинѣ какой-то величественно-дикій видъ; но черезъ минуту все исчезло и насъ снова окружалъ снѣжный хаосъ. Длинная бахрома сосулекъ висѣла съ моей шапки, а моя одежда, мокрая еще со вчерашняго дня, замерзла и обнимала мое тѣло ледяной кольчугой. Ослѣпленный снѣгомъ, окоченѣвъ и едва попадая зубъ на зубъ, я сѣлъ на лошадь и отдался ея инстинкту, прося только проводника какъ можно скорѣе свести насъ съ этой открытой вершины. Но онъ тщетно старался повернуть свою лошадь противъ вѣтра: никакіе крики и удары не могли ее къ этому побудить и онъ былъ принужденъ обогнуть вершину горы до ея восточной стороны. Мы, между тѣмъ, медленно спустились въ сравнительно защищенную отъ вѣтровъ долину, потомъ поднялись на новый гребень, еще выше перваго, снова спустились въ глубокое ущелье и снова поднялись на горную вершину, такъ что я наконецъ потерялъ всякое понятіе о направленіи дороги, спутался съ компасомъ, и рѣшительно не зналъ, гдѣ мы и куда идемъ. Я сознавалъ только, что мы полузамерзли и что насъ окружаетъ дикая, горная пустыня.

Впродолженіи послѣдняго получаса я замѣчалъ нѣсколько разъ, что нашъ проводникъ заботливо совѣтовался съ другими камчадалами и по видимому колебался, не зная навѣрное по какому идти направленію. Наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ съ мрачнымъ выраженіемъ лица и признался, что мы сбились съ пути. Я не могъ бранить бѣднаго человѣка за то, что онъ потерялъ дорогу въ такую мятель и просилъ его продолжать путь по тому направленію, которое онъ полагалъ вело къ рѣкѣ Саманкѣ, при этомъ я

объявилъ, что если намъ удастся найти защищенную отъ урагана долину, то мы тамъ станемъ лагеремъ и будемъ выжидать лучшей погоды.

Впродолженіи двухъ часовъ, мы странствовали по гребнямъ горъ, склонамъ и долинамъ, все глубже и глубже проникая въ сердце горной страны, но не находя убѣжища отъ урагана. Очевидно было, что необходимо предпринять нѣчто рѣшительное, или мы всѣ замерзнемъ. Поэтому я позвалъ проводника, сказалъ ему, что берусь самъ найти дорогу и открывъ маленькій карманный компасъ указалъ ему на то направленіе, въ которомъ находился морской берегъ. Поэтому-то направленію я рѣшился идти до тѣхъ поръ, пока мы до чего нибудь дойдемъ. Около минуты онъ смотрѣлъ съ изумленіемъ на компасъ и наконецъ воскликнулъ съ отчаяніемъ: „О! баринъ, какъ можетъ компасъ знать эти проклятыя горы! Онъ здѣсь никогда не бывалъ. Я всю жизнь провелъ въ нихъ и Господь мнѣ судья, я не знаю, гдѣ теперь лежитъ море.“ Не смотря на голодъ, холодъ и отчаянье, я не могъ не улыбнуться понятію проводника о компасѣ и сталъ увѣрять его, что компасъ „шибкій мастеръ“ находить море во время урагана; но онъ молча покачалъ головою, какъ бы сомнѣваясь въ способностяхъ компаса и отказался идти по указанному мною направленію. Взявшись за предводительство и видя что невозможно заставить лошадь идти противъ вѣтра, я слѣзъ съ нея и взявъ одной рукой за поводья, а другой держа компасъ, пошелъ по направленію къ морю. За мною послѣдовалъ Вьюшинъ, казавшимся какимъ-то дикимъ звѣремъ, благодаря медвѣжьей шкурѣ, которой онъ окуталъ себѣ голову; проводникъ видя, что мы не на шутку довѣряемся компасу, кончилъ тѣмъ, что пошелъ съ нами. Мы конечно подвигались очень медленно, ибо снѣгъ былъ глубокій, наши члены почти окоченѣли отъ мороза и вѣтеръ прямо дулъ намъ въ лице. Однако черезъ нѣсколько часовъ, мы неожиданно вышли на окраину бездны, имѣвшей въ глубину до 156 футовъ и у подножья которой съ шумомъ и трескомъ катились сѣдые, морскіе валы, заглушая своимъ ревомъ завыванье вѣтра. Я никогда не воображалъ, чтобы могла существовать такая дикая, мрачная мѣстность. Позади и вокругъ насъ тянулась одинокая пустыня бѣлыхъ пиковъ, исчезавшихъ въ

сѣромъ небѣ и только мѣстами покрытыхъ купами сосенъ, которыя еще рельефнѣе выставляли роковую бѣлизну снѣжныхъ горъ. Впереди, далеко подъ нашими ногами ревѣло море, съ шумомъ разбивая свои волны о черные утесы. Снѣгъ, вода и горы, а на первомъ планѣ небольшая группа полузамерзшихъ людей и лошадей — вотъ въ чемъ состояла эта простая, но мрачно величественная картина. Проводникъ жадно посмотрѣлъ на бездну, зіявшую у нашихъ ногъ, словно искалъ извѣстныхъ ему знаковъ, и наконецъ обернувшись ко мнѣ съ просіявшимъ лицемъ просилъ показать ему компасъ. Я подалъ ему инструментъ и указалъ, что стрѣлка все по прежнему обращена была на сѣверъ. Онъ съ любопытствомъ и уваженіемъ сталъ ее разсматривать и наконецъ объявивъ, что компасъ дѣйствительно „шибкій мастеръ“, спросилъ всегда ли стрѣлка показывала по направленію къ морю. Я старался объяснить ему назначеніе и свойство компаса, но онъ ничего не понималъ и отошелъ отъ меня увѣренный, что стрѣлка въ маленькомъ мѣдномъ футлярѣ безъ сверхъестественной силы не могла указывать дороги къ морю, въ странѣ, гдѣ она никогда не бывала.

Впродолженіи всего вечера мы шли на сѣверъ, придерживаясь на сколько возможно берега и переходя одинъ кряжъ горъ за другимъ, счетомъ не менѣе девяти. Тутъ я впервые увидалъ странное явленіе упоминаемое Тиндалемъ, въ его книгѣ „Альпійскіе Ледники,“ именно синеватый свѣтъ, по видимому наполнявшій каждую трещину, каждый слѣдъ ноги въ снѣгу. Отверстіе сдѣланное въ снѣгу небольшою палкою тотчасъ начинало блестѣть какимъ-то синеватымъ паромъ. Во все продолженіе моихъ трехлѣтнихъ странствій по сѣверу я никогда не видалъ этого явленія въ такомъ совершенномъ видѣ.

Около часа, послѣ наступленія темноты, мы въѣхали въ глубокую, уединенную долину, которая по словамъ проводника выходила на морской берегъ близъ устья рѣки Саманки. Здѣсь снѣгу вовсе не было, но дождь шелъ проливной. Хотя я увѣренъ былъ, что маіоръ и Доддъ не могли прибыть въ такую бурю къ сборному пункту, но я все же приказалъ разбить палатку и отправился съ Вьюшинымъ къ устью рѣки, чтобы удостовѣриться не стоитъ ли тамъ наше китоловное судно. Было слишкомъ темно и мы не мо-

гли ничего хорошенько разобрать, но все же ясно было, что на берегу нѣтъ никакихъ слѣдовъ людей, и мы возвратились назадъ грустные, разочарованные. Никогда намъ не приносили такого счатья, какъ въ этотъ вечеръ, теплый ужинъ, гостепріимный кровъ палатки и наши мѣшки изъ медвѣжьей шкуры, служившіе тюфякомъ и одѣяломъ. Дѣйствительно, мы никогда и не находились до сихъ поръ въ такомъ несчастномъ, изнуренномъ положеніи; въ продолженіи 48 часовъ наша одежда была или мокрая, или мерзлая, а 14 часовъ мы были на ногахъ или въ сѣдлѣ безъ отдыха и пищи.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Продолженіе бури.—Голодъ.—Вѣсти о маіорѣ.—Возвращеніе въ Лѣсной.

Рано утромъ въ суботу мы двинулись къ входу въ долину и разбили палатку въ такомъ мѣстѣ, чтобы намъ было видно устье Саманки; укрѣпивъ палатку каменьями изъ предосторожности отъ вѣтра, я рѣшился остаться здѣсь дня два, поджидая маіора согласно его распоряженію. Буря продолжалась и разъяренные валы, угрюмо разбивавшіеся о берегъ въ продолженіи всего дня, убѣдили меня, что нечего было ожидать китоловнаго судна. Я надѣялся только, что оно успѣло до начала бури укрыться въ какую нибудь бухту. Если же буря застала его въ морѣ, близъ грозныхъ скалъ, тянувшихся вдоль берега, оно должно было непремѣнно или пойти ко дну со всѣмъ экипажемъ или разбиться объ утесы. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ никто конечно, изъ бывшихъ на его палубѣ, не могъ спастись.

Вечеромъ Вьюшинъ изумилъ меня и почти привелъ въ отчаянье извѣстіемъ, что наши запасы совершенно истощились; говядины вовсе не было, а черстваго хлѣба оставались только корки. Онъ и всѣ камчадалы твердо надѣялись застать китоловное судно уже

въ устьѣ Саманки и потому взяли съ собою продовольствія только на три дня. Сказалъ же онъ объ этомъ лишь въ послѣднюю минуту, ибо все расчитывалъ на приходъ китоловнаго судна, но теперь страшной тайны нельзя было скрывать. Мы находились въ трехъ дняхъ пути отъ ближайшаго селенія и не имѣли ни куска хлѣба. Какъ было намъ возвратиться въ Лѣсной? Теперь вѣроятно, горы были непроходимы отъ постоянно падавшаго снѣга. Но какъ неопасенъ былъ переходъ черезъ горы, все же намъ необходимо было попытать счастья, не теряя ни минуты времени, такъ какъ благодаря погодѣ нельзя было ожидать китоловнаго судна. Мнѣ приказано было ждать его два дня, но обстоятельства, я полагалъ, оправдывали мое ослушаніе и я приказалъ камчадаламъ приготовиться къ отъѣзду въ Лѣсной на слѣдующее утро. Потомъ я написалъ нѣсколько словъ маіору и положилъ записку въ жестяную фляжку, которую намѣревался оставить на мѣстѣ нашего лагеря. Покончивъ съ этимъ, я взлѣзъ въ свой мѣховой мѣшокъ и заснулъ, набирая силы для новой борьбы со стихіями.

Слѣдующее утро было холодное, бурное; снѣгъ шелъ въ горахъ, а дождь въ долинахъ. На разсвѣтѣ мы сняли палатку, осѣдлали лошадей, раздѣлили между ними какъ можно равномѣрнѣе багажъ и сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія для удачной борьбы съ глубокимъ снѣгомъ и непроходимыми горами.

Посовѣтовавшись съ своими товарищами, нашъ проводникъ предложилъ отказаться отъ перехода черезъ горы, какъ совершенно невозможнаго предпріятія, и вмѣсто того попробовать пройти по узкой полосѣ берега, обнаженной отливомъ подъ самыми скалами. Онъ увѣрялъ, что этотъ планъ не былъ опаснѣе перехода черезъ горы и успѣхъ казался гораздо вѣрнѣе, такъ какъ при отливѣ было на берегу очень мало мѣстъ, гдѣ лошади не могли бы пройти по суху. По этой дорогѣ было не болѣе 30 миль до ущелья на южной сторонѣ горнаго кряжа, гдѣ мы могли удалиться отъ берега и снова выдти на свою прежнюю горную дорогу, а чрезъ какія нибудь сутки достичь и Лѣснаго. Единственная опасность, грозившая намъ, состояла въ томъ случаѣ, если приливъ застигнетъ насъ прежде, чѣмъ мы достигнемъ ущелья, но и въ этомъ случаѣ мы могли спастись вскорабкавшись сами на утесы и предоставивъ

лошадей судьбѣ. Впрочемъ не все ли равно было бѣднымъ животнымъ утонуть или умереть съ голоду и замерзнуть въ горахъ. Эта бѣшенная скачка, постоянно грозившая погоней грозныхъ морскихъ валовъ, отличалась смѣлостью и удалью, которыхъ конечно нельзя было найти въ трудномъ, медленномъ, голодномъ шествіи черезъ горы и по этому я съ радостью согласился на этотъ планъ, отдавая полную справедливость уму и храбрости камчадальскаго храбреца. Отливъ только что начинался и прежде трехъ или четырехъ часовъ намъ нельзя было пускаться въ путь. Это время камчадалы посвятили на принесеніе одной изъ собакъ, сопровождавшихъ насъ изъ Лѣснова, въ жертву злому духу, въ юрисдикціи котораго, по ихъ мнѣнію, находились эти проклятыя горы. Бѣдное животное хладнокровно зарѣзали простыми ножами, выпотрошили, раскидавъ внутренности на всѣ четыре стороны и повѣсили тѣло за заднія ноги на высокомъ шестѣ, перпендикулярно воткнутомъ въ землю. Однако злой духъ, казалось, не умилостивлялся и послѣ жертвоприношенія, буря бушевала еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Но это не пошатнуло вѣру камчадаловъ въ ихъ святые обряды; если буря не прекращалась, то это лишь потому, что невѣрующій американецъ съ дьявольской жестянкой, называемой компасомъ, хотѣлъ непремѣнно перейти горы не смотря на грозныя предостереженія „горнаго духа.“ Жертвоприношенія одной собаки было недостаточно чтобы загладить святотатственное нарушеніе ясно высказавшейся воли злаго духа. Однако, это жертвоприношеніе подняло нравственный духъ суевѣрныхъ туземцевъ и не смотря на все мое сожалѣніе къ участи бѣдной собаки я былъ очень доволенъ, что этотъ дикій обрядъ воскресилъ энергію моихъ отчаявавшихся товарищей.

Около десяти часовъ, по приблизительному исчисленію, такъ какъ у меня не было часовъ, проводникъ подробно осмотрѣлъ берегъ и объявилъ, что пора ѣхать и что намъ осталось четыре или пять часовъ на поѣздку до ущелья. Мы быстро вскочили на лошадей и поскакали по узкому берегу, съ одной стороны котораго возвышалась громадная масса черныхъ скалъ, а съ другой набѣгали морскія волны. Большія груды зеленыхъ, водяныхъ растеній, раковинъ, прибитыхъ моремъ обломковъ и тысячи медузъ

устилали берегъ, но мы скакали мимо и черезъ нихъ, не обращая ни на что вниманія и ни разу не останавливаясь, исключая развѣ тѣ мѣста, гдѣ обломки колосальныхъ утесовъ загромождая дорогу дѣлали необходимымъ объѣздъ.

Первыя восемьнадцать верстъ мы проѣхали отлично, но вдругъ Вьюшинъ ѣхавшій впереди остановился и огласилъ воздухъ знакомымъ крикомъ „медвѣдь, медвѣдь, два.“ Дѣйствительно передъ нами, въ четверти версты разстоянія, двигались два медвѣдя. Рождался вопросъ, какимъ образомъ они очутились въ этомъ мѣстѣ, гдѣ черезъ три или четыре часа должны были непремѣнно потонуть; но во всякомъ случаѣ для насъ это было все равно: медвѣди были впереди и намъ надо было проѣхать мимо нихъ. Очевидно, дѣло заключалось въ томъ, чья сторона позавтракаетъ на счетъ другой. Не было никакой возможности ихъ обойти, ибо съ одной стороны были утесы, съ другой море. Я зарядилъ ружье новою пулею и положилъ двѣнадцать другихъ въ карманъ; Вьюшинъ послѣдовалъ моему примѣру и мы отправились впередъ, стараясь на сколько возможно скрываться за утесами, чтобъ они не первые насъ увидали. Въ разстояніи ружейнаго выстрѣла Вьюшинъ неожиданно осадилъ лошадь и съ громкимъ хохотомъ воскликнулъ: „это люди.“ Я выскочилъ изъ за скалы, дѣйствительно это были люди. Но откуда могли явиться люди на этомъ уединенномъ берегу? Двое туземцевъ, одѣтые съ ногъ до головы въ мѣховую одежду, приблизились къ намъ махая руками, крича по русски, чтобъ мы не стрѣляли и держа надъ головой что-то бѣлое въ родѣ парламентарнаго флага; какъ только они подошли къ намъ довольно близко, то одинъ изъ нихъ съ низкимъ поклономъ подалъ мнѣ грязный, мокрый лоскутокъ бумаги; я тотчасъ узналъ въ этомъ человѣкѣ одного изъ камчадаловъ, видѣнныхъ мною въ Лѣсномъ. Очевидно это были посланные отъ маіора. Возблагодаривъ Бога въ глубинѣ души за спасеніе товарищей, я разорвалъ конвертъ и прочелъ слѣдующую записку:

„Морской берегъ, пятнадцать верстъ отъ Лѣснаго, 4 октября. Выброшены на берегъ бурей. Торопитесь назадъ какъ можно скорѣе.

С. Абаза.“

Посланные выѣхали изъ Лѣснаго только одинъ день послѣ насъ,

но были задержаны бурей въ дорогѣ и только наканунѣ ночью достигли нашего втораго привала. Видя невозможность перейти горы по причинѣ глубокихъ снѣговъ, они бросили своихъ лошадей и пустились пѣшкомъ по берегу къ устью рѣки Саманки. Они не надѣялись достичь его въ промежутокъ одного отлива и прилива, но намѣревались во время напора волнъ укрыться на утесахъ, а потомъ, когда отойдетъ вода, снова продолжать путь. У насъ не было ни одной минуты на излишнія объясненія, приливъ быстро набѣгалъ и намъ необходимо было сдѣлать двѣнадцать верстъ въ часъ съ небольшимъ или потерять нашихъ лошадей. Мы посадили уставшихъ, мокрыхъ камчадаловъ на двухъ изъ нашихъ лишнихъ лошадей и поскакали далѣе. Чѣмъ болѣе мы приближались къ ущелью, тѣмъ наше положеніе становилось опаснѣе. Въ концѣ каждой выступающей извилины берега, вода высоко вздымалась и въ иныхъ мѣстахъ омывала пѣной подножія утесовъ. Черезъ двадцать минутъ ѣзда по берегу была бы немыслима. Наши лошади стойко выдерживали эту отчаянную скачку и намъ предстояло только обогнуть еще одну извилину и мы были спасены. Вода уже на нѣсколько футовъ покрывала берегъ, но мы съ молодецкою удалью пролетѣли эту послѣднюю преграду и черезъ пять минутъ бросили поводья на краю ущелья. Наша скачка была дѣйствительно трудная, отчаянная, но мы выиграли призъ десятью минутами ранѣе роковаго момента; мы теперь находились на южной сторонѣ горнаго кряжа, менѣе чѣмъ въ шестидесяти верстахъ разстоянія отъ Лѣснаго. Еслибъ не благоразуміе и отвага нашего проводника, то мы теперь еще блуждали бы по колѣно въ снѣгу между дикими горами въ десяти верстахъ къ югу отъ рѣки Саманки. Ущелье по которому лежалъ нашъ путь былъ загроможденъ громадными обломками скалъ и чащами развѣсистыхъ сосенъ, такъ что намъ стоило двухъ часовъ тяжелой работы для проложенія себѣ пути съ помощью топоровъ.

Однако, до сумерекъ мы достигли мѣста нашего ночлега на второй день путешествія, а около полуночи мы уже были въ полуразоренной юртѣ, гдѣ завтракали пять дней тому назадъ. Изнуренные четырнадцати часовымъ переходомъ, безъ пищи и отдыха, мы не могли сдѣлать ни шагу далѣе. Я надѣялся достать

пищи у камчадаловъ, пріѣхавшихъ изъ Лѣснаго, но къ моему горькому разочарованію, они наканунѣ кончили всю свою провизію. Вьюшинъ наскоблилъ пригоршню грязныхъ крошекъ изъ пустого хлѣбнаго мѣшка и поджаривъ на ворвани, которую онъ вѣроятно взялъ для смазки ружья, предложилъ мнѣ поѣсть, но какъ я ни былъ голоденъ я не могъ рѣшиться на такой подвигъ и онъ раздѣлилъ эту черную, отвратительную массу между камчадалами.

Второй день ѣзды безъ пищи былъ чрезвычайно изнурителенъ и я чувствовалъ жестокія судорожныя муки въ желудкѣ. Я старался утишить эту невыносимую боль сѣменами сосновыхъ шишекъ и громаднымъ количествомъ воды, но силы мои такъ ослабѣвали, что я къ вечеру не могъ сидѣть въ сѣдлѣ.

Наконецъ около двухъ часовъ послѣ сумерекъ, мы услыхали лай собакъ въ Лѣсномъ и черезъ двадцать минутъ въѣхали въ это селеніе. Сойдя съ лошадей у маленькой бревенчатой хижины старосты, мы бросились въ комнату, гдѣ застали маіора и Додда за ужиномъ.

Такимъ образомъ окончилась наша неудачная экспедиція чрезъ Саманкскія горы — самое тяжелое и непріятное путешествіе, совершенное мною въ Камчаткѣ. Спустя два дня безпокойство и физическія страданія, перенесенныя маіоромъ въ пятидневной стоянкѣ на морскомъ берегу въ страшную бурю, привели къ естественному слѣдствію. Онъ занемогъ горячкою и всякая мысль о дальнѣйшемъ путешествіи была отброшена. Всѣ лошади селенія были болѣе или менѣе изнурены. Саманкскій проводникъ занемогъ рожей и полъвина людей моего отряда были неспособны къ дальнѣйшему исполненію своихъ обязанностей. При такихъ обстоятельствахъ другая попытка перейти горы была до наступленія зимы немыслима. Поэтому Доддъ и казакъ Мироновъ были отправлены въ Тигиль за докторомъ и запасомъ продовольствія, а Вьюшинъ и я остались въ Лѣсномъ ухаживать за маіоромъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Увеселеніе камчадаловъ.—Народъ. — Рыба.—Соболь.—Пѣсни.—Сани и собаки.—Одежда.

Послѣ нашей неуспѣшной попытки перейти черезъ Саманскія горы, намъ оставалось только жить терпѣливо въ Лѣсномъ, пока рѣки замерзнутъ и снѣгъ выпадетъ достаточно, чтобъ намъ продолжать путь въ Гижигинскъ на саняхъ. Эта отсрочка была долгая, тяжелая, и я почувствовалъ въ первый разъ во всей своей силѣ тяжесть изгнанія изъ отечества и цивилизованнаго общества. Маіору не становилась лучше, и онъ цѣлые часы бредилъ переходомъ черезъ горы, поѣздкой въ Гижигинскъ въ китоловномъ суднѣ и отдавалъ невнятныя приказанія Вьюшину, Додду и мнѣ о приготовленіи лошадей, саней, лодокъ и провизіи. По видимому мысль о достиженіи Гижигинска до зимы всецѣло занимала его. Благодаря его болѣзни, время до возвращенія Додда показалась мнѣ очень долгимъ и скучнымъ, такъ какъ мнѣ рѣшительно нечего было дѣлать, кромѣ сидѣть въ маленькой бревенчатой комнатѣ со стеклами въ окнахъ изъ рыбьей чешуи и читать Шекспира и Библію до тѣхъ поръ, что я почти ихъ выучилъ наизусть. Въ хорошую погоду я отправлялся съ ружьемъ въ горы на цѣлый день, на охоту за оленями и птицами, но рѣдко мои экспедиціи увѣнчивались успѣхомъ. Всѣ мои трофеи заключались въ одномъ оленѣ и нѣсколькихъ полярныхъ птицахъ. По вечерамъ я сиживалъ на бревнѣ въ нашей маленькой кухнѣ, освященной грубой камчадальской лампой, состоявшей изъ жестянаго сосуда съ тюленьимъ саломъ и кускомъ сушенаго моха вмѣсто фитиля и слушалъ цѣлыми часами пѣсни камчадаловъ подъ акомпаниментъ гитары или разсказы о страшныхъ горныхъ приключеніяхъ. Присутствуя на этихъ камчатскихъ вечерахъ и увеселеніяхъ, я узналъ много интересныхъ подробностей о жизни, обычаяхъ и привычкахъ камчадаловъ; такъ какъ впослѣдствіи мнѣ не придется болѣе говорить объ этомъ

интереснomъ и мало извѣстномъ народѣ, то я теперь приведу все что знаю о ихъ языкѣ, музыкѣ, увеселеніяхъ, суевѣріяхъ и образѣ жизни.

Я уже говорилъ, что камчадалы спокойное, безобидное и гостепріимное племя дикарей, замѣчательное честностью, любезностью и комическимъ уваженіемъ къ законнымъ властямъ. Мысль о возстаніи или сопротивленіи старшимъ совершенно чужда теперь камчадальскому характеру, а каковъ онъ былъ въ предъидущіе вѣка независимости неизвѣстно. Они переносятъ дурное обращеніе и всевозможныя злоупотребленія безъ всякаго желанія мести, и даже съ удивительнымъ добродушіемъ. Они вѣрны и не злопамятны какъ собаки. Если вы обходитесь съ ними хорошо, то малѣйшее ваше желаніе для нихъ законъ; и они всячески будутъ стараться доказать вамъ свою благодарность, предугадывая и исполняя ваши малѣйшія желанія. Во время нашего пребыванія въ Лѣсномъ, маіоръ однажды спросилъ молока; староста не сказалъ, что во всемъ селеніи не было и одной коровы, а отвѣчалъ, что постарается достать. Немедленно, одинъ изъ туземцевъ былъ отправленъ верхомъ въ сосѣднее селеніе Кинколь и къ вечеру онъ возвратился съ бутылкой молока. Съ этого времени и до нашего отъѣзда въ Гижигинскъ, въ продолженіи болѣе мѣсяца каждый день посылался человѣвъ за 20 верстъ за свѣжимъ молокомъ. И это дѣлалось чисто отъ доброты душевной, а не изъ ожиданія большаго вознагражденія; это можетъ служить примѣромъ того обращенія, которое мы встрѣчали повсюду между камчадалами полуострова.

Осѣдлые туземцы Сѣверной Камчатки обыкновенно имѣютъ два помѣщенія, въ которыхъ они живутъ въ различныя времена года. Они называются зимнія и лѣтнія и отдалены другъ отъ друга на пять верстъ. Въ первомъ помѣщеніи, обыкновенно расположенномъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моря, подъ прикрытіемъ горъ и лѣсовъ, они живутъ отъ сентября до іюня. Лѣтнее помѣщеніе строится исключительно съ цѣлью рыбной ловли, у устья рѣкъ, и состоитъ изъ нѣсколькихъ юртъ, то есть шалашей, покрытыхъ землею, восьми или десяти коническихъ балагановъ на ходуляхъ и большаго количества деревянныхъ рамъ для сушки рыбы. Въ это рыболов-

ное селеніе всѣ жители перебираются въ началѣ іюня, оставляя совершенно пустынными свои зимнія жилища. Даже собаки и вороны слѣдуютъ за жителями къ лѣтнимъ балаганамъ, которые сулятъ имъ лучшую добычу. Въ началѣ іюля лососки входятъ въ рѣки съ моря въ громадномъ количествѣ; туземцы ловятъ эту рыбу въ закалахъ, сѣтями, корзинами и многими другими искусными приспособленіями, потомъ женщины съ удивительной быстротой и искуствомъ потрошатъ ее, чистятъ и вынимаютъ изъ нея кости, наконецъ ее вѣшаютъ для сушки длинными рядами на горизонтальныхъ жердяхъ. Приготовленная такимъ образомъ рыба называется „юкалой.“

Удивительно, въ какомъ громадномъ количествѣ лосося идетъ вверхъ по сибирскимъ рѣкамъ. Десятки мелкихъ рѣчекъ, встрѣченныхъ нами во внутренности Камчатки въ 70 верстахъ отъ моря, кишили тысячами заснувшихъ и предавшихся гніенію рыбъ, такъ что нельзя было употреблять воду изъ этихъ рѣчекъ. Даже въ маленькихъ горныхъ ручьяхъ столь узкихъ, что ребенокъ можетъ черезъ нихъ перешагнуть, мы видали лососокъ въ 18 и 20 дюймовъ длины старательно поднимавшихся вверхъ по водѣ, кокорая иногда была такъ мелка, что не могла прикрыть ихъ. Мы часто входили въ воду и вытаскивали лососокъ дюжинами голой рукой. Онѣ очень измѣняются по наружности во время своего похода вверхъ по рѣкамъ. По приходѣ изъ моря чешуя ихъ крѣпкая и блестящая, а мясо жирное и краснаго цвѣта, но чѣмъ выше онѣ поднимаются по рѣкамъ, тѣмъ болѣе чешуя теряетъ свой блескъ и падаетъ, а мясо блѣднѣетъ до того, что дѣлается почти бѣлымъ, сухимъ и безвкуснымъ. Поэтому всѣ рыбныя селенія въ Камчаткѣ расположены у устьевъ большихъ рѣкъ. Вся система селенія туземцевъ въ сѣверо-восточной Сибири объясняется инстинктомъ лососки подниматься вверхъ рѣкъ для метанія икры. Еслибъ не изобиліе рыбы, то вся страна осталась бы ненаселенной никѣмъ кромѣ коряковъ.

Какъ только рыбный сезонъ конченъ, камчадалы прячутъ свою сушеную юкалу въ балаганы и возвращаются въ свои зимнія квартиры для необходимыхъ приготовленій къ ловлѣ соболей. Около мѣсяца они проводятъ въ лѣсахъ и горахъ устраивая и уставляя капканы. Для устрой-

ства соболинаго капкана выдалбливаютъ, въ пнѣ большаго дерева, узкое перпендикулярное отверстіе, имѣющее 14 верш. въ длину, 4 въ шир. и 5 въ глубину; при этомъ отверстіе находится на такой высотѣ, что глубина его достигаетъ до головы соболя, стоящаго на заднихъ лапахъ. Потомъ срубаютъ пень другого гораздо меньшаго дерева, обчищаютъ его и одинъ изъ его концовъ укрѣпляютъ на высотѣ 3 фут. вилообразной жердью, другой же конецъ свободно ходитъ съ верху внизъ, по выдолбленному въ деревѣ отверстію. Этотъ конецъ поднимается до верха отверстія и поддерживается простымъ капканомъ, имѣющимъ форму цифры 4, и на которомъ кладутъ приманку. Соболь подходитъ къ отверстію, оставленному для него и имѣющему около четырехъ дюймовъ, приподнимается на заднія ноги, просовываетъ голову въ отверстіе и уронивъ фигуру 4 низвергаетъ тяжелое бревно, которое размозживъ черепъ животнаго оставляетъ въ полной неприкосновенности всѣ драгоцѣнныя части его шкуры. Одинъ туземецъ разставляетъ въ зиму до ста капкановъ и отъ времени до времени посѣщаетъ ихъ. Но недовольные такой обширной и хорошо организованной ловлей соболей, туземцы охотятся за ними на лыжахъ съ дресированными для этого собаками, загоняютъ соболей въ ямы, окруженныя сѣтями и убиваютъ ихъ дубинами.

Число соболей, ежегодно добываемыхъ на камчатскомъ полуостровѣ, равняется 6—9 тысячамъ штукъ, которыя всѣ отправляются въ Россію и оттуда уже въ сѣверную Европу. Большая часть русскихъ соболей на европейскомъ рынкѣ добывается туземцами Камчатки и доставляется американскими купцами въ Москву. В. Бордманъ изъ Бостона и американская фирма въ Китаѣ, извѣстная кажется подъ именемъ Россель и К° практически сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ всю мѣховую торговлю Камчатки и Охотскаго берега. Плата камчадаламъ за соболя средняго достоинства была въ 1867 году номинальная 15 руб. сер. или около 11 долларовъ золотомъ, но на самомъ дѣлѣ уплата производилась не деньгами, а чаемъ, сахаромъ, табакомъ и другими предметами потребленія по оцѣнкѣ купцовъ, такъ что туземцы въ сущности получаютъ не болѣе половины этой номинальной цѣны. Зимою почти всѣ жители центральной Камчатки, прямо или

косвенно, принимаютъ участіе въ мѣховомъ промыслѣ, благодаря которому нѣкоторые изъ нихъ живутъ въ довольствѣ.

Такимъ образомъ ловля рыбы и охота за соболями составляютъ серьезныя занятія камчадаловъ впродолженіи всего года, но это скорѣе характеризуетъ природу страны, чѣмъ нравы жителей и дастъ намъ недостаточное понятіе о любопытныхъ особенностяхъ камчадаловъ и ихъ жизни. Языкъ, музыка, увеселенія и суевѣрія народа гораздо лучше объясняютъ настоящій его характеръ, чѣмъ его официальныя занятія.

Камчадальскій языкъ, по моему мнѣнію, одинъ изъ самыхъ любопытныхъ изъ всѣхъ языковъ Азіи, не по своей конструкціи, но по страннымъ, необыкновеннымъ звукамъ, которыми онъ изобилуетъ и горловому, какъ бы журчащему произношенію. Быстрая камчадальская рѣчь всегда напоминала мнѣ журчанье воды, вытекающей изъ кружки съ узкимъ горломъ. Одинъ русскій путешественникъ по Камчаткѣ говоритъ: „что камчадальскій языкъ произносится половина во рту, половина въ горлѣ,“ но справедливѣе было бы сказать, что онъ произносится на половину горломъ и на половину животомъ. Въ этомъ языкѣ болѣе гортанныхъ звуковъ, чѣмъ въ какомъ либо другомъ слышанномъ мною азіатскомъ языкѣ, и въ этомъ отношеніи онъ очень отличается отъ наречій чукчей и коряковъ. Подобный языкъ сравнительные филологи называютъ: *аглютинативнымъ* и по видимому онъ состоитъ изъ постоянныхъ, неизмѣняемыхъ корней, съ измѣняемыми приставками. Насколько я могъ убѣдиться, въ немъ не существуетъ измѣненій въ окончаніи словъ и его грамматика кажется очень проста и легка. Большая часть камчадаловъ въ сѣверной части полуострова говоритъ, кромѣ своего языка, еще по русски и по корякски, такъ что съ ихъ точки зрѣнія они образованные лингвисты.

Мнѣ всегда казалось, что народныя пѣсни и особливо пѣсни, сочиненныя самимъ народомъ, а не заимствованныя у другихъ, выказываютъ въ большой мѣрѣ народный характеръ. Имѣютъ ли, какъ предполагаетъ какой-то авторъ эти пѣсни рефлективное вліяніе на характеръ народа, или онѣ служатъ просто его выраженіемъ, результатъ тотъ же: именно бо́льшее или меньшее соотвѣтствіе между народомъ и его пѣснями. Ни въ одномъ сибирскомъ пле-

мени это не такъ очевидно, какъ въ камчадальскомъ. Это племя никогда не было по видимому воинственнымъ и завоевательнымъ. У него нѣтъ пѣсней, прославляющихъ геройскія дѣла предковъ, ихъ подвиги въ войнѣ и на охотѣ, какъ у многихъ племенъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Ихъ баллады отличаются меланхолическимъ и фантастическимъ характеромъ; поэзія ихъ вдохновляется любовью, страданіями и другими нѣжными чувствами, но не грубыми страстями, гордостью, злобой или лестью. Ихъ музыка кажется странной, дикой непривычному уху чужестранца, но она возбуждаетъ въ вашемъ умѣ какое-то чувство горя и смутнаго сожалѣнія о чемъ-то давно прошедшемъ, подобно похоронному звону надъ могилой дорогаго друга. Такъ Осіанъ говоритъ о музыкѣ кирилла: „Она напоминаетъ о радостяхъ прошедшихъ, сладкихъ, но грустныхъ для души.“ Мнѣ особенно памятна одна пѣснь, называемая пенжинскою и слышанная мною въ Лѣсномъ; безспорно, это была самая нѣжная и невыразимо грустная комбинація звуковъ, когда либо мною слышанная. Это былъ вопль, отчаяніе погибшей души, все еще молившей о помилованіи. Но я никакъ не могъ добиться перевода ея словъ и не знаю былъ ли это разсказъ о кровавомъ, жестокомъ боѣ съ грозными, сѣверными сосѣдями, или плачь объ убитомъ сынѣ, братѣ или мужѣ, но одна музыка въ состояніи вызвать слезы на вашихъ глазахъ и имѣетъ такое неописанное вліяніе на пѣвцовъ, что они иногда доходятъ почти до изступленія. Плясовая музыка камчадаловъ конечно совершенно другаго характера; она очень живая и энергичная, но тэма въ ней безпрестанно повторяется безъ варіацій. Почти всѣ туземцы акомпанируютъ пѣніе на треугольной гитарѣ съ двумя струнами, называемой балалайкой, а нѣкоторые изъ нихъ играютъ очень хорошо на грубыхъ скрипкахъ собственнаго издѣлія. Всѣ туземцы страстно любятъ музыку какого бы то ни было рода.

Кромѣ музыки, другія ихъ увеселенія состоятъ въ танцахъ, игрѣ въ мячь на снѣгу и въ скачкѣ на саняхъ, запряженныхъ собаками.

Зимою камчадалы ѣздятъ исключительно на саняхъ, запряженныхъ собаками и ни въ чемъ другомъ не выказывается такъ ярко ихъ ловкость и искуство, какъ въ этой ѣздѣ. Можно даже ска-

зать, что они создали для себя особыхъ собакъ, такъ какъ теперешняя сибирская собака ничто иное какъ прирученный полярный волкъ, сохраняющій доселѣ свои волчьи инстинкты и свойства. По всей вѣроятности, во всемъ свѣтѣ нѣтъ животнаго болѣе стойкаго и переносящаго все что угодно. Вы можете заставить его спать на снѣгу, въ 70° ниже нуля, вы можете ѣздить на немъ съ самыми тяжелыми грузами до тѣхъ поръ, что ноги его лопаются и оставляютъ за собою слѣды крови, вы можете его морить съ голоду до тѣхъ поръ, пока животное начинаетъ грызть свой хомутъ, но его силы и энергія остаются неизмѣнными. Мнѣ случалось самому дѣлать на девяти собакахъ болѣе ста верстъ въ сутки и впродолженіи двухъ сутокъ не давать имъ ни малѣйшей пищи. Обыкновенно ихъ кормятъ разъ въ день и ихъ опредѣленная порція состоитъ изъ одной сушеной рыбы, вѣсомъ въ полтора или два фунта. Пища эта имъ дается вечеромъ и потому на слѣдующее утро собаки начинаютъ свою тяжелую работу на тощій желудокъ.

Сани, въ которыя ихъ запрягаютъ, имѣютъ въ длину 10 фут. въ ширину 2; онѣ сдѣланы изъ березоваго дерева и соединяютъ въ себѣ два главныхъ достоинства для экипажа: прочность и легкость. Это просто деревянная рамка, соединенная ремнями изъ тюленьей шкуры и поставленная на широкія, закругленныя полозья. Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго куска желѣза и сани вѣсятъ не болѣе 20 ф., однакожъ онѣ выносятъ грузъ въ 400 и въ 500 фун. и всѣ превратности трудныхъ, горныхъ дорогъ. Въ такія сани запрягаютъ отъ 7 до 15 собакъ, смотря по какой странѣ приходится ѣхать и по тяжести груза. При благопріятныхъ обстоятельствахъ 11 собакъ могутъ дѣлать въ день отъ 40 до 50 верстъ, съ однимъ пасажиромъ и грузомъ въ 400 фунтовъ. Ихъ запрягаютъ въ сани попарно, причемъ каждая собака прицѣпляется ошейникомъ и короткой постромкой къ длинному ремню изъ тюленьей шкуры. Онѣ управляются исключительно голосомъ возницы и передовой собакой, особенно дресируемой для этой обязанности. У возницы нѣтъ кнута, но толстая палка въ 4 фута длины и въ 2 дюйма въ діаметрѣ, называемая орстель. Конецъ этой палки снабженъ длиннымъ, желѣзнымъ остріемъ и употребляется чтобъ затормозить сани при

*

спускѣ съ горъ, а также чтобъ остановить собакъ, когда онѣ покидая дорогу отправляются въ погоню за оленями и лисицами. Для этой цѣли, возница вонзаетъ заостренный конецъ палки въ землю передъ колѣнями собакъ, а другой конецъ крѣпко держитъ въ рукѣ, такимъ образомъ съ помощью этого могущественнаго рычага сани быстро останавливаются.

Искуство управлять собаками одно изъ самыхъ обманчивыхъ на свѣтѣ. Путешественнику съ перваго взгляда кажется также легко управлять собаками, какъ править лошадьми въ экипажѣ. Но взявшись быть возницей, вы черезъ десять минутъ очутитесь или въ ямѣ, или въ четверти версты отъ дороги опрокинутыми въ снѣгъ; тогда вы поймете, что это дѣло не легкое, а присмотрѣвшись ближе къ искуству туземныхъ возницъ, вы придете къ тому убѣжденію, что подобные возницы также какъ поэты родятся, а не образуются ученіемъ. Одежда камчадаловъ зимняя и лѣтняя, большею частью состоитъ изъ звѣриныхъ и тюленьихъ шкуръ. Первая заключается въ сапогахъ изъ тюленьей шкуры, называемыхъ торбасами, въ тяжелыхъ чулкахъ изъ оленьей шкуры, доходящихъ до колѣнъ, въ мѣховыхъ штанахъ шерстью внутро, въ громадной лисьей шапкѣ, украшенной ушами звѣря и въ тяжелой *„кухлянкѣ,“* то есть двойной, мѣховой рубашкѣ, покрывающей все тѣло до колѣнъ. Эта послѣдняя дѣлается изъ толстой, но нѣжной оленьей шкуры различныхъ цвѣтовъ, украшена внизу шелковой вышивкой, оторочена на рукавахъ и воротникѣ бобромъ и снабжена мѣховымъ четыреугольникомъ для прикрытія носа и мѣшкомъ для прикрытія головы въ дурную погоду. Въ такой одеждѣ, камчадалы цѣлыми недѣлями выносятъ самый жестокій холодъ и спокойно спятъ на снѣгу на 20, 30 и 40° ниже нуля по Фаренгейту.

Большую часть нашего времени въ Лѣсномъ мы посвятили на приготовленіе для себя подобной одежды, на устройство закрытыхъ саней, для предохраненія отъ зимнихъ мятелей, на сшиванье медвѣжьихъ шкуръ въ громадные мѣшки, долженствовавшіе служить намъ постелью и вообще на полное снаряженіе нашего отряда для предстоявшей зимней экспедиціи.

ГЛАВА СЕМЬНАДЦАТАЯ.

Русскій докторъ.—Саманкскія горы.—Стоянка кочующихъ коряковъ.—Собаки и олени.—«Пологи».—Корякскія лакомства.

Около 20 октября изъ Тигиля пріѣхалъ русскій докторъ и лишилъ маіора послѣднихъ его силъ кровопусканіемъ, банями и пластырями, такъ что довелъ его до тѣни прежняго, здороваго человѣка. Горячка однако при такомъ энергичномъ леченіи мало по малу исчезла. На той же недѣли возвратились изъ Тигиля Доддъ и Мироновъ съ запасами чая, сахара, рома, табаку и черстваго хлѣба. Тогда мы стали собирать собакъ изъ сосѣднихъ селеній Кинкиля и Поляны для новой экспедиціи черезъ Саманкскія горы. Снѣгъ повсюду лежалъ на два фута, погода была ясная, холодная, и кромѣ болѣзни маіора ничто насъ не могло удерживать долѣе въ Лѣсномъ. 28 октября, онъ объявилъ, что въ состояніи путешествовать и мы стали приготовляться къ отъѣзду. 1 ноября мы надѣли наши тяжелыя, мѣховыя одежды, превратившія насъ въ дикихъ звѣрей, простились съ гостепріимными жителями Лѣснаго и отправились въ путь съ шестьнадцатью санями, восемьнадцатью людьми, двумя стами собаками и продовольствіемъ на сорокъ дней. На этотъ разъ, мы рѣшились достигнуть Гижигинска или умереть, какъ говорится въ газетныхъ статьяхъ. Вечеромъ 3 ноября, когда долгія сѣверныя сумерки смѣнялись синевато-стальной полярной ночью, наши собаки медленно поднялись на послѣднюю возвышенность Саманкскихъ горъ и мы взглянули внизъ съ высоты 2000 фут. на однообразную, снѣжную равнину, распространявшуюся отъ подошвы горъ до далекаго горизонта. Это была страна кочующихъ коряковъ. Холодный вѣтеръ съ моря дулъ черезъ снѣжныя вершины, мрачно завывая въ соснахъ и увеличивая печальную одинокость этого бѣлаго, зимняго ландшафта. Блѣдные лучи заходящаго солнца еще мелькали на высокихъ пикахъ, но подъ нами въ мрачныхъ ущельяхъ, покрытыхъ

густыми лѣсами березъ и сосенъ, царила уже темнота ночи. У подошвы горъ находилась первая стоянка коряковъ. Прежде чѣмъ начать спускаться внизъ, мы старались различить въ темнотѣ черные шалаши, долженствовавшіе по нашему мнѣнію быть у нашихъ ногъ, но ничто кромѣ сосенъ не нарушало бѣлизны безконечной снѣжной степи. Стоянка коряковъ была скрыта выдающимся горнымъ кряжомъ.

Восходящая луна, рельефно очерчивала изрытыя вершины пиковъ, на право отъ темнаго ущелья, которое вело къ степи, а обманчивыя тѣни ночи и горныя массы, заслонявшія узкій проходъ, дѣлали очень опаснымъ проѣздъ по немъ; и только благодаря искуству нашихъ опытныхъ возницъ, мы избѣгли несчастныхъ приключеній. Облака снѣга летѣли отъ заостренныхъ палокъ, которыми возницы старались остановить быстрый бѣгъ собакъ; крики передовыхъ людей, повторяемые горнымъ эхо, до того возбуждали собакъ, что онѣ несли насъ съ такой быстротой, словно мы катились съ аваланшемъ въ бездну. Мало по малу однако, эта быстрота уменьшилась и мы наконецъ выѣхали на открытую снѣжную степь, освѣщенную лучами луны. Получасовая, отчаянная скачка привела насъ къ предполагаемой стоянкѣ коряковъ, но не видно было ни оленей, ни шалашей. Въ окрестностяхъ корякскихъ юртъ снѣгъ всегда— изрытъ, такъ какъ олени рысчутъ вокругъ на нѣсколько верстъ и роются въ снѣгу, отыскивая мохъ, составляющій ихъ пищу. Не находя этихъ слѣдовъ на снѣгу, мы уже начали сомнѣваться не сбились ли мы съ дороги, какъ вдругъ передовыя собаки наострили уши, раздули ноздри и съ отрывистымъ лаемъ пустились вскачь къ небольшой горкѣ, которая находилась почти подъ прямымъ угломъ съ нашей предыдущей дорогой. Возницы снова старались тщетно умѣрить быстроту собакъ, но всякая тѣнь дисциплины исчезла, какъ только онѣ почуяли близость оленей. Черезъ минуту, мы очутились на гребнѣ горы и передъ нами стояли коническіе шалаши коряковъ, окруженные по крайнѣй мѣрѣ 4000 оленей. Собаки разомъ огласили воздухъ страшнымъ лаемъ, какъ борзыя при видѣ звѣря и бросились внизъ съ горы, не обращая никакого вниманія на крики возницъ и нѣсколькихъ темныхъ фи-

гуръ, поднявшихся изъ снѣга между ними и испуганными оленями. Надъ общимъ хаосомъ громко раздался голосъ Додда, проклинавшаго собакъ, которыя увлекали его не смотря на всѣ его усилія въ открытую степь. Громадное стадо оленей колебалось съ минуту и потомъ обратилось въ бѣгство, увлекая съ собою корякскихъ сторожей, нашихъ возницъ и двѣсти разъяренныхъ собакъ.

Не желая вмѣшаться въ общую передрягу, я соскочилъ съ саней и съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ спутавшаяся толпа людей и животныхъ неслась мимо меня въ открытую степь. Вся корякская стоянка, казавшаяся безмолвной и пустынной, вдругъ оживилась. Темныя фигуры неожиданно вылезли изъ шалашей и схвативъ длинныя пики, воткнутыя въ снѣгъ близъ шатровъ, присоединились къ бѣшенной охотѣ, оглашая воздухъ криками и стараясь арканами остановить собакъ отъ преслѣдованія оленей. Шумъ стукающихся другъ о друга тысячи роговъ, быстрые удары безчисленныхъ копытъ по твердому снѣгу, глухой сиплый вой оленей и непонятные крики коряковъ, старавшихся водворить порядокъ въ своихъ панически устрашенныхъ стадахъ—создали ужасный раздирающій хаосъ звуковъ, слышавшихся далеко вокругъ при ясной, морозной ночи. Это походило скорѣе на ночное нападеніе индѣйцевъ, на враждебное племя, чѣмъ на мирное прибытіе трехъ или четырехъ американскихъ путешественниковъ; и я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дикій испугъ ненарочно нами возбужденный.

Чѣмъ болѣе продолжалось преслѣдованье, тѣмъ мало по малу шумъ стихалъ, и наконецъ собаки, израсходовавъ неестественную силу, приданную имъ минутнымъ одушевленіемъ, поддались волѣ своихъ возницъ и возвратились хотя не охотно къ шалашамъ. Собаки Додда, едва переводя духъ и хромая плелись позади всѣхъ, бросая по временамъ жадные взгляды въ ту сторону, куда исчезли олени, точно они раскаявались въ слабости, побудившей ихъ отказаться отъ охоты.

— Отчего вы ихъ не остановили? спросилъ я Додда со смѣхомъ:—такой опытный возница долженъ лучше управлять своими лошадьми.

— Остановить ихъ! воскликнулъ онъ злобно:— я бы желалъ,

чтобы вы ихъ остановили, когда вамъ на шею бросаютъ арканъ и коряки кричатъ неистово подъ самое ухо! Хорошо вамъ толковать останови, а когда дикари васъ тащатъ за шею съ саней, то я желалъ бы знать что придумалъ бы вашъ великій умъ? У меня кажется остались знаки на шеѣ отъ проклятаго аркана.

Какъ скоро только олени всѣ были собраны и разставлены караулы, коряки собрались вокругъ чужестранцевъ, сдѣлавшихъ такой нецеремонный набѣгъ на ихъ мирныя жилища и съ любопытствомъ спросили нашего переводчика Миронова кто мы такіе и что намъ нужно. Дикую, живописную группу представляли они при блестящемъ лунномъ свѣтѣ, ярко освѣщавшемъ ихъ смуглыя лица, металическія украшенія ихъ одежды и полированныя острія ихъ длинныхъ пикъ. Ихъ высокія скулы, живые, смѣлые глаза, и короткіе, какъ уголь черные волоса обнаруживали ихъ родство съ американскими индѣйцами: но это сходство не шло далѣе; большинство ихъ лицъ отличалось открытымъ, смѣлымъ, честнымъ выраженіемъ, что̀ не служитъ характеристической чертой туземцевъ Америки; и это выраженіе ихъ лица съ первой минуты было инстинктивно нами признано за гарантію ихъ дружескихъ чувствъ и чистосердечія. Совершенно противурѣча нашему предвзятому понятію о сѣверныхъ дикаряхъ, они были хорошо сложенные атлеты, ростомъ не менѣе американцевъ. Отъ горла до колѣнъ ихъ покрывала тяжелая куклянка или охотничья рубашка изъ оленьей шкуры, перехваченная на таліи ремнемъ, отороченная внизу длиннымъ чернымъ мѣхомъ и украшенная мѣстами пестрыми бусами, кусочками краснаго сафьяна и блестящими металлическими пластинками. Мѣховые штаны, высокіе сапоги изъ тюленьей шкуры и большія волчьи шапки съ звѣриными ушами по обѣимъ сторонамъ довершали ихъ костюмъ, который не смотря на свою странность вполнѣ соотвѣтствовалъ одинаково страннымъ чертамъ окружающей картины. Оставивъ казака Миронова и маіора объясниться съ туземцами, я съ Доддомъ отправился осматривать ихъ жилища. Всего стояло тутъ четыре большихъ коническихъ шалаша, устроенные по видимому изъ жердей и покрытыя оленьими шкурами, укрѣпленными длинными ремнями изъ тюленьей или моржевой кожи, которые были крѣпко натянуны отъ верха конуса до

его подножья. Съ перваго взгляда эти жилища казались дурно расчитанными противъ снѣжныхъ пургъ, дующихъ по степямъ съ Сѣвернаго океана, но послѣдующій опытъ доказалъ, что самая сильная буря не въ состояніи сорвать этихъ шалашей. Акуратно построенные сани различнаго вида и размѣра виднѣлись тамъ и сямъ на снѣгу, а 200 или 300 вьючныхъ сѣделъ для оленей были сложены симетрической стѣной близъ бо̀льшаго изъ шалашей. Окончивъ нашъ осмотръ и прискучивъ видѣть вокругъ себя 15 или 20 коряковъ, слѣдившихъ за всѣми нашими движеніями, мы возвратились къ тому мѣсту, гдѣ представители цивилизаціи и варварства вели переговоры. Они по видимому пришли къ миролюбивому соглашенію, ибо при нашемъ приближеніи, одинъ высокій туземецъ съ бритой головой выступилъ изъ толпы и подойдя къ самому большому изъ шалашей отдернулъ занавѣску и обнаружилъ темное отверстіе въ $2^1/_2$ фут. въ діаметрѣ, куда знаками и просилъ насъ войти.

Я уже замѣчалъ, что Вьюшинъ болѣе всего гордился своею способностью взлѣзать въ самыя узкія отверстія. Постоянный опытъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ его спину столь гибкой и всѣ его движенія столь извилистыми, что мы только могли имъ восхищаться, но не подражать ему; поэтому мы всегда предоставляли ему, быть можетъ не совсѣмъ завидную честь, первому изслѣдовать всѣ подземные ходы и темныя впадины, представлявшіяся намъ на пути. Зіявшее передъ нами отверстіе, казалось, самымъ страннымъ изъ всѣхъ видѣнныхъ нами образцовъ такъ называемыхъ дверей; но Вьюшинъ легъ на землю и попросивъ Додда пихнуть его за ноги поползъ осторожно въ отверстіе. Мы притаили дыханіе на нѣсколько секундъ послѣ его исчезновенія, но потомъ предполагая, что все обстоитъ благополучно, я послѣдовалъ его примѣру. Внутри шалаша темнота была могильная, но руководясь дыханіемъ Вьюшина, я подвигался исправно впередъ, какъ вдругъ передо мной раздался дикій лай и вой, а черезъ минуту Вьюшинъ стукнулся о мою голову, самой тяжелой частью своего тѣла, и я предчувствуя засаду и кровопролитіе поспѣшно ретировался. Вьюшинъ вскорѣ послѣдовалъ за мною неловко двигаясь, какъ раненый ракъ.

— Въ чемъ дѣло, чертъ возьми? спросилъ Доддъ по русски, освобождая голову Вьюшина изъ мѣховой занавѣси, въ которой онъ запутался: — вы лѣзете съ такою поспѣшностью, словно сатана со всѣми демонами гонится за вами.

— Неужели вы думаете, отвѣчалъ Вьюшинъ: — что я останусь въ этой дырѣ на съѣденіе корякскимъ собакамъ? Дуракъ я былъ что полѣзъ, но ужъ оставаться, слуга покорный. Это отверстіе вѣроятно никуда не ведетъ и во всякомъ случаѣ оно кишитъ собаками.

Быстро оцѣнивъ всю затруднительность и комичность положенія Вьюшина, нашъ корякскій проводникъ вползъ въ отверстіе, выгналъ оттуда собакъ и приподнявъ внутреннюю занавѣсъ указалъ на огонь, освѣщавшій краснымъ свѣтомъ внутренность шалаша. Мы послѣдовали его примѣру, на рукахъ проползли черезъ узкое отверстіе и очутились во внутренности шалаша. Посрединѣ на землѣ горѣла груда сосновыхъ шишекъ, освѣщая красноватымъ свѣтомъ черныя жерди, поддерживавшія шалашъ, темныя шкуры замѣнявшія крышу и смуглыя, татуированныя лица женщинъ, окружавшихъ костеръ. Надъ огнемъ висѣлъ большой мѣдный котелъ, въ которомъ варилось что-то очень сомнительное по виду и запаху, а нѣсколько женщинъ съ обнаженными руками, время отъ времени мѣшали уголья палками, которыми также отгоняли собакъ, осмѣливавшихся близко подойти. Дымъ, лѣниво поднимавшійся, носился синеватымъ облакомъ надъ землею въ пяти футахъ, раздѣляя такимъ образомъ атмосферу на двѣ части: нижнюю, гдѣ сравнительно былъ чистый воздухъ и верхнюю, гдѣ царили дымъ, паръ и всякаго рода зловоніе.

То количество чистаго воздуха, которое находилось въ юртѣ, пораждало въ насъ желаніе встать на голову ногами къ верху; и я предложилъ этотъ проектъ Додду, когда дымъ до того выѣлъ глаза, что мы ничего не видали, кромѣ слезъ. Съ улыбкой презрѣнія, съ которой онъ всегда встрѣчалъ мои мудрые совѣты, онъ отвѣчалъ, что я могу самъ испытать свой проектъ и растянувшись на землѣ во всю длину началъ строить рожи находившемуся вблизи корякскому ребенку. Какъ только Вьюшинъ успѣлъ немного оправиться отъ губительнаго для глазъ вліянія, онъ

занялся приготовленіемъ пищи, жестоко отгоняя собакъ, если онѣ близко приближались; а маіоръ между тѣмъ былъ занятъ вѣроятно всѣхъ производительнѣе, онъ трактовалъ объ отдачѣ въ наше полное пользованіе цѣлаго „полога.“ Температура въ корякскомъ шалашѣ зимою рѣдко бываетъ выше 20° или 26° по Фаренгейту и такъ какъ постоянное пребываніе въ такомъ холоду слишкомъ непріятно, то коряки устраиваютъ вокругъ внутренней окружности шалаша маленькія помѣщенія, называемыя пологами, которыя отдѣляются другъ отъ друга занавѣсями изъ шкуръ и соединяютъ въ себѣ большую теплоту со всѣми выгодами отдѣльнаго покоя. Эти пологи имѣютъ въ вышину 4 фут., въ ширину 6 и въ длину 8. Они состоятъ изъ тяжелыхъ мѣховыхъ шкуръ, сшитыхъ вмѣстѣ такъ акуратно, что воздухъ не проходитъ и согрѣваются, а также освѣщаются кускомъ сушенаго мха, горящаго въ деревянномъ сосудѣ съ оленьимъ жиромъ. Однако законъ вознагражденія, существующій во всей природѣ, чувствуется и въ пологахъ корякской юрты, такимъ образомъ за бо̀льшую теплоту вы платите тѣмъ, что обязаны переносить еще болѣе спертый дымный воздухъ. Пылающій фитиль лампы поглощаетъ весь воздухъ, находящійся въ пологѣ въ видѣ углерода, масленистаго дыма и одурящихъ зловоній. Однако вопреки всѣмъ законамъ гигіены, эта ужасная атмосфера оказывается по видимому здоровой, или ставя вопросъ отрицательно, нѣтъ доказательствъ того, чтобы она была нездорова. Корякскія женщины, проводящія большую часть своей жизни въ этихъ пологахъ, живутъ обыкневенно до глубокой старости и кромѣ нѣкоторой паклонности къ излишней худобѣ, онѣ не имѣютъ никакихъ физическихъ отличій отъ старухъ другихъ странъ. Не безъ опасенія задохнуться заснулъ я впервые въ корякской юртѣ, но мои опасенія оказались совершенно не основательными и мало по малу исчезли.

Для избѣжанія надоѣдавшаго намъ любопытства коряковъ, которые толпились вокругъ насъ, мы съ Доддомъ подняли мѣховую занавѣсь полога, который былъ выговоренъ маіоромъ въ нашу пользу, и проползли туда съ цѣлью ожидать ужина. Любопытные коряки, видя невозможность всѣмъ влѣзть въ пологъ, въ числѣ девяти или десяти человѣкъ легли на полъ и просунувъ подъ

занавѣсь свои полубритыя, некрасивыя головы, продолжали свои безмолвныя наблюденія надъ нами. Появленіе этихъ девяти или десяти головъ безъ ихъ туловищъ и съ быстро бѣгавшими глазами, показалось намъ такъ смѣшно, что мы громко расхохотались. Мгновеннно показалась улыбка на всѣхъ девяти смуглыхъ лицахъ, которыя всѣ выражали такъ быстро одно и тоже чувство, что въ головѣ у насъ невольно явилась мысль о чудовищѣ съ девятью головами, но съ одною волею. По предложенію Додда прогнать ихъ куреньемъ, я вынулъ изъ кармана трубку и хотѣлъ зажечь ее спичкой, принадлежавшей къ тому особому роду спичекъ, которыя стрѣляютъ при зажиганіи. Не успѣла спичка зажечься съ миньятюрной канонадой, какъ испуганныя головы мгновенно исчезли и изъ занавѣси послышались крики изумленія и оживленные споры о такомъ дьявольскомъ методѣ добыванія огня. Но боясь пропустить какое либо другое любопытное проявленіе сверхъестественной силы бѣлыхъ людей, туземцы возвратились снова еще въ бо̀льшемъ числѣ къ своему обсерваціонному пункту. Невозможно себѣ представить, какъ зорко за нами слѣдили. Каждое кольцо дыма, вылетавшее изъ нашего рта обращала на себя такое глубокое вниманіе туземцевъ, точно это было ядовитое испареніе какой либо бездны. Въ видѣ шутки Доддъ громко захрапѣлъ и снова повторилась прежняя сцена испуга и исчезновенія головъ. Это все было очень смѣшно, но наконецъ намъ прискучило и чувствуя жестокій апетитъ, мы выползли изъ нашего полога и стали съ любопытствомъ слѣдить за приготовленіемъ ужина.

Изъ небольшаго сосноваго ящика, въ которомъ хранились наши телеграфическіе инструменты, Вьюшинъ импровизировалъ обѣденный столъ, на которомъ и разставилъ стаканы съ горячимъ чаемъ, черствый хлѣбъ и сырую ветчину. Это были цивилизованныя лакомства, а рядомъ съ ними на землѣ находились соотвѣтствующія варварскія лакомства въ длинномъ деревянномъ корытѣ и таковомъ же большомъ тазѣ. Изъ чего состояли эти варварскія лакомства мы конечно не знали, но апетиты уставшихъ путешественниковъ не очень разборчивы, и мы усѣлись на землю, скрестивъ ноги по турецки между корытомъ и ящикомъ съ инструментами, рѣшившись ѣсть все что намъ предложатъ, въ доказательство

того, что мы вполнѣ цѣнимъ гостепріимство коряковъ. Тазъ съ странной пищей конечно обратилъ на себя вниманіе Додда, который, указывая на него ложкой съ длинной ручкой, спросилъ у Вьюшина, исполнявшаго должность метрдотеля:

— Это у васъ что такое?

— Это? отвѣчалъ поспѣшно Вьюшинъ:—это каша.

— Каша, воскликнулъ Доддъ съ презрѣніемъ:—это болѣе походитъ на глину, изъ которой дѣлаютъ кирпичи. Э! да тутъ же кажется и солома, прибавилъ онъ выудивъ изъ таза нѣсколько стеблей сушеной травы:—но что же это такое?

— Это! произнесъ Вьюшинъ, съ торжественностью: — это знаменитые якутскіе щи, à la Пустерельскъ, національное блюдо коряковъ, приготовляемое по рецепту его высокопревосходительства Улькаты-Утки-Минсгиткина, великаго и наслѣдственнаго тіуна...

— Довольно!—я буду ѣсть это кушанье, воскликнулъ Доддъ, и захвативъ полложки черной подозрительной массы, онъ поднесъ ее къ губамъ.

— Ну, сказали мы, черезъ нѣсколько минутъ молчанія:—чѣмъ оно отзывается.

— Ничего, отвѣчалъ онъ:—немножко соли, перца, масла, много мяса и муки и нѣсколько кореньевъ конечно улучшили бы вкусъ этого кушанья. Но и такъ, оно не особенно дурно.

На основаніи этой нѣсколько сомнительной похвалы я рѣшился откѣдать таинственное блюдо. Кромѣ сильнаго земляного вкуса, въ этомъ кушаньи не было ничего ни пріятнаго, ни отвратительнаго. Всѣ его свойства были отрицательныя, кромѣ его жирности, которая одна ему придавала своеобразный характеръ.

Эта смѣсь, извѣстная у коряковъ подъ названіемъ „*Маніалы*“ служитъ для всѣхъ сибирскихъ племенъ сурогатомъ хлѣба и его, какъ насъ увѣряли, цѣнятъ болѣе за врачебное свойство, чѣмъ за хорошій вкусъ, чему я охотно вѣрю. Его составныя части: кровь, сало и мохъ — полусварившійся въ желудкѣ оленя; эти странные ингредіенты варятся вмѣстѣ съ небольшимъ количествомъ сушеной травы для приданія плотности массы, а когда кушанье готово, то его рѣжутъ на куски въ видѣ хлѣбовъ и замараживаютъ. Нашъ хозяинъ по видимому хотѣлъ насъ принять какъ

можно гостепріимнѣе и взявъ въ руки большую часть оленины и откусивъ нѣсколько кусковъ предложилъ ихъ мнѣ, граціозно вынувъ изъ своего рта. Я молча отвелъ рукой этотъ комплиментъ и указалъ на Додда, какъ на человѣка достойнаго такого вниманія, за что онъ мнѣ немедленно отмстилъ, сказавъ какой-то старухѣ, чтобъ она мнѣ принесла холоднаго сала, такъ какъ я въ своемъ отечествѣ ничѣмъ другимъ не питаюсь. Моихъ протестовъ на англійскомъ языкѣ конечно никто не понялъ и женщина подала мнѣ сало, радуясь что нашелся американецъ, вкусы котораго такъ близко равнялись ея вкусамъ. Я былъ безпомощной жертвой и могъ только прибавить эту новую выходку Додда ко всѣмъ прежнимъ, за которыя я намѣревался когда нибудь ему разомъ отмстить.

Ужинъ у коряковъ замѣняетъ обѣдъ у образованныхъ народовъ. Вокругъ котелка съ маніалой или корыта съ олениной собираются всѣ обитатели одной юрты, которые днемъ расходятся по различнымъ дѣламъ, и разсуждаютъ о тѣхъ немногихъ предметахъ, которые сосредоточиваютъ на себѣ ихъ вниманіе. Этими разговорами мы воспользовались для собранія свѣденій о племенахъ, населяющихъ страну къ сѣверу, о пріемѣ, который мы по всей вѣроятности встрѣтимъ и о средствахъ сообщенія съ ними.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Кочующіе коряки.—Ихъ независимость.—Гостепріимство.—Жилище.—Завтракъ. — Ѣзда на оленяхъ. — Понятіе коряковъ о пространствѣ. — Таинственный посѣтитель.

Кочующіе коряки въ Камчаткѣ, раздѣленные, по крайней мѣрѣ, на сорокъ различныхъ племенъ, живутъ на громадныхъ степяхъ сѣверной части полуострова между 58^0 и 63^0 широты. Южную ихъ границу представляетъ селеніе Тигиль на западномъ берегу, куда они ежегодно являются для торговыхъ оборотовъ, а съ другой стороны, они рѣдко встрѣчаются къ сѣверу отъ селенія Пен-

жинска, находящагося въ 200 миляхъ отъ западной оконечности Охотскаго моря. Въ предѣлахъ этихъ границъ они почти постоянно кочуютъ съ большими стадами оленей и вообще ведутъ такую безпокойную, легкоподвижную жизнь, что рѣдко остаются на одномъ мѣстѣ болѣе недѣли. Это однако нельзя приписать исключительно одной любви къ перемѣнамъ и непосидчивости коряковъ. Стадо въ 4 или 5,000 оленей въ нѣсколько дней изроетъ весь снѣгъ и съѣстъ весь мохъ на цѣлую версту вокругъ стоянки, такъ что хозяева естественно должны перейти на другое мѣсто. Поэтому причина ихъ кочевой жизни не заключается исключительно въ ихъ желаніи, но и въ необходимости. Они должны перекочевывать съ мѣста на мѣсто, или ихъ олени переколѣютъ, а слѣдовательно и они сами умрутъ съ голода. Вѣроятно ихъ подвижной образъ жизни сложился сначала отъ приручения оленей, для чего необходимо было примѣняться къ нуждамъ этихъ животныхъ, но теперь эта безпокойная, подвижная жизнь сдѣлалась необходимымъ условіемъ коряка, и онъ наврядъ ли бы согласился жить иначе, еслибъ представлялась къ тому возможность. Эта кочевая, одинокая, независимая жизнь придала корякамъ тѣ характеристическія черты смѣлости, самонадѣянности и отвращенія ко всякому роду ограниченіямъ, отличающія ихъ отъ камчадаловъ и другихъ осѣдлыхъ жителей Сибири. Дайте имъ небольшое стадо оленей и степь, покрытую мохомъ и имъ болѣе ничего не нужно. Они совершенно независимы отъ правительства, не подчиняются никакимъ законамъ и не признаютъ никакой правительственной опеки. Каждый человѣкъ самъ себѣ законъ, если онъ только владѣетъ дюжиной оленей, и онъ можетъ, если желаетъ изолировать себя отъ всего человѣчества и думать лишь о своихъ интересахъ и интересахъ своихъ оленей. Ради удобства и общественности, они соединяются въ племена изъ шести или восьми семействъ; но эти племена держатся взаимнымъ согласіемъ и не признаютъ никакого главы. Предводитель ихъ тіунъ, обыкновенно самый крупный владѣлецъ оленей, рѣшаетъ всѣ вопросы о передвиженіи племени съ мѣста на мѣсто, о расположеніи юртъ и т. д., но онъ не имѣетъ никакой другой власти и обязанъ обращаться для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ частнаго и общаго права ко всѣмъ членамъ пле-

мени. Они не питаютъ особаго уваженія ни къ кому и ни къ чему, исключая злыхъ духовъ, могущихъ навлечь на нихъ бѣдствія и „шамановъ“, или жрецовъ, служащихъ посредниками между этими злыми духами и ихъ жертвами. Ко всякимъ высокимъ титуламъ они относятся съ презрѣніемъ, и еслибъ даже какой нибудь вельможа вошелъ въ юрту коряка, то онъ очутился бы тамъ на равной ногѣ съ хозяиномъ. Мы видѣли этому любопытный примѣръ вскорѣ послѣ нашей первой встрѣчи съ коряками. Маіоръ почему-то забралъ себѣ въ голову мысль, что необходимо дать туземцамъ почувствовать его власть, силу, богатство и значеніе въ свѣтѣ для того, чтобъ они его уважали и исполняли всѣ его требованія и желанія. Вслѣдствіе этого онъ однажды позвалъ старѣйшаго и вліятельнѣйшаго человѣка въ племени и началъ объяснять ему черезъ переводчика, какъ онъ былъ богатъ, какое онъ носилъ высокое званіе, какое важное мѣсто занималъ въ Россіи, какую власть имѣлъ карать и миловать, а потому бѣдные, смиренные дикари должны были относиться къ нему съ уваженіемъ и почтеніемъ. Старый корякъ, сидя на корточкахъ на землѣ, спокойно выслушалъ эту торжественную рѣчь, и когда переводчикъ замолчалъ, онъ медленно всталъ, подошелъ къ маіору и съ покровительственнымъ снисхожденіемъ потрепалъ его по головѣ. Маіоръ покраснѣлъ, но захохоталъ и никогда болѣе не старался поразить коряковъ своимъ величіемъ.

Не смотря на демократическую независимость коряковъ, они почти всѣ гостепріимны, добродушны и предупредительны, мы убѣдились въ первыхъ же посѣщенныхъ нами юртахъ, что мы не встрѣтимъ никакихъ затрудненій въ переѣздѣ на оленяхъ отъ одной стоянки коряковъ къ другой до Пенжинской губы. Послѣ долгаго разговора съ окружавшими насъ коряками, мы почувствовали наконецъ усталость и отправились спать въ нашъ маленькій пологъ съ очень благопріятными впечатлѣніями объ этомъ новомъ, странномъ народѣ. Въ другой сторонѣ юрты, кто-то тихо пѣлъ меланхолическую пѣсню, и грустная часто повторяемая тэма, рѣзко отличавшаяся отъ обыкновенной музыки, придавала особенно странный одинокій характеръ первой ночи, проведенной мною въ корякской юртѣ.

Проснуться утромъ отъ кашля, возбужденнаго дымной, удушливой атмосферой, выползти изъ маленькой мѣховой спальни въ шесть квадр. фут. въ еще болѣе удушливую, дымную атмосферу шалаша, позавтракать сухой рыбою, мерзлымъ саломъ и олениной изъ грязнаго деревяннаго корыта, подлѣ котораго вертятся собаки, отбивая у васъ каждый кусокъ — вотъ прелести жизни, извѣстныя только однимъ корякамъ и съ которыми они одни могутъ мириться. Добродушный человѣкъ можетъ въ первый день прельститься новизной этого образа жизни, но на второй день новизна исчезаетъ и остаются только одни постоянно увеличивающіяся непріятности. Философы увѣряютъ, что хорошо организованный умъ будетъ всегда выше внѣшнихъ обстоятельствъ, но посадите ихъ въ корякскую юрту на двѣ недѣли и тяжелый опытъ лучше всякихъ логическихъ аргументовъ покажетъ имъ всю ложность ихъ заключенія. Я не считаю себя очень веселымъ человѣкомъ, а мрачный видъ всего меня окружавшаго при выходѣ утромъ изъ мѣховаго мѣшка, служившаго постелью, далеко не возбуждали хорошаго расположенія духа. Первые лучи восходящаго солнца съ трудомъ пробивались туманными голубоватыми линіями чрезъ дымную атмосферу шалаша. Недавно разведенный огонь не хотѣлъ горѣть, а только дымился; воздухъ былъ холодный, хотя и удушливый; жалобный плачъ дѣтей доносился изъ сосѣдняго полога; завтракъ былъ не готовъ и всѣ были не въ духѣ; по этому и я, чтобы не нарушить общей гармоніи, также надулся. Однако три или четыре чашки горячаго чаю вскорѣ возимѣли свое дѣйствіе и мы мало по малу стали смотрѣть на наше положеніе въ болѣе розовомъ свѣтѣ. Позвавъ тіуна и давъ ему предварительно выкурить трубку крѣпкаго черкескаго табаку, мы уговорились съ нимъ о нашемъ отъѣздѣ въ слѣдующую корякскую стоянку, отстоявшую на 40 миль. Онъ тотчасъ приказалъ изловить 20 оленей и приготовить сала. Поспѣшно позавтракавъ, то есть проглотивъ нѣсколько кусковъ черстваго хлѣба и ветчины, я надѣлъ свои мѣха и выползъ въ узкую дверь на чистый воздухъ, чтобъ посмотрѣть какъ въ стадѣ 4000 дикихъ оленей отдѣлятъ двадцать, обученныхъ къ ѣздѣ.

Со всѣхъ сторонъ шалашъ окружали олени; нѣкоторые рыли

снѣгъ, отыскивая мохъ, другіе бодались, третьи гонялись другъ за другомъ въ бѣшенной скачкѣ по степи. Близъ шалаша 12 человѣкъ съ арканами выстроились въ двѣ паралельныя линіи, тогда какъ другіе 20 человѣкъ, длиннымъ ремнемъ въ 200 или 300 ярдовъ окружили часть большаго стада и съ громкими криками стали загонять животныхъ въ приготовленную цѣпь. Олени всячески старались избавиться отъ все болѣе и болѣе стягивавшаго ихъ круга, но ремень изъ тюленьей шкуры служилъ въ рукахъ туземцевъ непроходимой стѣной, такъ что бѣдныя животныя обязаны были пробѣжать между двумя линіями людей съ арканами. Отъ времени до времени въ воздухѣ раздавался свистъ веревки и петля охватывала рога какого нибудь несчастнаго оленя, надрѣзанныя уши котораго доказывали, что онъ былъ обученъ къ ѣздѣ. Чтобъ олени не бились рогами при парной закладкѣ, одинъ изъ туземцевъ тутъ же обрубилъ каждому изъ животныхъ по одному рогу у самой головы отчего оставалась кровавая рана съ сочившейся изъ нея кровью. Послѣ этого ихъ запрягли въ сани попарно съ помощью ошейниковъ и постромокъ, проходившихъ подъ переднія ноги; возжи были прикрѣплены къ небольшимъ, заостреннымъ гвоздямъ въ оголовкѣ, такъ что при движеніи возжей, эти гвозди вонзались въ ту или другую сторону головы. Такимъ образомъ экипажъ былъ готовъ.

Простившись съ камчадалами изъ Лѣснаго, которые отправились домой, мы завернулись въ наши мѣха, усѣлись въ сани и при лаконическомъ возгласѣ тіуна „тукъ“ (пошелъ) мы пустились въ путь. Черезъ нѣсколько минутъ далеко за нами остались юрты коряковъ, казавшіяся маленькими островками на необозримомъ океанѣ снѣжной степи. Замѣтивъ, что я въ первую минуту на чистомъ воздухѣ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, мой возница воскликнулъ указывая на сѣверъ: „Тамъ шибко холодно.“ Эти слова однако были совершенно излишни; быстро падавшая ртуть въ термометрѣ указывала на наше приближеніе къ странѣ вѣчныхъ морозовъ и я съ ужасомъ думалъ о предстоявшихъ намъ ночлегахъ на чистомъ воздухѣ въ полярные морозы, о которыхъ я только читалъ, но которыхъ еще никогда не испытывалъ.

Это была первая моя поѣздка на оленяхъ и я былъ нѣсколько

разочарованъ, ибо не совершенно осуществились ожиданія моего дѣтства, возбужденныя изображеніемъ скачущаго на оленяхъ лапландца, украшавшаго всѣ старинныя географіи. Передо мной дѣйствительно были олени, но не быстрыя, красивыя животныя моего воображенія, а неловкія, уродливыя; ступали онѣ тяжело, не твердо, понуривъ голову и тяжело переводя дыханіе, словно истощивъ всѣ силы; вообще онѣ скорѣе возбуждали сожалѣніе своими чрезмѣрными усиліями, чѣмъ удивленіе къ быстротѣ ихъ дѣйствительно замѣчательнаго бѣга. Всего уродливѣе въ нихъ былъ постоянно открытый ротъ, чего конечно въ фантастическомъ оленѣ моего воображенія, я не могъ допустить. Впослѣдствіи я узналъ, что олени должны дышать ртомъ, потому что ноздри у нихъ замерзаютъ и конечно долженъ былъ помириться съ этимъ фактомъ, но все же это не измѣнило моего твердаго убѣжденія, это идеальный олень былъ гораздо выше дѣйствительнаго, хотя бы въ эстетическомъ отношеніи. Однако, я не могъ не согласиться въ томъ, что олень для его собственника составляетъ неоцѣнимую драгоцѣнность. Олень не только перевозитъ его съ мѣста на мѣсто, но доставляетъ ему пищу, одежду и кровъ, то есть покрышку юрты; изъ его роговъ дѣлаются всевозможныя орудія; его жилы сушатъ и дѣлаютъ изъ нихъ нитки, его кости вымачиваютъ въ тюленьемъ салѣ и жгутъ вмѣсто топлива; его внутренность очищаютъ, наполняютъ саломъ и ѣдятъ; его кровь вмѣстѣ съ желудкомъ входитъ въ составъ любимаго корякскаго кушанья „моніалы;“ его мозгъ и языкъ считаются величайшимъ лакомствомъ; жесткая кожа его ногъ употребляется на обшивку лыжъ и наконецъ все его тѣло, посвященное корякскимъ божествамъ, приноситъ его собственнику всевозможныя свѣтскія и духовныя блага. Трудно найти животное, которое бы играло въ жизни человѣка такую великую роль, какъ олень въ жизни сибирскихъ коряковъ. Странный фактъ однако, что сибирскіе туземцы, единственный народъ, кромѣ лапландцевъ, сдѣлавшій оленя домашнимъ животнымъ, не употребляютъ его молока. Я рѣшительно, не могу придумать причины такого непонятнаго презрѣнія къ столь полезному предмету пищи, но не подлежитъ сомнѣнію, что четыре большія, кочующія

*

племена сѣверо-восточной Сибири: коряки, чукчи, тунгузы и самоѣды, не употребляютъ оленьяго молока.

Около двухъ часовъ по полудни стало смеркаться, но считая, что мы уже сдѣлали по крайней мѣрѣ половину деннаго пути, мы остановились на нѣсколько минутъ, чтобы дать поѣсть оленямъ мохъ. Послѣдняя половина пути казалась намъ безконечной. Луна взошла и освятила безконечную, одинокую тундру полуденнымъ блескомъ; но безмолвіе, пустота, отсутствіе какого бы то нибыло темнаго предмета, на которомъ могъ бы остановиться усталый глазъ и безграничная даль снѣжнаго пространства — поражали насъ какимъ-то новымъ страннымъ чувствомъ страха. Облака тумана или пара стояли надъ оленями и длинной вереницей указывали, послѣ нашего проѣзда, на нашъ путь. Бороды становились массой замерешей желѣзной проволоки; вѣки отяжелѣли отъ инея; носы при малѣйшей неосторожности получали бѣлый восковой видъ, что же касается до ногъ, то мы поддерживали въ нихъ жизнь только часто слѣзая съ саней и бѣгая по дорогѣ. Побуждаемые холодомъ и голодомъ, мы разъ двадцать дѣлали одинъ и тотъ же вопросъ — скоро ли пріѣдемъ? И двадцать разъ получали въ отвѣтъ — „Чаймукъ“ (скоро). Только иногда намъ утѣшительно отвѣчали, что пріѣдемъ — сейчасъ; хотя мы очень хорошо знали, что это только слова, но все же они внушали намъ бодрость. Мои частые вопросы наконецъ побудили возницу выразить остававшееся пространство ариѳметически — и очевидно, гордясь своимъ знаніемъ русскаго языка, торжественно объявилъ, что оставалось только двѣ версты. Я тотчасъ просіялъ и забылъ о теперешнихъ непріятностяхъ, ожидая вскорѣ насладиться пылающимъ огнемъ и горячимъ чаемъ. Однако прошло три четверти часа и не видя обѣщанныхъ юртъ, я снова спросилъ далеко ли до нихъ. Одинъ изъ коряковъ осмотрѣлся вокругъ, словно отыскивая вѣху и потомъ обратясь ко мнѣ самоувѣренно произнесъ слово: верста — и поднялъ четыре пальца. Я упалъ въ сани въ отчаяньи. Для пользы будущихъ путешественниковъ, я приведу здѣсь нѣсколько туземныхъ выраженій, переведя ихъ на математическую величину: „Чаймукъ“ (близко) — двадцать верстъ; „Больше нѣтъ“ — пятнадцать верстъ; „сей часъ

пріѣдемъ" —означаетъ что вы пріѣдете, когда нибудь въ теченіе дня или ночи; „далеко" —восьми дневное пространство. Помня эти простыя выкладки, путешественникъ по Камчаткѣ избѣгнетъ горькаго разочарованія и не потеряетъ вѣры въ человѣческую правоту.

Около шести часовъ вечера, усталые, голодные, полузамерзшіе, мы въѣхали во вторую стоянку коряковъ, среди лая собакъ и криковъ людей. Поспѣшно соскочивъ съ саней и думая только, какъ бы поскорѣе погрѣться у огня, я влѣзъ въ первое попавшееся отверстіе, твердо вѣря, по вчерашнему опыту, что каждое отверстіе должно быть дверью жилища. Нѣсколько времени я ползалъ въ темнотѣ и наткнулся на двухъ мертвыхъ оленей и груду сушеной рыбы; наконецъ, я сталъ кричать прося о помощи. Велико было удивленіе собственника шалаша, когда явившись съ факеломъ, онъ увидалъ въ своей кладовой чужаго человѣка. Послѣ первой минуты изумленія, онъ указалъ мнѣ дорогу во внутренность шалаша, гдѣ маіоръ, большимъ корякскимъ ножемъ, старался отрубить замерзшую бороду отъ мѣховаго воротника и открыть сообщеніе со ртомъ, который былъ закрытъ леденой завѣсой. Котелокъ вскорѣ закипѣлъ на веселомъ огнѣ, бороды наши оттаяли, и черезъ полчаса мы спокойно сидѣли за свѣчнымъ ящикомъ, служившимъ намъ вмѣсто стола, и пили горячій чай.

Мы уже были за третьимъ стаканомъ чая, когда мѣховая завѣска выходной двери приподнялась и въ юрту вползла самая удивительная фигура, когда либо виданная мною въ Камчаткѣ. Очутившись между нами фигура эта выпрямилась и торжественно смотрѣла на насъ, имѣя по крайней мѣрѣ шесть футовъ вышины: Это былъ некрасивый, смуглый человѣкъ, лѣтъ тридцати. На немъ былъ красный мундиръ съ голубыми отворотами, мѣдными шнурами, висѣвшими на груди, черные брюки и мѣховые сапоги; волоса его были выбриты на макушкѣ и только длинныя пряди волосъ висѣли на ушахъ и лбу. Нитки мелкихъ бусъ висѣли изъ его ушей и надъ однимъ изъ нихъ онъ приклеилъ для будущаго употребленія большой кусокъ жеваннаго табаку. На ремнѣ, изъ тюленьей шкуры, у него висѣла великолѣпная сабля съ серебрянымъ эфесомъ и роскошными ножнами. Его корякское

лице, бритая голова, красный мундиръ, золотые шнуры, серебряная сабля, тюленій ремень, мѣховые сапоги, представляли такую замѣчательную комбинацію контрастовъ, что мы сначала отъ изумленія не могли проговорить ни слова.

— Кто ты такой? наконецъ спросилъ маіоръ, оправившись отъ минутнаго изумленія.

Незнакомецъ молча поклонился.

— Откуда чертъ тебя принесъ?

Незнакомецъ снова поклонился.

— Откуда ты досталъ этотъ мундиръ? Неужели ты не можешь отвѣчать? Эй, Мироновъ! переговори съ этимъ чертомъ, я отъ него ничего не могу добиться.

Доддъ замѣтилъ, что это могъ быть посланный отъ экспедиціи сера Джона Франклина и незнакомецъ опять поклонился, словно предположеніе Додда было справедливо.

— Да ты, не кочанъ капусты? спросилъ неожиданно Доддъ порусски.

Незнакомецъ подтвердилъ поклономъ, что онъ дѣйствительно былъ кочанъ капусты.

— Онъ ничего не понимаетъ! злобно воскликнулъ Доддъ: — Гдѣ Мироновъ?

Мироновъ явился, началъ разспрашивать таинственнаго посѣтителя о его имени, происхожденіи и предыдущей исторіи.

— Какъ его зовутъ? спросилъ маіоръ.

— Онъ говоритъ, что его зовутъ Ханаипуганекъ, отвѣчалъ Мироновъ.

— Гдѣ онъ досталъ мундиръ и саблю?

— Онъ говоритъ, что ему далъ ихъ великій предводитель бѣлыхъ, за убитаго оленя.

Этого объясненіе было недостаточно, поэтому Миронову было поручено добиться болѣе опредѣленныхъ свѣденій. Черезъ нѣсколько времени, удивленное лице Миронова просіяло и онъ пояснилъ намъ, что мундиръ и сабля даны незнакомцу русскимъ императоромъ въ вознагражденіе за оленей, данныхъ имъ русскимъ во время голода въ Камчаткѣ. На вопросъ получилъ ли онъ какую либо бумагу, вмѣстѣ съ подаркомъ, корякъ ушелъ изъ

юрты и возвратился тотчасъ назадъ съ листомъ бумаги, акуратно связаннымъ между двумя деревяшками, веревками изъ оленьихъ жилъ. Эта бумага объяснила намъ все. Мундиръ и сабля были даны отцу нынѣшняго ихъ владѣльца, въ царствованіе императора Александра I, губернаторомъ Камчатки въ видѣ награды за помощь, оказанную русскимъ во время голода. Отъ отца эти вещи перешли къ сыну и гордясь ими онъ явился къ намъ, какъ только узналъ о нашемъ пріѣздѣ. Ему собственно хотѣлось только показать себя и свою саблю, дѣйствительно великолѣпную. Полюбовавшись этимъ памятникомъ царствованія Александра I, котораго конечно, мы не ожидали найти въ Камчаткѣ, мы подарили табаку нашему странному посѣтителю и простились съ нимъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Путешествіе въ степи.—Корякская свадьба.—Пьянство.—Однообразная жизнь.

На слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, мы снова пустились въ путь и до четырехъ часовъ послѣ захода солнца ѣхали по безконечной снѣжной степи, на которой ни малѣйшій значекъ не указывалъ дороги. Удивительно, какъ правильно наши возницы опредѣлили точки компаса и выбирали дорогу просто смотря на снѣгъ. Сильные, сѣверо-восточные вѣтры, дующіе въ этой мѣстности зимой, сметаютъ снѣгъ, въ длинные, волнообразные холмы, называемые „састругами,“ которые всегда перпендикулярны вѣтру и обыкновенно тянутся въ сѣверо-западномъ и юго-восточномъ направленіи. Эти холмы иногда скрываются на нѣсколько дней вновь выпавшемъ снѣгомъ; но опытный корякъ смететъ верхній слой снѣга и всегда вѣрно опредѣлитъ гдѣ сѣверъ; такимъ образомъ онъ путешествуетъ днемъ и ночью, не сбиваясь съ пути и почти по прямой линіи.

Мы достигли третьей стоянки коряковъ въ 6 часовъ и войдя въ самую большую юрту нашли тамъ, къ нашему удивленію, толпу туземцевъ, очевидно собравшихся для какой нибудь церемоніи или увеселенія. На нашъ вопросъ переводчики отвѣчали, что приготовлялась свадьба и поэтому мы вмѣсто того, чтобъ поселиться какъ было рѣшено въ другой менѣе шумной и наполненной народомъ юртѣ, мы остались посмотрѣть, какъ совершается обрядъ вѣнчанія въ такой дикой, необразованной странѣ.

Свадебный обрядъ коряковъ чрезвычайно замѣчателенъ своей оригинальностью и тѣмъ страннымъ равнодушіемъ, которое оказывается вполнѣ справедливымъ чувствомъ жениха. Ни въ какой странѣ вы не встрѣтите, въ этомъ обрядѣ, столько здраваго смысла и нелѣпости, какъ у коряковъ и не въ какой другой странѣ, мы надѣемся, женихъ не подвергается такимъ унизительнымъ обрядамъ. Бракъ, для каждаго молодаго человѣка долженъ быть дѣломъ серьезнымъ, но для коряка, это дѣло ужасное. Если корякъ хочетъ доказать свою храбрость, тому достаточно представить брачное свидѣтельство, конечно, если таковыя существуютъ въ этой странѣ, а если же одинъ человѣкъ женится два или три раза, то онъ безспорно величайшій герой. Я зналъ одного коряка, который былъ женатъ четыре раза и я чувствовалъ къ нему такое же уваженіе, какъ къ героямъ, участвовавшимъ въ кавалерійской атакѣ подъ Балаклавой.

Я полагаю, что этотъ обрядъ еще нигдѣ не былъ описанъ и какъ не слабо будетъ мое описаніе, но я все же надѣюсь, что получивъ понятіе о корякской свадьбѣ, американскіе влюбленные юноши возблагодарятъ Бога, что они родились не въ Камчаткѣ. Несчастія корякскаго юноши начинаются съ того момента, какъ онъ влюбляется; если его намѣренья серьезны, то онъ прямо отправляется къ отцу и официально проситъ руки молодой дѣвушки, справляясь о количествѣ оленей, назначенныхъ ей въ приданое и вообще о ея цѣнности. Ему тогда объявляютъ сколько онъ обязанъ, два или три года, работать на свою будущую жену. Потомъ ему дается свиданіе съ молодой дѣвушкой и онъ начинаетъ ухаживать за нею. Не смотря на всѣ мои вопросы, я никакъ не могъ добиться подробныхъ свѣденій о корякскомъ способѣ уха-

живанья за дамами. Если молодой человѣкъ встрѣчаетъ сочувствіе со стороны молодой дѣвушки и онъ получаетъ положительное обѣщаніе, то весело принимается за свой искусъ и проводитъ два или три года, работая на своего будущаго тестя, именно рубя лѣсъ,—сторожа оленей, приготовляя сани и т. д. Послѣ окончанія этого подготовительнаго искуса назначается великое испытаніе, которое должно рѣшить его судьбу: съ пользою или даромъ онъ работалъ столько времени.

Въ эту-то интересную, критическую минуту я нашелъ друзей коряковъ въ большой юртѣ. Эта послѣдняя была особенно велика и заключала въ себѣ 26 пологовъ, устроенныхъ вокругъ ея внутренняго циркуля. Открытое пространство въ центрѣ, вокругъ огня, было полно коряковъ съ смуглыми лицами и полувыбритыми головами; они по видимому были также заняты корытами съ маньялой, вареной олениной, мерзлымъ саломъ и прочими лакомствами, какъ и обсужденіемъ какихъ-то спорныхъ вопросовъ свадебнаго этикета. По незнанію туземнаго языка, я не могъ вполнѣ понять этотъ споръ, но очевидно, обѣ стороны выказали много діалектическихъ способностей. Наше неожиданное появленіе казалось смутило нѣсколько все общество; татуированныя женщины и мужчины съ полуобритыми головами съ изумленіемъ смотрѣли на блѣднолицыхъ чужестранцевъ, явившихся неприглашенными на свадьбу и не въ свадебной одеждѣ. Наши лица, конечно были грязны, а синія охотничьи рубашки и кожанные штаны носили явные слѣды двухъ мѣсячнаго труднаго путешествія, такъ что вообще нашъ наружвый видъ обнаруживалъ болѣе близкое знакомство съ грязными юртами, грязными ущельями и сибирскими бурями, чѣмъ съ цивилизованнымъ вліяніемъ воды, мыла, иголки и ножницъ. Однако, мы хладнокровно выдержали любопытные взгляды туземцевъ, какъ люди давно къ этому привыкшіе и спокойно попивая чай дожидались начала церемоніи. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ во всѣ стороны, стараясь распознать счастливую чету, но очевидно она была спрятана въ одномъ изъ окружающихъ пологовъ. Наконецъ гости съѣли и выпили почти все приготовленное, на всѣхъ лицахъ выразилось нетерпѣливое ожиданіе. Неожиданно раздался мѣрный бой туземнаго мѣднаго барабана, наполнившій всю юрту

моремъ звуковъ. Въ туже минуту входная занавѣсь приподнялась и въ шалашъ вошелъ высокаго роста корякъ съ охапкой ивовыхъ прутьевъ, которые онъ роздалъ всѣмъ присутствующимъ.

— Какъ вы думаете, для чего это? спросилъ Доддъ въ полголоса.

— Я не знаю, отвѣчалъ я: — помолчите, мы увидимъ.

Мѣрный, барабанный бой продолжался во время раздачи ивовыхъ прутьевъ и по окончанію этой церемоніи барабанщикъ началъ пѣть сначала въ полголоса музыкальный речитативъ, который мало по малу перешелъ въ дикую, энергичную пѣснь. Вслѣдъ за этимъ произошло нѣкоторое волненіе, занавѣси всѣхъ пологовъ поднялись и при входѣ въ каждый изъ нихъ помѣстились двѣ или три женщины съ ивовыми вѣтвями. Въ ту же минуту туземецъ почтенной наружности вышелъ изъ перваго отъ дверей полога, ведя за руку молодаго красиваго коряка и смуглую невѣсту. Съ ихъ появленіемъ общее волненіе достигло зенита, музыка ускорила темпъ, гости стали подпѣвать и по временамъ оглашали воздухъ дикими криками. По сигналу, данному почтеннымъ туземцемъ, невѣста неожиданно бросилась въ первый пологъ и начала быстро бѣгать вокругъ юрты по всѣмъ пологамъ, открывая раздѣляющія ихъ между собою занавѣси. Женихъ тотчасъ пустился за нею въ погоню, но женщины, стоявшія у входа каждаго полога, всячески мѣшали ему пройти, хватая его за ноги, опуская занавѣсь и ударяя прутьями по самой чувствительной части его тѣла. Воздухъ оглашался барабаннымъ боемъ, криками поощренія, смѣхомъ и звуками тяжелыхъ ударовъ, наносимыхъ несчастному жениху. Очевидно было, что не смотря на всѣ его энергичныя усилія ему не удастся поймать Аталанты, прежде чѣмъ она не сдѣлаетъ кругъ всей юрты. Даже золотые плоды Гесперидъ не помогли бы ему въ этой отчаянной скачкѣ съ препятствіями; и однако, съ удивительнымъ упорствомъ, онъ продолжалъ преслѣдованіе невѣсты, спотыкаясь на каждомъ шагу о подставляемыя ему ноги и путаясь въ занавѣсяхъ, которыя съ искуствомъ Матадоровъ ему бросали на голову и въ глаза. Но вотъ невѣста укрылась въ послѣднемъ пологѣ, а женихъ все еще не сдѣлалъ и половины круга. Я ожидалъ, что онъ теперь откажется отъ неровной борьбы

и приготовлялся за него горячо заступиться, но онъ не останавливался и съ нечеловѣческимъ усиліемъ поборовъ всѣ преграды, распахнулъ занавѣсь послѣдняго полога и очутился подлѣ своей невѣсты. Музыка неожиданно прекратилась и толпа начала быстро выходить изъ юрты. Очевидно, церемонія была окончена.

— Что это все значитъ? спросили мы у Миронова, который съ веселой улыбкой слѣдилъ за всей этой церемоніей: — они женаты?

— Да, отвѣчалъ онъ.

— Но, замѣтили мы: — онъ ее не поймалъ.

— Она подождала его въ послѣднемъ пологѣ, а если онъ очутился съ ней тамъ, то болѣе ничего и не нужно.

— А еслибъ онъ ее не нашелъ тамъ, то тогда что?

— Тогда, отвѣчалъ казакъ: — „кайднакъ“ (бѣдный малый) долженъ былъ бы отработать еще два лишнихъ года.

Очевидно весь этотъ странный обрядъ имѣлъ цѣлью дать женщинѣ возможность выйдти замужъ за того человѣка, за котораго она хочетъ, такъ какъ при данныхъ обстоятельствахъ жениху не возможно поймать невѣсту, если она сама не подождала бы его въ одномъ изъ пологовъ. Конечно, это доказываетъ рыцарскій взглядъ на женскій полъ, рѣдко встрѣчаемый въ такомъ дикомъ, первобытномъ обществѣ, но мнѣ кажется, что того же самого результата можно было добиться, не подвергая жениха такимъ презрѣннымъ униженіямъ. Я рѣшительно не понимаю какой смыслъ имѣютъ удары ивовыми прутьями, которымъ подвергаютъ жениха всѣ собравшіеся гости. Доддъ увѣрялъ, что эта порка представляла эмблему брачной жизни, но въ виду мускулистыхъ, энергичныхъ и рѣшительныхъ коряковъ, видѣнныхъ нами на этой церемоніи, едва ли это объясненіе можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ по всей вѣроятности въ брачной жизни главой и повелительницей являлась не жена, а мужъ. А. Бикмаръ въ „American Journal of science“, за май 1868 года, описываетъ этотъ странный обычай коряковъ, увѣряя, что означенная порка имѣетъ цѣлью испытать способность молодаго человѣка переносить „всѣ невзгоды жизни“; но я позволю себѣ почтительно замѣтить, что невзгоды жизни обыкновенно не являются въ видѣ порки и

что это очень странный способъ приготовлять людей къ перенесенію различныхъ несчастій въ жизни. Во всякомъ случаѣ, какова бы ни была цѣль этого обряда, онъ конечно нарушаетъ вообще признанныя прерогативы сильнаго пола и долженъ былъ бы быть оставленъ тѣми коряками, которые стоятъ за преемство мужчинъ.

Послѣ окончанія этой любопытной церемоніи, мы перешли въ другую сосѣднюю юрту и съ удивленіемъ увидѣли на снѣгу трехъ или четырехъ коряковъ совершенно пьяныхъ, вѣроятно по случаю счастливаго событія. Я очень хорошо зналъ, что во всей сѣверной Камчаткѣ не было ни капли алькоголя и также не изъ чего было и добыть его, поэтому для меня было непостижимо, какъ эти люди могли тамъ быстро нализаться. Въ отвѣтъ на наши разспросы, намъ объяснили, что они наѣлись грибовъ, называемыхъ туземцами мухоморами, которые имѣютъ опьяняющее дѣйствіе, почему всѣ сибирскія племена употребляютъ ихъ какъ опіумъ. Въ большомъ количествѣ мухоморъ сильный ядъ, но въ маломъ имѣетъ одуряющее вліяніе водки. Однако, при постоянномъ употребленіи, онъ совершенно разстраиваетъ нервную систему и потому по русскимъ законамъ воспрещено торговцамъ продавать это одуряющее средство туземцамъ. Но не смотря на всѣ воспрещенія, тайная торговля чрезвычайно распространена и я видалъ какъ за одинъ мухоморъ отдавали мѣховъ на 20 долларовъ. Коряки сами разводили бы драгоцѣнный грибъ, еслибъ онъ росъ на открытой полянѣ, но онъ требуетъ тѣни и деревьевъ, чего на ихъ степяхъ нельзя найти; поэтому они принуждены покупать его у русскихъ за огромную цѣну. Быть можетъ американцамъ покажется страннымъ, но коряки не говорятъ своимъ друзьямъ: „войдите, выпьемъ рюмку“, но „не хотите ли мухомора?“ Такъ какъ подвозъ этого драгоцѣннаго для коряковъ предмета потребленія никогда не равняется запросу на него, то коряки ухищряются различными способами извлечь изъ даннаго количества, наивозможно болѣе пользы. Иногда бываютъ такія обстоятельства, что цѣлому отряду коряковъ необходимо напиться, а у нихъ всего одинъ мухоморъ. Какъ они дѣлаютъ, что упиваются всѣ однимъ мухоморомъ и пьяны цѣлую недѣлю лучше всего описано въ 32 письмѣ „Гражданина Міра“ Гольдсмита. Впрочемъ, надо сказать, что этотъ

ужасный обычай почти исключительно распространенъ между осѣдлыми коряками Пенжинской губы, которые составляютъ самый низшій, развращенный отдѣлъ своего племени. Быть можетъ встрѣчаются случаи подобнаго пьянства и между кочевыми туземцами, но внѣ юртъ Пенжинской губы я слыхалъ только объ одномъ подобномъ случаѣ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней послѣ отъѣзда изъ третьей стоянки коряковъ, наше путешествіе было утомительно и однообразно. Постоянная рутина нашей ежедневной жизни, въ дымныхъ корякскихъ юртахъ и монотонная, обнаженная плоскость страны, по которой мы ѣхали, стали ужасно намъ надоѣдать и мы съ томительнымъ нетерпѣніемъ ожидали прибытія въ русскій городъ Гежигинскъ на берегу бухты того же имени, цѣли нашего путешествія. Прожить недѣлю у кочующихъ коряковъ и не соскучиться, не почувствовать тоски по родинѣ — требуетъ нечеловѣческой силы ума и умѣнья сосредоточиваться въ себѣ. Удаленные на безконечное разстояніе физически и умственно отъ всѣхъ интересовъ, честолюбій и волненій нашего образованнаго міра, коряки живутъ, какъ устрицы, простой однообразной жизнью въ предѣлахъ своей раковины. Рожденіе, свадьба, жертвоприношеніе собаки, или въ рѣдкихъ случаяхъ человѣка корякскому Ариману и нечастыя посѣщенія русскихъ торговцевъ — вотъ замѣчательнѣйшія событія жизни коряка отъ колыбели до могилы. Часто, сидя у огня въ корякской юртѣ, мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы я все же былъ въ томъ самомъ мірѣ, гдѣ существуютъ телеграфы, желѣзныя дороги и ежедневныя газеты. Мнѣ казалось, что какой нибудь волшебникъ перенесъ меня въ древнѣйшія времена и поселилъ въ шатрахъ Сима и Іафета. Во всемъ что насъ окружало мы не видѣли ни малѣйшаго слѣда прославленной цивилизаціи XIX вѣка, и по мѣрѣ того, какъ мы стали сами привыкать къ страннымъ условіямъ первобытной варварской жизни, наши воспоминанія о цивилизаціи стушевывались и принимали туманный образъ сновидѣнія.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Корякскій языкъ. — Религія. — Обычаи и т. д.

Наши долгія сношенія съ кочующими коряками дали намъ случай изучить многія изъ ихъ особенностей, которыя избѣгли бы наблюденія болѣе торопливыхъ путешественниковъ; и такъ какъ наше путешествіе до Пенжинской губы не представляетъ ничего любопытнаго, то я посвящу эту главу тѣмъ свѣденіямъ, которыя я собралъ о языкѣ, суевѣріяхъ, обычаяхъ и образѣ жизни камчатскихъ коряковъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что коряки и могущественнѣйшее сибирское племя, извѣстное подъ названіемъ чукчей, происходятъ отъ одного и того же первоначальнаго корня, и что они переселились вмѣстѣ, съ ихъ прежнихъ мѣстъ пребыванія въ теперешнія. Даже послѣ нѣсколькихъ столѣтій разъединенія, они такъ походятъ другъ на друга, что ихъ трудно отличить, а ихъ языки отличаются одинъ отъ другаго менѣе чѣмъ испанскій отъ португальскаго. Наши корякскіе переводчики, почти безъ труда бесѣдовали съ чукчами, а по сравненію словъ, языки эти отличаются только нѣкоторыми діалектическими измѣненіями, что легко объяснить вѣковымъ разъединеніемъ обоихъ народовъ. Не одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ сибирскихъ языковъ не письменный и потому, не имѣя постоянныхъ образцовъ они быстро измѣняются. Это доказывается сравненіемъ современныхъ словъ, употребляемыхъ чукчами съ тѣми словами, которыя записаны Лесепсомъ въ 1788 году. Много словъ совершенно измѣнились, такъ что едва узнаваемы. Напротивъ другія слова, какъ напримѣръ „тинъ, тинъ“ — (ледъ), „уттутъ“ — (дерево), „винчей“ — (нѣтъ), „ай“ — (да), ни мало не измѣнились. Коряки и чукчи считаютъ по пяткамъ, а не по десяткамъ; эта особенность встрѣчается также въ языкѣ коюконовъ на Аляскѣ. Корякскія числа слѣдующія:

Иннинъ — одинъ,
Ни-акъ — два,
Ни-окъ — три,
Ни-екъ — четыре,
Ми-ли-инъ — пять,
Иннинъ ми-ла-генъ — одинъ-пять,
Ни-акъ — — два-пять,
Ни-окъ — — три-пять,
Ни-экъ — — четыре-пять,
Мин-и-гит-кинъ — десять.

Послѣ десяти считаютъ одинъ-десять, два-десять и т. д. до пятнадцати, потомъ одинъ-пять-десять и т. д.; но когда дѣло доходитъ до двадцати, то счетъ становится такъ сложенъ, что легче произнесенія необходимыхъ словъ носить съ собою мѣшокъ съ камушками и считать ими. Такъ напримѣръ, чтобъ сказать пятьдесятъ шесть — коряку необходимо произнести слѣдующее: — „Ни-ак-клин-кин-мин-и-гит-кин-пар-ол-ин-нин-ми-ли-генъ.“ Конечно, корякамъ рѣдко приходится считать большія суммы и во всякомъ случаѣ у нихъ довольно на это свободнаго времени. Мы не могли вывести никакого сходства между языками коряковъ и чукчей и языками туземцевъ, обитающихъ на восточномъ берегу Берингова пролива, если таковое сходство существуетъ, то въ граматикѣ, а не въ словахъ.

Религія всѣхъ туземцевъ сѣверной Сибири, какъ кочевыхъ такъ и осѣдлыхъ, раздѣленныхъ на шесть или семь, совершенно различныхъ племенъ, составляетъ испорченную форму будизма, извѣстную подъ названіемъ шаманизма. Эта религія значительно измѣняющаяся въ различныхъ мѣстахъ и между различными народами; но у коряковъ и чукчей эта религія можетъ быть просто опредѣлена поклоненіемъ злымъ духамъ, которые предполагаются воплощаютъ всѣ таинственныя силы и явленія природы, какъ бури, затмѣнія, болѣзни, голоды. Названіе ея происходитъ отъ шамановъ, или жрецовъ, дѣйствующихъ въ качествѣ истолкователей воли злыхъ духовъ и посредниками между ними и людьми. Всѣ неестественныя явленія и особливо всѣ страшныя и вредныя приписываются прямому вліянію этихъ злыхъ духовъ и объясняются ихъ гнѣвомъ на

людей. Многіе предполагаютъ, что весь шаманизмъ ничто иное, какъ громадный обманъ, съ помощью котораго нѣсколько хитрыхъ жрецовъ пользуются слѣпой вѣрой суевѣрныхъ людей. По моему мнѣнію это слишкомъ односторонній взглядъ, полный предубѣжденія. Никто жившій между сибирскими туземцами, изучившій ихъ характеръ, подвергавшійся тѣмъ же вліяніямъ, которыя ихъ окружаютъ и на сколько возможно ставившій себя на ихъ мѣсто, никогда не станетъ сомнѣваться въ чистосердечіи шамановъ и ихъ послѣдователей, а также не станетъ удивляться, что поклоненіе злымъ духамъ ихъ единственная религія. Подобная религія одна и мыслима для такихъ людей и при такихъ обстоятельствахъ. Лекки, въ своей „Исторіи Раціонализма въ Европѣ“ такъ справедливо и безпристрастно описалъ характеръ сибирскихъ коряковъ, а также происхожденіе и сущность ихъ религіозныхъ вѣрованій, что я лучше всего приведу здѣсь его слова:

„Страхъ повсюду является началомъ религіи. Явленія природы, производящія самое сильное впечатлѣніе на умъ дикаря не тѣ, которыя подчиняются естественнымъ законамъ и приводятъ къ благодѣтельнымъ результатамъ, но тѣ явленія напротивъ, которыя дѣйствуютъ опустошительно и кажутся ненормальными. Благодарность не столь глубоко чувствуется, какъ страхъ, и малѣйшее нарушеніе естественнаго закона поражаетъ болѣе, чѣмъ самое великолѣпнѣйшее изъ его обыкновенныхъ дѣйствій. Поэтому вспоминая о самыхъ страшныхъ, грозныхъ явленіяхъ природы, объ ужасныхъ болѣзняхъ и роковыхъ переворотахъ въ стихіяхъ—дикарь приходитъ къ сознанію присутствія въ мірѣ дьявольской силы. Въ темнотѣ ночи, въ зіяющихъ безднахъ, въ дикомъ эхо горныхъ ущелій, въ блестящей кометѣ, во мракѣ затмѣнія, въ землетрясеніи, въ чумѣ, въ болѣзняхъ, однимъ словомъ во всемъ страшномъ, могучемъ, и смертоносномъ — дикарь видитъ естественную силу и невольно преклоняется передъ нею. Вполнѣ подвергнутый всѣмъ вліяніямъ природы и не вѣдая цѣпи причинъ и послѣдствій, связующихъ все въ природѣ, онъ живетъ въ постоянномъ страхѣ того, что онъ считаетъ прямымъ и изолированнымъ дѣйствіемъ злыхъ духовъ. Чувствуя ихъ постоянное присутствіе вокругъ себя, онъ конечно постарается войдти съ ними въ

сношенія и расположить ихъ въ свою пользу приношеніями. Если какое либо великое несчастье разразится надъ нимъ или какая либо страсть овладѣваетъ его умомъ, онъ естественно постарается воспользоваться ихъ властью и его возбужденное воображеніе убѣдитъ его, что онъ успѣлъ въ своемъ желаніи."

Эти замѣчательныя слова служатъ ключемъ къ объясненію всѣхъ сибирскихъ туземцевъ и происхожденія шамановъ. Еслибъ необходимо было доказательство, что эта религія естественный плодъ человѣческой природы, при извѣстныхъ условіяхъ варварства, то достаточно указать на преобладаніе шаманизма въ сѣверо-восточной Сибири между столь рализчными племенами по характеру и происхожденію. Племена тунгузовъ напримѣръ безъ сомнѣнія китайскаго происхожденія, а якуты турецкаго. Оба эти племени явились изъ различныхъ странъ, съ различными вѣрованіями, суевѣріями и мыслями, но когда они были удалены отъ всѣхъ окружавшихъ ихъ условій и подвергнуты одинаковымъ внѣшнимъ вліяніямъ, то оба племени выработали одну религіозную систему.

Еслибъ толпа невѣжественныхъ, дикихъ магометанъ была бы переселена въ сѣверо-восточную Сибирь и подвержена жизни въ юртахъ, столѣтіе за столѣтіемъ между мрачными ущельями Становыхъ горъ, еслибъ они терпѣли отъ грозныхъ для нихъ необъяснимыхъ бурь, теряли оленей, отъ неожиданныхъ эпидемій, пугались великолѣпныхъ сѣверныхъ сіяній и подвергались ужаснымъ язвамъ и недугамъ, отъ которыхъ не было бы спасенія — то они не избѣжно мало по малу потеряли бы свою вѣру въ Аллаха и Магомета, и сдѣлались бы такими же шаманистами какъ Сибирскіе коряки и чукчи. Даже нѣкотораго рода цивилизація и христіанство не могутъ въ цѣлое столѣтіе вполнѣ уничтожить непреодолимое шаманистское вліяніе на человѣческій умъ грозныхъ явленій природы въ этихъ уединенныхъ, отдаленныхъ странахъ.

Камчадалы, сопровождавшіе меня черезъ Саманскія горы, были сыновья христіанъ и воспитаны съ дѣтства въ лонѣ греческой церкви; они твердо вѣрили въ божественное искупленіе и въ небесный промыселъ; они молятся день и ночь о спасеніи и сохраненіи

своихъ душъ, но застигнутые бурей, въ мрачныхъ горахъ, сознаніе сверхъ естественныхъ силъ въ природѣ преодолѣло ихъ религіозное убѣжденіе. Богъ казался имъ далеко, а злые духи всюду вокругъ и они принесли въ жертву собаку, какъ истые язычники для умилостивленія дьявольскаго гнѣва, выразившагося въ бурѣ. Я могъ бы привести много подобныхъ примѣровъ подчиненія самыхъ искреннихъ религіозныхъ вѣрованій минутному вліянію на воображеніе поразительнаго, чрезвычайнаго явленія природы. Дѣйствія людей управляются не тѣмъ, чему они умственно вѣрятъ, но тѣмъ, что они живо сознаютъ; и это живое сознаніе присутствія злыхъ духовъ въ природѣ — служитъ источникомъ шаманской религіи.

Обязанность шамановъ или духовныхъ лицъ коряковъ, заключается въ заговариваньи больныхъ, въ общеніи съ злыми духами и въ истолкованіи людямъ ихъ желаній и воли. Какъ только разразится какое нибудь несчастье, голодъ, буря, болѣзнь, причина его тотчасъ приписывается гнѣву какого нибудь злаго духа и къ шаману обращаются за совѣтомъ, какъ лучше умилостивить этотъ гнѣвъ. Тогда шаманъ собираетъ народъ въ самой большой юртѣ, надѣваетъ длинную одежду съ фантастическими изображеніями птицъ и звѣрей и странными іероглифическими эмблемами, распускаетъ свои длинные, черные волосы и взявъ большой туземный барабанъ начинаетъ пѣть въ полголоса подъ акампониментъ мѣрнаго, тихаго, барабаннаго боя. Мало по малу, пѣніе становится энергичнѣе и быстрѣе, глаза шамана устрѣмляются въ пространство, тѣло его судорожно подергивается и барабанный бой переходитъ въ непрерывные раскаты грома. Наконецъ, онъ вскакиваетъ и начинаетъ дико плясать, конвульсивно махая головой, пока въ изнеможеніи не опускается снова на свое мѣсто. Черезъ нѣсколько минутъ онъ объявляетъ испуганнымъ туземцамъ волю оскорбленнаго божества и которая обыкновенно состоитъ въ жертвоприношеніи извѣстнаго числа собакъ или оленей, иногда и человѣка.

Въ этихъ дикихъ сценахъ, шаманы иногда прибѣгаютъ къ различнымъ обманамъ, чтобъ возбудить къ себѣ довѣріе туземцевъ; такъ они берутъ въ ротъ горячіе уголья и пронзаютъ свое

тѣло ножами; но въ большинствѣ случаевъ, шаманы сами увѣрены, что находятся въ общеніи съ дьяволомъ. Однако, туземцы иногда сомнѣваются въ истинности ихъ вдохновеній и подвергаютъ ихъ страшной поркѣ для испытанія искренности ихъ убѣжденій и подлинности передаваемыхъ ими откровеній. Если они выдерживаютъ этотъ искусъ, не выказавъ человѣческой слабости, то вполнѣ подтверждается его авторитетъ, какъ истолкователя воли злыхъ духовъ и всѣ его приказанія безпрекословно исполняются. Кромѣ жертвоприношеній по приказанію шамановъ, коряки, по крайней мѣрѣ два раза въ годъ, приносятъ общія жертвы для обезпеченья хорошей ловли рыбы и тюленей, а также хорошей погоды. Мы часто видали двадцать или тридцать собакъ повѣшанныхъ задними ногами на высокихъ жердяхъ, вокругъ стоянки коряковъ. Лѣтомъ собираютъ длинную, зеленую траву и плетутъ вѣнки, которые потомъ вѣшаютъ на шеи принесеннымъ въ жерту животнымъ; при переходѣ чрезъ вершину горы, коряки всегда бросаютъ табакъ въ видѣ приношенія злымъ богамъ. Тѣла умершихъ всѣ кочующія племена сожигаютъ вмѣстѣ съ вещами, принадлежавшими покойнымъ, въ полномъ упованіи, что люди воскресаютъ въ духѣ и плоти; они также не даютъ долго страдать больнымъ, и какъ только выздоровленіе становится безнадежнымъ, то ихъ или пронзаютъ пиками или побиваютъ камнями. Мы вполнѣ убѣдились изъ близкаго знакомства съ коряками въ справедливости разсказовъ русскихъ и камчадаловъ, о томъ, что коряки убиваютъ стариковъ и больныхъ, какъ только они не въ состояніи переносить всѣ тяжести кочевой жизни. Долгій опытъ научилъ ихъ лучшимъ и быстрѣйшимъ методамъ лишать людей жизни и они часто объясняли намъ, какъ различно можно убить человѣка и указывали на тѣ мѣста въ тѣлѣ, въ которыя достаточно было вонзить ножъ или пику, чтобъ произвесть мгновенную смерть. Слушая коряковъ я невольно думалъ о знаменитомъ очеркѣ Де-Квинсея. — „Убійство, какъ изящное искуство.“ Всѣ коряки смотрятъ на подобную смерть какъ на естественный конецъ ихъ жизни и обыкновенно встрѣчаютъ ее чрезвычайно спокойно. Они предаются смерти въ присутствіи всѣхъ родственниковъ и сосѣдей, послѣ чего ихъ тѣла сожигаются, а прахъ разметается на

всѣ четыре стороны. Рѣдко случается, чтобы корякъ заявилъ желаніе пережить эпоху своей физической дѣятельности и пользы, доставляемой имъ себѣ и другимъ."

Этотъ обычай убивать старыхъ и больныхъ и сожигать тѣла умершихъ, естественно проистекаетъ изъ кочевой жизни коряковъ и служитъ только доказательствомъ, какое громадное вліяніе физическіе законы имѣютъ на дѣйствія и нравственныя чувства людей. Эти послѣднія бываютъ логическимъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ страны и климата. Обнаженная почва сѣверо-восточной Сибири и жестокая долгая зима побудила человѣка обратить въ домашнее животное оленя, какъ единственное средство существованія; обращеніе оленя въ домашнее животное побудило туземцевъ вести жизнь кочевую; кочевая жизнь дѣлаетъ обыкновенно невыносимыми для всѣхъ болѣзнь и старость; и это въ концѣ концевъ привело къ обычаю убивать старыхъ и больныхъ изъ экономіи и человѣколюбія. Тѣже причины привели къ обычаю жечь мертвыхъ. Кочевая жизнь не дозволяетъ имѣть одного общаго кладбища, а почти постоянно замерзшая земля дѣлаетъ чрезвычайно труднымъ копаніе могилъ; нельзя же оставлять мертвыя тѣла на съѣденіе волкамъ и вотъ прибѣгли къ единственному практическому способу—къ сожженію мертвыхъ: Не одинъ изъ этихъ обычаевъ не доказываетъ врожденной дикости или жестокости коряковъ; это естественное слѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ и только доказываетъ, что самыя сильныя проявленія человѣческаго чувства, какъ любовь къ родителямъ и братьямъ, любовь къ себѣ и уваженіе къ праху друзей безсильны противъ дѣйствія великихъ естественныхъ законовъ. Русская церковь старается привести въ христіанство всѣ сибирскія племена и хотя ея миссіонеры имѣли нѣкоторый успѣхъ между осѣдлыми племенами камчадаловъ, юкагировъ и чуансіевъ, кочевыя племена все еще держатся шаманизма и въ немногочисленномъ народонаселеніи Сѣверо-Восточной Сибири находятся до 70,000 послѣдователей этой религіи. Прежде чѣмъ кочевые коряки и чукчи перейдутъ искренно и безвозвратно въ христіанство, ихъ надо хотя нѣсколько образовать и совершенно измѣнить ихъ образъ жизни.

Между многими суевѣріями кочующихъ коряковъ и чукчей замѣчательно ихъ отвращеніе къ продажѣ живаго оленя. Вы можете купить сколько вамъ угодно мертвыхъ оленей по 70 центовъ за штуку, хотя 500 головъ, но живаго оленя они вамъ не дадутъ ни по дружбѣ, ни за деньги. Вы можете обѣщать имъ цѣлое состояніе съ ихъ точки зрѣнія табаку, мѣдной посуды, бусъ и краснаго сукна за одного живаго оленя и они упорно откажутся отъ всякой сдѣлки; но дозвольте имъ убить этого самаго оленя и вы получите его трупъ за одну нить самыхъ обыкновенныхъ бусъ. Совершенно напрасно спорить съ ними объ этомъ суевѣріи, они только вмѣсто всякаго объясненія твердятъ, что „продавать живаго оленя не хорошо.“ Такъ какъ при постройкѣ нашей телеграфной линіи намъ необходимо было имѣть своихъ обученыхъ оленей, то мы всячески соблазняли коряковъ, чтобы они намъ продали хоть одного оленя; но всѣ наши усилія были тщетны. Они соглашались продать намъ 100 мертвыхъ оленей за 100 фунтовъ табаку, но 500 фунтовъ не могли заставить ихъ разстаться съ однимъ животнымъ, пока въ немъ была искра жизни. Впродолженіи двухъ съ половиною лѣтъ, проведенныхъ нами въ Сибири, не одному изъ нашихъ отрядовъ не удалось купить у коряковъ и чукчей живаго оленя, а тѣ 500 штукъ, которыми мы дѣйствительно владѣли, были куплены у кочующихъ тунгусовъ.

Коряки, вѣроятно, богатѣйшіе собственники Сибири, а слѣдовательно и во всемъ свѣтѣ. Многія, изъ стадъ оленей, видѣнныхъ нами въ сѣверной Камчаткѣ, имѣли отъ 8 до 12,000 головъ; а намъ разсказывали, что одинъ богатый корякъ, жившій въ самой срединѣ великой тундры, имѣлъ три громадныхъ стада въ различныхъ мѣстахъ, въ которыхъ было всего до 30,000 головъ. Попеченіе объ этихъ стадахъ составляетъ почти единственное занятіе коряковъ. Они обязаны постоянно передвигаться съ мѣста на мѣсто для отысканія пищи оленямъ и должны караулить ихъ отъ волковъ дни и ночи. Каждый день восемь или десять коряковъ, вооруженныхъ ножами и пиками, выходятъ передъ сумерками изъ юртъ, отправляются на разстояніи одной или двухъ миль къ тому мѣсту, гдѣ паслись олени, устраиваютъ маленькій шалашъ изъ сосновыхъ вѣтвей, въ три фута вышины и въ два въ

діаметрѣ, и проводятъ тамъ долгую, холодную полярную ночь, сторожа оленей отъ волковъ. Чѣмъ хуже погода, тѣмъ необходимѣе бдительная стража. Часто среди темной, зимней ночи, когда страшная, сѣверо-восточная буря мететъ по степи цѣлыя облака снѣга, волки неожиданно нападаютъ на стадо оленей и разметаютъ его на всѣ четыре стороны. Помѣшать такому-то опустошенію и составляетъ обязанность корякскихъ часовыхъ. Каждый изъ нихъ, одинъ почти не скрытый отъ непогоды въ своемъ маленькомъ шалашѣ, наподобіе улья, проводитъ долгія, зимнія ночи, наблюдая за великолѣпнымъ сѣвернымъ сіяніемъ, какъ бы обагряющимъ кровью голубой сводъ неба, и прислушиваясь къ отдаленному вою своихъ непріятелей волковъ. Терпѣливо выноситъ онъ холодъ, отъ котораго замерзаетъ ртуть, и бури, уносящія въ водоворотѣ снѣга его утлый кровъ. Ничто не повергаетъ его въ уныніе, ничто не пугаетъ его и не заставляетъ его искать убѣжища въ юртѣ. Я видывалъ такихъ караульныхъ, сторожившихъ ночью оленей, съ отмерзшими до черноты ногами и щеками, часто видалъ ихъ въ холодное, зимнее утро, лежащихъ подъ кустами, укутавъ лице въ мѣху, словно мертвые. Я никогда не могъ пройти мимо одного изъ маленькихъ сосновыхъ шалашей на великой тундрѣ, не подумавъ о людяхъ, проводящихъ въ нихъ цѣлыя ночи. Что думаютъ они въ эти одинокіе, мрачные часы? Смотря на величественное сѣверное сіяніе, думаютъ ли они о таинственныхъ причинахъ этого замѣчательнаго явленія природы? Видъ звѣздъ, далеко блестѣвшихъ на небѣ, возбуждалъ ли въ ихъ головѣ мысль объ иномъ лучшемъ мірѣ, чѣмъ тотъ, въ которомъ они живутъ? Являлось ли въ ихъ душѣ, среди необъятной первобытной природы, сознаніе о Божественномъ Промыслѣ, о Богѣ? Но вѣроятно нѣтъ. Присутствіе сверхъестественныхъ силъ въ природѣ, они ощущаютъ и сознаютъ, но дикіе крики и барабанный бой шамановъ доказываютъ, какъ мало они понимаютъ сущность и великіе уроки таинственныхъ явленій природы.

Естественныя наклонности кочующихъ коряковъ добрыя и хорошія. Они обходятся со своими женщинами и дѣтьми съ замѣчательной добротой, и во все время моего пребыванія между ними, болѣе двухъ лѣтъ, я никогда не видалъ, чтобы корякъ ударилъ

женщину или ребенка. Ихъ честность замѣчательна. Часто они догоняли насъ, послѣ нашего отъѣзда изъ юрты, на разстояніи пяти или десяти миль, чтобы отдать забытые нами, въ попыхахъ ножикъ, трубку или какую либо другую незначительную вещь. Наши сани, нагруженныя табакомъ, бусами и другими товарами, оставались внѣ юртъ безъ всякаго присмотра, но никогда у насъ не украли ни одной бездѣлицы. Многія изъ племенъ обращались съ нами такъ любезно и гостепріимно, какъ рѣдко бываетъ даже въ образованной христіанской странѣ, такъ что останься я безъ денегъ и друзей, то я съ большимъ довѣріемъ обращусь за помощью къ кочующимъ корякамъ, чѣмъ ко многимъ американскимъ семействамъ. Можетъ быть они жестоки и дики, съ нашей точки зрѣнія, но они никогда не совершили, на сколько извѣстно, ни одного предательства или измѣны, и я отдалъ бы свою жизнь въ ихъ руки безусловно и безъ всякой боязни.

Каждую ночь нашего путешествія на сѣверъ, полярная звѣзда все ближе и ближе подходила къ зениту, и наконецъ, подъ 62° шир., мы увидали бѣлыя вершины Становаго хребта у Пенжинской губы, крайней, сѣверной границы Камчатки. Подъ прикрытіемъ снѣжныхъ склоновъ этого хребта, мы въ послѣдній разъ отдыхали въ дымной юртѣ камчатскихъ коряковъ и ѣли изъ ихъ деревянныхъ корытъ; тутъ мы простились, конечно, безъ большаго сожалѣнія съ безконечными степями полуострова и съ степной жизнью среди кочующихъ племенъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Рѣка Пенжина.—25° ниже нуля.—Каменное.—Корякская юрта.—Путешествіе въ Гижигинскъ.—Повозка.—Мякина. Осѣдлые коряки.

Утромъ 23 ноября при холодной, рѣзкой температурѣ 25° ниже нуля, мы достигли устья большой рѣки Пенжины, изливающейся въ Пенжинскую губу, въ верховьяхъ Охотскаго моря. Гу-

стая, мерзлая мгла, заволакивавшая средину залива, доказывала присутствіе полыньи, но устье рѣки было совершенно загромождено утесами, зелеными плитами и массами льда, прибитыми юго-западными вѣтрами, и представлявшими самую хаотическую картину. Сквозь сѣрую пелену тумана не ясно выдавались, на противоположномъ возвышенномъ берегу, юрты каменныхъ коряковъ, похожихъ на букву *X*.

Оставивъ нашихъ возницъ на берегу для переправы черезъ рѣку оленей и саней, маіоръ Додъ и я отправились пѣшкомъ, пролагая себѣ дорогу между громадными, неправильными грудами чистаго, зеленаго льда, карабкаясь на четверенькахъ чрезъ гигантскіе ледяные утесы, падая въ глубокія разсѣлины и разрѣзывая себѣ руки объ острыя иглы, на которыя по мѣстамъ буря разломала льды. Мы почти достигли противоположнаго берега, какъ вдругъ Додъ воскликнулъ: „О, Кенанъ! вашъ носъ побѣлѣлъ; скорѣе потрите его снѣгомъ!“ При этомъ страшномъ извѣстіи, вѣроятно все мое лицо поблѣднѣло, ибо потерять носъ при самомъ началѣ моихъ похожденій на сѣверномъ полюсѣ было бы большимъ несчастіемъ. Поэтому, я схватилъ горсть снѣга, не безъ примѣси острыхъ ледышковъ и сталъ терѣть окоченѣвшій носъ до тѣхъ поръ, пока на кончикѣ его не осталось ни кусочка кожи. Потомъ я продолжалъ тереть перчаткой, пока рука не устала. Почувствовавъ наконецъ болѣзненныя возобновленія кровообращенія, я прекратилъ свои энергическіе пріемы и взобрался по крутому берегу вслѣдъ за Додомъ и маіоромъ въ корякское селеніе Каменное.

Это селеніе чрезвычайно походило на собраніе титанскихъ, деревянныхъ, песочныхъ часовъ, доведенныхъ до безпорядочнаго разрушенія землетрясеніемъ. Дома, если ихъ можно было такъ назвать, имѣли двадцать футовъ вышины, были грубо выстроены изъ лѣса, выброшеннаго моремъ и по формѣ могли быть сравнены только какъ мы уже сказали съ песочными часами. Въ нихъ не было ни оконъ, ни дверей и проникать въ ихъ внутренность можно было только посредствомъ внѣшняго и внутренняго шестовъ, изъ которыхъ по первому надо было взлѣзть до трубы, а по второму спуститься въ трубу; такой способъ входа въ жилища, зависѣлъ исключительно отъ ловкости людей и силы огня, разведеннаго вни-

зу. Дымъ и искры, какъ они не были непріятны, имѣли только второстепенное значеніе. Я помню въ дѣтствѣ мнѣ всегда разсказывали, что вѣдьмы являются въ домъ черезъ трубу и хотя я принималъ эти разсказы на вѣру, какъ слѣпой ребенокъ, но я никакъ не могъ понять, какъ можно было совершить безопасно такой подвигъ. Для разрѣшенія этого вопроса я нѣсколько разъ желалъ лично испытать возможно ли опуститься съ крыши въ комнату по трубѣ, но меня останавливала мысль, что если я и пролѣзу въ трубу, то непремѣнно застряну въ узкомъ нижнемъ отверстіи печи и заслонкѣ. Однако мой первый входъ въ коряк-скую юрту въ Каменномъ разрѣшилъ всѣ мои дѣтскія сомнѣнія и доказалъ возможность входа въ домъ эксцентричнымъ путемъ, который избираютъ вѣдьмы, по разсказамъ нянекъ. Большая толпа туземцевъ съ дикими физіономіями и въ мѣховыхъ одеждахъ окружили насъ при входѣ въ селеніе и смотрѣли на насъ съ тупымъ любопытствомъ, нетерпѣливо ожидая, какъ мы взлѣземъ на шестъ для входа въ домъ. Изъ уваженія къ чину и способностямъ маіора, мы пустили его первымъ. Онъ очень успѣшно взлѣзъ на внѣшній шестъ и съ удивительной, слѣпой вѣрой опустился въ темное отверстіе трубы, изъ котораго клубился черный дымъ; но въ эту критическую минуту, когда его голова еще смутно виднѣлась въ дыму, а тѣло исчезло въ трубѣ, съ нимъ случилось несчастіе. Зазубрины въ шестѣ, по которому онъ лѣзъ, были слишкомъ малы, чтобъ поставить на нихъ ноги, обутыя въ тяжелые мѣховые сапоги и такимъ образомъ онъ висѣлъ въ трубѣ, боясь спрыгнуть внизъ и не имѣя возможности вскарабкаться на верхъ. Слезы струились изъ его закрытыхъ глазъ и онъ задыхался и кашлялъ при малѣйшей попыткѣ звать на помощь. Положеніе его дѣйствительно было трагичное и наконецъ кто-то изъ туземцевъ внутри юрты, увидя висящее въ трубѣ тѣло, схватилъ его за ноги и осторожно опустилъ его на землю. Пользуясь его грустной опытностію я и Додъ не обратили никакого вниманія на зазубрины въ шестѣ, а обхвативъ его обѣими руками и скользя по его гладкой поверхности опустились благополучно внизъ. Открывъ глаза, полные слезъ отъ дыма, я увидѣлъ съ полдюжины старухъ, сидѣвшихъ поджавъ ноги на платформѣ передъ огнемъ. Онѣ за-

нимались шитьемъ мѣховой одежды и привѣтствовали насъ единодушными: „Здорово“.

Внутренность корякской юрты, т. е. деревянной юрты осѣдлыхъ коряковъ представляетъ странное и непривлекательное зрѣлище тѣмъ, которые долгимъ опытомъ не привыкли къ ея грязной, дымной и холодной атмосферѣ. Въ нее проникаетъ свѣтъ и то грустный, сумрачный чрезъ круглое отверстіе, отстоящее отъ земли въ двадцати футахъ и служащее окномъ, дверью и трубой и до котораго достигаютъ посредствомъ круглаго шеста съ зазубринами, стоящаго перпендикулярно въ центрѣ. Всѣ балки, перекладины и бревна, изъ которыхъ состоитъ юрта, отличаются блестящимъ, чернымъ цвѣтомъ, отъ постоянно окружающаго ихъ дыма. Деревянная платформа, отстоящая отъ земли на одинъ футъ, простирается отъ стѣнъ съ трехъ сторонъ на шесть футовъ длины, оставляя въ серединѣ открытое пространство въ восемь или десять футовъ въ діаметрѣ для огня и громаднаго мѣднаго котла съ талымъ снѣгомъ. На платформѣ устроены три или четыре квадратныхъ полога изъ звѣриныхъ шкуръ, которые служатъ для обитателей юрты спальнями и убѣжищами отъ дыма, дѣлающагося по временамъ совершенно нестерпимымъ. Небольшая груда плоскихъ камней, уложенныхъ въ кругъ въ центрѣ юрты составляетъ печь, на которой обыкновенно кипитъ котелъ съ рыбой или олениной, которая вмѣстѣ съ сушеной лососиной, тюленьимъ саломъ и прогорклымъ масломъ составляютъ постоянную пищу коряковъ. Все, что вы видите или до чего прикасаетесь, носитъ отличительные признаки корякскаго происхожденія—все сально и дымно. При входѣ кого бы то ни было въ юрту, вы узнаете объ этомъ по неожиданной темнотѣ и въ облакѣ дыма, вы различаете среди мѣховой одежды, тонкія ноги пришельцевъ. Вы вскорѣ научаетесь распознавать ноги вашихъ знакомыхъ по особенностямъ ихъ формы или одежды; ихъ лица поэтому, какъ средства отождествленія получаютъ второстепенное значеніе. Если вы видите въ трубѣ ноги Ивана, то вполнѣ увѣрены, что голова Ивана гдѣ нибудь наверху въ дыму; а сапоги Николая, появляясь въ отверстіе потолка, служатъ такимъ же доказательствомъ присутствія самого Николая, какъ его голова, еслибъ она явилась первая.

Такимъ образомъ ноги, съ точки зрѣнія внутренней, домашней жизни самыя выразительныя черты корякской физіономіи. Когда по временамъ юрту извнѣ заноситъ снѣгомъ, такъ что собаки имѣютъ доступъ до трубы, то онѣ съ особеннымъ удовольствіемъ располагаются вокругъ нея, вдыхая запахъ рыбы, которая варится въ громадномъ котлѣ внизу въ юртѣ. У нихъ часто происходитъ генеральное сраженіе за лучшее мѣсто подлѣ трубы и нерѣдко въ ту самую минуту, какъ вы хотите снять съ огня котелъ съ вареной лососиной вдругъ падаетъ въ вашу пищу собака съ громкимъ лаемъ, а ея торжествующій противникъ побѣдоносно смотритъ на свою жертву черезъ отверстіе трубы. Корякъ преспокойно вытаскиваетъ изъ котла ошпаренную собаку, вылѣзаетъ съ ней въ трубу, выбрасываетъ ее въ снѣгъ и возвращаясь въ юрту принимается за уху подправленную шерстью и грязью съ собаки. Шерсть, а особливо оленья, составляетъ одну изъ необходимыхъ составныхъ частей каждаго корякскаго кушанья и вы вскорѣ привыкнете къ такой странной приправѣ. Какія предосторожности вы не брали бы, всегда кончалось тѣмъ, что клокъ шерсти появлялся въ вашемъ чаѣ, супѣ, или говядинѣ. Постоянно кто нибудь влѣзаетъ или вылѣзаетъ по трубѣ и оленьи шкуры, служащія главной одеждой туземцевъ такъ трутся о стѣнки отверстія, что цѣлое облако короткой сѣрой шерсти падаетъ внизъ въ котелъ. Поэтому естественно, что первая пища, которую мы ѣли въ корякской юртѣ въ Каменномъ, была далеко не апетитна.

Не прошло и двадцати минутъ послѣ нашего прибытія въ селеніе какъ юрта, занятая нами, наполнилась здоровенными дикими на взглядъ людьми въ одеждахъ изъ оленьихъ шкуръ съ нитками цвѣтныхъ бусъ въ ушахъ и съ большими, тяжелыми ножами болтавшимися въ ножнахъ, между ихъ ногами. Очевидно, они составляли совершенно отдѣльный классъ туземцевъ и не походили на тѣхъ, которыхъ мы дотоль видѣли; ихъ дикія, звѣрскія лица, не внушали намъ довѣрія. Однако вскорѣ появился добродушный, красивый русскій, который снявъ шапку поклонился и объявилъ, что онъ казакъ изъ Гижиги, посланный къ намъ на встрѣчу тамошнимъ русскимъ начальникомъ. Курьеръ, выѣхавшій изъ Лѣснаго прежде насъ, прибылъ въ Гижигу, десятью

днями ранѣе насъ и мѣстный начальникъ послалъ казака къ намъ на встрѣчу въ Каменное, чтобы проводить насъ чрезъ корякскія селенія, окружающія Пенжинскую Губу. Казакъ вскорѣ очистилъ юрту отъ туземцевъ и маіоръ сталъ разспрашивать его о характерѣ страны на сѣверъ и западъ отъ Гижиги, о разстояніи отъ Каменнаго до крайняго русскаго селенія на сѣверѣ Анадырска, объ условіяхъ зимняго путешествія и о необходимомъ на то времени. Боясь за безопасность партіи людей, которыхъ, по его предположенію, главный инженеръ кампаніи высадилъ въ устьѣ Анадыри, маіоръ Абаза хотѣлъ отправиться самъ прямо изъ Каменнаго въ Анадырскъ для оказанія имъ помощи, а меня и Дода послать на западъ по берегу Охотскаго моря, для соединенія съ Магудомъ и Бушемъ. Но казакъ объявилъ, что передъ самымъ его отъѣздомъ изъ Гижиги туда прибыло нѣсколько человѣкъ съ Анадыри и они не привезли никакихъ извѣстій о появленіи американцевъ близъ Анадыри. Полковникъ Белклей, главный инженеръ кампаніи, обѣщалъ намъ при отъѣздѣ изъ Сан-Франциско послать отрядъ съ китоловнымъ судномъ къ устью рѣки Анадыри, въ такое время года, чтобъ они успѣли подняться по рѣкѣ до Анадырска и войти съ нами въ сношеніе по первому зимнему пути. Очевидно это ему не удалось, ибо еслибъ американскій отрядъ появился въ Анадырскѣ, то прибывшіе оттуда люди, непремѣнно знали бы объ этомъ. По всей вѣроятности неблагопріятная природа страны, окружающей Беринговъ проливъ, или позднее время года побудили его измѣнить свой первоначальный планъ. Маіоръ Абаза всегда возставалъ противъ мысли высадить отрядъ на берегъ близъ Берингова пролива, но все же онъ почувствовалъ непріятное разочарованіе, узнавъ что ожидаемый отрядъ не находился въ Охотскѣ и потому ему съ четырьмя товарищами приходилось изслѣдовать всю страну между Беринговымъ проливомъ и Амуромъ на разстояніи тысячи восьми сотъ миль. Казакъ объяснилъ, что мы безъ всякаго труда достанемъ людей, сани и собакъ въ Гижигѣ для изслѣдованія страны на сѣверъ или западъ и что мѣстный, русскій начальникъ окажетъ намъ всякое содѣйствіе.

При такихъ обстоятельствахъ, намъ оставалось только отпра-

виться въ Гижигу, куда по словамъ казака, мы могли достигнуть въ два дня. Каменнымъ корякамъ было приказано доставить намъ немедленно дюжину саней съ собаками и проводить насъ до слѣдующаго селенія Шестаковы: вскорѣ всѣ туземцы были заняты подъ руководствомъ казака перенесеніемъ нашихъ вещей и провизіи изъ саней кочевыхъ коряковъ въ узкія, длинныя сани ихъ осѣдлыхъ братьевъ. Мы расплатились съ нашими старыми возницами табакомъ, бусами и пестрымъ ситцемъ; наконецъ послѣ долгихъ споровъ между корякями и нашимъ новымъ казакомъ Кириловымъ все было готово. Хотя былъ полдень, морозъ какъ ножъ рѣзалъ лице, и завернувшись съ головой въ мѣховую одежду, мы усѣлись въ сани и дикія каменныя собаки понеслись изъ селенія внизъ по берегу, подымая цѣлыя облака снѣжной пыли.

Маіоръ, Додъ и я ѣхали въ крытыхъ саняхъ, извѣстныхъ въ Сибири подъ именемъ „повозокъ“ и не прошло часа, какъ благодаря отчаянной ѣздѣ каменныхъ коряковъ, мы сожалѣли, что не избрали другаго экипажа, изъ котораго въ случаѣ несчастья можно было бы легко выскочить. Теперь же мы были заперты въ ящикѣ и не могли двинуться безъ посторонней помощи. Наши повозки походили на длинные, узкіе гробы, покрытые тюленьей шкурой, поставленные на полозьяхъ и снабженные крышкой или зонтикомъ достаточно высокимъ, чтобъ можно было сидѣть въ саняхъ. Въ дурную погоду, съ этой крыши опускались тяжелыя занавѣси, которыя застегиваясь на глухо охраняли сидящихъ отъ снѣга и вѣтра. Сидя въ этихъ саняхъ, мы протягивали ноги въ длинный похожій на гробъ ящикъ, на которомъ сидѣлъ возница, а наши головы и плечи охранялись фордекомъ изъ оленьихъ шкуръ. Представьте себѣ гробъ въ восемь футовъ, поставленный на полозьяхъ, и человѣка, сидящаго въ немъ подъ корзинкой и вы будете имѣть довольно вѣрное понятіе сибирской повозки. Наши ноги находились неподвижно въ ящикѣ, а тѣло такъ загромождено подушками и тяжелой мѣховой одеждой, что мы не могли не только вылезти, но и повернуться на другой бокъ. Въ этомъ безпомощномъ положеніи мы были совершенно въ рукахъ возницъ и если имъ вздумалось бы спустить насъ стремглавъ въ бездну, то мы могли только закрыть глаза

и возложить наше упованіе на милосердіе Божіе. Въ теченіе трехъ часовъ, мой возница съ помощью четырнадцати собакъ и заостренной палки ровно семь разъ перевернулъ мою повозку вверхъ дномъ, и тащилъ меня такимъ образомъ по землѣ до тѣхъ поръ, пока фордекъ наполнился снѣгомъ; тогда онъ оставлялъ меня головою внизъ и ногами къ верху, а самъ преспокойно курилъ, раздумывая о трудностяхъ горныхъ путешествій и опасности ѣзды въ саняхъ. Тутъ лопнуло бы терпѣнье самаго Іова! Я угрожалъ ему револьверомъ и клялся всѣми злыми духами корякской миѳологіи убить его на мѣстѣ, если онъ меня опрокинетъ. Но все это было тщетно, онъ не понималъ что такое пистолетъ, потому не боялся моихъ угрозъ, онъ только повертывался на каблукахъ въ снѣгу, пускалъ струи дыма и смотрѣлъ на меня съ глупымъ изумленіемъ, какъ на животнаго странной породы, жестикулирующаго самымъ нелѣпымъ образомъ безъ всякой видимой причины. Кромѣ того, раза три въ часъ, онъ хладнокровно перевертывалъ повозку вмѣстѣ со мною и вытиралъ полозья водою и кускомъ оленьей шкуры. Это наконецъ привело меня въ такое отчаянье, что я послѣ продолжительной борьбы выкарабкался изъ своего гробо-образнаго ящика и помѣстился рядомъ съ возницей, затаивъ въ душѣ самыя убійственныя намѣренья противъ него. Тутъ мой носъ снова сталъ мерзнуть и я во все время пути одной рукой теръ его, а другою держался за сани и помогалъ себѣ высвободиться изъ грудъ снѣга, въ которыя сваливалъ меня возница.

Единственнымъ утѣшеніемъ мнѣ служила мысль, что положеніе маіора была еще хуже, благодаря глупости и жестокости возницы. Когда онъ хотѣлъ ѣхать скорѣе, то возница останавливался, чтобъ покурить, когда онъ хотѣлъ курить, то возница искусно вываливалъ его въ снѣгъ, когда онъ желалъ выдти изъ повозки и спуститься пѣшкомъ съ крутой горы, то возница съ крикомъ и гамомъ пускался во всю прыть подъ гору, рискуя своей жизнью, когда же онъ желалъ уснуть, то возница дерзкими жестами требовалъ, чтобъ онъ вышелъ и взобрался на гору пѣшкомъ. Наконецъ маіоръ вышелъ изъ себя, позвалъ Кирилова и приказалъ передать коряку, что если онъ не уймется и не будетъ исполнять

всѣ его приказанія, то онъ велитъ его привязать къ санямъ, отвезетъ въ Гижигу и тамъ сдастъ русскому начальнику для примѣрнаго наказанія. Это нѣсколько его озадачило и онъ сталъ смирнѣе; но вообще наши возницы отличались такою дерзкой грубостью, какой мы прежде не встрѣчали въ Сибири. Маіоръ объявилъ, что когда начнется постройка телеграфной линіи и онъ будетъ имѣть достаточно силы, то задастъ такой урокъ каменнымъ корякамъ, который они не скоро забудутъ.

Мы путешествовали по совершенно обнаженной, лишенной растительности, странѣ, простирающейся между кряжемъ горъ и моремъ; передъ самыми сумерками мы достигли селенія Шестакова, находящагося на самомъ берегу моря при устьѣ небольшаго потока, окаймленнаго лѣсистыми берегами. Мы тутъ остановились для отдыха собакъ и отправились далѣе въ другое корякское селеніе Мякину на десять миль далѣе къ западу, гдѣ мы и ночевали.

Мякина была вѣрной копіей Каменнаго, только въ меньшихъ размѣрахъ. Тутъ были тѣ же дома на подобіе песочныхъ часовъ, тѣ же коническіе балаганы на высокихъ шестахъ, тѣ же байдары или морскіе челноки изъ оленьихъ шкуръ, длинными рядами расположенные на берегу. Мы взлѣзли на лучшую на взглядъ юрту, надъ которой была выпотрошенная собака съ вѣнкомъ изъ зеленой травы вокругъ шеи, и опустились чрезъ трубу въ несчастную комнату, наполненную удушливымъ, голубоватымъ дымомъ и освѣщенную небольшимъ огнемъ, разведеннымъ на земляномъ полу. Кромѣ дыма, дышать еще было невозможно отъ тяжелаго запаха гнилой рыбы и прогорклаго жира. Вскорѣ Вьюшинъ устроилъ котелокъ надъ огнемъ и черезъ двадцать минутъ, мы сидя по турецки на платформѣ въ одномъ изъ концевъ юрты, пили чай съ сухимъ хлѣбомъ; между тѣмъ, вокругъ насъ собралось около двадцати отвратительныхъ звѣрскихъ на взглядъ туземцевъ, которые пристально слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ.

Осѣдлые коряки Пенжинской Губы, безъ сомнѣнія, самые худшіе, отвратительные и дикіе туземцы сѣверо-восточной Сибири. Ихъ не болѣе трехъ или четырехъ сотъ душъ и они живутъ въ пяти селеніяхъ, расположенныхъ по морскому берегу; и однако, они сдѣлали намъ болѣе непріятностей, чѣмъ всѣ остальные жи-

тели Сибири и Камчатки. Они первоначально вели кочевую жизнь, какъ всѣ другіе коряки, но потерявъ своихъ оленей, благодаря какому нибудь несчастью или падежу, они построили себѣ на морскомъ берегу дома изъ прибиваемаго волнами дерева и поселились тутъ и живутъ рыбной ловлей и охотой за тюленями и оставами китовъ, выпотрошенныхъ американскими китоловами и брошенными снова въ море. Они чрезвычайно жестоки и грубы, дерзки со всѣми, мстительны, безчестны и лживы. Однимъ словомъ, они представляютъ прямую противоположность кочевымъ корякамъ. Причины этого громаднаго различія между кочевыми и осѣдлыми коряками многоразличны. Во-первыхъ послѣдніе живутъ въ селеніяхъ, которыя часто посѣщаются русскими промышленниками и у этихъ русскихъ промышленниковъ и поселянъ они заимствовали нѣкоторые изъ худшихъ пороковъ образованныхъ народовъ, неперенимая ихъ добродѣтелей. Къ этому надо прибавить деморализующее вліяніе американскихъ китолововъ, которые научили коряковъ пить ромъ и привили къ нимъ заразительныя болѣзни, которыя усиливаются ихъ пищей и образомъ жизни. Отъ русскихъ они научились лгать, обманывать и красть, а отъ американцевъ пить ромъ и вести развратную жизнь. Кромѣ всего этого, они постоянно ѣдятъ одуряющія сибирскія погонки въ громадномъ количествѣ, а эта одна привычка можетъ съ теченіемъ времени привести народъ на послѣднюю ступень униженія и звѣрства. Отъ этихъ деморализующихъ вліяній кочующіе коряки освобождаются ихъ образомъ жизни. Они проводятъ большую часть времени на чистомъ воздухѣ, отличаются лучшимъ здоровьемъ и физическимъ сложеніемъ, рѣдко видятъ русскихъ промышленниковъ или пьютъ русскую водку, и они по большей части мужественны, трезвы и цѣломудренны. Поэтому естественно они какъ люди стоятъ гораздо выше своихъ осѣдлыхъ собратій въ нравственномъ, физическомъ и умственномъ отношеніяхъ. Я отъ души уважаю многихъ изъ кочевыхъ коряковъ, встрѣченныхъ мною на великихъ сибирскихъ тундрахъ, но ихъ осѣдлые братья представляютъ худшій образецъ человѣческой породы, встрѣченной мною во всей Средней Азіи отъ Берингова пролива до Уральскихъ Горъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Попытка управлять собаками.—Американцы плохіе кучера.—Гижигинскъ.—Радушный пріемъ.—Планъ зимней экспедиціи. — Отъѣздъ въ Анадырскъ.

Мы выѣхали изъ Мякины 23-го ноября. Нашъ путь лежалъ по громадной снѣжной равнинѣ, лишенной всякой растительности, кромѣ кое-гдѣ скудной травы и чахлыхъ сосенъ.

Во время всего путешествія изъ Лѣснаго, я внимательно изучалъ искуство или науку управлять собаками съ твердою рѣшимостью когда нибудь, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, взять въ свои руки управленіе санями и доказать Доду и туземцамъ все мое кучерское искуство.

Я убѣдился на опытѣ, что невѣжественные коряки уважали человѣка не за знаніе того, чего они сами не вѣдали, но за его знакомство съ ихъ спеціальными занятіями, и я рѣшился доказать ихъ тупымъ умамъ, что знаніе образованнаго человѣка было всеобъемлюще, что бѣлый человѣкъ, не смотря на цвѣтъ его кожи, могъ править собаками по врожденнымъ способностямъ гораздо лучше, чѣмъ они по вѣковому опыту, что однимъ словомъ, онъ могъ вывести правила управленія собаками изъ глубины его нравственнаго сознанія. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что не совершенно довѣрялъ своимъ идеямъ и потому не преминулъ воспользоваться результатами туземнаго опыта на сколько они согласовались съ моими убѣжденіями о принципахъ истиннаго и прекраснаго въ ѣздѣ на собакахъ. Я слѣдилъ за всѣми движеніями корякскихъ возницъ, научился теоретически бросать заостренную палку въ снѣгъ между передними ногами собакъ, что̀ производило на нихъ дѣйствіе трензеля, запомнилъ практически, повторяя безчисленное количество разъ односложныя, туземныя слова, выражавшія „право и лѣво“, а также многія значенія другія, которыхъ я не зналъ, но которыя постоянно слыхалъ обращенными къ собакамъ. Такимъ образомъ я былъ убѣжденъ въ глубинѣ

моей души, что могъ управлять собаками также хорошо, какъ коряки, если не лучше. Для моего непривычнаго глаза, это казалось также легко, какъ спускать деньги на калифорнскихъ розсыпяхъ. Поэтому, въ день отъѣзда изъ Мякины, видя, что дорога хороша и погода благопріятна, я рѣшился примѣнить на практикѣ свои идеи объ ѣздѣ на собакахъ, какъ оригинальныя, такъ и заимствованныя. Дѣйствительно, я попросилъ знакомъ корякскаго возницу пересѣсть на мое мѣсто и уступить мнѣ его. На его устахъ появилась саркастическая улыбка, ясно доказывавшая, какъ низко онъ цѣнилъ мои кучерскія способности, но передалъ мнѣ заостренную палку; я отвѣчалъ на эту улыбку безмолвнымъ презрѣніемъ, какъ подобаетъ всегда обращаться знанію съ невѣжествомъ. Усѣвшись твердо поперегъ саней, я крикнулъ на собакъ: „ну, пошелъ“, но мой голосъ не произвелъ того поразительнаго эфекта, котораго я ожидалъ. Передовая собака, почтенный, суровый Несторъ, небрежно оглянулся и замѣтно убавилъ шагу. Это неожиданное и очевидное презрѣніе къ моей власти со стороны собакъ, болѣе всѣхъ улыбокъ коряка, пошатнуло мою увѣренность въ моихъ кучерскихъ способностяхъ. Но, у меня въ запасѣ были еще сильныя средства и я сталъ быстро закидывать собакъ односложными, двухсложными и многосложными словами: „ахъ! ты шельма, проклятая, смотри! я тебѣ задамъ!“ Но все было тщетно; собаки относились съ очевиднымъ невниманіемъ къ подобному реторическому фейерверку.

— Однако вы хорошо ругаетесь для начинающаго! воскликнулъ Додъ, подъѣзжая ко мнѣ въ то самое время, какъ я истощаль послѣдній запасъ невѣдомыхъ для меня, но хорошо извѣстныхъ Доду словъ.

— Ругаться! произнесъ я съ изумленіемъ:—развѣ я ругался?

— Еще бы, какъ сапожникъ.

Я уронилъ на снѣгъ заостренную палку, до того я былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ. Вотъ каковы были принципы управленія собаками, вывѣденные мною изъ глубины моего *нравственнаго* сознанія! Они казалось скорѣе происходили изъ глубины моего безнравственнаго безсознанія.

— Ахъ, вы низкій развратникъ, воскликнулъ я, торжественно:— зачѣмъ же вы учили меня такимъ словамъ?

— Потому что вы просили, отвѣчалъ онъ спокойно:—вы не спрашивали значеніе этихъ словъ, а только какъ ихъ произносить. Я васъ и научилъ. Почемъ я зналъ, что вы не занимаетесь сравнительной филологіей и не стараетесь доказать единство человѣческаго рода одинаковостью ругательствъ. Вы знаете, что ваша голова, порядочная во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, всегда была набита подобнымъ вздоромъ.

— Додъ! сказалъ я торжественно, надѣясь возбудить въ немъ раскаяніе!—я безсознательно согрѣшилъ и такъ какъ грѣхъ всегда останется грѣхомъ, немного менѣе, или немного болѣе, то я намѣренъ излить на васъ тѣ ругательства, которымъ вы меня научили.

Додъ молча усмѣхнулся и поѣхалъ далѣе.

Этотъ эпизодъ значительно охоладилъ мое восторженное настроеніе и заставилъ меня осторожно обращаться съ иностранными словами. Я боялся, чтобъ самыя простыя выраженія возницъ не содержали въ себѣ какого нибудь страшнаго ругательства и подозрѣвалъ неприличіе даже въ такихъ словахъ, какъ: „право и лѣво.“ Собаки вскорѣ замѣтили невниманіе новаго возницы и поощряемыя моимъ безмолвіемъ стали выказывать собачью рѣшимость на каждомъ шагу останавливаться и отдыхать, чего онѣ никогда не посмѣли бы при опытномъ возницѣ. Рѣшившись доказать мою власть болѣе осязательнымъ образомъ, я пустилъ заостренную палку въ передовую собаку; я намѣревался поднять ее при проѣздѣ мимо, но собаки бросились въ сторону и палка отлетѣла на десять футовъ отъ дороги. Въ эту самую минуту три или четыре оленя выскочили изъ за небольшаго холма въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ и пронеслись чрезъ степь къ крутому, глубокому оврагу, по которому протекалъ рукавъ рѣки Мякины. Собаки съ волчьимъ инстинктомъ бросились въ погоню, оглашая воздухъ громкимъ лаемъ. Я протянулъ руку, чтобъ схватить палку на снѣгу, но промахнулся и мы полетѣли по тундрѣ, съ быстротою молніи; мы неслись прямо къ оврагу и сани то поворачивались на одну сторону, то на другую, находясь почти постоянно на одномъ

полозѣ, и ударяясь на каждомъ шагу о громадныя кучи снѣга. Корякъ выказалъ болѣе благоразумія, чѣмъ я полагалъ и выскочилъ изъ саней. Видя какъ онъ покатился по снѣгу, я въ первую минуту думалъ, что съ нимъ случилось несчастіе, но мнѣ не было времени сожалѣть о другихъ—погибель смотрѣла мнѣ прямо въ глаза. Я употребилъ всѣ силы, чтобъ задержать собакъ, которыя неслись стремглавъ къ оврагу; но безъ заостренной палки я былъ совершенно безпомощенъ и черезъ минуту мы были на краю оврага. Я закрылъ глаза, крѣпко захватился за сани и предалъ себя судьбѣ. Мы страшно нырнули въ бездну; на полдорогѣ, передовая собака встрѣтила какое-то препятствіе и неожиданно повернула въ сторону, тогда сани описали дугу и опрокинувшись выбросили меня. Какъ небесный метеоръ я полетѣлъ головою впередъ и уткнулся въ снѣгъ на глубинѣ оврага. Я должно быть пролетѣлъ по крайней мѣрѣ восемнадцать футовъ, ибо весь погрузился въ снѣгъ за исключеніемъ ногъ, которыми неистово размахивалъ надъ снѣгомъ, безмолвно призывая на помощь. Укутанный въ тяжелую, мѣховую одежду я съ большимъ трудомъ могъ выкарабкаться и когда кое какъ поднялся на ноги, то увидалъ надъ собою въ кустарникахъ улыбающееся лице туземнаго возницы.

— Ну, сказалъ онъ, съ саркастической улыбкой:—американцы плохіе кучера.

— Да, не совсѣмъ хорошіе, отвѣчалъ я мрачно.

Высвободившись изъ оврага, я нашелъ сани неподалеку; онѣ задѣли за кустарники и собаки встрѣтивъ эту неожиданную преграду оглашали воздухъ жалобнымъ лаемъ. Мнѣ было довольно перваго опыта и я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія возобновлять его, а потому не выразилъ ни малѣйшаго протеста противъ того, чтобъ корякъ сѣлъ на свое прежнее, принадлежавшее ему по праву мѣсто возницы. Я теперь убѣдился, что наука управленія собаками требовала большаго знанія, чѣмъ я думалъ и я рѣшился основательно изучить элементарные ея принципы, преподаваемые корякскими професорами, прежде, чѣмъ снова примѣнять на практикѣ мои собственныя соображенія по этому предмету.

Выбравшись изъ оврага, я увидалъ, что остальныя сани нашего отряда быстро подвигались въ разстояніи какой нибудь мили къ

корякскому селенію Коель. Поздно вечеромъ, мы миновали Коель и остановились на ночлегъ въ лѣсу березъ и тополей на берегу рѣки Парены.

Мы теперь находились въ семидесяти миляхъ отъ Гижигинска. На слѣдующую ночь мы достигли на берегу одного изъ рукавовъ рѣки Гижиги небольшой деревянной юрты, выстроенной русскимъ правительствомъ для убѣжища путешественникамъ. А въ пятницу утромъ 25 ноября въ одинадцать часовъ мы увидали красный куполъ церкви въ русскомъ селеніи Гижигинскѣ. Кто не путешествовалъ впродолженіи трехъ мѣсяцевъ по такой пустынѣ какъ Камчатка, кто не дѣлалъ ночлеговъ въ бурю на обнаженныхъ вершинахъ, кто не спалъ три недѣли въ дымныхъ шатрахъ или въ еще болѣе длинныхъ и грязныхъ юртахъ коряковъ, кто однимъ словомъ не велъ впродолженіи долгаго времени варварской жизни дикарей, тотъ не можетъ понять съ какою радостью мы привѣтствовали красный церковный куполъ—этотъ признакъ цивилизаціи. Дѣйствительно, цѣлый мѣсяцъ мы спали на землѣ или на снѣгу, никогда не видали ни стула, ни стола, ни кровати, ни зеркала, ни разу не раздѣвались и мылись только раза два или три. Мы совершенно почернѣли и закоптѣли отъ лазанья по корякскимъ трубамъ; волоса у насъ отросли, кожа лупилась на носу и скулахъ отъ мороза; наши суконные сюртуки и панталоны были сѣраго цвѣта, отъ громаднаго количества шерсти, приставшей къ нимъ отъ мѣховыхъ куклянокъ; вообще мы представляли самый несчастный, дикій видъ. Однако мы не имѣли ни времени, ни желанія охорашиваться; наши собаки бѣшенно понеслись въ селеніе, оглашая воздухъ громкимъ лаемъ, на что отвѣчалъ еще большій собачій хоръ двухъ или трехъ сотъ собакъ; наши возницы неистово кричали: „направо, налѣво“ и поднимали облака снѣжной пыли своими заостренными палками. Такой неожиданный, шумный въѣздъ въ уединенное селеніе вызвалъ всѣхъ жителей на улицу. Одни за другими наши пятнадцать саней пронеслись по улицѣ и наконецъ остановились передъ большимъ, удобнымъ домомъ съ двойными рамами въ окнахъ, гдѣ по словамъ Кирилова, намъ было приготовлено помѣщеніе. Не успѣли мы войти въ большую, опрятно убранную комнату и сбросить съ себя нашу оледенѣлую

мѣховую одежду, какъ дверь отворилась и вбѣжалъ маленькій человѣчекъ съ темнорусыми усами и свѣтлыми волосами, остриженными подъ гребенку; на немъ были суконные сюртукъ и панталоны, безукоризненное бѣлье, перстни на рукахъ, золотая цѣпочка отъ часовъ и трость въ рукахъ. Мы тотчасъ признали въ немъ русскаго начальника или исправника. Мы съ Додомъ хотѣли бѣжать изъ комнаты, но было уже поздно и привѣтствовавъ нашего гостя нѣсколькими „здравствуйте,“ мы сѣли очень неловко на стулья, спрятали свои закоптѣлыя руки въ красные бумажные платки и вполнѣ сознавая, какъ грязны и неприличны мы на взглядъ, мы старались принять на себя какъ можно болѣе торжественный видъ, подобающій служащимъ въ русско-американской телеграфной компаніи. Но все было тщетно, мы походили только на кочевыхъ коряковъ и то въ самомъ несчастномъ положеніи. Однако исправникъ казалось не обращалъ никакого вниманія на нашу наружность, а съ какою-то лихорадочной быстротой забрасывалъ насъ вопросами.

— Когда вы оставили Петропавловскъ? Вы прямо изъ Америки? Я послалъ къ вамъ казака. Встрѣтили вы его? Какъ перебрались вы черезъ тундры? Какъ обошлись съ вами коряки? Охъ! ужъ эти мнѣ проклятые коряки! Какія извѣстія изъ Петербурга? Вы должны обѣдать у меня. Долго ли вы останетесь въ городѣ? Послѣ обѣда вамъ приготовятъ баню. Эй люди! прикажите Ивану истопить баню. Гдѣжъ вы всѣ? Чертъ васъ возьми.

Наконецъ, безпокойный человѣчекъ замолчалъ и сталъ нетерпѣливо ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, пока маіоръ разсказывалъ ему о нашихъ похожденіяхъ, передавалъ новости изъ Россіи, объяснялъ наши планы, цѣль нашей экспедиціи, говорилъ объ убійствѣ Линкольна, объ окончаніи американской междоусобной войны, о французской экспедиціи въ Мексику, вообще о всѣхъ новостяхъ, которыя для насъ были уже старыми съ полгода, но для бѣднаго, изгнаннаго изъ образованнаго міра исправника были новостью, ибо почти одинадцать мѣсяцевъ въ году онъ не имѣетъ никакихъ сношеній съ Россіей. Еще разъ повторивъ, что мы обязаны обѣдать въ этотъ день у него, онъ удалился, оставивъ насъ на свободѣ мыться и одѣваться.

Черезъ два часа офицеры первой сибирской телеграфной экспедиціи торжественно отправились обѣдать къ исправнику во всемъ блескѣ своихъ синихъ мундировъ съ золотыми погонами и пуговицами, въ накрахмаленныхъ рубашкахъ и въ лакированныхъ сапогахъ. Русскіе поселяне, встрѣчавшіеся на дорогѣ, инстиктивно снимали передъ нами свои мѣховыя шапки и съ удивленіемъ смотрѣли на насъ, словно мы упали на землю съ какой нибудь планеты. Никто не могъ узнать въ насъ тѣхъ закоптѣлыхъ, грязныхъ, оборванныхъ скитальцевъ, которые два часа тому назадъ въѣхали въ селеніе. Исправникъ насъ ждалъ въ большой красивой комнатѣ, украшенной всѣми предметами роскоши, которые мы привыкли встрѣчать въ образованномъ мірѣ. Стѣны были оклеены обоями и увѣшаны дорогими картинами; на окнахъ висѣли занавѣси, на полу лежалъ мягкій, пестрый коверъ; въ одномъ углу комнаты стоялъ письменный столъ краснаго дерева, въ другомъ мелодіумъ розоваго дерева, а въ центрѣ обѣденный столъ, блестѣвшій чистой скатертью, хрусталемъ и серебромъ. Мы были просто поражены этимъ неожиданнымъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Послѣ неизбѣжной рюмки водки и закуски изъ копченой рыбы и паюсной икры, всегда предшествующей русскому обѣду, мы сѣли за столъ и занялись впродолженіе полутора часа уничтоженіемъ подававшихся блюдъ, именно: щей, кулебяки съ лососиной, оленьихъ котлетъ, дичи, пудинга и пирожнаго. Подъ конецъ, нашъ гостепріимный хозяинъ приказалъ подать шампанскаго и за этой холодной шипучей влагой мы долго бесѣдовали о новостяхъ всего міра, начиная отъ корякскихъ юртъ до московскихъ и петербургскихъ дворцевъ. Какіе странные контрасты представляетъ наша жизнь въ Сибири. Вчера мы сидѣли на полу въ корякской юртѣ и ѣли оленину руками изъ деревяннаго корыта, а сегодня, пьемъ шампанское и ѣдимъ плумъ-пудингъ въ прекрасной, роскошной обстановкѣ. За исключеніемъ очевиднаго, но тщательно скрываемаго желанія поджать ноги по турецки и сѣсть на полъ, мы кажется ничѣмъ не выказали развращающаго вліянія той среды, въ которой мы въ послѣднее время находились. Мы обращались съ ножами и вилками и пили шампанское съ такой граціей, которая сдѣлала бы честь самому лорду Честерфильду. Но это намъ

*

стоило большихъ усилій; а за то, какъ только мы возвратились домой, мы поспѣшно сбросили мундиры и усѣвшись на полъ по турецки, закурили трубки по старой привычкѣ. Еслибъ наши лица были грязны и закопчены, то мы кажется были бы совершенно счастливы!

Слѣдующіе десять дней мы провели въ Гижигинскѣ почти праздно. Мы гуляли, когда было не слишкомъ холодно, принимали русскихъ купцевъ, ходили къ исправнику, пили его прекрасный, цвѣточный чай, курили папиросы и вообще старались всячески вознаградить себя за трехмѣсячную степную жизнь. Но вскорѣ эта пріятная жизнь кончилась; мы получили приказаніе отъ маіора сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія для отъѣзда во всякое время къ сѣверному полюсу или на западный берегъ Охотскаго Моря. Онъ рѣшился изслѣдовать путь предполагаемой телеграфной линіи отъ Берингова пролива до Амура, прежде чѣмъ наступитъ весна и слѣдовательно нельзя было терять ни минуты времени. Свѣденія, собранныя нами въ Гижигинскѣ о внутренности страны были скудны, неопредѣленны и неудовлетворительны. По словамъ туземцевъ между Охотскимъ Моремъ и Беринговымъ проливомъ было только два селенія, изъ которыхъ первое, Пенжинскъ, отстояло на четыреста верстъ. Междулежащая страна состояла изъ тундръ, непроходимыхъ лѣтомъ и совершенно лишенныхъ большихъ деревьевъ; страна же къ сѣверо-востоку отъ послѣдняго селенія была необитаема по причинѣ недостатка лѣса. Русскій офицеръ по имени Филипеусъ пытался изслѣдовать эту страну зимою 1860 года, но не имѣлъ никакого успѣха и возвратился въ самомъ несчастномъ положеніи, едва не умеревъ съ голоду. На протяженіи 800 верстъ между Гижигинскомъ и устьемъ Анадыри можно было всего въ четырехъ или пяти мѣстахъ найти достаточно большія деревья, чтобъ нарубить шесты для телеграфа. Путешествіе изъ Гижигинска въ Охотскъ, послѣднее русское селеніе на сѣверномъ полюсѣ, должно было занять двадцать или тридцать дней, смотря по погодѣ, а далѣе на сѣверъ не было возможности ѣхать, ни при какихъ обстоятельствахъ. Страна къ западу отъ Гижигинска вдоль Охотскаго Моря была лучше по разсказамъ, но гориста и покрыта большими лѣсами лиственницъ

и березъ. Охотскъ отстоялъ на 800 верстъ и до него можно было достигнуть на собакахъ въ мѣсяцъ. Вотъ въ краткихъ словахъ всѣ собранныя нами свѣденія и нельзя сказать, чтобъ они внушили намъ большое довѣріе къ конечному успѣху нашего предпріятія. Я впервые понялъ всю громадность задачи, принятой на себя русско-американской телеграфной компаніею. Но мы начали это дѣло и очевидно нашъ долгъ повелѣвалъ намъ изслѣдовать всю страну и убѣдиться на сколько она представляла удобствъ или неудобствъ къ проведенію телеграфной линіи.

Русскія селенія Охотскъ и Гижигинскъ дѣлили всю страну между Беринговымъ проливомъ и Амуромъ на три почти равныя части, изъ которыхъ двѣ были горныя и лѣсистыя, а одна сравнительно плоская безплодная. Первая изъ этихъ частей, между Амуромъ и Охотскомъ, была предназначена для изслѣдованія Магуду и Бушу, которые мы надѣялись уже давно были на мѣстѣ. Остальныя двѣ части, обнимавшія всю страну между Охотскимъ и Беринговымъ проливомъ, должна была раздѣлиться между маіоромъ, Додомъ и мною. Въ виду того, что страна къ западу отъ Беринга пролива была совершенно неизслѣдована и безплодна, рѣшено было отложить экспедиціи туда до весны, а быть можетъ и до слѣдующаго года. Мы лишались содѣйствія отряда, посланнаго на Анадырь, и потому маіоръ не считалъ возможнымъ предпринять изслѣдованіе страны, представлявшей такъ много преградъ и трудностей для зимняго путешествія. Такимъ образомъ намъ оставалось проѣхать тысячу четыреста верстъ отъ Охотска до Аныдырска, у самаго сѣвернаго полюса. Послѣ долгихъ разсужденій, маіоръ порѣшилъ послать Дода и меня съ отрядомъ туземцевъ въ Анадырскъ, а самъ отправиться на собакахъ въ Охотскъ, гдѣ надѣялся встрѣтить Магуду и Буша. Такимъ образомъ мы могли въ теченіе пяти мѣсяцевъ изслѣдовать хотя самымъ краткимъ, общимъ образомъ почти весь путь предполагавшейся телеграфной линіи. Все продовольствіе, взятое нами изъ Петропавловска, было издержано, за исключеніемъ чая, сахара и нѣсколько жестянокъ съ говяжьими консервами; но въ Гижигинскѣ мы купили два или три пуда ржанаго хлѣба, четыре или пять мерзлыхъ оленей, соли, большое количество сушеной рыбы и

нѣсколько кусковъ замороженаго молока. Вмѣсто денегъ для мѣны съ туземцами, мы взяли шесть или восемь пудовъ кавказскаго листоваго табаку, раздѣлили по ровну нашъ маленькій запасъ ножей, трубокъ, бусъ и другихъ товаровъ, купили новыя, мѣховыя одежды и вообще сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія для трехъ или четырехъ мѣсяцевъ степной жизни на сѣверномъ полюсѣ. Исправникъ приказалъ шести казакамъ проводить меня и Дода до корякской деревни Шестаковы и послалъ приказаніе въ Пенжинскъ, чтобы тамъ приготовили къ 20 декабрю трехъ или четырехъ людей и собакъ для нашего дальнѣйшаго путешествія въ Анадырскъ. Мы взяли стараго опытнаго казака по имени Григорій Зиновьевъ, въ видѣ проводника и переводчика, наняли молодаго русскаго, по имени Егора, въ повара и чиновника особыхъ порученій, нагрузили сани вещами и 13 декабря были совершенно готовы къ отъѣзду. Въ этотъ день вечеромъ, маіоръ выдалъ намъ наши инструкціи. Намъ просто слѣдовало ѣхать въ Анадырскъ по обыкновенному санному пути чрезъ Шестаковы и Пенжинскъ, изслѣдовать мѣстныя условія для проведенія телеграфной линіи, заставить туземцевъ рубить шесты въ Пенжинскѣ и Анадырскѣ и гдѣ возможно предпринимать экспедиціи въ сторону для изысканія рѣкъ съ лѣсистыми берегами, которыя соединяли бы Пенжинскую губу съ Беринговымъ моремъ. Поздно весной мы должны были возвратиться въ Гижигинскъ со всѣми собранными свѣденіями о странѣ, простирающейся къ сѣверному полюсу. Самъ маіоръ оставался въ Гижигинскѣ до 17 декабря, когда онъ намѣревался отправиться съ Вьюшинымъ и нѣсколькими казаками въ Охотскъ. Если онъ тамъ соединится съ Магудомъ и Бушемъ, то долженъ былъ возвратиться тотчасъ въ Гижигинскъ и ожидать насъ тамъ до 1 апрѣля 1866 года.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Путешествіе зимой къ сѣверному полюсу.—Отъѣздъ.—Ночлегъ.—Снѣжная степь.—Миражи.—Лагерь въ степи.

Утро 13 декабря было ясное, тихое, холодное при 31° ниже нуля; но солнце встало не ранѣе $10^1/_2$ часовъ и только къ полудню собрались всѣ наши возницы и запрягли собакъ. Нашъ маленькій отрядъ изъ десяти человѣкъ представлялъ совершенно новое и живописное зрѣлище, благодаря пестро вышитымъ мѣховымъ одеждамъ, краснымъ кушакамъ, желтоватымъ башлыкамъ изъ лисьяго мѣха. Всѣ собрались передъ нашимъ домомъ, чтобъ проститься съ исправникомъ и маіоромъ. Восемь тяжело нагруженныхъ саней выстроились передъ нашими дверями, около ста собакъ бѣшено прыгали и оглашали воздухъ нетерпѣливымъ лаемъ. Мы со всѣми простились и при восклицаніи маіора „Господь съ вами молодцы“ мы сѣли въ сани и понеслись изъ селенія среди облаковъ снѣга, который жегъ щеки, словно огненныя искры. При выѣздѣ изъ селенія, старикъ Падеринъ, начальникъ гижигинскихъ казаковъ, вышелъ изъ своей хижины и пожелалъ намъ счастливаго пути, обнажая свою сѣдую заиндивѣвшую голову и размахивая мѣховой шапкой.

Когда мы выѣхали на открытую снѣжную степь, то былъ уже полдень; солнце въ своемъ зенитѣ виднѣлось краснымъ огненнымъ шаромъ на отдаленномъ, южномъ горизонтѣ и весь зимній пейзажъ освѣщался какимъ-то страннымъ, сумрачнымъ свѣтомъ. Мнѣ казалось, что солнце только что вставало и что вскорѣ настанетъ дневной свѣтъ. Время отъ времени бѣлыя степныя птицы подымались на воздухъ, шумно махая крыльями и черезъ нѣсколько саженъ снова опускаясь на снѣгъ совершенно исчезали изъ вида. Кое гдѣ на вѣткахъ сосенъ виднѣлись сороки, сидѣвшія неподвижно, съ взъерошенными перьями и словно окоченѣвшія отъ холоду. Отдаленныя, синеватыя очертанія лѣсовъ вдоль по берегу Гижига постоянно колыхались и какъ бы пере-

бѣгали изъ одной формы въ другую, а бѣлыя, прозрачныя горы, простиравшіяся на горизонтѣ въ тридцати миляхъ разстоянія къ югу, принимали тысячи фантастическихъ образовъ, переливаясь изъ одного въ другой, словно туманныя картины. Всѣ подробности этой сцены были странны, дики, отличались сѣвернымъ оттѣнкомъ. Красный шаръ солнца, медленно катился по южному горизонту и наконецъ казалось остановился на бѣлоснѣжномъ пикѣ, далеко на юго-западѣ; вдругъ вмѣсто того, чтобъ разсвѣло, какъ мы ожидали, солнце исчезло и сумерки смѣнились темною ночью. Прошло только три часа съ тѣхъ поръ, какъ взошло солнце, а уже на небѣ ясно виднѣлись крупныя звѣзды.

Мы остановились на ночь въ домѣ одного русскаго поселянина, жившаго на берегу рѣки Гижиги въ шестнадцати верстахъ отъ селенія того же имени. Пока мы пили чай явился посланный изъ Гижигинска, съ двумя замороженными пирогами съ черникой; это былъ прощальный подарокъ маіора и послѣднее прости цивилизаціи. Подъ предлогомъ, что это лакомство пропадетъ, если мы его возьмемъ съ собой, Додъ въ видѣ предохранительной мѣры, съѣлъ одинъ изъ пироговъ до послѣдней крохи, тогда и я боясь, чтобъ онъ не пожертвовалъ собою для предохраненія отъ порчи другаго пирога, самъ убралъ его внѣ всякой опасности.

На слѣдующій день, мы достигли маленькой, деревянной юрты на берегу рѣки Малмовки, гдѣ мы провели ночь на пути въ Гижигинскъ; холодъ былъ ужасный, мы съ радостью воспользовались этимъ убѣжищемъ и усѣлись вокругъ огня, разведеннаго Егоромъ на глиняномъ полу, посреди комнаты. Внутри не было достаточно мѣста для всего нашего отряда и потому наши люди развели огонь снаружи, заварили чай въ котлахъ, оттаявали свои оледенѣлыя бороды, ѣли сушеную рыбу, пѣли веселыя русскія пѣсни и такъ шумно веселились, что намъ нѣсколько разъ приходило въ голову отказаться отъ теплаго угла, чтобы только раздѣлить ихъ веселье. Однако на термометрѣ было 35^0 ниже нуля и мы не осмѣливались выходить на морозъ иначе какъ въ такія минуты, когда хохотъ нашихъ людей принималъ столь громадные размѣры, что мы изъ любопытства выбѣгали для вящаго ознакомленія съ сибирскими шутками. Внѣшняя атмосфера казалось была ровно

въ пору казакамъ и только необыкновенно ихъ оживляла, для насъ же непрывычныхъ американцевъ она была слишкомъ рѣзка. Однако, благодаря хорошему огню и горячему чаю, мы были совершенно счастливы внутри юрты и провели долгій, сѣверный вечеръ, куря кавказскій табакъ, смѣшанный съ корою лиственницы, распѣвая американскія пѣсни, разсказывая другъ другу любопытныя исторіи и подтрунивая надъ нашимъ добродушнымъ казакомъ Мироновымъ.

Было ужъ очень поздно, когда мы окончательно улеглись спать въ наши мѣховые мѣшки, но и долго послѣ до насъ доносились пѣсни, говоръ и смѣхъ нашихъ возницъ, грѣвшихся у огня.

На слѣдующее утро мы встали за долго до разсвѣта, и послѣ завтрака, состоявшаго изъ чернаго хлѣба, сушеной рыбы и чаю, мы запрягли собакъ, намочили теплой водою полозья саней, чтобъ они покрылись ледяной корой, уложили всѣ наши лагерныя принадлежности и покинувъ юрту, окруженную деревьями, выѣхали на великую снѣжную Сахару, простирающуюся отъ рѣки Малмовки до Пенжинской Губы. Это была страна опустошенія. Громадная, гладкая степь, необозримая, какъ океанъ, тянулась по всѣмъ направленіямъ до горизонта и нигдѣ хоть одно дерево или кустъ не прерывали ея бѣлой, снѣжной поверхности. Нигдѣ не видно было ни малѣйшихъ признаковъ животной или растительной жизни, ничего не говорило глазу, что лѣтомъ эта снѣжная пустыня покрывается цвѣтами или озаряется теплыми лучами знойнаго солнца.

Бѣлый, холодный, безмолвный, зіялъ передъ нами этотъ необозримый ледяной океанъ, уныло освѣщенный блѣднымъ свѣтомъ заходящей луны на востокъ и голубоватыми, прозрачными столбами сѣвернаго сіянія, быстро перебѣгавшими съ мѣста на мѣсто на сѣверномъ горизонтѣ. Даже, когда встало солнце, громадный, огненный шаръ, окруженный ледяною мглой, то лучи его казалось не вдохнули жизни въ мрачную, зимнюю природу. Оно только окрасило пурпуннымъ оттѣнкомъ голубоватые, дрожащіе столбы сѣвернаго сіянія и ослѣпительную бѣлизну снѣжной пелены; а на сѣверо-западѣ появился великолѣпный миражъ, поразившій насъ своей неожиданностью, какъ бы издѣвавшійся надъ нашимъ груст-

нымъ положеніемъ. Волшебный жезлъ сѣвернаго кудесника прикоснулся къ безмолвной, снѣжной степи и вдругъ превратилъ ее въ голубое, тропическое озеро, на отдаленныхъ берегахъ котораго возвышались стѣны, купола и минареты громаднаго, восточнаго города. Массы роскошной земли, казалось, окаймляли голубую поверхность озера и отражались въ его глубинахъ, а на бѣлыхъ стѣнахъ дрожали первые лучи восходящаго солнца. Никогда иллюзія лѣта въ зимѣ, жизни въ смерти, не была такъ совершенна, такъ осязательна. Глазъ инстинктивно обращался въ другую сторону, чтобъ убѣдиться, не сонъ ли это; но когда онъ снова обращался на сѣверо-западъ, великолѣпныя, дрожащія очертанія миража, по прежнему плѣняли его своей неземной красотой и казалось своей мистической торжественностью упрекали васъ за сомнѣніе въ его дѣйствительности. Блестящее явленіе поблекло, снова вспыхнуло и снова исчезло; на мѣстѣ его появились два колосальные столба изъ розоваго кварца, которые медленно соединились капителями и образовали титаническую арку, словно гигантской портикъ неба. Развалины этого портика въ свою очередь преобразились въ громадную крѣпость съ масивными бастіонами, башнями, валами, глубокими амбразурами и выдающимися углами, которые своей переспективой и бросаемой тѣнью были также естественны, какъ сама дѣйствительность. И эти обманчивые миражи образовывались не только на большомъ разстояніи; ворона, сидѣвшая на снѣгу въ двухъ стахъ шагахъ, принимала такія необыкновенныя, громадныя очертанія, что нельзя было ее узнать. Однажды, отставъ немного отъ своихъ товарищей, я вдругъ увидалъ длинную линію прозрачныхъ саней, запряженныхъ собаками, быстро двигавшуюся по воздуху, на разстояніи восьми или десяти футовъ отъ земли. Прозрачные сани были повернуты полозьями къ верху, а собаки бѣжали по воздуху головами внизъ; но ихъ очертанія были почти также ясны, какъ дѣйствительныя сани и собаки, двигавшіяся внизу, по землѣ. Это странное явленіе продолжалось не болѣе минуты, но за нимъ слѣдовали другія столь же удивительныя, такъ что наконецъ мы потеряли всякую вѣру въ наше зрѣніе и допускали дѣйствительное существованіе только того, до чего могли дотронуться руками. Каждый обнаженный

холмъ, каждый чернѣющійся предметъ на снѣгу составлялъ фокусъ, вокругъ котораго сосредоточивались самые странные, обманчивые образы и раза два мы бросались съ ружьями въ погоню за медвѣдями или лисицами, которые при ближайшемъ осмотрѣ оказывались воронами. Я никогда не думалъ, что свѣтъ и атмосфера подлежатъ такимъ явленіямъ преломленія лучей, и никогда я не обманывался такъ относительно величины, формы и разстоянія предметовъ на снѣгу.

Термометръ въ полдень показывалъ 35°, а во время заката солнца — 38°. Не встрѣтивъ ни одного лѣса съ времени отъѣзда изъ юрты на берегу рѣки Малмовки и не смѣя останавливаться на ночлегъ безъ пылающаго костра, мы продолжали свое путешествіе часовъ пять послѣ сумерекъ, руководимые только мерцающимъ свѣтомъ звѣздъ и сѣвернаго сіянія, блестѣвшаго далеко на сѣверѣ. Подъ вліяніемъ страшнаго холода, ледъ образовывался вездѣ, куда проникало наше дыханіе. Бороды представляли безпорядочную массу мерзлыхъ желѣзныхъ проволокъ, брови покрылись бѣловатымъ инеемъ, а наши собаки, окруженныя густымъ облакомъ быстро леденѣющаго пара, казались бѣлыми полярными медвѣдями. Только бѣгая постоянно подлѣ саней, мы могли поддерживать кровообращеніе въ ногахъ. Около восьми часовъ, нѣсколько уединенныхъ деревьевъ показались на восточномъ горизонтѣ и возницы радостнымъ крикомъ привѣтствовали находку лѣса. Мы достигли небольшаго потока Усеновы, протекающаго среди великой снѣжной степи въ семидесяти пяти верстахъ отъ Гижигинска. Мы ощущали то самое чувство, съ которымъ моряки высаживаются на островъ послѣ долгаго плаванія по морю. Наши собаки остановились и свернулись клубками на снѣгу, словно понимали, что дневная работа кончилась, а возницы стали быстро и систематически разбивать въ сибирской степи укрѣпленный лагерь. Трое саней были поставлены такъ, что представляли шатеръ, закрытый съ трехъ сторонъ и имѣвшій внутри около десяти квадратныхъ футовъ. Снѣгъ изъ средины былъ вырытъ и положенъ снаружи въ видѣ вала; а въ четвертой открытой сторонѣ разведенъ огонь. Въ глубинѣ этого снѣжнаго шатра положенъ былъ на землю густой слой вѣтвей, покрытый медвѣжьими шку-

рами и на этомъ импровизированномъ коврѣ были положены мѣховые мѣшки, служившіе намъ постелями. Въ центрѣ стоялъ свѣчной ящикъ, замѣнявшій столъ, а на немъ благодаря стараніямъ Егора вскорѣ появились горячій чай и сушеная рыба. Мы разлеглись съ большимъ комфортомъ на мѣховомъ коврѣ ногами къ огню и занялись куреньемъ и питьемъ чая. Послѣ ужина, возницы набросали въ костеръ груду вѣтвей лиственницы, такъ что огонь достигъ высоты десяти футовъ, и расположась вокругъ живописной группой они впродолженіи многихъ часовъ пѣли свои заунывныя камчадальскія пѣсни и разсказывали безконечныя исторіи о приключеніяхъ въ снѣжной степи и на берегу Ледовитаго океана. Наконецъ Оріонъ показалъ на небѣ, что намъ пора было спать; мы покормили собакъ, давъ имъ ежедневную ихъ порцію, по одной сушеной рыбѣ на каждую, сняли свои мокрые, мѣховые чулки для просушки ихъ у огня и надѣвъ самыя тяжелыя изъ куклянокъ влѣзли въ наши мѣховые мѣшки и укрывшись въ нихъ съ головой заснули.

Лагерь въ тихую, темную, зимнюю ночь, представляетъ странный дикій видъ. Я проснулся около полуночи отъ того, что ноги мои были какъ-то особенно холодны и поднявшись на локтяхъ, я освободилъ голову изъ мѣшка, чтобъ по звѣздамъ узнать который часъ. Огонь уже потухъ и только тлѣли красные уголья. Свѣта было ровно на столько, что можно было отличить темныя очертанія нагруженныхъ саней, формы спящихъ у огня людей и полузамерзшихъ собакъ, свернувшихся клубками на снѣгу. За предѣлами лагеря тянулась пустынная степь постепенными снѣжными волнами, которыя наконецъ сливались въ одинъ великій, бѣлый, замерзшій океанъ, исчезавшій во мракѣ ночи. Высоко надъ головами на небѣ, почти чернымъ блестѣли созвѣздія Оріона и Плеяды, эти небесные часы, означающіе время между восходомъ и заходомъ солнца. Голубоватые, таинственные столбы сѣвернаго сіянія колыхались на горизонтѣ, то поднимаясь блестящими, ясными колонами къ зениту, то описывая громадныя дуги надъ нашимъ безмолвнымъ лагеремъ, словно предупреждая смѣлаго путешественника не ѣздить далѣе въ полярныя страны. Тишина была безмолвная, тягостная. Я слышалъ только свой собственный пульсъ въ ушахъ

и тяжелое дыханіе рядомъ спавшихъ людей. Вдругъ въ глубокой ночной тиши раздался слабый, протяжный стонъ человѣка въ агоніи. Мало по малу онъ усиливался, пока вскорѣ вся атмосфера словно наполнилась этими мрачными звуками, которые наконецъ жалобно замерли. Это былъ сигнальный лай сибирской собаки, но въ безмолвіи полярной ночи онъ казался до того дикимъ и не земнымъ, что кровь застыла въ моихъ жилахъ. Въ ту же минуту этому лаю стала вторить другая собака, третья, четвертая и такъ далѣе, пока наконецъ раздался адскій хоръ ста собакъ. Около минуты небо и земля были наполнены этими дикими завываніями. Потомъ одна собака за другой умолкали и хаосъ звуковъ становился все слабѣе и слабѣе, пока не замеръ на одномъ безконечномъ стонѣ. Снова наступило гробовое безмолвіе. Нѣкоторые изъ нашихъ людей нетерпѣливо повернулись во снѣ, словно дикій вой нарушилъ ихъ пріятные сны, но ни одинъ не проснулся. Въ эту минуту сѣверное сіяніе заблестѣло съ новою силою и его дрожащіе столбы стали перебѣгать взадъ и впередъ по мрачному небу, освѣщая снѣжную степь мерцающими, радужными лучами; казалось, что врата неба отворялись и затворялись, допуская міръ на мгновеніе взглянуть на лучезарный блескъ небесныхъ чертоговъ. Мало по малу столбы стали блѣднѣть и слились въ одну неясную, свѣтлую полосу на сѣверномъ горизонтѣ, отъ котораго отдѣлялся одинъ блестящій зеленоватый лучъ, медленно потянувшійся къ зениту и прикоснулся концемъ къ созвѣздію Ріона; потомъ этотъ лучъ сталъ блекнуть и вскорѣ лишь блѣдная, бѣлая мгла на горизонтѣ указывала на то мѣсто, гдѣ полярные духи каждую ночь махаютъ своими огненными мечами надъ снѣжными сибирскими степями. Когда исчезло сѣверное сіяніе, я поспѣшно спрятался въ свой мѣшокъ и тотчасъ заснулъ мертвымъ сномъ.

Съ первыми лучами утренней зари, нашъ лагерь зашевелился. Собаки вылѣзли изъ глубокихъ ямокъ, которыя протаяли подъ ними въ снѣгу; казаки высунули свои головы изъ замерзшей мѣховой одежды и маленькими палочками отбивали ледъ, образовавшійся вокругъ ихъ ртовъ и носовъ. Вскорѣ былъ разведенъ огонь и заваренъ чай; мы вылѣзли изъ нашихъ мѣховыхъ мѣш-

ковъ и дрожа всѣмъ тѣломъ принялись поспѣшно за обычный завтракъ—чай, сушеную рыбу и ржаной хлѣбъ. Черезъ двадцать минутъ собаки были заложены, сани нагружены, полозья покрыты слоемъ льда и мы снова отправились въ путь по обнаженной снѣжной пустынѣ.

Такъ однообразно шелъ день за днемъ, пока наконецъ 20 декабря мы достигли Шестаковы, селенія осѣдлыхъ коряковъ близъ верховья Пенжинской губы. Здѣсь гижигинскіе казаки должны были насъ оставить и намъ предстояло ожидать саней изъ Пенжинска. Мы спустили по трубѣ самой большой изъ юртъ въ селеніи наши постели, подушки, лагерныя принадлежности и провизію, устроили все это какъ можно изящнѣе на деревянной платформѣ внутри юрты и вообще помѣстились на столько удобно, на сколько дозволяли это окружающіе насъ темнота, холодъ, дымъ и грязь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Пребываніе въ Шестаковѣ.—Вѣсти о другихъ отрядахъ телеграфной экспедиціи.—Путешествіе въ Пенжинскъ.—Кедровникъ.—Сибирская пурга.—Пріѣздъ въ Пенжинскъ.

Наше кратковременное пребываніе въ Шестаковѣ, въ ожиданіи саней изъ Пенжинска было чрезвычайно скучно и однообразно. Около полудня 20-го декабря поднялся страшный ураганъ и сильный вѣтеръ нагонялъ на селеніе такія облака снѣга изъ открытой степи, что на землѣ царила темнота, словно при солнечномъ затмѣніи, а воздухъ на протяженіи ста футовъ отъ земли кишилъ крупными снѣжными хлопьями. Я однажды рѣшился вылѣзти въ отверстіе юрты, но едва не былъ снесенъ оттуда вѣтромъ и до того былъ ослѣпленъ снѣгомъ, что поспѣшно возвратился по трубѣ обратно, радуясь, что буря не застала насъ въ открытой степи. Для огражденія себя отъ снѣга, мы должны были потушить огонь

и закрыть отверстіе трубы деревяннымъ трапомъ; такимъ образомъ мы остались въ темнотѣ и въ стужи. Мы зажгли свѣчи, прилѣпивъ ихъ растопленнымъ саломъ къ закоптѣлымъ бревнамъ, и намѣревались убить время чтеніемъ, но холодъ былъ такъ великъ, что мы вскорѣ должны были покинуть всякую мысль о литературныхъ удовольствіяхъ, а надѣвъ свою тяжелую, мѣховую одежду забрались въ свои мѣховые мѣшки и старались заснуть. Намъ не предстояло другаго препровожденія времени въ мрачной, полуподземной темницѣ, при 10^0 мороза.

Я рѣшительно не могу понять, какъ человѣческія существа могутъ жить въ такихъ отвратительныхъ жилищахъ, какъ юрты осѣдлыхъ коряковъ. Ничто не говоритъ въ ихъ пользу. Въ нихъ входятъ черезъ трубу, онѣ освѣщаются и провѣтриваются все одной и той же трубой; солнечные лучи проникаютъ въ нихъ только разъ въ годъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ; онѣ холодны зимой, душны лѣтомъ и дымны во всякое время года. Въ нихъ постоянно стоитъ запахъ прогорклаго масла и гнилой рыбы; бревна, составляющія ихъ стѣны, черны какъ уголь, а земляной полъ представляетъ неописанную массу оленьей шерсти и грязи, утоптанной ногами. Въ нихъ нѣтъ никакой мебели, кромѣ деревянныхъ чашекъ съ тюленьимъ саломъ, въ которыхъ горятъ, вмѣсто фитилей, куски сушенаго мха и такія же деревянныя корыта, служащія попеременно то сидѣньемъ, то блюдомъ. Грустна судьба дѣтей, раждающихся въ этихъ юртахъ. Пока они не достигнутъ такого возраста, когда въ состояніи лазить по трубѣ, они никогда не видятъ свѣта Божьяго.

На слѣдующій день погода была гораздо лучше и казакъ Мироновъ, возвращавшійся въ Тигиль, простился съ нами и отправился въ Каменное съ двумя или тремя туземцами. Мы съ Додомъ весь день пили чай, заваривая его разъ восемь, читали разрозненный томъ романа Купера, найденный нами въ Гижигинскѣ, и прогуливались по берегу залива, съ ружьями въ рукахъ въ поискахъ за лисицами. Вскорѣ послѣ сумерекъ, когда мы съ отчаянья принимались за чай въ девятый разъ, наши собаки, привязанныя вокругъ юрты, подняли страшный лай и Егоръ поспѣшно спустившись по трубѣ объявилъ, что прибылъ изъ Петропавловска казакъ съ письмами къ маіору. Додъ быстро вско-

чилъ на ноги, уронилъ на полъ свою чашку съ чаемъ и бросился къ трубѣ, но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ добѣжать до нея, мы увидѣли въ отверстіи ноги, а потомъ и всю фигуру рослаго казака въ одеждѣ изъ оленьей шкуры. Спустясь въ юрту, онъ трижды перекрестился и поздоровался съ нами по русскому обычаю.

— Откуда? спросилъ поспѣшно маіоръ.

— Изъ Петропавловска, отвѣчалъ онъ:—съ письмами къ маіору. Туда пришли три телеграфные корабля и меня послали съ важными письмами отъ американскаго начальника. Я ѣхалъ изъ Петропавловска тридцать девять сутокъ.

Эти извѣстія были дѣйствительно важны. Полковникъ Белклей очевидно вышелъ на берегъ въ южной Камчаткѣ по возвращеніи изъ Берингова Моря и письма, привезенныя этимъ курьеромъ, вѣроятно объясняли, почему онъ не высадилъ въ устьѣ Анадыри отдѣльнаго отряда, какъ онъ предполагалъ. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось открыть письма, но увѣренный, что они не могутъ имѣть никакого вліянія на мои личныя дѣйствія, я рѣшился послать ихъ не теряя ни минуты въ Гижигинскъ, въ надеждѣ, что маіоръ еще не уѣхалъ въ Охотскъ. Черезъ двадцать минутъ казакъ уже отправился въ дальнѣйшій путь и мы остались въ совершенномъ невѣденіи о движеніяхъ тѣхъ телеграфныхъ отрядовъ, которыхъ полковникъ Белклей повезъ въ Беринговъ проливъ. Сотни разъ сожалѣлъ я, что не открылъ писемъ и не убѣдился положительно въ томъ, что анадырскій отрядъ не высадился на берегъ. Но было уже поздно и мы могли только надѣяться, что казакъ застанетъ маіора въ Гижигинскѣ и послѣдній пришлетъ къ намъ нарочнаго въ Гижигинскъ съ извѣстіями.

О пенжинскихъ саняхъ не было еще ни слуху, ни духу и мы провели еще однѣ сутки въ дымной юртѣ. Поздно вечеромъ 22-го декабря Егоръ, исполнявшій должность часоваго, снова спустился по трубѣ съ радостною вѣстью, что онъ слышалъ лай собакъ по направленію Пенжинска. Мы тотчасъ взлѣзли на крышу юрты и прислушивались впродолженіи нѣсколькихъ минутъ, но ничего не слыхали, кромѣ завыванія вѣтра; поэтому мы рѣшили, что Егоръ или ошибся, или принялъ за лай собакъ вой волковъ. Однако вскорѣ оказалось, что Егоръ былъ правъ; чрезъ десять минутъ

давно ожидаемыя сани стояли передъ юртой, среди громкихъ криковъ возницъ и лая собакъ. Изъ разговора прибывшихъ пенжинцевъ я понялъ, что какіе-то таинственные люди появились на устьѣ Анадыри и строили домъ съ явнымъ намѣреніемъ провести тамъ зиму. Я не совсѣмъ понималъ русскій языкъ, но догадался, что анадырскій отрядъ высадился наконецъ на берегъ и поспѣшно позвалъ Дода въ качествѣ переводчика. Изъ свѣденій, доставленныхъ пенжинцами, мы узнали, что небольшой отрядъ американцевъ таинственно появился на устьѣ Анадыри, въ началѣ зимы и началъ строить домъ изъ прибитаго моремъ лѣса и нѣсколькихъ досокъ, привезенныхъ на кораблѣ. Какіе у нихъ были планы, кто они были такіе, и какъ долго намѣревались остаться тамъ, никто не зналъ, ибо извѣстія о нихъ были почерпнуты у кочевыхъ чукчей, которые сами не видали американцевъ, но слышали отъ другихъ о ихъ пріѣздѣ. Эти слухи переходили изъ одной стоянки чукчей въ другую, пока наконецъ не достигли до Пенжинска, оттуда уже дошли до насъ въ Шестаковы на разстояніи пятисотъ миль отъ того мѣста, гдѣ находились американцы. Мы едва могли вѣрить, что полковникъ Белклей высадилъ отрядъ людей на пустынный берегъ Берингова пролива въ началѣ полярной зимы; но какіе же могли быть тамъ американцы, если не отрядъ нашей телеграфной экспедиціи? Это не была такая мѣстность, въ которой образованные люди поселились бы на зиму безъ особенно важныхъ причинъ. Ближайшее селеніе Анадырскъ отстояло на двѣсти пятьдесятъ миль; страна въ низовьяхъ Анадыри была безлѣсная и населена лишь кочевыми чукчами, такъ что чужестранцы, вышедшіе тамъ на берегъ безъ переводчика, не имѣли возможности вступить въ какія бы то ни было сношенія съ туземцами или добыть саней и собакъ для дальнѣйшаго путешествія. Если дѣйствительно на устьѣ Анадыри были американцы, то они находились въ самомъ несчастномъ положеніи.

Мы съ Додомъ разсуждали объ этихъ извѣстіяхъ до полуночи, и наконецъ рѣшили, что прибывъ въ Анадырскъ, мы составимъ отрядъ опытныхъ туземцевъ, возьмемъ продовольствія на мѣсяцъ и отправимся на собакахъ къ берегу Тихаго океана отыскивать этихъ таинственныхъ американцевъ. Эта экспедиція была бы лю-

бопытна по своей оригинальности и еслибъ намъ удалось зимою достигнуть до Анадыри, то мы совершили бы подвигъ еще никогда несовершенный и только однажды предпринятый, но безъ успѣшно. Съ подобными мыслями въ головѣ я влѣзъ въ свой мѣховой мѣшокъ и вскорѣ увидѣлъ во снѣ, что мы отправлялись въ Полярное море отыскивать сера Джона Франклина.

23-го декабря, на разсвѣтѣ, мы натрузили пенженскія сани табакомъ, чаемъ, сахаромъ и другими нашими товарами и припасами, а когда все было готово, то мы пустились въ путь по лѣсистой долинѣ Шестаковы къ горному кряжу, отрасли Становаго хребта, гдѣ эта рѣка брала свое начало. Мы переѣхали черезъ горы около полудня и потомъ быстро опустились съ вышины тысячи футовъ по сѣверному ихъ склону въ узкую долину, которая выходила на громадныя степи, тянувшіяся по берегамъ рѣки Акланъ. Погода была ясная и не очень холодная, но снѣгъ въ долинѣ былъ мягкій, глубокій и поэтому мы ѣхали очень медленно. Мы надѣялись достигнуть Аклана ночью, но день былъ такъ коротокъ и дорога такъ дурна, что мы продолжали путь въ продолженіи пяти часовъ послѣ сумерекъ и все же остановились лагеремъ въ десяти верстахъ къ югу отъ этой рѣки. Мы однако были вознаграждены любопытнымъ зрѣлищемъ двухъ мѣсяцевъ на небѣ и находкой великолѣпной купы ползучихъ лиственницъ, которыя доставили намъ сухое дерево для громаднаго костра. Это любопытное дерево или кустъ, извѣстное русскимъ подъ названіемъ *кедровника* и названное англійскимъ переводчикомъ *„Путешествія Врангеля“* ползучимъ кедромъ—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній Сибири. Я не знаю хорошенько, какъ назвать его—деревомъ, кустомъ или лозою, ибо оно болѣе или менѣе имѣетъ характеристическія черты всѣхъ трехъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не походитъ ни на одно изъ нихъ. Кедровникъ этотъ болѣе всего смахиваетъ на карлика-лиственницу съ изогнутымъ стволомъ, растущимъ горизонтально, какъ брошенная лоза, вдоль по землѣ и перпендикулярныя вѣтви котораго высовываются изъ снѣга. На немъ иглы и шишки, какъ на простой лиственницѣ, но онъ никогда не растетъ вверхъ какъ дерево и встрѣчается большими группами, покрывающими нѣсколько аршинъ, а часто и

десятинъ. Вы часто зимою шагаете по такой роскошной растительности и не видите ничего кромѣ кое-гдѣ торчащихъ изъ снѣга зеленыхъ иглъ. Кедровникъ встрѣчается на самыхъ пустынныхъ степяхъ и на обнаженнѣйшихъ горныхъ скатахъ на всемъ протяженіи между Охотскимъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ; по видимому, онъ растетъ всего роскошнѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва самая безплодная и ураганы самые страшные. На громадныхъ пустыняхъ, лишенныхъ всякой другой растительности, онъ стелется подъ снѣгомъ и покрываетъ мѣстами землю цѣлой сѣтью перевившихся между собою стволовъ. По какой-то невѣдомой для меня причинѣ, кедровникъ вымираетъ, достигнувъ извѣстнаго возраста и вездѣ гдѣ вы найдете его зеленый хвой, вы увидите и сухіе, бѣловатые стволы, легко возпламенимые, какъ трутъ. Онъ представляетъ единственное топливо для кочующихъ коряковъ и чукчей и безъ него многія мѣста сѣверо-восточной Сибири были бы положительно необитаемы для человѣка. Часто во время нашихъ странствованій по Сибири, намъ пришлось бы дѣлать привалъ въ степи безъ огня и теплой пищи, еслибъ природа не распространила по всюду ползучую лиственницу, и не спрятала ее подъ снѣгомъ для пользы путешественниковъ.

На слѣдующее утро, мы рано снялись лагеремъ, переѣхали черезъ большую рѣку Акланъ и вступили на громадную степь, простирающуюся отъ ея сѣвернаго берега до Анадырска. Впродолженіи двухъ дней, мы путешествовали по этой безплодной, снѣжной равнинѣ, на которой не было видно никакой растительности, кромѣ кое-гдѣ чахлыхъ деревьевъ и ползучей лиственницы по берегамъ рѣдко встрѣчавшихся потоковъ; а представителями животнаго царства являлись только двѣ, три вороны и лисицы. Этотъ мрачный, однообразный пейзажъ можно охарактеризовать двумя словами—снѣгъ и небо. Я прибылъ въ Сибирь съ полной увѣренностью въ успѣхѣ русско-американской телеграфной линіи, но чѣмъ болѣе я углублялся во внутренность страны и видѣлъ ея пустынную безплодность, я становился все болѣе и болѣе скептикомъ. Мы проѣхали триста верстъ отъ Гижигинска, нашли только четыре мѣстности, гдѣ можно было рубить шесты и видѣли лишь три селенія. Если намъ не удастся найти лучшей дороги,

чѣмъ та, по которой мы ѣхали, то я опасался, что сибирскій телеграфъ не увѣнчается успѣхомъ.

До этого времени мы пользовались необыкновенно хорошей погодой. Но въ эту пору года, мятели и ураганы бываютъ очень часто, а потому я нисколько не удивился, когда въ Рождественскую ночь меня разбудилъ рѣзкій свистъ вѣтра и шелестъ снѣга, который безжалостно покрывалъ бѣлымъ саваномъ нашихъ собакъ и сани. Это было первое знакомство съ сибирской пургой. Нѣсколько деревьевъ, окаймлявшихъ небольшой потокъ, на берегу котораго расположенъ былъ нашъ лагерь, отчасти укрывалъ насъ отъ мятели, которая вѣроятно неистово свирѣпствовала въ открытой степи. На разсвѣтѣ, какъ всегда, мы поднялись и пытались отправиться въ путь, но не успѣли мы выбраться изъ подъ защиты деревьевъ, какъ собаки перестали повиноваться и ослѣпленныя крупными хлопьями снѣга, кружившимися въ воздухѣ, мы поспѣшно возвратились на мѣсто нашей стоянки. Не возможно было видѣть что нибудь въ двадцати шагахъ, а вѣтеръ дулъ съ такой силой, что собаки отказывались идти противъ него. Мы составили вмѣстѣ сани въ видѣ стѣны противъ мятели, положили позади свои мѣховые мѣшки, въ которые всѣ попрятались, и укутавъ головы въ мѣховыя одежды, приготовились къ долгой мрачной осадѣ. Нѣтъ ничего ужаснѣе и безпокойнѣе какъ стоять лагеремъ во время пути въ окрытой сибирской степи. Вѣтеръ дуетъ съ такой силой, что невозможно разбить палатки; огонь гаснетъ отъ густо сыплющагося снѣга, а если и мерцаетъ, то наполняетъ глаза дымомъ и искрами; разговаривать невозможно отъ завыванія вѣтра и крупныхъ хлопьевъ снѣга, безжалостно хлещущихъ по лицу; медвѣжьи шкуры, мѣховая одежда, подушки покрываются слоемъ оледенѣвшаго инея, сани заносятся снѣгомъ и несчастному путешественнику остается только спрятаться въ свой мѣховой мѣшокъ, укутать голову и лежать смирно въ продолженіи долгихъ, мрачныхъ часовъ пока длится мятель.

Такимъ образомъ мы провели два дня на снѣгу среди страшной пурги, почти невылѣзая изъ мѣховыхъ мѣшковъ и очень страдая отъ холода, особливо ночью. Наконецъ 28 декабря около 4 часовъ утра, ураганъ началъ стихать и въ 6 часовъ мы отко-

пали изъ подъ снѣга свои сани и снова пустились въ путь. Въ десяти верстахъ отъ нашей стоянки проходилъ не высокій отрогъ Станового хребта и наши возницы объявили, что если намъ удастся перейти этотъ кряжъ до разсвѣта, то по всей вѣроятности мы не встрѣтимъ болѣе непогоды до самаго Пенжинска. Пища для собакъ у насъ совершенно истощилась и намъ было крайне необходимо достичь селенія въ теченіе этихъ сутокъ.

Снѣгъ осѣлъ отъ сильнаго вѣтра и дорога была хороша, а собаки послѣ двухдневнаго отдыха дружно бѣжали, такъ что прежде восхода солнца мы уже перебрались черезъ горный кряжъ и остановились пить чай въ небольшой долинѣ. Сибирскіе тузем-цы, когда имъ необходимо путешествовать всю ночь, обыкновенно останавливаются передъ самымъ разсвѣтомъ и позволяютъ соба-камъ заснуть. Они увѣряютъ что если собаки засыпаютъ въ тем-нотѣ и черезъ часъ просыпаются подъ яркими, солнечными лу-чами, то онѣ полагаютъ, что проспали всю ночь и цѣлый день будутъ бѣжать безъ малѣйшей усталости. Во всякое же другое время, такой краткій отдыхъ былъ бы совершенно безполезенъ. Обманувъ нашихъ собакъ по общепринятому обычаю, мы ихъ подняли и отправились по долинѣ къ Ускановѣ, притоку Пен-жины. Погода была ясная и не очень холодная, такъ что мы съ удовольствіемъ пользовались тѣми двумя часами солнца, кото-рые еще оставались до заката его за бѣлыми вершинами Стано-ваго хребта. Съ наступленіемъ сумерекъ мы перебрались черезъ рѣку Кондру въ пятнадцати миляхъ отъ Пенжинска и вскорѣ снова очутились въ громадной, открытой степи, и то еще мы по-теряли другъ друга и раздѣлились на двѣ или три отдѣльныя партіи. Я въ это время заснулъ и не имѣлъ ни малѣйшаго по-нятія гдѣ мы и куда направлялись; наконецъ Додъ разбудилъ меня, говоря: „Кенанъ, мы сбились съ пути!“ Конечно это из-вѣстіе было ужасное, но Додъ сообщилъ о немъ такъ спокойно, что и я на это не обратилъ вниманія, а повернувшись снова за-снулъ увѣренный, что нашъ возница, какъ нибудь впродолженіи ночи набредетъ на Пенжинскъ.

Руководясь звѣздами Додъ, Григорій и я повернули на востокъ и около девяти часовъ очутились на рѣкѣ Пенжинѣ, нѣсколько

ниже селенія. Мы пустились по льду, вверхъ по рѣкѣ, но не сдѣлали и нѣсколькихъ шаговъ, какъ встрѣтили двое или трое саней, тянувшихся внизъ по рѣкѣ. Удивляясь, что въ такое позднее время люди покидали селеніе мы ихъ окликнули.

— Куда вы ѣдете?

— Въ Пенжинскъ. А вы кто?

— Мы гижигинскіе и также ѣдемъ въ Пенжинскъ; зачѣмъ вы спускаетесь по рѣкѣ?

— Мы ищемъ селеніе, чертъ его возьми! Всю ночь пробились безъ толку.

Тутъ Додъ громко расхохотался и когда таинственныя сани приблизились къ намъ, то мы узнали въ возницахъ трехъ изъ нашихъ людей, которые въ степи отдѣлились отъ насъ и теперь старались достигнуть Пенжинска, спускаясь по рѣкѣ къ Охотскому морю. Мы едва могли ихъ увѣрить, что селеніе было не въ томъ направленіи. Наконецъ, они насъ послушались и мы всѣ вмѣстѣ, около полуночи, въѣхали въ Пенжинскъ, пробуждая жителей отъ сна лаемъ собакъ, которыя громко протестовали противъ такого несвоевременнаго безпокойства.

Черезъ десять минутъ мы уже сидѣли на медвѣжьихъ шкурахъ передъ пылающимъ огнемъ, въ тепломъ русскомъ домѣ, пили душистый чай и бесѣдовали о нашихъ ночныхъ приключеніяхъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Пенжинскъ.—Мнѣніе туземцевъ о русско-американскомъ телеграфѣ.—Путешествіе въ Анадырскъ.—45° ниже нуля.—Правила для полярныхъ путешественниковъ.—Публичная лекція въ степи.—Встрѣча въ Анадырскѣ.

Селеніе Пенжинскъ представляетъ собраніе бревенчатыхъ домовъ, юртъ съ плоскими крышами и четыреугольныхъ балагановъ на сѣверномъ берегу рѣки того же имени, на полдорогѣ между Охот-

скимъ моремъ и Анадырскомъ. Оно главнымъ образомъ населено свободными русскими поселянами и мѣщанами, но здѣсь также находится немного и первоначальныхъ сибирскихъ туземцевъ, которые были побѣждены русскими казаками въ XVIII столѣтіи, теперь говорятъ языкомъ ихъ побѣдителей и живутъ рыбной ловлей и торгомъ мѣхами. Городъ защищенъ къ сѣверу крутымъ холмомъ въ сто футовъ, на вершинѣ котораго, подобно тому, какъ на всѣхъ горахъ близъ русскихъ селеній красуется оригинальной формы греческій крестъ. Рѣка противъ селенія имѣетъ сто аршинъ въ ширину и берега ея покрыты березами, тополями, ивами, лиственницами и осинами. Благодаря теплымъ источникамъ, находящимся на ея днѣ, Пенжина въ этомъ мѣстѣ никогда совершенно не замерзаетъ и при температурѣ въ 40° ниже нуля надъ ея поверхностью стелется густой туманъ не хуже лондонскаго.

Мы остались въ Пенжинскѣ три дня, собирая свѣденія объ окружающей странѣ и нанимая людей для рубки телеграфныхъ шестовъ. Жители этого селенія были очень добродушны, гостепріимны и готовы всячески содѣйствовать нашему предпріятію. Но конечно они никогда не слыхивали о телеграфѣ и никакъ не могли понять, для чего намъ нужны шесты, которые мы приказывали рубить. Нѣкоторые говорили, что мы хотѣли построить деревянную дорогу изъ Гижигинска въ Анадырскъ для путешествія въ лѣтнее время, другіе очень логично возражали, что двое людей, будь они даже американцы, не могутъ выстроить деревянную дорогу на протяженіе шести сотъ верстъ и что мы намѣревались выстроить громадный домъ, но для какой потребности они рѣшительно не могли объяснить. Намъ удалось однако нанять шестнадцать здоровенныхъ работниковъ для рубки шестовъ за благоразумное вознагражденіе и мы приказали имъ приготовить какъ можно болѣе шестовъ одинаковой мѣры, въ двадцать одинъ футъ длины и въ пять дюймовъ діаметра въ оконечности.

Здѣсь умѣстно замѣтить, что по возвращеніи моемъ изъ Анадырска въ мартѣ мѣсяцѣ я пошелъ взглянуть на шесты, приготовленные пенжинцами на берегу рѣки въ количествѣ пяти сотъ штукъ. Къ величайшему моему удивленію они оказались въ діаметрѣ на верху не менѣе двѣнадцати дюймовъ и большая часть

ихъ была такъ тяжела, что двѣнадцать человѣкъ не могли ихъ поднять. Я объяснилъ туземцамъ, что они намъ не годились и спросилъ ихъ почему они не нарубили столбовъ меньшихъ размѣровъ, какъ мы приказывали. Они отвѣчали, что по ихъ мнѣнію мы хотѣли строить какую-то дорогу по этимъ шестамъ, а они знали, что шесты въ пять дюймовъ въ діаметрѣ не выдержатъ такой тяжести, поэтому они срубили такія деревья, которыя вынесутъ какую угодно тяжесть. Шесты эти вѣроятно тамъ находятся и теперь, погребенные въ полярныхъ снѣгахъ и если много лѣтъ спустя макалеевскій новозеландецъ, срисовавъ развалины св. Павла, отправится въ Сибирь для окончанія своего образованія, то конечно туземные возницы будутъ ему разсказывать о томъ, какъ двое бѣшенныхъ американцевъ старались нѣкогда выстроить желѣзную дорогу на высокихъ шестахъ съ береговъ Охотскаго моря къ Берингову проливу. Я надѣюсь, что этотъ новозеландецъ тогда напишетъ книгу и воздастъ должную честь, а можетъ быть и доставитъ безсмертіе этимъ двумъ бѣшеннымъ американцамъ.

31 декабря мы выѣхали изъ Пенжинска въ Анадырскъ. Цѣлый день мы ѣхали, какъ всегда, по безплодной снѣжной степи и остановились на ночь у подножья одинокаго утеса Налгима при страшной температурѣ 53° ниже нуля. Былъ канунъ новаго года и сидя передъ огнемъ укутанный въ мѣховую одежду и покрытый съ ногъ до головы оледнѣвшимъ инеемъ, я не могъ не вспомнить о той странной перемѣнѣ, которую одинъ годъ произвелъ въ моей обстановкѣ. Канунъ новаго 1864 г. я провелъ въ центральной Америкѣ, переѣзжая на мулѣ съ озера Никарагуа на берегъ Тихаго океана по великолѣпному тропическому лѣсу. Канунъ же новаго 1865 года я теперь проводилъ на громадной снѣжной равнинѣ близъ полярнаго круга, стараясь при температурѣ 53° ниже нуля съѣсть горячій супъ прежде чѣмъ онъ примерзнетъ къ тарелкѣ. Едва ли самая пламенная фантазія могла сочинить болѣе рѣзкіе контрасты. Мѣстность близъ горы Налгимъ, гдѣ мы остановились на ночлегъ изобиловала ползучей лиственницей и мы развели такой громадный огонь, что столбъ пламени достигалъ до десяти футовъ высоты, но онъ казалось не имѣлъ

никакого вліянія на окружающую атмосферу. Наши брови примерзали, нашъ супъ только что вылитый изъ кипящаго котла покрывался льдомъ, прежде чѣмъ мы успѣвали кончить тарелку, до металическихъ ножей и вилокъ не возможно было прикоснуться, ибо они жгли, какъ раскаленное желѣзо, а вода налитая на деревянную доску, въ аршинъ отъ огня замерзала въ двѣ минуты. Надъ нашими собаками стояло цѣлое облако испареній и даже изъ нашей руки, какъ сухо мы ее ни обтирали, подымался паръ. Мы никогда еще не испытывали такого холода, но не очень страдали отъ него, исключая нòги, и Додъ увѣрялъ, что при хорошемъ огнѣ и изобильной жирной пищѣ, онъ рѣшился бы попробовать морозу еще на 15^0 болѣе. Главная причина страданій отъ холода въ Сибири, это вѣтеръ. 20^0 ниже нуля при свѣжемъ вѣтрѣ не выносимъ, а ураганъ при 40^0 убилъ бы всякое живое существо. Сильный холодъ самъ по себѣ не очень опасенъ для жизни. Человѣкъ вдоволь поужинавшій сушеной рыбы съ саломъ, укутавшійся въ сибирскую одежду и въ тяжелый мѣховой мѣшокъ можетъ безъ серьезной опасности провести ночь на чистомъ воздухѣ при 70^0; но если онъ усталъ отъ долгаго странствованія, если одежда его сыра отъ испарины и онъ не вдоволь поѣлъ, то онъ можетъ замерзнуть до смерти при температурѣ нуля. Главныя правила для полярнаго путешественника слѣдующія: ѣсть вдоволь жирной пищи; избѣгать излишняго движенія и ночныхъ странствованій; наконецъ, никогда не прибѣгать къ быстрымъ движеніямъ, вызывающимъ испарину ради минутной теплоты. Я видѣлъ какъ кочующіе чукчи въ безлѣсной странѣ и при самой опасной температурѣ путешествуютъ цѣлый день съ болью въ ногахъ и ни за что не израсходуютъ своихъ силъ даромъ, т. е. не побѣгутъ нѣсколькихъ шаговъ для возбужденія кровообращенія. Они даже слезали съ саней только въ крайнемъ случаѣ изъ боязни, чтобы ноги ихъ не замерзли совершенно. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что они ночью оказывались столь же свѣжими, какъ и утромъ. А если они не находили топлива для разведенія огня или по непредвидимымъ обстоятельствамъ должны были путешествовать цѣлыя сутки, то у нихъ доставало на это силъ. Неопытный путешественникъ при подобныхъ обстоятельствахъ изра-

сходовалъ бы всю свою энергію днемъ на то, чтобъ возможно болѣе согрѣться, а ночью мокрый отъ испарины и утомленный излишнимъ движеніемъ онъ непремѣнно замерзъ бы до смерти.

Часа два послѣ ужина мы съ Додомъ забавлялись опытами дѣйствія холода; но къ 8 часамъ небо неожиданно покрылось тучами и черезъ часъ ртуть въ термометрѣ поднялась почти на 30°. Поздравляя другъ друга съ этой счастливой перемѣной погоды, мы влѣзли въ свои мѣховые мѣшки и коротали сномъ, на сколько могли, долгую полярную ночь.

Наша жизнь въ послѣдующіе дни шла съ обычнымъ однообразіемъ. Страна была мрачная, пустынная, неинтересная; погода достаточно холодная для причиненія безпокойства, но недовольно морозная для возбужденія въ насъ страха къ смерти отъ холода; день продолжался два или три часа, а ночь была безконечная; останавливаясь на ночлегъ, вскорѣ послѣ полудня, когда солнце исчезало на горизонтѣ, мы принуждены были проводить 20 часовъ въ темнотѣ, забавляясь сномъ или чѣмъ умѣли. Но спать двадцать часовъ въ сутки слишкомъ много и по крайней мѣрѣ половину этого времени мы посвящали отъ нечего дѣлать разговорамъ, но мало по малу они сдѣлались невыносимо монотонны и мы переговорили до сыта обо всемъ что знали и чего не знали. Наконецъ и такіе неистощаемые предметы бесѣды какъ количество арміи Ксеркса, высадившейся въ Греціи и вѣроятное пространство земнаго шара покрытаго потопомъ, оскудѣли послѣ двадцати или тридцати почей, посвященныхъ обсужденію этихъ важныхъ, не разрѣшимыхъ вопросовъ. Вдругъ однажды, ночью, лежа у огня, во мнѣ родилась счастливая мысль прочесть курсъ популярныхъ лекцій о чудесахъ современной науки нашимъ туземнымъ возницамъ. Это препровожденіе времени, убивая долгіе вечера, должно было вмѣстѣ съ тѣмъ принести пользу необразованнымъ дикарямъ. Конечно, я прежде всего обратилъ вниманіе на астрономію, такъ какъ путешествуя подъ открытымъ звѣзднымъ небомъ, я могъ легко объяснять фактически всѣ свои слова. Такимъ образомъ, каждую ночь можно было видѣть меня въ центрѣ группы туземцевъ, слушавшихъ съ дѣтскимъ любопытствомъ, какъ я объяснялъ перемѣну временъ года, обращеніе планетъ во-

кругъ солнца и причины луннаго затмѣнія. Для нагляднаго вразумленія своихъ слушателей я долженъ былъ соорудить свой планетникъ и кусокъ мерзлаго сала изображалъ у меня землю, корка чернаго хлѣба луну, а маленькіе кусочки сушенаго мяса планеты. По несчастью мои слушатели никакъ не могли понять символическаго значенія хлѣба и сала, не принимали ихъ за луну и землю, а упорно считая ихъ само по себѣ полезными произведеніями природы, они послѣ первой же лекціи съѣли землю и луну и потребовали тотчасъ повторенія лекціи. Я старался объяснить имъ, что мои лекціи были астрономическія, а не гастрономическія и что астрономія не признавала затмѣній произведенныхъ глотаніемъ планетъ. Но всѣ мои разсужденія ни къ чему не вели и я былъ принужденъ припасать къ каждой лекціи новыя солнце, луну и землю. Вскорѣ я убѣдился, что эти астрономическіе банкеты были слишкомъ популярны и такъ какъ мои слушатели съѣдали каждый вечеръ цѣлую солнечную систему, то въ планетныхъ матеріалахъ сталъ замѣтенъ недостатокъ. Я по этому былъ принужденъ замѣнить хлѣбъ и сало, каменьями и снѣжными комками, но вслѣдствіе этого интересъ къ астрономическимъ явленіямъ сталъ быстро охладѣвать и я вскорѣ остался безъ слушателей.

Наконецъ послѣ двадцати трехъ дней тяжелаго путешествія, мы достигли нашей цѣли. Была ночь и я спалъ въ саняхъ, укутанный въ мѣховую одежду, когда отдаленный лай собакъ увѣдомилъ насъ о близости Анадырска. Я поспѣшно началъ снимать свои мѣховыя валенки, желая замѣнить ихъ американскими сапогами; но не успѣлъ этого сдѣлать, какъ уже мои сани остановились передъ домомъ русскаго священника, гдѣ мы намѣревались остановиться пока пріищемъ себѣ приличное помѣщеніе.

Толпа любопытныхъ зрителей собралась у этого дома, чтобъ увидать удивительныхъ американцевъ, о которыхъ они столько слышали; впереди всѣхъ стоялъ самъ священникъ съ развѣвающимися длинными волосами и бородой; въ черной, широкой рясѣ, надъ головой онъ держалъ длинную, сальную свѣчку, пламя которой страшно раздувало вѣтромъ. Съ трудомъ освободивъ ноги изъ моей тяжелой обуви, я вышелъ изъ саней и былъ встрѣченъ очень радушно священникомъ, а весь народъ низко кланялся и

говорилъ: „здравствуйте“. Трехнедѣльное путешествіе по степи и мой костюмъ я полагаю придали мнѣ вѣроятно такой странный видъ, который поразилъ бы всякаго, кромѣ сибирскаго туземца. Мое лице не очень чистое было на взглядъ еще грязнѣе отъ небритой бороды, волосы безпорядочными прядями на лбу висѣли у меня, а окаймлявшая мое лице медвѣжья шкура придавала мнѣ особенно дикое, звѣрское выраженіе. Американскіе сапоги, которые я едва успѣлъ натянуть, были единственнымъ доказательствомъ моего прежняго знакомства съ цивилизаціей. Отвѣчая на почтительныя привѣтствія чукчей, юкагировъ и русскихъ казаковъ, которые въ мѣховыхъ одеждахъ толпились у дверей, я послѣдовалъ за священникомъ въ домъ. Это жилище было второе достойное названія дома, которое я видѣлъ впродолженіи двадцати двухъ дней, послѣ корякскихъ юртъ Коеля, Мякины и Шестаковы. Полъ былъ покрытъ мягкими, темными оленьими шкурами, въ которыхъ ноги глубоко утопали; веселый огонь пылалъ въ небольшой печкѣ въ углу и распространялъ по комнатѣ яркіе лучи солнца; столы были покрыты цвѣтными, американскими скатертями; золоченая лампада горѣла передъ масивнымъ образомъ противъ двери; въ оконныхъ рамахъ были вставлены стекла вмѣсто закоптѣлыхъ рыбьихъ пузырей или тонкихъ слоевъ льда, которые мы привыкли видѣть въ послѣднее время. Нѣсколько илюстрированныхъ газетъ лежало на этажеркѣ и вообще все было устроено со вкусомъ и комфортомъ, которые были тѣмъ отраднѣе для путешественника, что онъ не могъ ихъ ожидать въ этой странѣ снѣжныхъ степей и дикаго необразованнаго народа. Додъ самъ правилъ своими санями и еще не пріѣхалъ, но въ сосѣднемъ лѣсу уже слышался его голосъ, распѣвавшій во все горло: „когда я выберусь изъ пустыни, когда я выберусь изъ пустыни“! Я не зналъ достаточно русскаго языка, чгобъ говорить свободно съ священникомъ и потому былъ очень радъ, когда Додъ наконецъ выбрался изъ пустыни и явился передъ нами не въ лучшемъ видѣ чѣмъ я, что̀ чрезвычайно меня успокоило. Мы дружески пожали руку женѣ священника, блѣдной, худощавой женщинѣ, съ свѣтлыми волосами и черными глазами; познакоми-

лись съ двумя или тремя хорошенькими дѣтьми, которыя бѣжали отъ насъ въ испугѣ и наконецъ усѣлись пить чай.

Благодаря радушному обращенію нашего хозяина, мы вскорѣ почувствовали себя какъ бы дома и чрезъ нѣсколько минутъ Додъ бойко разсказывалъ наши похожденія, смѣялся, шутилъ и пилъ водку съ священникомъ такъ безцеремонно, какъ будто онъ зналъ его не десять минутъ, а десятъ лѣтъ. Это было особое качество Дода, которому я часто завидывалъ. Въ какія нибудь пять минутъ съ помощью водки, онъ могъ побрататься съ самымъ почтеннымъ патріархомъ греческой церкви, а я только могъ быть безмолвнымъ свидѣтелемъ и улыбаться его торжеству.

Послѣ отличнаго ужина, состоявшаго изъ щей, жареныхъ котлетъ, бѣлаго хлѣба и масла, мы разложили на полу наши медвѣжьи шкуры и раздѣлись второй разъ въ теченіе трехъ недѣль. Намъ такъ странно было спать безъ мѣховой одежды и съ непокрытой головой, что мы долго не могли сомкнуть глазъ, наслаждаясь красноватымъ отблескомъ огня на стѣнѣ, пріятной теплотой одѣялъ и простынь и давно неиспытаннымъ комфортомъ вытянуться во весь ростъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Анадырскъ, его исторія и настоящее положеніе. — Климатъ. — Празднованіе Рождества. — Сибирскій балъ. — Общество.

Четыре небольшія русскія селенія, немного къ югу отъ полярнаго круга и извѣстныя подъ названіемъ Анадырска, составляютъ послѣднее звено въ цѣпи селеній, простирающейся почти неразрывной линіей отъ Уральскихъ горъ до Берингова пролива. Благодаря ихъ изолированному положенію и трудностямъ путешествія въ то время года, когда только можно ихъ достигнуть, никто до нашего пріѣзда не посѣщалъ этого селенія, за исключеніемъ

лишь шведскаго офицера въ русской службѣ, который начальствовалъ надъ экспедиціей изъ Анадырска къ Берингову проливу зимой 1859 и 1860 годовъ. Отрѣзанныя впродолженіе полугода отъ остальнаго міра и посѣщаемыя только нѣсколькими полуобразованными промышленниками, эти маленькія селенія почти независимы, словно они находились посреди открытаго Ледовитаго океана. Даже существованіе ихъ составляютъ вопросъ для тѣхъ, которые не ведутъ съ ними торговли. Анадырскъ основанъ въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія отрядомъ предпріимчивыхъ казаковъ, которые покоривъ почти всю Сибирь перешли черезъ горы съ Колымы и явившись на Анадыри, прогнали чукчей, которые вздумали было имъ сопротивляться и основали на рѣкѣ военный постъ въ нѣсколькихъ верстахъ выше настоящаго селенія. Послѣ этого возникло между чукчами и русскими безплодная борьба, которая продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ много лѣтъ. Въ это время Анадырскъ былъ занятъ шестью стами солдатами и артиллерійской батареей; но послѣ открытія и занятія Камчатки онъ потерялъ значеніе, войска изъ него были выведены и въ концѣ концевъ, чукчи взяли его и сожгли. Впродолженіе этой войны, два туземныхъ племени, чуванцы и юкагиры, державшіе сторону русскихъ, были почти совершенно уничтожены чукчами и впослѣдствіи никогда уже не могли возвратить себѣ свою племянную индивидуальность. Тѣ немногіе изъ нихъ, которые пережили несчастную судьбу своихъ соотечественниковъ, потеряли всѣхъ своихъ оленей и принуждены были поселиться между своими русскими союзниками и добывать средства къ существованію охотой и рыбной ловлей. Они постепенно переняли русскую одежду и потеряли всѣ отличительныя особенности ихъ племеннаго характера. Черезъ нѣсколько лѣтъ ни одна душа не могла говорить языкомъ этихъ нѣкогда могущественныхъ народовъ. Русскіе съ помощью чуванцевъ и юкагировъ выстроили снова Анадырскъ и съ теченіемъ времени онъ сдѣлался значительнымъ торговымъ мѣстомъ. Табакъ, введенный русскими, вскорѣ пріобрѣлъ большую популярность между чукчами и ради пріобрѣтенія этой высоко цѣнимой роскоши, они прекратили свои набѣги и начали ежегодно посѣщать Анадырскъ для торговыхъ оборотовъ. Однако, они навсегда

сохранили нѣкоторую враждебность къ русскимъ, которые завоевали ихъ страну и впродолженіе многихъ лѣтъ не имѣли съ ними никакой мѣны, иначе какъ на остріи пики. Они вѣшали на полированное остріе длинной пики чукчей звѣриную шкуру или моржевый зубъ и ждали пока русскій промышленникъ сниметъ ихъ и повѣситъ на тоже мѣсто связку табаку пропорціональнаго вѣса; иначе они не вели торговли. Этотъ образъ мѣны обезпечивалъ ихъ отъ обмана, такъ какъ не было ни одного русскаго во всей Сибири, который рѣшился бы обмануть этихъ звѣрскихъ дикарей при видѣ длинной пики въ десяти вершкахъ отъ своей груди. Честность была выгоднѣе всего при такомъ образѣ веденія торговли и нравственное вліяніе пики чукчей, возбуждало добродушную щедрость въ сердцѣ человѣка, стоявшаго близъ ея острія. Торговля, установленная такимъ образомъ, продолжаетъ приносить значительныя выгоды жителямъ Анадырска и русскимъ купцамъ, пріѣзжающимъ туда ежегодно изъ Гижигинска.

Четыре небольшія селенія составляющія Анадырскъ называются Покровское, Псолкинъ, Маркова и Крѣпость; во всѣхъ ихъ народонаселеніе не болѣе двухъ сотъ душъ. Въ центральномъ селеніи Марковѣ живетъ священникъ и стоитъ маленькая, грубо выстроенная церковь; зимою она поражаетъ своимъ мрачнымъ видомъ, ибо въ небольшихъ бревенчатыхъ домахъ, вмѣсто стеколъ вставлены толстые слои льда, а многія изъ жилищъ выстроены на половину въ землѣ для большей теплоты и во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе занесены снѣгомъ. Густой лѣсъ лиственницъ, тополей и осинъ окружаютъ городъ, такъ что путешественникъ, ѣдущій изъ Гижигинска, часто ищетъ его впродолженіе цѣлаго дня, и если онъ незнакомъ съ теченіемъ Анадыри, развѣтвляющейся здѣсь на многочисленные рукава, то онъ можетъ и никогда не отыскать Анадырска. Жители этихъ четырехъ селеній занимаются лѣтомъ ловлей рыбы и охотой на дикихъ оленей, которые ежегодно перебираются черезъ рѣку громадными стадами. Зимой они отправляются на саняхъ для мѣны къ кочующимъ чукчамъ, а также возятъ мѣха на ежегодную ярмарку въ Колымскъ и нанимаются къ русскимъ промышленникамъ изъ Гижигинска. Берега Анадыри противъ селенія и на семьдесятъ пять миль

выше его густо покрыты деревьями, достигающими восемнадцати и двадцати четырехъ дюймовъ въ діаметрѣ, хотя верховье этой рѣки находится подъ 66° с. ш. Климатъ чрезвычайно суровъ; метеорологическія наблюденія, сдѣланныя нами въ Марковѣ въ февралѣ 1867 года, показываютъ, что шестнадцать дней въ этомъ мѣсяцѣ было — 40°, восемь дней — 50°, пять дней — 60° и однажды — 68°. Это была самая холодная температура, которую мы испытали въ Сибири. Перемѣны отъ ужаснаго холода къ сравнительному теплу бываютъ очень быстры. 18 февраля, въ 9 часовъ утра было — 52°, а черезъ 27 часовъ ртуть поднялась на 73° и было +21°. Обратно 21 февраля, термометръ показывалъ +3°, а 22-го — 49°. Не смотря однако на климатъ, Анадырскъ представляется такимъ же пріятнымъ мѣстомъ для жизни, какъ девять-десятыхъ русскихъ селеній въ сѣверо-восточной Сибири и мы съ удовольствіемъ провели тамъ время въ зиму 1866 года.

Слѣдующій день послѣ нашего прибытія мы посвятили на отдыхъ и на приведеніе своей личности и туалета въ наивозможно лучшее положеніе.

Въ четвергъ, 6-го января было русское Рождество и все селеніе поднялось въ 4 часа задолго до разсвѣта и отправилось къ заутрени. Мы также поспѣшно одѣлись и пошли въ маленькую бревенчатую церковь, гдѣ служба уже началась. Кромѣ обычной торжественности греческаго богослуженія, далеко въ этомъ отношеніи превосходящее католическое, и великолѣпное, хотя и грубое пѣніе молитвъ, насъ всего болѣе поражало съ какой быстротой въ данную минуту всѣ присутствующіе, вообще стоящіе очень чинно, вдругъ падаютъ внизъ и прикасаются губами къ полу, словно рота солдатъ застигнутая огнемъ маскированной батареи. По окончаніи службы, среди безпорядочнаго звона колоколовъ, мы съ Додомъ возвратились домой и сѣли за чай. Не успѣлъ я выпить послѣднюю чашку и закурить сигару, какъ вдругъ отворилась дверь и въ комнату вошло около полдюжины людей; остановившись передъ образомъ они выстроились въ рядъ, набожно перекрестились и начали мѣрно пѣть русскую мелодичную церковную пѣснь, начинающуюся словами: „Христосъ родился.“

Не ожидая встрѣтить въ сибирскомъ селеніи подъ полярнымъ кругомъ рождественскія пѣсни, я съ изумленіемъ смотрѣлъ то на Дода, то на пѣвчихъ. Послѣдніе, кончивъ пѣніе, подошли къ намъ и пожавъ намъ руки поздравили съ праздникомъ. Додъ далъ каждому изъ нихъ по нѣскольку копѣекъ и пожелавъ счастья и благополучія „ихъ превосходительствамъ," они удалились. Черезъ нѣсколько минутъ явилась другая партія пѣвчихъ и такъ далѣе до самаго разсвѣта, такъ что вся молодежь Анадырска перебывала у насъ и получила приличное вознагражденіе. Нѣкоторые изъ юношей помоложе, для которыхъ копѣйки были важнѣе праздника, портили впечатлѣніе, производимое ихъ пѣніемъ, приговаривая „Христосъ родился, пожалуйте на чаёкъ;" но большинство ихъ вело себя вполнѣ соотвѣтственно торжеству и надо сознаться—намъ чрезвычайно понравился этотъ прекрасный обычай славить Христа. Когда взошло солнце, всѣ восковыя свѣчи, обвитыя золотой бумагой, которыя зажжены были во всѣхъ домахъ передъ образами, поспѣшно потушили, жители надѣли свою лучшую одежду и принялись весело праздновать этотъ торжественный день. Колокола гудѣли безостановочно; сани, полныя молодыми дѣвушками, сновали взадъ и впередъ по улицамъ, на каждомъ шагу опрокидываясь среди громкаго хохота; женщины въ пестрыхъ ситцевыхъ платьяхъ и въ красныхъ шелковыхъ платкахъ на головѣ ходили изъ дома въ домъ, поздравляя съ праздникомъ и толкуя о прибытіи знатныхъ американскихъ офицеровъ, мужчины большими толпами играли въ мячь на снѣгу и вообще все селеніе представляло оживленное, веселое зрѣлище.

На третій день праздника, священникъ въ нашу честь далъ большой сибирскій балъ, на который были приглашены, всѣ жители четырехъ селеній и для котораго были сдѣланы громадныя приготовленія. Балъ въ домѣ священника, въ воскресенье, поразилъ меня своимъ неприличіемъ и я колебался даже освятить своимъ присутствіемъ такое очевидное нарушеніе четвертой заповѣди. Однако, Додъ доказалъ мнѣ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что въ это время въ Америкѣ была суббота, а не воскресенье, благодаря различію часовъ и что русскіе начинаютъ недѣлю съ захода солнца въ воскресенье, а молятся Богу съ субботы вечера, слѣдовательно

въ воскресенье вечеромъ, то есть, въ первые часы понедѣльника, по сибирскимъ идеямъ, было совершенно прилично танцовать. По этому я успокоился и далъ свое согласіе на приготовляшееся торжество.

Въ нашемъ домѣ была снята перегородка, раздѣлявшая двѣ комнаты, полъ былъ чисто вымытъ, по стѣнамъ приклеено саломъ множество свѣчей, блестяще освѣщавшихъ комнату и по угламъ поставлены скамейки для дамъ. Около 5 часовъ начали сбираться гости; этотъ часъ былъ, быть можетъ, слишкомъ ранній для бала, но намъ казалось, что послѣ захода солнца прошло ужасно много времени. Вскорѣ собралось до сорока человѣкъ; мужчины всѣ были въ тяжелыхъ мѣховыхъ куклянкахъ, мѣховыхъ панталонахъ и мѣховыхъ сапогахъ, а дамы въ бѣлыхъ кисейныхъ и пестрыхъ ситцевыхъ платьяхъ. Одежда обоихъ половъ по видимому не согласовалась. Женская была достаточно легка для африканскаго лѣта, а мужская была прилична для полярной экспедиціи за серомъ Джономъ Франклиномъ. Однако общій эфектъ былъ чрезвычайно живописенъ. Оркестръ состоялъ изъ двухъ грубо сдѣланныхъ скрипокъ, двухъ балалаекъ и нѣсколькихъ большихъ гребней, которые были покрыты бумагой по обычаю, столь хорошо извѣстному всѣмъ мальчикамъ земнаго шара. Горя любопытствомъ увидать какъ подобное торжество будетъ исполнено по сибирскимъ правиламъ этикета, я спокойно усѣлся въ уголокъ и сталъ пристально наблюдать за тѣмъ что происходило вокругъ насъ. Дамы входя въ комнату усаживались въ рядъ на деревянныхъ скамьяхъ въ одномъ концѣ комнаты, а мужчины толпились въ другомъ. Всѣ были удивительно трезвы. Никто не улыбался, никто не произносилъ ни слова и безмолвная тишина только прерывалась звуками настраиваемой скрипки или гребня. Если таковъ долженъ быть характеръ этого увеселенія, то я не находилъ ничего неприличнаго въ томъ, чтобъ оно происходило въ воскресенье. Мало зналъ я на что способны эти мрачные, скучные на взглядъ туземцы. Черезъ нѣсколько минутъ нѣкоторое смятеніе у двери обнаружило, что тотчасъ начнется угощеніе, и дѣйствительно молодой чуванецъ внесъ въ комнату и подалъ мнѣ большую деревянную кадку съ четырьмя четвериками мерзлой брусники. Я никакъ не могъ пред-

положить, чтобъ хозяинъ ожидалъ отъ меня такого сверхестественнаго подвига, какъ уничтоженіе четырехъ четвериковъ мерзлой брусники, а потому я взялъ двѣ ложки и взглянулъ на Дода, безмолвно прося его объяснить мнѣ что слѣдовало дѣлать. Онъ знакомъ указалъ мнѣ, что надо передать сосѣду кадку съ брусникой, что я и сдѣлалъ съ большимъ удовольствіемъ, такъ какъ эта ягода оказалась чѣмъ-то въ родѣ мерзлыхъ камешковъ, отъ которыхъ у меня тотчасъ разболѣлись зубы.

Слѣдующее угощеніе состояло изъ такой же деревянной кадки съ бѣлыми стружками и я не могъ придти въ себя отъ удивленія. Мерзлая брусника и древесныя стружки представляли такое лакомство, какое я не видывалъ даже и въ Сибири, но гордясь своей способностью переваривать почти все на свѣтѣ, я былъ увѣренъ, что если туземцы могли ѣсть мерзлую бруснику и древесныя стружки, то и я могъ. Поэтому я взялъ горсть этихъ стружекъ и храбро положилъ въ ротъ; это оказались не древесныя стружки, а мелко нарѣзанная сушеная рыба, большое лакомство у сибиряковъ, къ которому впослѣдствіи я очень привыкъ. Я справился съ этими рыбными стружками безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, исключая усиленіе моей зубной боли. Вслѣдъ за этимъ разносили бѣлый хлѣбъ и масло, пирогъ съ брусникой и горячій чай, чѣмъ и кончился ужинъ. Теперь по общему предположенію, мы были готовы къ вечерней работѣ, то есть къ танцамъ и послѣ предварительнаго настраиванія инструментовъ, оркестръ заигралъ живой русскій танецъ, называемый „капалышка“ (?). Музыканты били тактъ головой и правой ногой, артистъ на гребнѣ дулъ съ такой силой, что весь побагровѣлъ, а все общество стало весело подпѣвать. Черезъ минуту одинъ изъ мужчинъ въ тулупѣ изъ оленьей шкуры и въ панталонахъ изъ кожи лося выскочилъ на средину комнаты и низко поклонился одной изъ дамъ, сидѣвшихъ на длинной скамьѣ. Она тотчасъ граціозно встала и они начали медленный пантомимный танецъ по всей комнатѣ, то выступая впередъ, то отступая подъ тактъ музыки; мужчина очевидно объяснялся въ любви дамѣ, а послѣдняя отвергала его ухаживанья и отворачиваясь закрывала лице платкомъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ этой безмолвной пантомимы, дама возвратилась на свое мѣсто и ее за-

ступила другая; тутъ музыка удвоила темпъ и танцующіе стали быстро семенить ногами, подъ акомпаниментъ десятковъ голосовъ, кричавшихъ изо всей силы: „Ну, ну, валяй, не отставай.“ Вдругъ танцоръ упалъ животомъ на полъ передъ своей дамой и началъ неистово вертѣться, какъ громадный волчекъ на локтяхъ и цыпочкахъ (?). Это удивительное представленіе возбудило всеобщій энтузіазмъ и волненіе какъ танцующихъ, такъ зрителей и музыкантовъ достигло крайней степени; крики и пѣніе заглушали музыку, не смотря на всѣ усилія артистовъ. Такого пѣпія, такой пляски и такого восторженнаго волненія я никогда не видывалъ и кровь моя начала кипѣть въ жилахъ, словно раздался звукъ боевой трубы. Наконецъ, мужчина, отплясавъ по очередно со всѣми дамами, остановился въ изнеможеніи и пошелъ за мерзлой брусникой для прохлажденія. Вслѣдъ за этимъ танцемъ называемымъ „русской,“ послѣдовалъ другой извѣстный подъ названіемъ „казачка.“ Къ величайшему моему удивленію, Додъ принялъ въ немъ участіе, а потому и я, зная что въ этомъ искуствѣ онъ не ушелъ далѣе меня, тотчасъ пригласилъ даму въ красно-голубомъ платьѣ. Невозможно описать до какого неистоваго восторга дошли присутствующіе, когда американскіе гости стали кружиться по комнатѣ; музыканты выходили изъ себя, желая играть поскорѣе, артистъ на гребнѣ до того не жалѣлъ своихъ легкихъ, что страшно раскашлялся, и вся пьяная толпа зрителей топала ногами въ тактъ, пѣла во все горло и кричала: „Валяй американцы, ура!“ Въ Сибири считается нарушеніемъ этикета, если начавъ танцовать, вы не перетанцуете со всѣми дамами, или по крайней мѣрѣ не пригласите ихъ, такъ что если общество многочисленно, то это удовольствіе чрезвычайно утомительно. Когда мы съ Додомъ кончили свою тяжелую работу, то мы были въ состояніи выбѣжать на улицу и броситься въ снѣгъ или съѣсть цѣлый четверикъ мерзлой брусники. Вся наша физическая система какъ бы растаяла отъ знойнаго жара.

Въ доказательство того уваженія, которымъ пользуются американцы въ богоспасаемомъ селеніи Анадырскѣ я упомяну, что среди моей бѣшенной пляски, я случайно наступилъ своимъ тяжелымъ сапогомъ на ногу одного изъ русскихъ поселянъ. Я замѣтилъ, что

на лицѣ его выразилось жестокое страданіе и потому по окончаніи танцевъ я подошелъ къ нему съ Додомъ, чтобы извиниться. Онъ перебилъ меня, говоря съ низкимъ поклономъ, что онъ вовсе не почувствовалъ никакой боли и считалъ за честь, что американецъ наступилъ ему на ногу. Я никогда такъ ясно не сознавалъ все завидное значеніе гражданъ нашего благословеннаго отечества!

Танцы прерываемые туземцами, любопытными играми и частымъ обращеніемъ танцующихъ къ мерзлой брусникѣ для возстановленія упадающихъ силъ, продолжались до двухъ часовъ. Я нарочно описалъ такъ подробно этотъ балъ, тянувшійся ровно девять часовъ, ибо танцы главное развлеченіе полуобразованныхъ жителей русскихъ селеній въ Сибири, что доказываетъ беззаботный, веселый характеръ.

Впродолженіи праздниковъ все народонаселеніе Анадырска веселилось, дѣлало визиты, давало вечера, каталось на саняхъ и играло въ мячь. Каждый вечеръ между рождествомъ и новымъ годомъ ряженые съ музыкой и плясками ходили по домамъ. Жители всѣхъ мелкихъ русскихъ поселеній въ сѣверо-восточной Сибири, самый безпечный, добродушный и гостепріимный народъ въ свѣтѣ и ихъ общественная жизнь, какъ она не груба, отличается тѣми же характеристическими чертами. Вы здѣсь не встрѣтите ни нелѣпыхъ церемоній, ни напыщенности, ни разрозненности классовъ. Всѣ безъ исключенія сходятся между собою на самой дружеской ногѣ и вы часто увидите, какъ входя и уходя мужчины цѣлуются между собою словно братья, отрѣзанные отъ всего остальнаго міра, они связаны между собою узами взаимнаго сочувствія и зависимости; чувства зависти, ревности и эгоизма немыслимы въ такомъ уединеніи. Священникъ, въ домѣ котораго мы жили, былъ чрезвычайно обязателенъ и добръ для насъ; его небольшой запасъ муки, сахара и масла былъ всегда къ нашимъ услугамъ и онъ никогда не намекалъ на вознагражденіе, полагая вполнѣ, что онъ только исполняетъ долгъ гостепріимства.

Такимъ образомъ первые десять дней нашего пребыванія въ Анадырскѣ составляютъ одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній нашей жизни въ Сибири.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Поиски за товарищами. — Приключенія и странствія по сибирскимъ степямъ.

Тотчасъ по прибытіи въ Анадырскъ мы навели справки объ американцахъ, которые по слухамъ жили гдѣ-то близъ устья Анадыри, но не могли узнать никакихъ новыхъ подробностей. Кочевые чукчи принесли въ селеніе вѣсть, что поздно осенью небольшой отрядъ бѣлыхъ людей, вышелъ на берегъ къ югу отъ Берингова пролива и оставивъ свое „огневое судно“, то есть пароходъ, вырыли въ землѣ нѣчто въ родѣ погреба, покрыли его досками и валежникомъ и поселились тамъ на зиму. Кто они такіе, зачѣмъ прибыли и долго ли намѣрены оставаться, — вотъ вопросы, которые занимали все племя чукчей, но на которые никто не могъ дать отвѣта. Ихъ маленькая подземная нора была совершенно занесена зимними снѣгами и только странная, желѣзная труба, изъ которой по временамъ дымъ и искры указывали на жилище бѣлыхъ. Странная, желѣзная труба, которая такъ удивляла чукчей, конечно принадлежала къ желѣзной печкѣ и это обстоятельство подтверждало справедливость разсказываемыхъ фактовъ. Сибирскіе туземцы не могли дойти собственнымъ умомъ до мысли о дымовой трубѣ, а кто нибудь долженъ былъ ее видѣть; это вполнѣ убѣждало насъ, что на берегу Берингова Моря жили американцы, по всей вѣроятности отрядъ высаженный полковникомъ Белклеемъ для содѣйствія намъ въ изслѣдованіи страны.

Я не получалъ отъ маіора никакихъ инструкцій, какъ поступить въ случаѣ появленія на берегу Берингова пролива другаго отряда нашей экспедиціи, такъ какъ мы потеряли всякую надежду съ нимъ соединиться и полагали, что полковникъ Белклей не нашелъ возможнымъ высадить его на берегъ; поэтому мнѣ было приказано оставить изслѣдованіе Анадыри до другаго сезона. Но теперь я былъ увѣренъ, что маіоръ, получивъ извѣстіе о по-

явленіи американцевъ, на берегу Берингова пролива, тотчасъ пришлетъ намъ съ курьеромъ предписаніе отыскать во что бы то ни стало нашихъ товарищей и привести ихъ въ Анадырскъ. На этомъ основаніи я рѣшился предупредить его приказанія и отправиться на поиски чудной, желѣзной трубы подъ своей собственной отвѣтственностью. Однако, наше положеніе было довольно странно. Мы не знали не только гдѣ находились американцы, о которыхъ ходили такіе необыкновенные слухи, но и гдѣ мы были сами. У насъ не было астрономическихъ инструментовъ и мы не могли опредѣлить градусовъ долготы и широты и не знали сколько оставалось до Тихаго океана двѣсти или пятьсотъ. По словамъ лейтенанта Филиппеуса, который изслѣдовалъ частью рѣку Анадырь, селеніе того же имени отстояло отъ Анадырской губы въ тысячи верстахъ, а согласно расчету, который мы вели по дорогѣ изъ Гижигинска, это разстояніе не могло быть болѣе четырехъ сотъ. Для насъ вопросъ о разстояніи былъ чрезвычайно важенъ, такъ какъ намъ приходилось брать съ собою пищу для собакъ на всю дорогу, а если дѣйствительно намъ предстояло сдѣлать тысячу верстъ, то по всей вѣроятности всѣ собаки погибли бы отъ голода на полъ дороги. Наконецъ, еслибъ намъ и удалось достигнуть Анадырской губы, то мы не имѣли никакихъ средствъ отыскать жилище американцевъ; единственная наша надежда была на встрѣчу съ чукчами, которые случайно видѣли нашихъ товарищей, а иначе мы могли бы цѣлый мѣсяцъ искать безплодно по снѣжной равнинѣ таинственную трубу. Это было бы повтореніемъ басни о поискахъ за иглой въ стогѣ сѣна.

Когда мы объявили туземцамъ о нашемъ намѣреніи немедленно отправиться на берегъ Тихаго океана и стали вызывать желающихъ сопровождать насъ, то они единодушно объявили, что это путешествіе было немыслимо. По ихъ словамъ, никто не совершалъ подобной экспедиціи, а берега Нижней Анадыри были совершенно безлѣсны и тамъ господствуютъ такіе холода и страшныя мятели, что мы непремѣнно умерли бы отъ голода или холода. Въ доказательство справедливости своихъ словъ, они ссылались на примѣръ лейтенанта Филипеуса, который едва избѣгъ голодной смерти, въ той же мѣстности въ 1860 году, и то онъ

отправился въ путь весною, а мы предпринимали такую опасную экспедицію въ самую глухую, зимнюю пору. Видя что съ туземцами не сговоришься, мы обратились за совѣтомъ къ нашему казаку Григорью, славному старику, который былъ у Филипеуса проводникомъ и зналъ хорошо страну, путешествовавъ внизъ по Анадыри на разстояніи полутораста миль отъ селенія въ зимнее время. Онъ объявилъ, что на сколько онъ видѣлъ, берега Анадыри были вездѣ снабжены кедровникомъ и вообще страна по направленію къ Анадырской губѣ была нисколько не хуже той, по которой мы ѣхали изъ Гижинска въ Анадырскъ. По этому онъ соглашался ѣхать съ нами, куда намъ угодно. Точно также и священникъ, спускавшійся по рѣкѣ въ лѣтнее время, полагалъ, что путешествіе зимой было возможно; онъ даже увѣрялъ, что самъ поѣхалъ бы съ нами, еслибъ могъ принести намъ какую либо пользу. На основаніи словъ казака и священника, мы снова позвали туземцевъ, показали имъ письмо отъ русскаго исправника Гижинска, который давалъ намъ право требовать людей и собакъ сколько намъ было угодно и объявили, что если они не исполнятъ нашихъ требованій, то мы тотчасъ пошлемъ курьера въ Гижинскъ съ жалобою на нихъ. Эта угроза и примѣръ казака Григорья, который былъ извѣстенъ, какъ отличный проводникъ во всей странѣ отъ Охотскаго моря до Ледовитаго океана, имѣли благодѣтельное вліяніе на нихъ. Одинадцать человѣкъ согласились отправиться съ нами и мы тотчасъ принялись за необходимыя приготовленія. Но мы рѣшились дождаться возвращенія казака Кошевина, отправившагося къ одному изъ племенъ кочевыхъ чукчей, такъ какъ онъ по всей вѣроятности долженъ былъ принести болѣе подробныя свѣденія о таинственныхъ бѣлыхъ, жившихъ среди снѣжной равнины, въ какой-то подземной норѣ. Между тѣмъ мы занялись приготовленіемъ нѣкоторыхъ добавочныхъ, мѣховыхъ одеждъ, масокъ изъ бѣличьей шкуры, для предохраненія отъ страшныхъ морозовъ и засадили всѣхъ женщинъ селенія за шитье большой палатки изъ мѣховыхъ шкуръ.

Наконецъ, въ суботу 20 января, Кошевинъ возвратился изъ своей поѣздки къ чукчамъ на сѣверъ отъ Анадырска, и какъ мы ожидали привезъ позднѣйшія и подробныя вѣсти о таинствен-

ныхъ американцахъ. Ихъ всего было пять человѣкъ и они жили въ разстояніи одного дня отъ устья Анадыри, въ подземномъ шалашѣ, грубо выстроенномъ изъ досокъ и валежника и совершенно занесенномъ грудами снѣга. Они по слухамъ были хорошо снабжены продовольствіемъ и имѣли много боченковъ, которые содержали въ себѣ, по мнѣнію чукчей водку, а по нашему предположенію солонину. Всего замѣчательнѣе было, по словамъ туземцевъ, ихъ способъ топки; они жгли черные каменья, въ желѣзномъ ящикѣ, причемъ дымъ таинственно выходилъ изъ кривой, желѣзной трубы, которая вертѣлась при малѣйшемъ вѣтрѣ. Въ этомъ живомъ, но комическомъ изображеніи, мы тотчасъ узнали простую, желѣзную печь, топимую углемъ и на трубѣ которой, была устроена флюгарка. Кромѣ того, чукчи разсказывали, что у американцевъ былъ громадный, ручной, черный медвѣдь, который на свободѣ бѣгалъ повсюду и гонялся самымъ энергичнымъ образомъ за чукчами. Услыхавъ эту послѣднюю вѣсть я не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія. Эти американцы были безъ сомнѣнія мои старые товарищи и ручной, черный медвѣдь, ньюфаундлендская собака, Робинсона, портретъ который находился у меня въ альбомѣ. И такъ таинственные бѣлые, жившіе на снѣжной равнинѣ, къ югу отъ Берингова Пролива, былъ давно ожидаемый анадырской отрядъ нашей экспедиціи подъ начальствомъ лейтенанта Макрея. Радостно забились наши сердца при мысли какой пріятный сюрпризъ мы сдѣлаемъ нашимъ старымъ товарищамъ, неожиданно отыскавъ ихъ въ этой уединенной, Богомъ забытой странѣ, на разстояніи почти двухъ тысячъ миль отъ того мѣста, гдѣ по ихъ предположенію, мы должны были выдти на берегъ. Такая счастливая встрѣча вполнѣ вознаградила бы насъ за всѣ трудности и лишенія, испытанныя нами во время нашихъ сибирскихъ странствій.

Между тѣмъ всѣ приготовленія къ отъѣзду были окончены. Наши сани были нагружены верхомъ продовольствіемъ и пищей для собакъ на тридцать дней; мѣховая палатка была уложена подъ другими вещами, ибо въ ней могла быть потребность только въ случаѣ особенно сильныхъ морозовъ; мѣшки, маски, тяжелыя, мѣховыя одежды, мѣховые чулки, сибирскія лыжи, ружья, топоры и заступы были раздѣлены поровно, по всѣмъ санямъ и вооб-

ще все, чѣмъ только можно было гарантировать успѣхъ экспедиціи, было предусмотрѣнно мною, Додомъ и Григорьемъ. Въ понедѣльникъ 22 января утромъ весь отрядъ собрался передъ домомъ священника. Ради экономіи въ собакахъ и чтобъ раздѣлить вполнѣ судьбу нашихъ людей, какова бы она не была, мы съ Додомъ не взяли нашихъ повозокъ, и рѣшились сами править нагруженными санями. Мы не хотѣли, чтобы туземцы имѣли право сказать, что мы ихъ заставили ѣхать за нами, а сами избѣгали всякой работы, всѣхъ трудностей путешествія. Все населеніе Анадырска: мужчины, женщины и дѣти высыпали на улицу, чтобъ проститься съ нами; смуглые мужчины въ мѣховыхъ тулупахъ, подпоясанныхъ красными кушаками, въ шапкахъ съ большими наушниками изъ лисьяго мѣха толпились передъ домомъ священника, а женщины съ грустными лицами перебѣгали съ мѣста на мѣсто, прощаясь съ своими мужьями и братьями, которые ѣхали съ нами. Посреди улицы стояло одинадцать длинныхъ узкихъ саней, высоко нагруженныхъ сушеной рыбой и покрытыхъ оленьми шкурами; наконецъ, сто двадцать пять волкообразныхъ собакъ оглашали воздухъ своимъ нетерпѣливымъ лаемъ.

Наши возницы вошли въ домъ священника, перекрестились и помолились передъ образомъ Спасителя, какъ всегда дѣлаютъ русскіе отправляясь въ путешествіе. Мы съ Додомъ простились съ добрымъ священникомъ, который пожелалъ намъ добраго пути; потомъ раздалось со всѣхъ сторонъ „съ Богомъ,“ мы прыгнули въ сани и понеслись изъ селенія, поднимая облака снѣга, блестѣвшаго, какъ брилліантовый песокъ, подъ красными солнечными лучами.

И такъ отправились мы, новые, полярные рыцари отыскивать на снѣжной степи, простиравшейся на двѣсти или триста миль, какую-то призрачную, дымовую трубу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Продолженіе поисковъ за товарищами.—Они отысканы.

Я не буду утомлять читателей длиннымъ описаніемъ первой половины нашего путешествія изъ Анадырска къ берегу Тихаго океана, такъ какъ это было только повтореніемъ нашихъ прежнихъ странствій по Сибири. Днемъ мы ѣхали по льду рѣки или по обнаженнымъ степямъ, а ночью во всякую погоду спали на снѣгу, — вотъ въ чемъ состояла вся наша жизнь; мрачное ея однообразіе прерывалось только надеждою на радостную встрѣчу съ нашими давно исчезнувшими друзьями и сознаніемъ, что мы странствовали по такой странѣ, которую еще никогда не посѣщали образованные люди. Съ каждымъ днемъ ольховникъ, покрывавшій берега, становился все ниже и рѣже, а степи, простиравшіяся по обѣ стороны были тѣмъ голѣе и безплоднѣе, чѣмъ ближе рѣка приближалась къ морю. Наконецъ, мы оставили за собою послѣдній признакъ растительности и на десятый день нашего путешествія, мы ѣхали вдоль рѣки, имѣвшей въ ширину до мили и протекавшей по степямъ совершенно лишеннымъ всякой жизни и представлявшимъ одну безграничную, бѣлую равнину, соединявшуюся на горизонтѣ съ небесною высью. Не безъ ужаса думалъ я о возможности подвергнуться десятидневной снѣжной пургѣ въ такой обнаженной странѣ. На сколько мы могли сосчитать, мы сдѣлали по крайней мѣрѣ двѣсти верстъ отъ Анадырска, но находились ли мы близъ морскаго берега или нѣтъ мы рѣшительно не могли опредѣлить. Погода около недѣли стояла ясная и не слишкомъ холодная; но ночью, 1 февраля термометръ упалъ до 35% и мы едва могли набрать изъ подъ снѣга валежника, чтобы развести самоваръ. Мы вездѣ рыли снѣгъ, отыскивая дерева, но не находили ничего, кромѣ мха и нѣсколько маленькихъ брусничныхъ кустовъ, которые вовсе не хотѣли горѣть. Уставъ отъ долгаго путешествія и долгой раскопки снѣга,

мы съ Додомъ возвратились въ раскинутый нами лагерь и бросились на наши медвѣжьи шкуры въ ожиданіи чая. Не успѣлъ Додъ поднести чашки къ своему рту, какъ онъ воскликнулъ съ удивленіемъ и радостью: „чай соленый! это морская вода!“ Полагая, что въ самоваръ могла случайно попасть соль, я послалъ людей на рѣку принесть свѣжаго льду. Мы его осторожно растаяли и вода оказалась безспорно соленой. И такъ мы достигли воды Тихаго океана, который и самъ не могъ далеко отъ насъ отстоять. Еще одинъ день путешествія и мы конечно достигли бы жилища нашихъ друзей или устья рѣки. По всей вѣроятности, намъ болѣе не предстояло встрѣтить деревьевъ, и желая какъ можно болѣе воспользоваться ясной погодой, мы спали только шесть часовъ и въ полночь снова пустились въ путь при свѣтѣ блестящей луны.

На одинадцатый день послѣ нашего отъѣзда изъ Анадырска, во время долгихъ сумерекъ, которыя слѣдуютъ за полярнымъ днямъ, нашъ маленькій караванъ изъ одиннадцати саней приблизился къ тому мѣсту, гдѣ согласно свѣденіямъ, доставленнымъ чукчами, мы надѣялись найти нашихъ друзей американцевъ. Ночь была ясная, тихая, но чрезвычайно холодная; термометръ показывалъ 44% ниже нуля и потомъ быстро опустился до— 50%; розовыя полосы на небѣ, мало по малу исчезли и мракъ воцарился на безпредѣльной степи. Много разъ въ Сибири и Камчаткѣ я видалъ природу въ ея зимней одеждѣ и въ самыя мрачныя минуты; но никогда не видалъ, чтобы холодъ, уединеніе и обнаженность составляли такую грустную картину, какую представила намъ въ эту ночь степь близъ Берингова залива. На сколько глазъ могъ различить въ окружающемъ мракѣ, во всѣ стороны простиралась обнаженная пустыня, словно безпредѣльный океанъ снѣга, развѣяннаго предыдущими пургами въ волнообразныя гряды. Нигдѣ не было видно ни дерева, ни кустарника, ни малѣйшаго признака животной или растительной жизни. Все безмолвно и безплодно. Вся эта страна казалось была брошена Богомъ и людьми въ добычу полярному демону, знамя котораго, въ доказательство его торжества и обладанія, развѣвалось на небѣ въ видѣ блестящаго сѣвернаго сіянія. Около восьми часовъ,

полная луна показалась на востокѣ красная, огненная и освѣтила багровымъ блескомъ снѣжную равнину; но и луна была подъ верховною властью полярнаго демона и представляла только насмѣшку надъ обыкновенной луной, перемѣняя ежеминутно свой фантастическій видъ. То она принимала видъ длинной жерди, то дѣлалась треугольникомъ, то походила на уродливый самоваръ. Трудно себѣ представить какой странный, дикій видъ придавала эта чудовищная, фантастическая луна и то уже странной, дикой картинѣ. Мы казалось вступили въ какой то ледяной, всѣми покинутый міръ, гдѣ обыкновенные законы природы не дѣйствовали, гдѣ всякая животная и растительная жизнь прекратили свое существованіе и отъ котораго отвернулся даже глазъ самого Создателя. Страшный холодъ, уединеніе, мрачное безмолвіе и багровая луна, походившая на зарево громаднаго пожара, наполняли душу какимъ-то страхомъ, который быть можетъ усиливался сознаніемъ, что никакое человѣческое существо, кромѣ немногихъ кочевыхъ чукчей не пытались проникнуть во владѣнія ледянаго царя. Наши проводники не пѣли, не разговаривали, не шутили, какъ обыкновенно. Какъ мало впечатлительны и грубы они не были, но въ окружающей картинѣ было нѣчто такое, которое и ихъ заставляло молчать. Часы шли за часами и наконецъ наступила полночь. Мы проѣхали по крайней мѣрѣ на двадцать миль далѣе того мѣста, гдѣ по разсказамъ поселились американцы; но нигдѣ не видно было ни малѣйшаго признака подземнаго жилища или дымовой трубы, а громадная степь простиралась по прежнему передъ нами бѣлая, безпредѣльная. Впродолженіе почти двадцати четырехъ часовъ мы путешествовали день и ночь, ни разу не останавливаясь, исключая того, что на разсвѣтѣ давали отдыхъ собакамъ, и холодъ, усталость, безпокойство, а также недостатокъ теплой пищи начали наконецъ производить свое дѣйствіе на нашихъ, безмолвно страдавшихъ людей. Мы впервые теперь поняли всю трудность и почти совершенную безнадежность нашихъ поисковъ за пропавшими товарищами. Оставляя Анадырскъ намъ казалось очень простымъ и легкимъ дѣломъ спуститься по рѣкѣ до того мѣста, гдѣ мы на берегу найдемъ деревянный домъ или дымовую трубу, торчавшую изъ снѣжнаго сугроба, но

теперь въ двухъ или трехъ стахъ миляхъ отъ селенія при температурѣ 50% ниже нуля и при опасности для самой жизни, мы поняли все свое безуміе и неосторожность подобнаго предпріятія. Ближайшій лѣсъ остался за нами въ пятидесяти миляхъ, а въ нашемъ изнуренномъ положеніи, мы не смѣли остановиться на ночлегъ не разведя огня. И такъ намъ оставалось одно изъ двухъ—или отыскать въ теченіе не болѣе четырехъ часовъ желанное, неизвѣстное и нигдѣ не находимое жилище американцевъ или отказаться отъ поисковъ и съ возможной быстротой возвратиться къ ближайшему лѣсу. Наши собаки начинали выказывать ясные признаки усталости и ихъ ноги, распухнувъ отъ долгой ходьбы, стали трескаться между пальцами и обагряли кровью бѣлый снѣгъ. Не желая отказаться отъ поисковъ пока оставалась хотя слабая надежда, мы продолжали идти на востокъ, вдоль не высокихъ холмовъ, устилавшихъ берегъ рѣки; при этомъ мы старались, какъ можно болѣе растянуть нашъ поѣздъ, такъ чтобы онъ занималъ возможно большее пространство.

Мы ужасно страдали отъ холода и наши мѣховыя шапки и лацкана шубъ были покрыты бѣлой ледяной массой отъ нашего дыханія. Я надѣлъ двѣ тяжелыя куклянки изъ оленьяго мѣха, вѣсящія вмѣстѣ около тридцати фунтовъ, стянулъ ихъ крѣпко ремнемъ, надѣлъ на голову большой, мѣховой мѣшокъ, а на лице маску изъ бѣличьей шкурки; но не смотря на все я долженъ былъ бѣжать подлѣ саней, чтобы не замерзнуть. Додъ ничего не говорилъ, но очевидно приходилъ въ отчаянье и находился въ полузамершемъ состояніи; туземцы же молча сидѣли на своихъ саняхъ, ни на что не надѣясь ничего не ожидая. Только Григорій и старый проводникъ изъ чукчей выказывали энергію или казалось довѣряли конечному успѣху нашего предпріятія. Они шли впереди, разрывали снѣгъ и старательно изслѣдуя берега рѣки. Наконецъ Додъ, не говоря мнѣ ни слова, отдалъ свою заостренную палку одному изъ туземцевъ и укутавшись въ шубу съ головою и руками, легъ въ сани съ твердымъ намѣреньемъ заснуть, не смотря на всѣ мои совѣты. Онъ очевидно совершенно отупѣлъ отъ холода, который проникалъ сквозь самую толстую шубу и медленно, но непреклонно приближался отъ оконечностей нашего

тѣла къ сердцу. Онъ по всей вѣроятности не очнулся бы отъ сна, если бъ мы позволили ему предаться этому самоубійству. Но привести его въ сознаніе было совершенно не возможно и потому, изнемогая самъ отъ холода и усталости, и потерявъ всякую надежду, я рѣшился хотя и не охотно отказаться отъ поисковъ и остановиться на ночлегъ. Я полагалъ, что можно было еще привести въ чувства Дода, разрубивъ одни изъ нашихъ саней на дрова и сваривъ горячаго чаю; далѣе же идти на востокъ было только совершенно безполезно рисковать жизнью. Не успѣлъ я дать необходимыя приказанія объ остановкѣ, какъ вдругъ я услыхалъ крикъ вдали. Вся моя кровь прилила къ сердцу и сбросивъ съ головы мѣховой мѣшокъ я сталъ прислушиваться. Снова раздался слабый, отдаленный крикъ по тому направленію, гдѣ находились наши передовыя сани. Мои собаки наострили уши и понеслись впередъ; черезъ минуту я увидалъ нѣсколькихъ нашихъ проводниковъ, стоявшихъ вокругъ старой китоловной лодки перевернутой вверхъ дномъ и полупогребенной на берегу подъ снѣгомъ. Слѣдъ ноги на пескѣ не былъ знаменательнѣе для Робинсона Крузое, чѣмъ для насъ эта лодка; она ясно доказывала присутствіе не въ далекѣ живыхъ существъ и теплаго крова. Я отъ глубины души взблагодарилъ Бога и жадно сталъ смотрѣть по сторонамъ, отыскивая какого нибудь жилища; но Григорій уже меня предупредилъ и радостные крики, раздавшіеся немного поотдаль внизъ по рѣкѣ, указывали что было сдѣлано новое открытіе. Я бросилъ сани и побѣжалъ на крикъ. Черезъ минуту я очутился подлѣ Григорія и стараго чукча, которые разсматривали что-то черное, виднѣвшееся на бѣломъ снѣгу. Это была давно желанная и такъ долго отыскиваемая дымовая труба! Анадырская экспедиція была найдена.

Неожиданное открытіе, поздно ночью, соотечественниковъ въ ту самую минуту, когда мы уже отложили всякую надежду о тепломъ кровѣ и даже о сохраненіи самой жизни, была Божьей благодатью и я въ первую минуту радости не зналъ что дѣлать и только ходилъ взадъ и впередъ передъ снѣжнымъ сугробомъ, повторяя: „слава Богу! слава Богу.“ Но Додъ, котораго вѣсть о неожиданномъ спасеніи вывела изъ полулетаргическаго оцѣпененія, пред-

ложилъ заняться теперь отысканіемъ двери въ виднѣвшееся передъ нами жилище и укрыться въ немъ, какъ можно скорѣе, ибо онъ почти умиралъ отъ холода и изнеможенія. Но это сдѣлать было не легко, ибо не видно было нималѣйшаго признака двери и въ снѣговомъ сугробѣ не слышно было ни малѣйшихъ звуковъ, доказывавшихъ, что подъ нимъ жили люди. Наконецъ я подошелъ къ дымовой трубѣ и громовымъ голосомъ закричалъ: „гей! кто тамъ.“

— А вы кто? отвѣчалъ голосъ изъ подъ земли.

— Придите и посмотрите! Гдѣ дверь?“

Мой голосъ, исходившій изъ трубы, казалось перепугалъ американцевъ, но они вѣроятно заключили, что всякій, кто ночью въ Сибири просилъ впуска въ жилище долженъ былъ быть гостепріимно принятъ и потому они отвѣчали, что дверь въ юговосточномъ углу. Мы отъ этого отвѣта не были умнѣе, ибо не знали гдѣ находится юго-востокъ и къ тому же въ снѣжномъ сугробѣ трудно было отыскать уголъ. Но все же я сталъ ходить вокругъ дымовой трубы въ надеждѣ найти таинственную дверь. Обитатели этого подземнаго жилища вырыли глубокій ровъ или яму въ видѣ двери, покрыли вѣтвями и олѣньими шкурами, чтобы снѣгъ не попадалъ внутрь. Неосторожно ступивъ на эту легкую крышу я провалился внизъ въ ту самую минуту, какъ одинъ изъ обитателей въ рубашкѣ и нижнемъ платьѣ, выскочилъ со свѣчкой въ темный тунель. Конечно, мое неожиданное появленіе въ тяжелой, мѣховой, заиндѣвѣвшей одеждѣ и такой же почти оледенѣвшей маскѣ должно было перепугать всякаго. Человѣкъ, вышедшій посмотрѣть кого имъ дастъ Богъ такъ нижиданно, съ ужасомъ отскочилъ и едва не выронилъ свѣчку. Но когда я сбросилъ съ себя маску и мѣховой мѣшокъ и назвалъ себя по имени, то онъ остановился. Никогда не было такой радостной встрѣчи, какъ наша; обитатели этого подземнаго жилища оказались Гардеръ и Робинсонъ, старые друзья и товарищи, съ которыми я восемь мѣсяцевъ тому назадъ растался въ Сан-Франциско. Какъ только мы съ Додомъ освободились отъ тяжелой, мѣховой одежды и усѣлись передъ огнемъ, мы стали ощущать неожиданную реакцію, необходимое слѣдствіе всѣхъ страданій, перенесенныхъ нами въ по-

слѣдніе двадцать четыре часа. Наши напряженные нервы вдругъ поддались и въ первыя двадцать минутъ мы нѣсколько разъ едва не упали въ обморокъ, хотя всѣми силами хотѣли скрыть отъ американцевъ эту женскую слабость. Мы чувствовали инстиктивную потрэбность въ подкрѣпленіи силъ и попросили водки; но ничего подобнаго не оказалось. Впрочемъ черезъ нѣсколько времени, наша слабость прошла и мы стали разсказывать другъ другу о нашихъ приключеніяхъ; а наши проводники усѣлись въ углу и пили горячій чай.

Американцы, которыхъ мы такимъ образомъ нашли въ снѣгу на разстояніи трехъ сотъ верстъ отъ Анадырска, высажены были на берегъ однимъ изъ компанейскихъ судовъ. Они намѣревались подняться по рѣкѣ въ китоловной лодкѣ до перваго селенія и тамъ найти средство снестись съ нами; но зима наступила такъ неожидано и рѣка такъ быстро замерзла, что этотъ планъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе. Не имѣя никакихъ средствъ сообщенія кромѣ китоловной лодки, они могли только выстроить себѣ домъ и провести тутъ зиму въ надеждѣ, что маіоръ Абаза пришлетъ до весны людей ихъ выручить. Они выстроили подземную хижину изъ валежника и досокъ, взятыхъ съ парохода привезшаго ихъ и тутъ-то они прожили пять мѣсяцевъ при мерцающемъ свѣтѣ лампъ, не видя ни свѣта Божьяго, ни человѣческаго существа. Кочующіе чукчи, вскорѣ открыли ихъ существованіе и часто посѣщали, привозя свѣжее мясо и тюленье сало, которое они употребляли для лампъ, но туземцы изъ суевѣрія, о которомъ мы уже говорили, отказывались продать живаго оленя, такъ что не было возможности получить какія бы то нибыло средства сообщенія. Сначала анадырская экспедиція состояла изъ пяти лицъ: Макрея, Арнольда, Робинсона, Гардера и Смита; но Макрей и Арнольдъ около трехъ недѣль тому назадъ отправились съ большой толпой кочевыхъ чукчей на поиски русскаго селенія. Съ тѣхъ поръ о нихъ ничего не было слышно и Робинсонъ, Гардеръ и Смитъ жили одни.

Таково было положеніе американцевъ, когда мы ихъ неожиданно отыскали. Конечно, намъ оставалось только взять съ собою ихъ, а также сохранившіеся у нихъ запасы и отвести въ Ана-

дырскъ, гдѣ вѣроятно Макрей и Арнольдъ уже насъ ожидали; чукчи каждую зиму приходили въ Анадырскъ для торговли и конечно привели съ собою американцевъ.

Мы провели три дня въ этомъ подземельи, отдыхая и укладывая вещи; потомъ мы отправились въ путь съ спасенными товарищами и 6 февраля мы возвратились въ Анедырскъ цѣлые и невредимые.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Сибирскія письмена и ихъ характеристическія особенности. — Понятія о грамотности и искуствахъ.

Всѣ жители Анадырска высыпали на улицу, къ намъ на встрѣчу, но мы были очень разочарованы, не видя между ними Макрея и Арнольда. Много чукчей съ Нижней Анадыри перебывали въ селеніи, но никто не слыхалъ объ исчезнувшихъ американцахъ. Сорокъ пять дней прошло со времени ихъ отъѣзда изъ подземнаго жилища и если они не умерли или не убиты, то давно должны были явиться въ Анадырскъ. Я бы послалъ людей отыскать ихъ, но не зналъ въ какое направленіе они отправились и каковы были намѣренья той толпы чукчей, съ которыми они ушли; отыскивать же толпу кочевыхъ чукчей на безпредѣльныхъ сибирскихъ степяхъ было все равно, что искать пропавшій корабль на Тихомъ океанѣ. Мы такимъ образомъ могли только ждать и надѣяться на счастливое возвращеніе товарищей. Впродолженіи нѣсколькихъ недѣль, послѣ нашего возвращенія въ Анадырскъ, мы отдыхали, писали свои записки и приготовляли отчетъ о нашихъ изслѣдованіяхъ для посылки маіору. Въ это время большое количество дикихъ туземцевъ: чукчей, ламутовъ и коряковъ явились въ Анадырскъ для мѣны своихъ мѣховъ и моржевыхъ клыковъ на табакъ. Это былъ великолѣпный случай изучить ихъ различныя, характеристическія особенности и обычаи.

Кочевые чукчи, бывшіе въ самомъ большомъ количествѣ, очевидно самое могущественное племя въ Сѣверо-Восточной Сибири и произвели на насъ своимъ общимъ видомъ и обращеніемъ самое пріятное впечатлѣніе. За исключеніемъ ихъ одежды ихъ трудно отличить отъ сѣверо - американскихъ индѣйцевъ; многіе изъ нихъ представляли замѣчательный образецъ высокаго, здоровеннаго атлетическаго дикаря. Они не рознились ни въ чемъ важномъ съ тѣми кочевыми коряками, обычаи, религію и привычки которыхъ мы уже описали.

Что же касается до ламутовъ, то это была совершенно отдѣльная раса и они походили на чукчей только своими кочевыми обычаями. Всѣ туземцы сѣверо восточной Сибири за исключеніемъ камчадаловъ, чуанчевъ и юкагировъ, которые частью обрусѣли, принадлежатъ къ тремъ расамъ. Первая изъ нихъ можетъ быть названа сѣверо - американо - индѣйской и распространена въ той части Сибири, которая лежитъ между 160° в.д. и Беринговымъ Проливомъ. Къ этой расѣ принадлежатъ кочевые и осѣдлые чукчи и коряки; и она одна сопротивлялась успѣхамъ русскаго оружія и безъ сомнѣнія заключаетъ въ себѣ самыхъ храбрѣйшихъ и наиболѣе независимыхъ туземцевъ Сибири. Я не полагаю, чтобъ вся эта раса считала болѣе шести или восьми тысячъ душъ, хотя русскіе приводятъ гораздо большую цифру.

Вторая раса заключаетъ въ себѣ всѣхъ туземцевъ въ Сибири, которые безспорно китайскаго происхожденія: тунгузовъ, ламутовъ, монзуровъ и гиляковъ, съ Амура она распространяется на большемъ пространствѣ, чѣмъ остальныя двѣ расы; представители ея встрѣчаются на западѣ до самаго Енисея, а на востокѣ до Анадырска подъ 169° в. д. Я видѣлъ изъ этихъ племенъ только ламутовъ и тунгузовъ. Они очень походятъ другъ на друга и всѣ представители этихъ племенъ небольшаго роста, безбородые, съ прямыми черными волосами, темно-оливковымъ цвѣтомъ лица и болѣе или менѣе косыми глазами. Они также мало походятъ на чукчей или коряковъ, какъ китайцы на каманчей или сіуксовъ. Ихъ одежда очень оригинальна, она состоитъ изъ большихъ мѣховыхъ шапокъ, узкихъ также мѣховыхъ панталонъ, короткихъ сапогъ изъ оленьей шкуры, масонскихъ передниковъ изъ нѣжной,

козлиной шкуры и украшенныхъ бусами и металическими блестками и наконецъ странной формы кафтановъ изъ оленьей шкуры, обшитыхъ тесемками, свитыми изъ крашенной оленьей шерсти. Вся эта одежда чрезвычайно походитъ на какой-то странный мундиръ и общая мужчинамъ и женщинамъ, такъ что чужестранецъ съ разу не распознаетъ къ какому полу принадлежитъ туземецъ. Подобно чукчамъ и корякамъ они оленьи кочевники, но нѣсколько розняться отъ нихъ своимъ образомъ жизни. Ихъ палатки меньше и совершенно иной конструкціи; они не возятъ съ собою съ мѣста на мѣсто жердей для пола, какъ чукчи, а оставляютъ ихъ, такъ что переходя на новое мѣсто или находятъ уже готовый оставъ палатки, или приготовляютъ новыя жерди. Такимъ образомъ эти жерди, вбитыя въ землю, служатъ вѣхами и по нимъ считаются дневныя станціи. Немногіе изъ тунгузовъ или ламутовъ имѣютъ большое количество оленей. Двѣсти или триста штукъ оленей считаются громаднымъ стадомъ, а владѣлецъ еще большаго стада слыветъ за милліонщика. Такія стада какія встрѣчаются у коряковъ въ сѣверной Камчаткѣ въ пять и десять тысячъ головъ вы никогда не найдете къ западу отъ Гижиги. Тунгузы однако употребляютъ съ гораздо большей пользой чѣмъ коряки свое небольшое количество оленей, такъ послѣдніе никогда не ѣздятъ верхомъ на оленяхъ и не пріучаютъ ихъ къ возкѣ грузовъ. Тунгузы отличаются добрыми, кроткими нравами, на нихъ очень легко имѣть вліяніе и они безъ труда подчиняются чужой волѣ, такъ что они распространились по большому пространству скорѣе благодаря терпимости другихъ племенъ, чѣмъ своей собственной воинственности. Ихъ первоначальная вѣра была шаманская, но теперь они почти всѣ грекоросійской религіи и носятъ христіанскія имена. Они признаютъ надъ собою верховную власть русскаго царя и плотятъ ежегодную, опредѣленную дань мѣхами. Почти всѣ сибирскіе бѣличьи мѣха, продающіеся на европейскихъ рынкахъ, покупаются русскими промышленниками у кочующихъ тунгузовъ на берегахъ Охотскаго моря. Осенью 1867 года, во время моего отъѣзда изъ Охотска, въ рукахъ одного русскаго купца было около семидесяти тысячъ бѣличьихъ шкурокъ и это была только малая часть всего количества бѣлокъ, пойманныхъ

тунгузами въ это лѣто. Ламуты братья тунгузамъ и живутъ совершенно одинаковою жизнью, но число ихъ гораздо меньше. Во все продолженіе моей двухълѣтней жизни въ сѣверо-восточной-Сибири, я не видалъ болѣе двухъ или трехъ партій ламутовъ.

Третья великая туземная раса турецкая. Ее составляютъ одни якуты, которые преимущественно живутъ по рѣкѣ Ленѣ отъ ея источниковъ до Ледовитаго океана. Ихъ происхожденіе не извѣстно, но языкъ походитъ на турецкій или современный османійскій, такъ что константинополецъ низшаго класса можетъ свободно разговаривать съ якутомъ. Я очень сожалѣю, что меня не достаточно интересовала филологія во время моего пребыванія въ Сибири, потому я не составилъ словаря и грамматики якутскаго языка. Этотъ трудъ былъ бы для меня очень легокъ, ибо я имѣлъ много благопріятныхъ для того условій, но тогда я не зналъ о его сродствѣ съ турецкимъ языкомъ и считалъ его непонятнымъ, дикимъ нарѣчіемъ, черпавшимъ свой источникъ въ вавилонскомъ столпотвореніи. Большая часть этой расы поселена вокругъ Сѣвернаго полюса и безспорно лучше переноситъ холода, чѣмъ всѣ другія племена Сибири. Русскій путешественникъ Врангель называетъ ихъ желѣзными людьми и они совершенно заслуживаютъ это названіе. Средняя температура въ Якутскѣ въ зимніе три мѣсяца 37^0 ниже нуля; но эта стужа не приноситъ имъ по видимому никакой непріятности. Я видалъ какъ они въ 40^0 спокойно стоятъ на улицѣ въ одной рубашкѣ и тулупѣ и весело разговариваютъ, точно въ прекрасный лѣтній день. Они самые работящіе, трудолюбивые туземцы Сѣверной Азіи. Въ Сибири обыкновенно говорятъ, что якута можно раздѣть до гола и бросить среди безпредѣльной пустыни и онъ черезъ годъ будетъ жить въ большомъ, удобномъ домѣ, окруженномъ лугами и житницами. Всѣ они болѣе или менѣе образованы постоянными сношеніями съ русскими и переняли у нихъ религію и обычаи. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ по Ленѣ, имѣютъ луга и поля ржи, держатъ табунъ сибирскихъ лошадей и стада; живутъ же они большею частью на черномъ хлѣбѣ, молокѣ, маслѣ и конинѣ. Но не смотря на это, они большіе прожоры, особенно они замѣчательны

своимъ искуствомъ владѣть топоромъ, съ помощью котораго они въ короткое время срубаютъ и созидаютъ изъ вѣковаго лѣса очень удобные и даже красивые дома.

Эти три великія расы американо-индѣйская, китайская и турецко-якутская заключаютъ въ себѣ всѣхъ туземцевъ Сѣверо-Восточной Сибири, за исключеніемъ камчадаловъ, чуанцевъ и юкагировъ. Эти послѣднія племена до того измѣнились подъ вліяніемъ русскихъ, что очень трудно сказать къ которой расѣ они принадлежатъ и этнологъ вскорѣ будетъ совершенно освобожденъ отъ разрѣшенія этой задачи, ибо они ежегодно все болѣе и болѣе вымираютъ: чуанцы и юкагиры уже и теперь представляютъ лишь небольшой остатокъ нѣкогда многочисленнаго племени и ихъ языкъ исчезнетъ съ настоящимъ поколѣніемъ.

Туземцы, которыхъ мы всего болѣе видѣли въ Анадырскѣ, были какъ я уже сказалъ чукчи. Они часто приходили къ намъ большими партіями и забавляли насъ своими наивными, дѣтскими замѣчаніями объ американскихъ инструментахъ и другихъ интересныхъ вещахъ, которыя мы имъ показывали. Я никогда не забуду съ какимъ изумленіемъ однажды цѣлое общество чукчей и юкагировъ окружило меня, когда я вышелъ съ телескопомъ на улицу въ свѣтлый, холодный день. Замѣтивъ ихъ любопытство, я подозвалъ одного изъ нихъ и сказалъ, чтобы онъ посмотрѣлъ сквозь телескопъ на туземца, стоявшаго на степи, въ разстояніи какихъ нибудь двухъ сотъ ярдовъ. Увидѣвъ неожиданно этого человѣка передъ собою, онъ сначала испугался, а потомъ всячески старался его поймать, ибо никакъ не могъ понять, что это былъ оптическій обманъ, а былъ увѣренъ, что хитрая машина разомъ переноситъ его съ мѣста на мѣсто. Наконецъ, когда всѣ его усилія были тщетны, онъ пустился бѣгомъ, чтобъ удостовѣриться двигала ли его дѣйствительно машина.

Вскорѣ послѣ этого, я однажны провелъ ночь въ степи близъ Анадырска съ партіей туземцевъ; сидя у развѣденнаго огня я неожиданно получилъ записку отъ Дода и читая ее громко разсмѣялся надъ какимъ-то юмористическимъ выраженіемъ. Туземцы стали знаменательно посматривать на меня, толкая другъ друга въ бокъ и указывали на меня, какъ бы говоря: „вотъ съума-

шедшій американецъ, что это съ нимъ"? Наконецъ, одинъ изъ нихъ, сѣдой старикъ спросилъ у меня чему я смѣялся.

— Я вотъ почему смѣюсь, отвѣчалъ я, указывая на записку Дода.

Старикъ задумался, потомъ посовѣтовался съ другими, но никто не могъ понять причины моего хохота. Черезъ нѣсколько минутъ, тотъ же старикъ взялъ полуобгорѣлую палку, лежавшую около костра и обращаясь ко мнѣ сказалъ:

— Еслибъ я смотря на эту палку сталъ бы смѣяться, чтобы вы обо мнѣ подумали?

— Я бы подумалъ, что вы дуракъ, отвѣчалъ я съ чистосердечной откровенностью:

— Ну, возразилъ онъ, съ видимымъ удовольствіемъ,—я тоже самое теперь думаю о васъ.

Дѣйствительно для него было одинаковой нелѣпостью смѣяться, смотря на обожженную палку или на письмо. Языки чукчей и коряковъ не имѣютъ никакой письменности и даже насколько мнѣ извѣстно, эти племена никогда не старались выражать свои мысли знаками или рисунками. По этому мысль, выраженная письменно, для нихъ непонятная нелѣпость. Точно также съ неописаннымъ изумленіемъ смотрятъ они на рисунки иллюстрированныхъ газетъ, которыя иногда даютъ имъ матросы съ китоловныхъ судовъ. Нѣкоторые изъ этихъ картинъ для нихъ еще понятны какъ изображеніе знакомыхъ имъ предметовъ, но большая часть также непостижима, какъ іероглифы остековъ. Я помню какъ одинъ корякъ принесъ мнѣ какой-то старый нумеръ американской иллюстраціи съ модной картинкой, на которой изображались дамы въ громадныхъ кринолинахъ. Бѣдный корякъ объяснилъ мнѣ, что онъ никакъ не могъ понять какіе это были изображены любопытные предметы и просилъ меня какъ американца объяснить ему это. Я отвѣчалъ, что любопытные предметы были американскія женщины. Онъ вскрикнулъ отъ удивленія и спросилъ всѣ ли женщины въ Америкѣ такихъ громадныхъ размѣровъ съ низу? Это была злая критика на тогдашнюю моду и я отвѣчалъ утвердительно, не смѣя объяснить ему, что поразившая его толщина была искуственная. Онъ съ изумленіемъ взглянулъ на мои ноги и на

картинку, старался сравнить то и другое и найти сходство между американцемъ и американкой, но это было не возможно и онъ по видимому пришелъ къ тому убѣжденію, что мужчины и женщины въ Америкѣ принадлежали къ совершенно различнымъ породамъ.

Подобные рисунки, вырѣзанные изъ иллюстрированныхъ газетъ, иногда играютъ странныя роли. Однажды я видѣлъ въ хижинѣ туземца близъ Анадырска портретъ американскаго генерала Дикса, бывшаго посланникомъ въ Парижѣ. Онъ висѣлъ въ переднемъ углу и замѣнялъ образъ. Такимъ образомъ туземцы молились, какъ святому, американскому генералу и передъ его изображеніемъ постоянно горѣла восковая, золоченная свѣча.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Сѣверное сіяніе.—Дальнѣйшія изслѣдованія страны.—Прибытіе товарищей.—Путешествіе къ Охотскому морю.

Между немногими удовольствіями, вознаграждающими путешественника за всѣ трудности и опасности странствій по сѣверу, нѣтъ болѣе памятнаго какъ великолѣпныя сѣверныя сіянія, освѣщающія по временамъ мрачные своды неба въ долгую, полярную ночь. Нѣтъ, ни одного естественнаго явленія, которое бы было такъ величественно, таинственно и страшно по своему не земному блеску.

26 февраля въ Анадырскѣ было видно такое великолѣпное сѣверное сіяніе, какого даже туземцы не запомнятъ въ продолженіи пятидесяти лѣтъ. Ночь была холодная, темная; вечеромъ, на безоблачномъ небѣ не было никакихъ признаковъ приготовлявшейся иллюминаціи. Только на сѣверѣ показывались время отъ времени свѣтлыя полосы и надъ кустарниками, окаймлявшими берегъ, виднѣлся лучезарный блескъ; но это было обыкновенное явленіе и не возбудило нашего вниманія. Поздно же вечеромъ, когда мы

уже собирались идти спать, Додъ вышелъ на улицу, чтобъ посмотрѣть гдѣ сабаки, и не успѣвъ отворять дверь возвратился бѣгомъ къ намъ, громко крича; — „Кенань, Робинсонъ! Выходите скорѣе:“ Я вскочилъ полагая, что вѣрно горитъ селеніе и не одѣвая шубы выбѣжалъ на улицу вмѣстѣ съ Робинсономъ, Гардеромъ и Смитомъ. Нашимъ изумленнымъ глазамъ представилось поразительнѣйшее зрѣлище. Весь земной шаръ казался объятымъ пламенемъ. Широкая блестящая арка, переливавшаяся всѣми цвѣтами призмы, стянулась радужной дугой съ востока къ западу, и желто-красные лучи шли перпендикулярно изъ дуги къ зениту. Каждую минуту широкія свѣтлыя полосы, паралельныя, радужныя дуги неожиданно показывались на сѣверѣ и быстро, величественно опоясывали небо.

Центральная арка постоянно колебалась, дрожала и мѣняла цвѣта, исходившіе изъ нея лучи быстро перебѣгали съ мѣста на мѣсто. Черезъ нѣсколько минутъ эта лучезарная арка начала тихо двигаться къ зениту и подъ нею появилась вторая столь же блестящая и съ такими же лучами; съ каждымъ мгновеніемъ зрѣлище становилось все величественнѣе. Свѣтлыя полосы быстро обращались на оси, лучи торопливо сновали взадъ и впередъ отъ концевъ арокъ къ центру, а по временамъ на сѣверѣ появлялась громадная волна пурпурнаго цвѣта и заливала все небо багровымъ сіяніемъ, отсвѣчивавшимся на бѣломъ снѣгу. Но вотъ пурпурный свѣтъ неожиданно исчезъ и появились оранжевые лучи, отъ которыхъ въ одно мгновеніе все небо какъ бы было въ огнѣ. Я притаилъ дыханіе и ожидалъ страшныхъ ударовъ грома, которые, мнѣ казалось, должны были слѣдовать за такимъ неожиданнымъ молніеноснымъ сіяніемъ; но на небѣ и на землѣ все было тихо и не слышно было ни малѣйшаго звука, кромѣ полувнятнаго шопота испуганныхъ туземцевъ, крестившихся и произносившихъ поспѣшно молитву передъ этимъ страшнымъ откровеніемъ могущества Божьяго. Быстрые переливы цвѣтовъ на небѣ такъ ясно отражались на бѣломъ снѣгу, что весь міръ казался, то весь въ крови, то весь въ огнѣ, то блѣднымъ позеленѣвшимъ. Но это еще не былъ конецъ. Обѣ арки неожиданно заколебались и мгновенно преобразились въ тысячи паралельныхъ перпендикулярныхъ столбовъ, которые переливали

всѣми цвѣтами солнечнаго спектра. Теперь съ одной стороны горизонта до другой черезъ все небо простирались два пласта изъ пестрыхъ столбовъ, по которымъ и мы каждую минуту ожидали, что по нимъ пройдетъ торжественнымъ шествіемъ небесное воинство. Пораженные туземцы завопили въ испугѣ: „Господи помилуй! Господи помилуй!“ и я долженъ сознаться безъ всякаго стыда, что великолѣпіе этого удивительнаго зрѣлища навѣяло и на меня какое-то умиленіе и испугъ, особливо когда всѣ столбы воздушныхъ мостовъ стали вертѣться на ней вокругъ другъ друга, съ такой быстротой, что глазъ не успѣвалъ слѣдить за ними. Все небо въ эту минуту представляло громадный колейдоскопъ блестящихъ радужныхъ лучей. Достигнувъ такимъ образомъ апогея своего великолѣпія сѣверное сіяніе начало мало по малу блѣднѣть. Первая арка разсѣялась и вслѣдъ за нею вторая, блестящіе столбы перестали вертѣться и черезъ часъ не осталось и ни малѣйшихъ слѣдовъ лучезарнаго явленія въ окружающемъ мракѣ ночи и только на горизонтѣ виднѣлись легкія, свѣтящіяся облачка.

Я вполнѣ чувствую свою неспособность достойно описать величественное зрѣлище сѣвернаго сіянья; я только набросалъ общія черты поразительной картины, а пусть воображеніе читателя дорисуетъ всѣ подробности. Впрочемъ будьте увѣрены, что никакое перо или кисть не могутъ изобразить такого сверхестественнаго, не земнаго величія.

Февраль прошелъ и наступилъ мартъ, а мы все еще жили въ Анадырскѣ, ожидая вѣсти отъ маіора и отъ пропавшихъ товарищей Арнольда и Макрея. Я не былъ доволенъ той дорогой, по которой мы пріѣхали изъ Шестаковой въ Анадырскъ по причинѣ безлѣсія и необходимости изъ далека привозить шесты для телеграфной линіи; по этому я отправился съ пятью санями изъ Анадырска 4-го марта съ цѣлью отыскать лучшую дорогу между Анадырью и источниками Пенжины. На третій день путешествія мы встрѣтили курьера изъ Гижигинска съ письмомъ отъ маіора, который писалъ изъ Охотска 19 января, увѣдомляя о томъ, что анадырская экспедиція высажена на берегъ и прося во чтобы то не стало отыскать товарищей. Мнѣ нечего было исполнять приказаній маіо-

ра, такъ какъ я уже ихъ предупредилъ и потому я продолжалъ свой путь.

Я не буду утомлять читателя подробнымъ описаніемъ моихъ розысканій лучшей дороги для телеграфной линіи между Пенжиной и Анадырскомъ. Мы открыли, что басейнъ Анадыри отдѣлялся отъ басейна Пенжины небольшимъ горнымъ кряжемъ, который легко перейти и такимъ образомъ, пользуясь рукавами Анадыри, мы могли установить почти неразрывное водяное сообщеніе между Охотскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ. По берегамъ этихъ рѣкъ вездѣ встрѣчались большія деревья, а гдѣ ихъ и не было, то туда легко было привести шесты на плотахъ. Этотъ путь не оставлялъ желать ничего лучшаго и очень довольный результатами своей экспедиціи я возвратился въ Анадырскъ 13-го марта.

Первое что мы узнали, по прибытіи въ селеніе, было возвращеніе Макрея и Арнольда и чрезъ нѣсколько минутъ мы уже сидѣли съ ними за самоваромъ, слушая разсказы о ихъ приключеніяхъ.

Впродолженіи шестидесяти четырехъ дней они жили у кочующихъ чукчей и медленно подвигались окольными дорогами къ Анадырску. Съ ними вообще обходились хорошо, но чукчи не торопились достигнуть русскаго селенія и везли ихъ по обнаженнымъ степямъ къ югу отъ Анадыри такъ медленно, что не дѣлали болѣе десяти или двѣнадцати миль въ день. Они перенесли много лишеній, жили цѣлыя недѣли на оленьихъ внутренностяхъ и салѣ, постоянно были покрыты вшами, провели большую часть этихъ двухъ мѣсяцевъ въ дымныхъ пологахъ и по временамъ начинали отчаяваться въ достиженіи когда нибудь русскаго селенія; но мужество не оставляло ихъ ни на минуту и наконецъ они достигли Анадырска цѣлы и невредимы. Весь ихъ багажъ теперь состоялъ изъ бутылки коньяку, завернутой въ американскій флагъ. Мы тотчасъ подняли родной флагъ надъ нашей хижиной и сдѣлали пуншъ изъ живительной влаги, проѣхавшей половину сѣверовосточной Сибири.

Окончивъ всѣ изысканія окружающей насъ страны, мы начали приготовляться къ обратному путешествію въ Гижигинскъ, куда маіоръ насъ ждалъ къ 1 апрѣлю. 20 марта мы уложили всѣ

свои вещи и простившись съ добродушными и гостепріимными жителями Анадырска, мы отправились въ обратный путь. Наше путешествіе было однообразно и не представляло ничего новаго и интереснаго; 2 апрѣля, ночью, мы съ шумомъ въѣхали въ безмолвное, мирное селеніе. Остановившись передъ домомъ русскаго купца Воробьева, у котораго мы жили прошлую осень, я соскочилъ съ саней и вбѣжалъ въ теплую, темную комнату, оглашая воздухъ криками: „вставайте! вставайте!“ Вдругъ, кто-то поднялся съ полу у самыхъ моихъ ногъ и схвативъ меня за руку воскликнулъ хорошо знакомымъ мнѣ голосомъ: „Кенанъ, это вы!“ Я былъ такъ изумленъ этой неожиданной встрѣчей, что могъ только отвѣчать: „это вы Бушь“; и мы бросились въ объятія другъ другу, не смотря на то, что одинъ изъ насъ былъ въ рубашкѣ, а другой въ тяжелой заиндивѣвшей мѣховой одеждѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы всѣ: маіоръ Бушъ, Макрей, Арнольдъ, Робинсонъ, Додъ и я сидѣли за кипящимъ самоваромъ и разсказывали другъ другу наши приключенія въ первую зиму, проведенную нами на далекомъ сѣверѣ. Нѣкоторые изъ насъ прибыли изъ Камчатки, другіе съ китайской границы, третьи съ Берингова пролива и всѣ мы поздравляли себя съ счастливыми изслѣдованіями предполагавшейся телеграфной линіи отъ Анадырской губы до Амура. Мы всѣ вмѣстѣ проѣздили по крайней мѣрѣ десять тысячъ миль.

Результаты нашихъ зимнихъ трудовъ были слѣдующіе: Бушъ, Магудъ оставивъ маіора и меня въ Петропавловсѣ отправились въ русское селеніе Николаевскъ у устьевъ Амура и оттуда изслѣдовали западный берегъ Охотскаго моря. Они проѣхали съ кочующими тунгузами по лѣсной странѣ между Николаевскомъ и Яномъ, перебрались черезъ Становой хребетъ и встрѣтились съ маіоромъ въ Охотскѣ 22 февраля. Маіоръ одинъ изслѣдовалъ весь берегъ Охотскаго моря и посѣтилъ Якутскъ, отстоящій отъ Охотска на шесть сотъ верстъ къ западу для найма людей и покупки лошадей. Онъ узналъ, что въ селеніяхъ по рѣкѣ Ленѣ можно нанять до тысячи работниковъ якутовъ по шестидесяти долларовъ въ годъ и сколько угодно сибирскихъ лошадей по умѣреннымъ цѣнамъ. Онъ провелъ линію для предполагавшагося телеграфа изъ

Гижигинска въ Охотскъ и вообще занимался высшимъ надзоромъ надъ всѣми работами. Макрей и Арнольдъ изслѣдовали почти всю страну къ югу отъ Анадыри и вдоль нижней Міаны; они собрали много полезныхъ свѣденій о мало извѣстномъ племени кочевыхъ чукчей. Додъ, Робинсонъ и я изслѣдовали двѣ дороги изъ Гижигинска въ Анадырскъ и нашли цѣлую систему лѣсныхъ рѣкъ, соединяющихъ Охотское море съ Тихимъ океаномъ близъ Берингова пролива. Туземцы вездѣ оказались мирными, добронамѣренными людьми и многіе изъ нихъ по линіи телеграфа уже рубили и приготовляли шесты. Вообще вся страна, хотя не представляла большихъ удобствъ для проведенія телеграфа, но также не отличалась преградами, которыхъ энергія и постоянство не могли бы преодолѣть; поэтому, подводя итоги нашей зимней работы, мы съ удовольствіемъ приходили къ тому заключенію, что наше предпріятіе, хотя и не легкое, могло положительно увѣнчаться успѣхомъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Общественная жизнь въ Гижигинскѣ. — Экспедиція маіора Абазы. — Неожиданное превращеніе зимы въ лѣто.—Народные обычаи.

Апрѣль и май, благодаря длиннымъ днямъ и сравнительно умѣренной погодѣ, самые удобные мѣсяцы въ Сѣверо-восточной Сибири для работъ и путешествій, а такъ какъ компанейскихъ судовъ нельзя было ожидать ранѣе начала іюня, то маіоръ Абаза рѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ. Отдохнувъ немного отъ своихъ прежнихъ трудовъ, онъ отправился въ Анадырскъ съ Бушемъ, Макреемъ и русскимъ исправникомъ для того, чтобъ нанять пятьдесятъ или шестьдесятъ туземныхъ работниковъ и начать постройку станціи и приготовленіе шестовъ по берегамъ Анадыри. Онъ возвратился въ маѣ мѣсяцѣ, успѣшно исполнивъ свой планъ; Бушъ былъ назначенъ начальникомъ Сѣвернаго округа отъ

Пенжинска до Берингова пролива и онъ вмѣстѣ съ Макреемъ, Гардеромъ и Смитомъ былъ оставленъ въ Анадырскѣ на все лѣто, съ тѣмъ, что при открытіи навигаціи они должны были спуститься по Анадыри до ея устья и тамъ ожидать прибытія одного изъ компанейскихъ судовъ изъ Сан-Франциско съ подкрѣпленіями и продовольствіемъ. Между тѣмъ пятьдесятъ туземныхъ работниковъ были наняты и можно было надѣяться, что къ открытію рѣки будутъ готовы шесть или восемь станціонныхъ домовъ и нѣсколько тысячъ шестовъ для распредѣленія на пути изъ Анадырска къ Тихому океану. Сдѣлавъ такимъ образомъ все что только было возможно при нашихъ умѣренныхъ средствахъ, маіоръ Абаза возвратился въ Гижигинскъ и сталъ ожидать прибытія изъ Америки людей, матеріяловъ и продовольствія для продолженія работы.

Санная дорога прекратилась и такъ какъ въ странѣ не было другихъ средствъ сообщенія, то теперь и нельзя было продолжать нашихъ начатыхъ трудовъ, поэтому мы наняли небольшой бревенчатый домъ, меблировали его нѣсколькими простыми, деревянными стульями и столами, развѣсили наши карты по стѣнамъ, разставили на полки нашу библіотеку, состоявшую изъ двухъ книгъ Новаго Завѣта и Шекспира, и приготовились провести цѣлый мѣсяцъ въ праздности и лѣни.

Былъ іюнь мѣсяцъ, снѣгъ быстро исчезалъ подъ солнечными лучами, ледъ на рѣкѣ посинѣлъ и были ясные признаки, что онъ скоро пройдетъ; тамъ и сямъ на солнечной сторонѣ горъ показывалась обнаженная земля и однимъ словомъ, все предсказывало скорое наступленіе короткаго, но жаркаго, полярнаго лѣта. Зима въ большей части Сѣверо-Восточной-Сибири кончается въ маѣ и лѣто быстрыми шагами идетъ по ея стопамъ, покрывая травой и цвѣтами землю, отвоеванную изъ подъ снѣга. Не успѣетъ стаять снѣгъ, какъ уже вездѣ появляются нѣжные цвѣты черники, бѣлые кусты лабрадорскаго чаю и прочее; береза, ива и ольха мгновенно покрываются зеленой листвой, берега рѣкъ устилаются мягкой, нѣжной муравой, а въ воздухѣ цѣлый день слышится крикъ дикихъ гусей и лебедей, перелетающихъ треугольными стаями съ моря на сѣверъ. Въ теченіе трехъ недѣль послѣ изчезно-

венія послѣдняго снѣга, вся природа облекается въ свой лѣтній нарядъ; тутъ не бываетъ долгой, мокрой, перемѣнчивой весны; тутъ деревья не распускаются, какъ у насъ почка за почкой, листокъ за листкомъ. Растительность, сдерживаемая ледянными оковами въ теченіе восьми долгихъ мѣсяцевъ, мгновенно расторгаетъ эти узы и однимъ неудержаннымъ прыжкомъ дѣлаетъ то что въ другихъ странахъ дѣло нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Ночей въ это время почти со всѣмъ нѣтъ; одинъ день незамѣтно переходитъ въ другой. Промежуточныя короткія сумерки отличаются прохладой и тишиною ночи, но темноты вовсе нѣтъ. Вы можете сидѣть у окна и читать до полуночи, вдыхая благоуханный воздухъ, слушая тихое журчаніе рѣки у вашихъ ногъ и слѣдя за невидимымъ теченіемъ солнца по розовымъ лугамъ, сіяющимъ на сѣверѣ изъ за пурпурныхъ горъ. Совершенно свѣтло, какъ днемъ, однако вся природа спитъ и странная, таинственная тишина царитъ на небѣ, и земля имѣетъ видъ, какъ при солнечномъ затмѣніи. Вы можете слышать отдаленный гулъ моря на разстояніи пятнадцати миль. По временамъ воробей, скрытый въ зеленой листвѣ ольхи, просыпается и полагая, что уже настало утро, громко щебечетъ, но черезъ нѣсколько мгновеній останавливается, какъ бы въ недоумѣніи: день или все еще ночь, наконецъ склоняется въ пользу послѣдняго предположенія и наступаетъ снова тишина прерываемая лишь отдаленнымъ плескомъ воды. Во второмъ часу показывается блестящій элементъ солнца надъ вершинами отдаленныхъ горъ; неожиданный, золотистый, лучезарный свѣтъ обливаетъ земную, покрытую росою мураву и вся органическая природа неожиданно просыпается и громкимъ пѣніемъ, щебетаніемъ, кудахтаньемъ привѣтствуетъ рождающееся утро. Ночи не было, а новый день насталъ.

Путешественникъ, никогда не видѣвшій полярнаго лѣта и привыкшій считать Сибирь страной вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ, конечно изумляется неожиданному развитію растительной и животной жизни въ іюнѣ. Въ первые дни этого мѣсяца въ окрестностяхъ Гижигинска можно еще ѣздить въ саняхъ, а въ послѣднихъ числахъ всѣ деревья уже покрыты богатой листвой, на берегахъ рѣкъ цвѣтутъ скороспѣлки, бѣлыя буквицы, ранункулы,

валеріянъ, трилистникъ и въ полдень, въ тѣни 70° по Фаренгейту. Такъ въ 1866 году, спустя мѣсяцъ послѣ растаянья снѣга, я самъ собралъ на небольшой высокой полянѣ близъ устьевъ Гижиги болѣе шестидесяти различныхъ видовъ сибирской флоры. Животныя также быстро появляются и чрезвычайно разнообразны. За долго до таянья льда перелетныя птицы появляются изъ за моря большими стаями. Многочисленные виды утокъ, гусей и лебедей, неизвѣстные американскимъ орнитологамъ, кишатъ надо всѣми водяными резервуарами, въ горныхъ долинахъ и въ низменныхъ равнинахъ; чайки, рыболовы и орлы постоянно витаютъ надъ устьями рѣкъ, а крутой, скалистый берегъ моря усѣянъ милліонами морскихъ попугаевъ, которые свиваютъ гнѣзда, на самыхъ неприступныхъ скалахъ и при ружейномъ выстрѣлѣ вылетаютъ со всѣхъ сторонъ въ такомъ множествѣ, что въ воздухѣ становится темно. Кромѣ этихъ водяныхъ птицъ встрѣчаются ласточки, сороки, вороны, дрозды, оржанки и тетерки. На сколько мнѣ извѣстно, только одна пѣвчая птица живетъ въ этой странѣ, нѣчто въ родѣ мелкаго воробья, и то она встрѣчается только на сухихъ и травяныхъ равнинахъ близъ русскихъ селеній.

Гижигинскъ, который мы временно сдѣлали своей главной квартирой, небольшое селеніе въ пятьдесятъ или шестьдесятъ бревенчатыхъ домовъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Гижиги въ восьми или десяти миляхъ отъ устья. Въ то время, это было одно изъ важнѣйшихъ и цвѣтущихъ селеній на берегахъ Охотскаго Моря и въ немъ была сосредоточена вся торговля Сѣверо-Восточной Сибири, на сѣверъ до Анадыри, а на западъ до Охотска. Тутъ жилъ мѣстный исправникъ и четверо или пять русскихъ промышленниковъ; ежегодно заходили сюда казенный пароходъ съ продовольствіемъ и нѣсколько торговыхъ американскихъ судовъ. Населеніе Гижигинска состояло преимущественно изъ сибирскихъ казаковъ; они главнымъ образомъ жили на рыбѣ, но такъ какъ въ странѣ было много дичи, а въ долинѣ Гижиги разводились огородные овощи, то ихъ положеніе было здѣсь гораздо лучше, чѣмъ на ихъ родинѣ въ Россіи. Они были совершенно свободны и могли располагать своимъ временемъ, какъ хотѣли и нанимаясь возницами къ Русскимъ промышленникамъ зимою, они

достаточно наживаютъ денегъ, чтобъ покупать на весь годъ запасъ чаю, сахару и табаку. Подобно всѣмъ жителямъ Сибири и вообще всѣмъ русскимъ, они чрезвычайно гостепріимны, добродушны и обязательны. Благодаря ихъ стараніямъ мы провели пріятно и весело, то есть насколько это возможно, нѣсколько мѣсяцевъ въ этомъ уединенномъ, отдаленномъ уголкѣ земли.

Присутствіе американцевъ въ селеніи, столь мало посѣщаемомъ путешественниками, имѣло возбуждающее вліяніе на мѣстное общество; и какъ только обитатели Гижигинска увидѣли, что мы не брезгуемъ знаться съ простымъ народомъ, то на насъ посыпались безконечныя приглашенія на вечера и балы. Мы конечно принимали всѣ эти приглашенія съ радостью, какъ лучшее средство познакомиться съ мѣстными нравами и каждый день спрашивали у нашего казака Егора, гдѣ сегодня пляшутъ? Дѣйствительно, не проходило дня, чтобы мы не танцовали въ какомъ нибудь туземномъ домѣ, не смотря на то, что въ большинствѣ этихъ домовъ комнаты были такъ низки, что человѣкъ средняго роста, не могъ въ нихъ стоять выпрямившись во весь ростъ. На этихъ танцовальныхъ вечерахъ насъ принимали чрезвычайно радушно и заставляли ѣсть ягоды, черный хлѣбъ, пить чай и плясать до изнеможенія. Однако были случаи, когда гостепріимство принимало непріятную форму. Такъ напримѣръ однажды мы были приглашены съ Додомъ на вечеръ къ одному казаку и кромѣ обыкновеннаго ужина онъ угощалъ насъ водкой, что насъ ни мало удивило, такъ какъ мы хорошо знали, что во всемъ селеніи не было ни у кого водки кромѣ насъ. Хотя онъ увѣрялъ, что купилъ штофъ водки у американскихъ промышленниковъ прошлою осенью и спряталъ для важныхъ случаевъ, но намъ это показалось подозрительно и мы отказались отъ этого таинственнаго напитка. Возвратясь домой, мы позвали прислуживавшаго намъ мальчика и стали его разспрашивать, не знаетъ ли онъ откуда у казака явилась водка. Онъ долго отмалчивался, но потомъ разъяснилъ намъ тайну и оказалось, что водка была наша. Но кража совершена самымъ оригинальнымъ и отвратительнымъ образомъ. Нашъ другъ казакъ, пользуясь тѣмъ, что мы угощали водкой всѣхъ посѣщавшихъ насъ, являлся къ намъ чрезвычайно часто и выпивъ водки

сколько только возможно, онъ ухитрялся сохранить во рту порядочное количество и выбѣгая подъ различными предлогами въ кухню, выплевывалъ тамъ незамѣтно водку въ бутылку, которая висѣла у него на шеѣ на веревкѣ подъ шубой. Такимъ образомъ, онъ мало по малу собралъ цѣлую бутылку водки и имѣлъ дерзость подчивать ею насъ, увѣряя, что купилъ у русскихъ торговцевъ.

Я кстати разскажу другое происшествіе, случившееся въ первый мѣсяцъ нашего пребыванія въ Гижигинскѣ и которое характеризуетъ другую особенность національнаго характера туземцевъ — именно ихъ суевѣріе. Однажды, сидя утромъ за чаемъ, я увидѣлъ, что къ Вьюшину пришелъ казакъ по имени Холмогоровъ и сталъ что-то съ жаромъ у него просить. Вьюшинъ отправился въ шкафъ, въ которомъ хранились его вещи и послѣ долгихъ поисковъ вынулъ два куска стараго, разорваннаго, грязнаго, съѣденнаго молью шерстянаго шарфа. Холмогоровъ взялъ эти никуда негодныя тряпки съ видимымъ уваженіемъ и, горячо поблагодаривъ Вьюшина, вышелъ изъ комнаты. Это конечно меня очень удивило и я спросилъ у Вьюшина на что понадобилась такая негодная вѣтошь казаку. Онъ отвѣчалъ, что дочь Холмогорова страдала „анадырскою болѣстью“, и что такъ какъ она потребовала шерстяной шарфъ, то его надо было достать во что бы то ни стало и въ какомъ бы то ни было положеніи. Это объясненіе еще болѣе меня заинтересовало и я просилъ Вьюшина разсказать мнѣ все что онъ зналъ о такой странной болѣзни. Свѣденія, сообщенныя имъ, были слѣдующія: „Анадырская болѣсть“, названная такъ, потому что она впервые появилась въ Анадырскѣ, представляла странный, оригинальный недугъ, походившій на современное спиритское изступленіе и давно существовала въ сѣверо-восточной Сибири, не поддаваясь никакимъ обыкновеннымъ медицинскимъ средствамъ. Люди, подверженные этому недугу, большею частію женщины, вдругъ теряли всякое зознаніе о происходящемъ вокругъ нихъ, неожиданно пріобрѣтали способность говорить языками, которыхъ дотолѣ они никогда не слыхали, особливо на якутскомъ языкѣ и отличались ясновидѣніемъ, благодаря которому они ясно описывали предметы, которыхъ они никогда не видали и не могли видѣть.

Находясь въ такомъ положеніи они часто требовали различныя вещи, внѣшній видъ и мѣстонахожденіе которыхъ они подробно объясняли; и если ихъ желаніе не было исполнено, то они приходили въ совершенное бѣшенство, съ ними дѣлались судороги и они кричали и пѣли на якутскомъ языкѣ. Ничто не могло ихъ успокоить, кромѣ обладанія желаемой вещью. Вотъ все что могъ мнѣ объяснить Вьюшинъ. Онъ никогда самъ не видалъ лицъ подвергнутыхъ подобному недугу и только слыхалъ отъ другихъ, но по его словамъ Падеринъ, начальникъ гижигинскихъ казаковъ, могъ разсказать намъ гораздо больше, такъ какъ у него дочь страдала этой таинственной болѣзнью. Мы конечно тотчасъ послали за Падеринымъ, простымъ, но честнымъ старикомъ, котораго невозможно было подозрѣвать въ желаніи насъ обмануть, и онъ вполнѣ подтвердилъ все что разсказалъ уже Вьюшинъ, но съ гораздо большими подробностями. По его словамъ, онъ часто слыхалъ какъ его дочь говорила на якутскомъ языкѣ во время своихъ припадковъ и разсказывала о томъ что случалось въ данную минуту за нѣсколько сотъ миль. На вопросъ маіора, почему онъ полагалъ, что его дочь говорила и именно на якутскомъ языкѣ, онъ отвѣчалъ, что онъ не зналъ навѣрно былъ ли это якутскій языкъ, но полагалъ это потому, что звуки походили на якутскій языкъ, а не на какой другой ему извѣстный. Я тогда спросилъ что дѣлаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда больные просятъ такихъ вещей, которыхъ невозможно достать? Падеринъ отвѣчалъ, что онъ никогда не слыхивалъ о такомъ случаѣ и что если его дочь спрашивала какую-либо необыкновенную вещь, то она всегда подробно объясняла гдѣ ее найти. Однажды она просила привести къ ней пеструю собаку, на которой онъ ѣздилъ въ саняхъ и когда ее ввели въ комнату, то молодая дѣвушка тотчасъ успокоилась, но собака съ того времени стала до того безпокойна и дика, что онъ наконецъ былъ принужденъ ее убить.

— И вы вѣрите всѣмъ этимъ пустякамъ? воскликнулъ маіоръ, съ нетерпѣніемъ слушавшій разсказы Падерина.

— Я вѣрю въ Бога и въ Господа нашего Іисуса Христа, отвѣчалъ казакъ набожно крестясь.

— Это хорошо, отвѣчалъ маіоръ: —но тутъ нѣтъ ничего обща-

го съ „анадырскою болѣзнью“. Неужели вы вѣрите, что эти женщины говорятъ на якутскомъ языкѣ, котораго онѣ никогда не слыхали и описываютъ вещи, которыхъ онѣ никогда не видали.

Падеринъ пожалъ плечами и отвѣчалъ, что онъ вѣрилъ въ то что видѣлъ, но отказался объяснить чему онъ приписывалъ ясновидѣніе и способность говорить невѣдомыми языками, которые составляли главныя характеристическія черты этой странной болѣзни.

Въ этотъ же день мы были у исправника и передали ему нѣкоторые изъ разсказовъ Падерина. Исправникъ, большой скептикъ вообще и въ этомъ вопросѣ особливо, сказалъ, что онъ часто слыхалъ объ „анадырской болѣзни“ и жена его вѣрила въ нее, но онъ полагалъ, что все это обманъ и лучшее лекарство—тѣлесное наказаніе. По его словамъ русскіе мужики чрезвычайно суевѣрны и готовы вѣрить чему угодно, а „анадырская болѣзнь“ была частью иллюзія, а частью обманъ, съ помощію котораго женщины добивались исполненія всѣхъ своихъ желаній. Женщина, которой мужъ отказывалъ въ новой шляпкѣ, прибѣгала въ случаѣ неуспѣха всѣхъ обыкновенныхъ женскихъ хитростей къ придумкамъ и требовала уже шляпки, какъ физіологической необходимости. Если и тутъ мужъ оставался непреклоннымъ, то достаточно было нѣсколько хорошо представленныхъ судорогъ и одной или двухъ пѣсенъ на такъ называемомъ якутскомъ языкѣ, чтобы заставить его исполнить всѣ требованія жены. Исправникъ кромѣ того разсказалъ намъ объ одномъ русскомъ купцѣ, жена котораго вдругъ занемогла „анадырской болѣзнью“, и который былъ принужденъ ѣхать за триста верстъ изъ Гижигинска въ Гамскъ за шелковымъ платьемъ. Конечно женщины не всегда требуютъ такихъ предметовъ, которые имъ нужны въ здоровомъ состояніи, ибо иначе, онѣ возбудили бы сомнѣніе въ своихъ мужьяхъ, а потому по временамъ, для поддержанія обмана, онѣ иногда требуютъ собакъ, саней, топоровъ и другихъ вещей, которыя не могутъ имъ понадобиться. Вотъ какъ раціонально объяснялъ исправникъ странное явленіе „анадырской болѣзни“, и я долженъ сознаться, что оно мнѣ показалось чрезвычайно вѣроятнымъ и разумнымъ.

Наша жизнь въ Гижигинскѣ въ первую половину іюня была

гораздо пріятнѣе, чѣмъ во всѣ предыдущіе шесть мѣсяцевъ. Погода была теплая, горы и долины были покрыты роскошной растительностію, день продолжался круглыя сутки и намъ нечего было дѣлать, какъ охотиться, ѣздить на устье рѣки въ надеждѣ увидать давно жданные корабли и вообще проводить время въ свое удовольствіе.

Наконецъ 17 іюня прибылъ американскій торговый бригъ *Джаксонъ*, съ первыми извѣстіями о томъ что дѣлалось въ мірѣ въ продолженіи одинадцати мѣсяцевъ, проведенныхъ нами въ этой отдаленной странѣ. Однако *Джаксонъ* не могъ намъ дать никакихъ свѣденій о нашихъ компанейскихъ судахъ, но за то онъ привезъ оставленные нами въ Петропавловскѣ припасы и большой грузъ чая, сахару, табаку и другихъ товаровъ для мѣны съ сибирскими туземцами.

Мы убѣдились во время зимы, что деньгами невыгодно было платить за работу туземцамъ, исключая въ Охотскѣ, Гижигинскѣ и Анадырскѣ, а предпочтительнѣе употреблять вмѣсто денегъ чай, сахаръ и табакъ, которые зимою чрезвычайно повышались въ цѣнѣ. Работникъ или возница, требовавшій въ мѣсяцъ двадцать рублей деньгами, довольствовался восемью фунтами чаю и десятью фунтами сахару, что на деньги составляло десять рублей. Поэтому маіоръ Абаза рѣшился не употреблять для платы туземцамъ деньги и купилъ на *Джаксонъ* 10.000 фунтовъ чаю и 20.000 фунтовъ сахару для употребленія вмѣсто денегъ будущей зимой.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Скука ожиданія. — Комары. — Прибытіе русскаго фрегата.

Послѣ ухода *Джаксона* мы стали съ нетерпѣніемъ ожидать прибытія нашихъ судовъ и окончанія нашего долгаго гижигинскаго плѣненія. Восемь мѣсяцевъ кочевой жизни развили въ насъ такую страсть къ приключеніямъ, что намъ противно было сидѣть

сложа руки и на одномъ мѣстѣ. Мы истощили всѣ удовольствія Гижигинска, прочли всѣ газеты, привезенныя на *Джаксонъ*, обсудили всѣ новости, заключавшіяся въ нихъ, изслѣдовали всѣ окрестности селенія и прибѣгали къ всевозможнымъ средствамъ убить время, но все тщетно. Дни казались безконечными, давно ожидаемые не приходили, а комары и мошки отравляли нашу жизнь.

Около 10 іюля изъ болотистыхъ, нижнихъ равнинъ подымаются густыя тучи комаровъ, которые составляютъ самую страшную казнь сѣвернаго лѣта. Черезъ три или четыре дня вся атмосфера кишитъ ими и вплоть до 10 августа они преслѣдуютъ всякое живое существо съ самой безжалостной кровожадностью. Избѣгнуть ихъ невозможно, а средства предохраненія тщетны; они слѣдуютъ за своими несчастными жертвами повсюду и преодолѣваютъ всѣ преграды, которыя имъ разставляетъ изобрѣтательный умъ человѣка; къ дыму они относятся съ презрѣніемъ, а въ кисейныхъ вуаляхъ непремѣнно отыскиваютъ какое нибудь, хотя самое микроскопическое отверстіе, такъ что единственное средство избавиться отъ нихъ—зарыться въ землю живымъ. Обыкновенно комары не считаются характеристическимъ элементомъ Сибири, но ни въ какой тропической странѣ я не видалъ ихъ въ такомъ множествѣ, какъ въ сѣверо-восточной Сибири въ іюлѣ мѣсяцѣ. Благодаря имъ, тундры въ нѣкоторыхъ мѣстахъ просто необитаемы и даже олени ищутъ спасенія въ прохладныхъ горныхъ долинахъ. Въ русскихъ селеніяхъ комары до того мучатъ собакъ и скотъ, что они приходятъ въ бѣшенство и бросаются на разложенные костры, чтобы дымомъ отогнать, хоть немного, своихъ безжалостныхъ мучителей. На сѣверѣ, до самаго селенія Колясты на берегу Ледовитаго Океана, туземцы въ теплую, тихую погоду окружаютъ свои жилища цѣлымъ рядомъ костровъ, чтобы хоть сколько нибудь предохранить себя отъ комаровъ. Въ началѣ іюля всѣ жители Гижигинска, за исключеніемъ исправника и нѣсколькихъ русскихъ купцовъ, покидаютъ свои зимніе дома и переходятъ въ лѣтнія, рыбаловныя хижины на берегу рѣки, гдѣ и ожидаютъ появленія лососокъ. Находя жизнь въ селеніи покинутомъ жителями слишкомъ скучной Додъ, Робинсонъ, Арнольдъ и я перебрались также на устьѣ рѣки въ пустое зданіе казенныхъ магазиновъ.

Я не буду долго останавливаться на однообразной, скучной жизни, которую мы вели впродолженіи цѣлаго мѣсяца. Вся она можетъ быть резюмирована въ четырехъ словахъ — праздность, ожиданіе, комары и скука. Караулить приходъ кораблей было единственнымъ нашимъ занятіемъ, а борьба съ комарами единственной нашей забавой; а такъ какъ первые никогда не появлялись, а послѣдніе никогда не исчезали, то какъ одно, такъ и другое препровожденіе времени были одинаково неудовлетворительны и безполезны. Двадцать разъ въ день мы надѣвали свои кисейные вуали и карабкались на высокой утесъ, откуда можно было видѣть приближеніе кораблей и двадцать разъ мы возвращались въ свою одинокую, обнаженную комнату съ отчаяніемъ въ сердцѣ, изливая накопившуюся желчь на страну, компанію, корабли и комаровъ. Мы не могли не сознавать, что насъ какъ бы выбросили изъ образованнаго міра, наше мѣсто занято другими и всѣ забыли даже о нашемъ существованіи.

Въ началѣ августа, мнѣ съ Додомъ надоѣло ожидать кораблей, которые никогда не приходили и которые мы были увѣрены никогда не придутъ, поэтому мы отправились пѣшкомъ обратно въ Пенжинскъ, а Арнольдъ и Робинсонъ остались у устья рѣки ожидать корабли, наконецъ 14 августа вечеромъ, вбѣжалъ къ намъ въ комнату козакъ съ крикомъ: „пушка! судно!“ Мы выбѣжали на улицу и дѣйствительно услышали вдали пушечный выстрѣлъ, что по уговору съ Арнольдомъ и Робинсономъ означало прибытіе давно желанныхъ кораблей. Внѣ себя отъ радости, мы тотчасъ сѣли въ лодку и понеслись по теченію къ устью, гдѣ узнали, что дѣйствительно въ виду было небольшое судно подъ американскимъ флагомъ и что казенный катеръ съ Арнольдомъ и Робинсономъ отправились къ нему на встрѣчу.

Намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ ожидать возвращенія катера, а такъ какъ было поздно, мы легли спать. На другое утро, конечно, нашимъ первымъ дѣломъ было взобраться на высокій утесъ, чтобъ удостовѣриться не исчезъ ли давно жданный корабль; но представьте себѣ наше изумленіе, когда рядомъ съ небольшимъ судномъ, бросившемъ якорь наканунѣ, стоялъ громадный, трехъ мачтовый пароходъ. Мы въ нетерпѣніи бросились внизъ

и черезъ полчаса привѣтствовали громкими, радостными криками двѣ лодки, приставшія къ берегу. Изъ первой наименьшей выскочилъ офицеръ въ голубомъ, американскомъ флотскомъ мундирѣ и рапортовалъ маіору, что онъ капитанъ Сутонъ и прибылъ изъ Сан-Франциско на компанейскомъ суднѣ съ людьми и матеріалами для устройства телеграфной линіи.

— Гдѣ вы были все лѣто? спросилъ маіоръ, пожавъ руку капитану: —мы васъ ждемъ съ іюня и уже полагали не отказалась ли компанія отъ нашего предпріятія.

Капитанъ Сутонъ отвѣчалъ, что всѣ компанейскія суда поздно вышли изъ Сан-Франциско и что потомъ его долго задержали въ Петропавловскѣ.

— А что это за пароходъ стоитъ на якорѣ за *Кларой Бель?* спросилъ маіоръ.

— Это русскій корветъ *Варягъ* изъ Японіи.

— Чтожъ онъ тутъ дѣлаетъ?

— Вамъ это лучше знать, замѣтилъ съ улыбкою капитанъ: — этотъ пароходъ отряженъ русскимъ правительствомъ для содѣйствія проложенія телеграфной линіи и отданъ въ ваше полное распоряженіе, такъ по крайней мѣрѣ мнѣ сказали въ Петропавловскѣ. На палубѣ *Варягъ* находится русскій комисаръ и кореспондентъ одной изъ американскихъ газетъ.

Пока онъ еще говорилъ, вторая лодка пристала къ берегу и познакомившись съ г. Аносовымъ, полковникомъ Ноксомъ, кореспондентомъ американской газеты и полдюжиной русскихъ офицеровъ, отлично говорившихъ по англійски, мы принялись за чтеніе давно жданныхъ писемъ изъ образованнаго міра.

Вѣсти о дѣлахъ компаніи были самыя удовлетворительныя. Полковникъ Бельклей увѣдомлялъ изъ Петропавловска, куда онъ зашелъ по дорогѣ на сѣверъ, что три суда: *Клара-Бель*, *Пальметто* и *Впередъ* были посланы изъ Сан-Франциско въ Гижигинскъ съ шестидесятью людьми и грузомъ товаровъ на 60.000 долларовъ. Одинъ изъ этихъ судовъ *Клара-Бель*, уже прибылъ съ грузомъ подставокъ и инзулаторовъ, а другіе два съ людьми, проволоками, инструментами и матеріалами были въ дорогѣ. Четвертое судно съ тридцатью офицерами и работниками съ малень-

кимъ рѣчнымъ пароходикомъ и инструментами послано было къ устью Анадыри, гдѣ должно было быть принято лейтенантомъ Бушемъ. Корветъ *Варягъ* былъ отряженъ русскимъ морскимъ управленіемъ для содѣйствія компанейскимъ судамъ при опущеніи телеграфной проволоки въ Беринговъ проливъ, но такъ какъ проволока, заказанная въ Англіи, еще не была привезена, то полковникъ Бельклей послалъ *Варяга* съ русскимъ комисаромъ въ Гижигинскъ. Благодаря тому, что онъ сидѣлъ очень глубоко въ водѣ — на двадцать два фута, онъ не могъ подойти безопасно къ берегу ближе пятнадцати или двадцати миль; но самое его присутствіе съ русскимъ комисаромъ на палубѣ придавало нашему предпріятію правительственный оттѣнокъ и давало намъ возможность съ большимъ успѣхомъ вступать въ сношеніе съ мѣстными властями и туземцами.

Маіоръ Абаза намѣревался по прибытію одного изъ судовъ отправиться въ Якутскъ для найма шести сотъ туземныхъ работниковъ, для покупки трехъ сотъ лошадей; но теперь въ виду необходимости ожидать прибытія остальныхъ судовъ и лично присутствовать при ихъ выгрузки заставили его отложить свое путешествіе до поздней осени и послать *Клару Бель* съ четырьмя людьми подъ начальствомъ лейтенанта Арнольда въ Ямскъ для найма туземныхъ работниковъ и устройства станціи и телеграфныхъ столбовъ. *Варягъ* же долженъ былъ идти съ продовольствіемъ и депешами въ Охотскъ, гдѣ Магудъ жилъ въ продолженіи пяти мѣсяцевъ безъ денегъ, жизненныхъ припасовъ и вѣстей отъ насъ.

Наканунѣ отплытія *Варяга* гостепріимные русскіе офицеры сдѣлали намъ прощальный обѣдъ и вечеръ, проведенный на этомъ великолѣпномъ, роскошномъ кораблѣ, имѣвшемъ свою собственную отличную музыку — составляетъ одно изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній о нашей сибирской жизни.

На другой день русскій корветъ ушелъ, а черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ за нимъ Клара Бель, такъ что снова въ Гижигинскѣ остались прежніе члены камчатской экспедиціи: Додъ, маіоръ и я.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Прибытіе транспортныхъ судовъ.—Послѣднее путешествіе къ полюсу.—Карякскія возницы. — Голодъ въ Анадырскѣ.

За неожиданнымъ развлеченіемъ, которое доставило намъ прибытіе *Варяга* и *Клары Бель*, послѣдовалъ еще мѣсяцъ однообразнаго, скучнаго ожиданія транспортныхъ судовъ на устьѣ Гижиги. Наконецъ 19 сентября прибылъ давно желанный *Пальметто*, а за нимъ почти тотчасъ же русской пароходъ *Сахалинъ* изъ Николаевска. Послѣдній сидѣлъ очень не глубоко и потому безъ труда прошелъ въ мелкое устьѣ рѣки, а *Пальметто* пришлось бросить якорь по ту сторону бара и ожидать полноводья. Погода, бывшая въ послѣдніе дни очень холодная, грозила бурею; и дѣйствительно 22-го разразился страшный ураганъ, и Пальметто, потерявъ свой большой якорь, каждую минуту могъ разбиться о крутые утесы восточнаго берега. Тогда капитанъ, видя что не оставалось никакой надежды и что корабль его непремѣнно набѣжитъ на берегъ, предпочелъ сѣсть на мель, чѣмъ разбиться о каменную глыбу утесовъ и потому направилъ его прямо въ устье рѣки. Сначала *Пальметто* благородно шелъ по фарватеру, но въ полумили отъ маяка онъ набѣжалъ на мель. Уткнувшись носомъ въ плотное дно, онъ подвергался ежеминутно быть растерзаннымъ страшными валами, дико ревѣвшими подобно кровожаднымъ звѣрямъ. Мы были увѣрены, что несчастный корабль не переживетъ ночи, но приливъ сдвинулъ его съ мели и понесъ далѣе къ входу въ рѣку, гдѣ въ четверти мили разстоянія снова сѣлъ на мель, но такъ какъ *Пальметто* былъ очень хорошее и основательно выстроенное судно, то оно не очень пострадало.

Однако, мы все же не надѣялись его спасти въ концѣ концевъ и потому съ помощью лодокъ и команды приступили къ немедленной выгрузкѣ вещей изъ корабля. Къ 30 сентября болѣе половины груза было свезено на берегъ, а между тѣмъ погода

стихла, вода въ рѣкѣ поднялась и явилась надежда вывезти его благополучно въ море. Тогда маіоръ просилъ офицеровъ *Сахалина* сдѣлать подробный осмотръ корабля и высказать свое мнѣніе о годности его къ плаванью. Эксперты объявили, что онъ такъ мало пострадалъ, что можетъ безъ всякаго риска идти въ Камчатку, а быть можетъ и въ Сан-Франциско и маіоръ на этомъ основаніи объявилъ, что съ первымъ большимъ приливомъ, въ октябрѣ онъ отправитъ *Пальмето* въ Сан-Франциско. Но тутъ явилось новое затрудненіе, экипажъ Пальмето состоялъ изъ негровъ и узнавъ о намѣреньи маіора, они объявили, что они не пойдутъ въ море, такъ какъ корабль былъ ненадеженъ. Напрасно маіоръ ссылался на мнѣніе русскихъ офицеровъ, они рѣшительно отказались ему повиноваться и онъ былъ принужденъ арестовать главнаго зачинщика мятежа и скованнаго посадить въ карцеръ на *Сахалинѣ*. Это подѣйствовало и черезъ нѣсколько дней, негры объявили, что если маіоръ освободитъ ихъ товарища, то они согласны окончить выгрузку и идти въ Сан-Франциско. Маіоръ тотчасъ исполнилъ ихъ желаніе и успокоившись на этотъ счетъ отправился въ тотъ же день 1 октября на *Сахалинѣ* въ Якутскъ.

Такимъ образомъ мы остались въ Гижигинскѣ, имѣя передъ собою полупогибшій корабль и возмутившійся экипажъ. Мы энергично принялись за выгрузку остальнаго товара на кораблѣ, что однако шло очень медленно, ибо по причинѣ мелководья можно было только подходить на лодкахъ къ кораблю въ продолженіи шести часовъ въ сутки. Ко всѣмъ нашимъ затрудненіямъ прибавилось еще новое, погода вдругъ похолодѣла, термометръ упалъ до нуля и на рѣкѣ показался ледъ. Но не смотря на все къ 10 октября выгрузка была кончена и въ трюмѣ Пальмето остались только уголь и немного муки, солонины и свинины, въ которыхъ мы не нуждались. Между тѣмъ вода стала прибывать и 11 числа корабль сошелъ съ бара и сталъ въ фарватерѣ на якорь. Видя быстрое приближеніе холодной зимы, негры уже не стали отказываться отъ возвращенія въ благодатный Санъ-Франциско и перестали желать провести зиму въ Сибири; поэтому на другой день Пальмето благополучно вышелъ въ море. Это было большое счастье,

ибо черезъ недѣлю устье Гижиги такъ наполнилось льдомъ, что не возможно было выйти никакому судну.

Вторая зима открывалась для компаніи при гораздо благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, чѣмъ первая. Хотя компанейскія суда пришли поздно, а одинъ изъ нихъ вовсе не пришелъ, но *Пальметто* привезъ четырнадцать людей и большой запасъ инструментовъ и продовольствій, а маіоръ Абаза отправился въ Якутскъ за туземными рабочими и лошадьми, такъ что съ 1 февраля мы надѣялись, что работа закипитъ по всей линіи русско-американскаго телеграфа.

Послѣ отплытія *Пальметто*, я послалъ лейтенанта Зандфарда съ двѣнадцатью людьми въ лѣса по Гижиги для приготовленія столбовъ и станцій. Въ тоже время я отрядилъ Вилера съ нѣсколькими туземцами въ Гамскъ съ инструментами и продовольствіемъ для лейтенанта Арнольда, а самъ по распоряженію маіора отправился 2 ноября съ пятью санями и шестью казаками въ Анадырскъ, чтобы подать помощь Бушу, если компанейское судно не посѣтило этого отдаленнаго уголка.

Это послѣднее путешествіе къ сѣверному полюсу было самымъ мрачнымъ, однообразнымъ и скучнымъ изъ всѣхъ моихъ странствованій по Сибири. Въ видахъ экономіи я не взялъ съ собою ни одного изъ своихъ американскихъ товарищей, но часто на ночлегѣ, въ обнаженной степи, я часто сожалѣлъ, что не было подлѣ меня веселаго Дода. Впродолженіи двадцати пяти дней я не видалъ ни одного образованнаго человѣка и не сказалъ ни слова на моемъ родномъ языкѣ, такъ что подъ конецъ я былъ бы чрезвычайно радъ поговорить хоть съ американской собакой. Мое и то незавидное положеніе еще болѣе ухудшилось, когда въ Кошѣ на берегу Пенжинской губы, я долженъ былъ оставить своихъ добродушныхъ казаковъ и взять въ возницы глупыхъ, вѣчно надутыхъ коряковъ; до сихъ поръ я могъ кое-какъ разговаривать съ казаками и слушать ихъ разсказы о своемъ житье-бытьѣ; но теперь, не зная корякскаго языка, я рѣшительно остался одинокимъ безъ малѣйшаго развлеченія.

Мои новые возницы были самые уродливые, отвратительные коряки, которыхъ я когда нибудь видѣлъ и ихъ упорство и вѣчно

надутая глупость постоянно выводили меня изъ терпѣнія. Только угрожая имъ время отъ времени револьверомъ, я могъ заставить ихъ исполнять свои приказанія. Искуство устраиваться покойно на ночлегъ имъ совершенно неизвѣстно и тщетно я старался ихъ этому выучить. Въ кулинарномъ отношеніи они были такіе же невѣжды и никакъ не могли понять тайны консервовъ, которые снаружи всѣ походили другъ на друга и превращались въ совершенно различныя блюда. Поэтому, если я не успѣвалъ самъ распорядиться, то они представляли мнѣ самыя удивительныя комбинаціи: персики клали въ супъ, томаты жарили въ маслѣ и т. д. Но не смотря на это они выказывали большое любопытство и желали всегда отвѣдать изъ каждой вновь открытой банки. При этомъ случались презабавныя исторіи. Такъ однажды они увидали, что я ѣлъ пикули и тотчасъ попросили отвѣдать. Предугадывая послѣдствія, я выбралъ изъ банки самый большой огурчикъ и подалъ его одному изъ отвратительнѣйшихъ, грязнѣйшихъ коряковъ. Онъ откусилъ кусокъ и туземцы съ любопытствомъ устремили на него глаза, желая отгадать понравилось ли ему новое лакомство или нѣтъ. На лицѣ его сначала выразилось удивленіе и отвращеніе; онъ готовъ былъ выплюнуть противный огурецъ, но потомъ, сдѣлавъ большое усиліе, онъ чмокнулъ губами и со словами: „очень вкусно,“ передалъ огурецъ сосѣду. Послѣдній почувствовалъ также удивленіе и отвращеніе къ невѣдомому лакомству, но не хотѣлъ дать пищи смѣху товарищей и съ тѣми же словами „очень вкусно,“ передалъ огурецъ третьему. Всѣ шестеро одинъ за другимъ продѣлали этотъ комическій фарсъ съ самой серьезной торжественностью; и только когда всѣ они по очередно отвѣдали огурца, они громко выразили свое отвращеніе и стали отплевываться и снѣгомъ чистить рты. Меня всего болѣе забавляло въ этой исторіи, что каждый изъ коряковъ, видя что надъ нимъ издѣваются, считалъ необходимымъ подвергнуть своего товарища тому же и никто изъ нихъ не хотѣлъ признать огурецъ не вкуснымъ, прежде чѣмъ всѣ имѣли непріятность его отвѣдать. Эта исторія ясно доказывала, что человѣкъ вездѣ остается человѣкомъ и что ему всегда отрадно сдѣлать другому непріятное. Однако, не смотря на неудовлетворительный результатъ этого опыта, ихъ лю-

бопытство не исчезло и они продолжали просить меня дать имъ отвѣдать консервовъ изъ каждой вскрытой мною жестянки. Это продолжалось до катастрофы въ Пенжинскѣ, послѣ которой они уже никогда не прикасались къ жестянкамъ, въ которыхъ по ихъ мнѣнію сидѣлъ злой духъ. Дѣло было въ томъ, что останавливаясь на ночлегъ, я обыкновенно приказывалъ класть жестянки съ консервами въ горячіе уголья для разстаяванья, но предварительно вскрыть ихъ, или по крайней мѣрѣ сдѣлать отверстіе въ крышкѣ, чтобы отъ накопленія пара не лопнули жестянки. Однажды они забыли принять эту предосторожность и въ то время, какъ они спокойно возсѣдали вокругъ огня, жестянка вдругъ лопнула съ страшнымъ взрывомъ и куски горячей баранины полетѣли во всѣ стороны. Еслибъ подъ ихъ ногами разверзлась земля, то наврядъ ли ихъ испугъ былъ бы сильнѣе. Не имѣя времени бѣжать, они бросились на землю съ крикомъ: „чертъ! чертъ!“ Мой смѣхъ скоро ихъ успокоилъ, но они никогда уже не могли разстаться съ мыслью, что въ жестянкахъ былъ запертъ злой духъ.

Удалясь отъ берега Охотскаго моря мы стали подвигаться очень тихо, благодаря короткимъ днямъ и глубокому снѣгу. Часто намъ приходилось на протяженіи десяти или пятнадцати миль прокладывать дорогу самимъ на лыжахъ и тогда даже наши тяжело нагруженныя сани и уставшія собаки еле пробирались въ снѣгу. Погода была очень холодная и впродолженіе нѣсколькихъ дней ртуть въ термометрѣ оставалась замерзши, ибо градусникъ не показывалъ ниже 23^0, такъ что приходилось судить о холодѣ по быстротѣ, съ которой замерзали кушанья, снятыя съ огня.

На четырнадцатый день нашего путешествія мы прибыли въ Пенжинскъ, отстоявшій на двѣсти верстъ отъ Анадырска. Всѣ жители, мужчины и женщины, дѣти и собаки выбѣжали къ намъ на встрѣчу и въ знакъ радости стрѣляли изъ полдюжины старыхъ ружей. Къ величайшему моему огорченію о Бушѣ ничего не было извѣстно и вообще никто не пріѣзжалъ съ весны изъ Анадырска. Это конечно было очень дурнымъ признакомъ и дѣйствительно на другой день всѣ мои опасенія подтвердились. Сидя на другой день въ домѣ одного изъ русскихъ поселянъ, я услы-

шалъ крикъ на улицѣ: „анадырскіе ѣдутъ!“ и выскочивъ изъ дому увидалъ выходившаго изъ саней анадырскаго священника.

— Гдѣ Бушъ? воскликнулъ я, прежде чѣмъ поздороваться съ нимъ.

— Богъ его знаетъ, отвѣчалъ священникъ.

— Но гдѣ вы его видѣли въ послѣдній разъ, гдѣ онъ былъ все лѣто?

— Я его видѣлъ въ послѣдній разъ на берегу Анадыри въ іюлѣ мѣсяцѣ и съ того времени, никто объ немъ ничего не слыхалъ.

Я продолжалъ нетерпѣливо разспрашивать священника и наконецъ узналъ всю грустную повѣсть объ исчезновеніи моихъ товарищей. Бушъ, Макрей, Гардеръ и Смитъ отправились въ іюнѣ по Анадыри на большомъ плоту съ готовыми станціонными домами для распредѣленія ихъ по берегамъ. Окончивъ эту работу, они отправились на лодкахъ въ Анадырскую губу, для ожиданія компанейскихъ судовъ изъ Сан-Франциска. Тутъ присоединился къ нимъ священникъ и жилъ съ ними нѣсколько недѣль; но въ концѣ іюля ихъ провизіи истощились, а кораблей еще не было видно, а потому священникъ возвратился въ Анадырскъ, оставивъ бѣдныхъ американцевъ почти безъ куска хлѣба. Съ этого времени, объ нихъ ничего не было слышно и какъ выражался священникъ, одному Богу было извѣстно, гдѣ они были и что съ ними сталось. Это были грустныя вѣсти, но еще не самыя грустныя. Вслѣдствіе неуспѣшнаго лова лососокъ на Анадыри въ этомъ году, страшный голодъ свирѣпствовалъ въ Анадырскѣ; множество жителей и почти всѣ собаки перемерли и селеніе почти совершенно опустѣло. Всѣ имѣвшіе достаточное количество собакъ отправились въ степь отыскивать кочующихъ чукчей, у которыхъ они могли прожить до будущаго лѣта; а тѣ немногіе, которые были принуждены остаться въ Анадырскѣ, кормились подошвами сапогъ и остатками оленьей шкуры. Въ началѣ октября, партія туземцевъ отправились на саняхъ искать Буша и его товарищей, но уже прошелъ цѣлый мѣсяцъ и объ нихъ не было ни слуху, ни духу. По всей вѣроятности они умерли съ голоду, гдѣ нибудь на обнаженныхъ степяхъ Нижней Анадыри, такъ какъ они взяли съ собою продовольствія только на 10 дней и наврядъ ли могли такъ

скоро встрѣтить кочующихъ чукчей, которые могли ихъ снабдить новыми припасами.

По слѣду этихъ грустныхъ вѣстей мнѣ ничего не оставалось, какъ немедленно отправиться къ Анадырской губѣ и во что бы то ни стало отыскать моихъ несчастныхъ товарищей. На слѣдующій день, я собралъ достаточное количество сушеной рыбы и тюленьихъ внутренностей для прокорма собакъ по крайней мѣрѣ на сорокъ дней. Потомъ я послалъ за предводителемъ кочевыхъ коряковъ, остановившихся недалеко отъ Пенжинска и уговорилъ его отвести въ Анадырскъ стадо его оленей, чтобы несчастные жители имѣли пищу до доставленія помощи изъ другаго мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ я послалъ двухъ туземцевъ въ Гижигинскъ съ письмомъ къ исправнику и Доду, прося ихъ прислать какъ можно болѣе продовольствія въ Пенжинскъ, откуда уже я доставлю его въ Анадырскъ.

Я же самъ 20 ноября отправился туда же съ пятью лучшими людьми и пятью санями. Съ ними я намѣревался продолжать путь и далѣе до устья Анадыри, если въ селеніи ничего не узнаю о Бушѣ и его товарищахъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Внезапная встрѣча съ Бушемъ.—Дилема.—Голодъ.—Восемьсотъ рабочихъ.—Предпріимчивый американецъ.—Пустыня.

Пользуясь колеей, пробитой санями священника, мы продолжали свой путь къ Анадырску гораздо быстрѣе и 22 ноября остановились у подножія низкой цѣпи горъ, извѣстной подъ названіемъ Русскаго хребта, въ разстояніи только тридцати верстъ къ югу отъ селенія. Надѣясь достигнуть утромъ до теплаго крова, мы рѣшились пропутешествовать всю ночь, но въ сумеркахъ разразилась снѣжная пурга и помѣшала намъ пробраться чрезъ

горный проходъ. Около полуночи, вѣтеръ однако спалъ, луна вышла изъ за облаковъ и полагая, что не будетъ лучшаго случая, мы подняли нашихъ уставшихъ собакъ и начали взбираться по горѣ. Насъ окружала дикая, мрачная картина. Снѣгъ вился густыми облаками по горному проходу, полу-скрывая отъ нашихъ взглядовъ бѣлые, обнаженные пики и совершенно завалакивая густой пеленой всю страну позади насъ. Время отъ времени мерцающій свѣтъ луны, пробиваясь сквозь облака снѣга, освѣщалъ на минуту обнаженный скатъ горъ надъ нашими головами; но черезъ мгновеніе вѣтеръ неистово завываетъ, гонитъ снѣгъ по ущельямъ и все погружается въ мракъ. Наконецъ, полуослѣпленные хлопьями снѣга и едва переводя духъ, мы достигли вершины и остановившись на минуту для отдыха изнуренныхъ собакъ, мы съ изумленіемъ увидали длинный рядъ какихъ-то темныхъ предметовъ, которые тянулись чрезъ обнаженную вершину къ тому же ущелью, изъ котораго мы только что вышли. При самомъ бѣгломъ взглядѣ, я убѣдился, что это были сани и съ громкимъ крикомъ пустился въ догоню. Поровнявшись съ ними я узналъ свою старую повозку, крытую тюленьей шкурой и оставленную мною въ Анадырскѣ прошлой зимой. Сердце у меня забилось и подбѣжавъ къ повозкѣ я воскликнулъ: „кто тамъ?“ Слишкомъ было темно, чтобъ разпознать лица, но я зналъ хорошо голосъ, который отвѣчалъ мнѣ: „Это я, Бушъ.“ И никогда этотъ голосъ не могъ быть для меня такъ отраденъ, какъ въ эту минуту. Болѣе трехъ недѣль я не видалъ своихъ соотечественниковъ и не говорилъ ни слова по англійски, я приходилъ въ совершенное отчаянье отъ преслѣдовавшихъ насъ затрудненій и несчастій; и вотъ неожиданно въ полночь на горной вершинѣ, среди урагана, я встрѣтилъ стараго друга, котораго считалъ уже погибшимъ. Наша встрѣча была самая радостная. Туземцы, отправившіеся къ Анадырской губѣ, за Бушемъ, нашли его съ товарищами и теперь онъ ѣхалъ съ ними въ Гижигинскъ, чтобъ дать знать о голодѣ въ Анадырскѣ и захватить возможно большее количество продовольствія. Онъ также былъ остановленъ бурей у подножья горы и около полуночи мы съ противоположныхъ сторонъ начали подни-

маться въ гору. Вотъ почему мы и встрѣтились на самой вершинѣ.

Мы возвратились вмѣстѣ къ южному подножью горы и расположились вокругъ нашего еще тлѣвшаго костра; тутъ мы сидѣли разговаривая на тюленьихъ шкурахъ до тѣхъ поръ, что стало свѣтать и насъ совершенно занесло снѣгомъ.

Бушъ привезъ новыя грустныя вѣсти. Онъ съ товарищами отправился на устье Анадыри въ началѣ іюня и ждалъ тамъ компанейскихъ судовъ почти четыре мѣсяца. Всѣ ихъ запасы наконецъ истощились и они принуждены были жить на той немногочисленной рыбѣ, которую они могли поймать. Вмѣсто соли они скоблили старый боченокъ изъ подъ солонины, который былъ оставленъ Макреемъ на берегу; вмѣсто же кофе они пили жженую рисовую воду. Но пришло время, когда и эти лакомства исчезли и пришлось довольствоваться скуднымъ количествомъ вареной рыбы, безъ соли и хлѣба. Такимъ образомъ они жили недѣли за недѣлями на громадномъ болотѣ въ пятидесяти миляхъ разстоянія отъ ближайшаго дерева, страдая отъ голода и комаровъ. Наконецъ, давноожидаемое компанейское судно *Золотыя Ворота*, пришло въ октябрѣ, съ двадцатью пятью людьми и маленькимъ ручнымъ пароходомъ; но зима уже наступила и спустя пять дней прежде чѣмъ они успѣли выгрузить судно оно было разбито льдомъ. Весь экипажъ, почти всѣ привезенные матерьялы были спасены, но благодаря этому несчастью численность отряда увеличилась отъ двадцати пяти до сорока семи человѣкъ, а продовольствіе не увеличилось пропорціонально. По счастью однако, вблизи находились кочующіе чукчи, у которыхъ Бушъ купилъ значительное количество оленьяго мяса. Послѣ покрытія Анадыри льдомъ Бушъ оставался въ такомъ же положеніи, какъ Макрей въ прошломъ году, именно: не имѣлъ никакихъ средствъ сообщенія съ Анадырскомъ, отстоявшемъ на двѣсти пятьдесятъ миль; но онъ это предвидѣлъ и приказалъ, уѣзжая изъ Анадырска, въ случаѣ невозвращенія его водою послать за нимъ сани и собакъ. И дѣйствительно, не смотря на голодъ, сани были присланы и Бушъ съ двумя человѣками возвратился въ Анадырскъ, но найдя селеніе опустошенное голодомъ, онъ тотчасъ отправился за помощью въ Гижигинскъ, не

смотря на то, что его собаки отъ изнеможенія падали мертвыми на дорогѣ.

Что было дѣлать въ такомъ затруднительномъ положеніи? Мы съ Бушемъ обсуждали этотъ вопросъ впродолженіи всей ночи, но ничего не могли рѣшить и на другое утро послѣ трехъ или четырехъ часовъ сна отправились въ Анадырскъ. Уже поздно вечеромъ, мы достигли этого селенія, которое собственно говоря нельзя было назвать селеніемъ. Верхнія двѣ деревни, Оселки и Покровское, прошлой зимой столь цвѣтущія не имѣли ни одного жителя, а въ Марковѣ жило только нѣсколько умиравшихъ съ голода семействъ, которыя не могли бѣжать, ибо всѣ собаки у нихъ околѣли. Не слышно было лая, никто не вышелъ къ намъ на встрѣчу, окна въ домахъ были закрыты ставнями и полузанесены снѣгомъ, который лежалъ на землѣ въ своей дѣвственной чистотѣ, и вообще все селеніе было безмолвно. Казалось, что половина его жителей умерла, а остальные отправились на похороны своихъ товарищей. Мы остановились въ маленькомъ, бревенчатомъ домѣ, въ которомъ Бушъ сдѣлалъ свою главную квартиру и большую часть ночи снова провели въ обсужденіи нашего несчастнаго положенія.

Главная причина всѣхъ этихъ невзгодъ былъ голодъ въ Анадырскѣ. Конечно, позднее прибытіе и крушеніе компанейскаго судна было большимъ несчастьемъ, но оно было бы поправимо, еслибъ голодъ не лишилъ насъ всѣхъ средствъ сообщенія. Существованіе жителей Анадырска, подобно жителямъ всѣхъ другихъ русскихъ селеній въ Сибири, вполнѣ зависитъ отъ рыбы, которая каждое лѣто идетъ съ моря въ многочисленныя рѣки для метанья икры и тамъ ловится тысячами. Пока это появленіе рыбъ въ громадномъ количествѣ совершается правильно, туземцы запасаются продовольствіемъ въ достаточномъ количествѣ; но разъ въ три или четыре года, неизвѣстно по какой причинѣ, рыба вовсе не приходитъ и на слѣдующую зиму наступаетъ голодъ, подобный тому, который теперь свирѣпствовалъ въ Анадырскѣ. Въ 1860 году, болѣе полутораста туземцевъ умерло отъ голода въ четырехъ селеніяхъ на берегу Пенжинской губы, а Камчатка подвергалась со времени завладѣнія ею русскими столько разъ опустошитель-

*

ному голоду, что народонаселеніе ея уменьшилось на половину. Еслибъ не кочевые коряки, которые оказываютъ помощь своими громадными стадами оленей умирающему съ голода народу, то я полагаю, что въ какія нибудь пятьдесятъ лѣтъ уничтожилось бы все осѣдлое населеніе Сибири: русскіе, чуанцы, юкагиры и камчадалы. Благодаря отдаленію одного селенія отъ другаго и недостатка лѣтомъ какихъ бы то ни было средствъ сообщенія, всѣ они должны надѣяться на свои собственныя средства, не расчитывая на чужую помощь. Первыми жертвами голода всегда бываютъ собаки, и люди лишенные такимъ образомъ возможности переселиться въ другое мѣсто, должны оставаться въ опустошаемымъ голодомъ селеніи и ѣсть сапоги, кожу и т. д. до тѣхъ поръ, что смерть не освободитъ ихъ отъ такого несчастнаго существованія. Впрочемъ главнымъ образомъ въ этомъ виновна ихъ безпечность. Они могли бы въ одинъ годъ наловить и насушить рыбы достаточное количество на три года; но вмѣсто этого, они едва дѣлаютъ запасъ на одну зиму и рискуютъ умереть съ голоду на другую зиму. Тяжелый опытъ и страшныя бѣдствія не научаютъ ихъ благоразумной предосторожности. Человѣкъ, который едва не умеръ съ голоду въ нынѣшнемъ году, скорѣе будетъ рисковать тѣмъ же въ будущемъ, чѣмъ наловить большее количество рыбы и вообще дать себѣ лишній трудъ. Даже когда голодъ неизбѣженъ, они не принимаютъ никакихъ мѣръ противъ него до тѣхъ поръ, пока у нихъ не остается куска хлѣба.

Эта всѣмъ извѣстная безпечность туземцевъ побудила русское правительство основать въ сѣверо-восточныхъ селеніяхъ особое учрежденіе, которое можно назвать рыбно-суднымъ банкомъ или страховымъ отъ голода обществомъ. Сначала оно организовалось постепенной покупкой у туземцевъ ста тысячъ сушенныхъ рыбъ, составившихъ капиталъ банка. Потомъ каждый мужчина обязанъ былъ по закону вносить въ банкъ ежегодно десятую часть всей пойманной имъ рыбы. Эти фонды прибавлялись къ основному капиталу, такъ что пока рыба приходила акуратно, положеніе банка было блестящее. Но когда чувствовался недостатокъ въ рыбѣ и грозилъ голодъ, то каждый взнощикъ или лучше сказать платильщикъ податей имѣлъ право получать изъ банка такое коли-

чество рыбы, которое требовалось для него самаго, подъ условіемъ возвратить эту сумму въ будущее лѣто, кромѣ опредѣленной десятой части ловли. Очевидно, что учрежденіе, основанное на такихъ принципахъ и акуратно веденное, не можетъ иначе какъ привести къ полному успѣху и къ увеличенью капитала до тѣхъ поръ, что селеніе будетъ совершенно обезпечено противъ голода. Въ Колымѣ, въ русскомъ поселеніи на Ледовитомъ океанѣ этотъ опытъ былъ сдѣланъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Банкъ поддерживалъ жителей впродолженіе трехъ послѣдовательныхъ голодныхъ годовъ и его капиталъ въ 1867 году достигъ до трехъ сотъ тысячъ сушеныхъ рыбъ, которое количество увеличивалось ежегодно на двадцать тысячъ. Анадырскъ не военный постъ и потому не имѣетъ подобнаго банка, но еслибъ наше предпріятіе продолжалось еще годъ, то мы непремѣнно обратились бы къ русскому правительству съ просьбою основать подобныя учрежденія въ русскихъ и туземныхъ селеніяхъ по всей телеграфной линіи.

Но возвратимся къ нашему горестному положенію. Бушъ находился въ шести верстахъ отъ Гижигинска безъ денегъ, безъ продовольствія и средствъ сообщенія и еще отъ него зависѣли сорокъ четыре человѣка, находившіеся на устьѣ Анадыри. При такихъ обстоятельствахъ было совершенно немыслимо проводить телеграфъ. Ему оставалось только заботиться о томъ, чтобъ всѣ люди, вверенные его попеченію, просуществовали до прибытія помощи изъ Иркутска, когда явится возможность продолжать начатыя работы.

Видя, что я не могъ принести никакой пользы Бушу, а только помогалъ быстрѣйшему уничтоженію скудныхъ запасовъ Буша, я отправился 29 ноября въ Гижигинскъ на двухъ саняхъ. Такъ какъ я уже болѣе не посѣщалъ этотъ сѣверный округъ, то упомяну здѣсь вкратцѣ о дальнѣйшей судьбѣ компанейскихъ агентовъ, дѣйствовавшихъ тамъ. Въ послѣднихъ числахъ декабря прибыли въ Пенжинскъ посланныя мною сани, съ тремя тысячами фунтовъ бобовъ, риса, хлѣба и другихъ припасовъ. Бушъ тотчасъ отправилъ часть полученнаго продовольствія на устье Анадыри и часть оставшейся тамъ партіи возвратилась въ Анадырскъ въ февралѣ. Рѣшившись сдѣлать хоть что нибудь, Бушъ послалъ двѣ партіи людей на рѣку Міанъ и къ Анадырской губѣ, для поста-

повки шестовъ по телеграфной линіи; къ срединѣ марта обѣими партіями было срублено и разставлено три тысячи шестовъ. Въ апрѣлѣ снова вышли всѣ ихъ припасы и совершенно изнемогая отъ голода, отправились пѣшкомъ на лыжахъ въ Анадырскъ. Эта была страшная прогулка для голодныхъ людей и хотя они достигли благополучно селенія, но едва держались на ногахъ. Въ Анадырскѣ они нашли небольшое количество оленьяго мяса, чѣмъ и существовали до прибытія изъ Гижигинска Буша, который снова отправился туда за продовольствіемъ. Такимъ образомъ кончились работы во вторую зиму въ сѣверномъ округѣ. Что касается до практическихъ результатовъ, то эти работы не были успѣшны, но онѣ развили въ нашихъ офицерахъ и людяхъ такое мужество и упорство въ трудѣ, не смотря на всѣ лишенія, что при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, ихъ усилія конечно увѣнчались бы блестящимъ успѣхомъ. Дѣйствительно достойно всякаго удивленія, какъ они работали при постоянныхъ холодахъ, доходившихъ до 68^0 ниже нуля и при мучительномъ голодѣ.

Возвратясь въ Гижигинскъ 15 декабря, послѣ утомительнаго путешествія, я нашелъ письмо отъ маіора Абазы. Онъ успѣлъ, благодаря содѣйствію Иркутскаго губернатора, нанять на три года восемь сотъ работниковъ по шестидесяти рублей въ годъ каждаго. Онъ также купилъ триста якутскихъ лошадей съ вьючными сѣдлами и громадное множество матерьяловъ и продовольствія для людей и лошадей. Часть этихъ рабочихъ уже были въ дорогѣ, а остальные должны были прибыть съ наивозможной быстротой для распредѣленія ихъ по всей линіи. Такую многочисленную партію туземныхъ работниковъ надо было конечно поставить подъ начальство искусныхъ американскихъ мастеровъ и такъ какъ у насъ ихъ было недостаточно, то маіоръ Абаза приказалъ мнѣ послать курьера въ Петропавловскъ для немедленной перевозки въ Гижигинскъ офицеровъ, которые вѣроятно были высажены компанейскимъ судномъ *Впередъ* на камчатскомъ берегу. Я исполнилъ это приказаніе, а также распорядился доставкой продовольствія нашимъ отрядамъ, работавшимъ въ Гамскѣ и по рѣкѣ Тилгаю къ сѣверу отъ Пенжинской губы.

Однажды, въ концѣ декабря, я съ Додомъ пробовалъ на рѣкѣ

закладку собакъ, какъ вдругъ прибѣжали туземцы изъ селенія съ вѣстью, что прибылъ какой-то американецъ изъ Камчатки. Мы бросились домой и нашли тамъ молодаго американца, по имени мистера Луиса, преспокойно сидѣвшаго за чашкой чая. Эготъ предпріимчивый юноша, хотя прежде никогда не привыкъ къ труднымъ путешествіямъ, одинъ, не зная русскаго языка, въ зимнюю стужу, проѣхалъ чрезъ безконечныя камчатскія степи изъ Петропавловска въ Гижигинскъ. Онъ былъ въ дорогѣ сорокъ два дня, въ обществѣ нѣсколькихъ туземцевъ и одного казака изъ Тигиля, и сдѣлалъ около тысячи двухсотъ миль. Онъ принадлежалъ къ партіи, высаженной, какъ мы ожидали, компанейскимъ судномъ *Впередъ* въ Петропавловскѣ и былъ посланъ командиромъ къ маіору Абазѣ за инструкціями.

Послѣ прибытія мистера Луиса ничего не случилось замѣчательнаго до марта мѣсяца. Арнольдъ въ Гамскѣ, Сандфордъ на Тилгаѣ, а Бушъ въ Анадырскѣ старались хоть что нибудь сдѣлать, но благодаря сильнымъ холодамъ, снѣжнымъ пургамъ и недостатку въ продовольствіи, всѣ ихъ усилія были тщетны. Въ мартѣ я получилъ новое извѣстіе отъ маіора Абазы, который требовалъ, чтобъ я выѣхалъ къ нему на свиданіе въ Гамскъ, такъ какъ онъ не могъ въ эту зиму вернуться въ Гижигинскъ, ибо занятъ былъ окончательнымъ распредѣленіемъ и экипировкой туземныхъ робочихъ. Я тотчасъ отправился въ путь съ однимъ американцемъ по имени Литъ.

Страна между Гижигинскомъ и Гамскомъ была совершенно отлична по своему характеру отъ всего, что я до сихъ поръ видѣлъ въ Сибири. Тутъ не было громадныхъ, обнаженныхъ степей, какъ между Гижигинскомъ и Анадырскомъ или въ сѣверной Камчаткѣ. Напротивъ, весь берегъ Охотскаго моря, болѣе чѣмъ на шесть сотъ миль къ западу отъ Гижигинска представлялъ пустыню утесистыхъ, изрытыхъ ущельями и почти непроходимыхъ горъ, покрытыхъ густыми, хвойными лѣсами. Становой хребетъ, окаймляющій Охотское море отъ китайской границы, идетъ повсюду близъ самаго берега и съ его склоновъ текутъ сотни маленькихъ рѣчекъ и потоковъ по лѣсистымъ долинамъ. Дорога изъ Гижигинска въ Гамскъ пересѣкаетъ всѣ эти рѣчки подъ прямымъ

угломъ, придерживаясь средины между горнымъ кряжемъ и моремъ. Большая часть острововъ, отдѣляющихъ эти рѣчки другъ отъ друга, не высоки и удобо-проходимы, но въ одномъ мѣстѣ въ полуторастахъ верстахъ отъ Гижигинска, кряжъ идущій къ морю достигаетъ до трехъ тысячъ футовъ вышины и совершенно преграждаетъ дорогу. Вдоль подошвы этого кряжа простирается глубокая, мрачная Вилигинская долина, верхній конецъ которой перерѣзываетъ центральный Становой хребетъ и даетъ тѣмъ выходъ вѣтрамъ, спертымъ между моремъ и степями. Зимою, когда на открытомъ Охотскомъ морѣ теплѣе чѣмъ на мерзлыхъ равнинахъ къ сѣверу отъ горъ, то по Вилигинской долинѣ дуетъ холодный вѣтеръ со степи. Лѣтомъ, когда вода на морѣ еще холодна отъ массъ не растаявшаго снѣга, а степи за горами покрыты роскошной растительностью подъ палящими лучами солнца, вѣтеръ въ Вилигинской долинѣ получаетъ конечно противоположное направленіе. Такимъ образомъ эта долина можетъ быть названа естественнымъ дыхательнымъ горломъ внутренней степи. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Становой хребетъ не представляетъ отверстія, сквозь которое вѣтеръ могъ бы свободно проходить отъ моря къ степямъ и обратно; потому въ этой долинѣ дуетъ постоянный, непрерывающійся ураганъ, сопровождающійся страшными аваланшами. На этомъ основаніи Вилигинская долина пользуется знаменитостью во всей сѣверо-восточной Сибири и всѣ туземцы ее ужасно боятся, называя „бурнымъ ущельемъ.“

На пятый день послѣ выѣзда изъ Гижигинска, наша маленькая партія, увеличенная русскимъ почтальономъ, везшимъ на трехъ саняхъ ежегодную камчатскую почту, мы достигли до подножья страшныхъ Вилигинскихъ горъ. Благодаря глубокому снѣгу, мы ѣхали очень тихо и теперь остановились на ночлегъ въ маленькой юртѣ, близъ устья рѣчки Тополовки, въ тридцати верстахъ отъ Вилигинской долины. Выпивъ чаю, мы растянулись на деревянномъ полу и заснули, зная что на завтрешній день намъ предстояла тяжелая работа.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Путешествіе въ Гамскъ.—Вилигинская долина. — Ураганъ. — Опасный горный проходъ.

На слѣдующее утро въ 5 часовъ мы отправили впередъ почтальона для проложенія дороги, а сами черезъ часъ пустились въ путь. Утро было ясное, великолѣпное; солнце взошло надъ восточными возвышеніями и снѣгъ блестѣлъ, словно брилліантъ, а отдаленныя пики были такъ спокойны въ своемъ снѣжномъ величіи, что не входило въ голову и мысли объ ураганѣ. Воздухъ, хотя и холодный, былъ чистъ и дѣйствуя возбудительно ускорялъ кровообращеніе. Мы медленно подвигались по обнаженнымъ открытымъ долинамъ вдоль высокихъ горъ по направленію къ морскому берегу. Я только что поздравлялъ себя, что по счастью для насъ, намъ придется проѣзжать страшный, горный проходъ въ ясную погоду, какъ вдругъ замѣтилъ странное, бѣлое облако, простиравшееся отъ входа въ Вилигинское ущелье, до темныхъ водъ Охотскаго моря. Я съ удивленіемъ указалъ на это облако нашему проводнику и спросилъ не туманъ ли это. Онъ отвѣчалъ мнѣ, безпокойно взглянувъ по указанному направленію: „Вилига дуритъ.“ Этотъ лаконическій отвѣтъ мнѣ ничего не объяснилъ, и я просилъ его истолкованія. Тогда мнѣ объяснили къ моему величайшему изумленію и ужасу, что странное облако, принятое мною за туманъ, былъ снѣжный аваланшъ, влекомый по ущелью ураганомъ, который по видимому свирѣпствовалъ на вершинахъ Становаго хребта. Нашъ проводникъ объявилъ, что не возможно было теперь проѣхать черезъ Вилигинскую долину и даже всякая попытка была опасна пока вѣтеръ не спадетъ. Я никакъ не могъ понять въ чемъ заключалась опасность и зная что на другой сторонѣ ущелья была также юрта, я рѣшился по крайней мѣрѣ попытать счастья и проѣхать черезъ долину. Дѣйствительно, тамъ гдѣ мы находились, погода была тихая и ясная и я

не могъ себѣ представить, чтобъ въ одной милѣ разстоянія свирѣпствовалъ ураганъ съ снѣжнымъ аваланшемъ. Видя мою рѣшимость продолжать путь, проводникъ знаменательно пожалъ плечами, какъ бы говоря: „вы скоро раскаетесь въ своей поспѣшности“; но повиновался.

Постепенно приближаясь къ бѣлой пеленѣ тумана, мы начали чувствовать по временамъ сильные порывы вѣтра, сопровождаемые снѣгомъ. Проводникъ снова замѣтилъ намъ, какъ безумно было идти въ ущелье въ ураганъ, но Литъ со смѣхомъ отвѣчалъ ему, на ломаномъ русскомъ языкѣ, что онъ видалъ въ Сіеррѣ Невадѣ такіе ураганы, которымъ настоящій былъ не чета. Но черезъ нѣсколько минутъ, самъ Литъ долженъ былъ сознаться, что ураганъ въ Виллигинской долинѣ выдержалъ бы соперничество со всѣми видѣнными имъ ураганами въ Калифорніи.

Обогнувъ выдающійся утесъ у самого входа въ ущелье, мы неожиданно попали въ самый разгаръ урагана. Густыя облака снѣга застилали ясное, голубое небо и омрачали всю землю. Вѣтеръ неистово ревѣлъ, какъ въ снастяхъ на кораблѣ въ открытомъ морѣ. Было что-то сверхъестественное въ мгновенной перемѣнѣ отъ свѣтлой, тихой погоды, къ страшной бурѣ и я самъ сталъ сомнѣваться въ возможности безопасно проѣхать чрезъ долину. Проводникъ взглянулъ на меня съ отчаяніемъ, словно упрекая за мое упорство и потомъ сталъ съ новой энергіей побуждать собакъ идти далѣе криками и ударами. Несчастныя животныя ослѣпляемыя хлопьями снѣга и обагряя землю струившеюся изъ ихъ ногъ кровью, все же плелись, оглашая воздухъ по временамъ жалостнымъ визгомъ, который пугалъ меня болѣе, чѣмъ ревъ бури. Почти въ одну минуту мы очутились на днѣ ущелья и прежде чѣмъ мы могли опомниться уже неслись по гладкому льду Пропадчины, по направленію къ открытому Охотскому морю, отстоявшему отъ насъ только въ ста ярдахъ. Всѣ наши усилія, чтобъ остановить сани, несомыя вѣтромъ, были тщетны и я понялъ почему проводникъ такъ боялся этого горнаго прохода. Ясно было однако, что если намъ не удастся остановить наши сани до устья рѣки, то вѣтеръ насъ снесетъ со льда въ морскую пучину. Самое названіе Пропадчины, т. е. рѣки пропадшихъ, было дано этой

мѣстности въ честь подобнаго несчастья. Литъ и казакъ Падеринъ, сидѣвшіе каждый на отдѣльныхъ саняхъ, наконецъ успѣли остановиться съ помощью заостренныхъ палокъ, которыя они вонзали въ землю; но мы съ проводникомъ сидѣли на однѣхъ саняхъ и наши громадныя шубы представляли такой сильный упоръ вѣтру, что палки ничего не помогали и мы продолжали нестись впередъ. Видя, что намъ не было никакого спасенія, я сползъ съ саней и старался удержаться прежде сидя, а потомъ лежа на льду, но все было тщетно, моя леденѣвшая одежда скользила еще быстрѣе саней по гладкой поверхности. Наконецъ по счастью я увидалъ во льду нѣсколько трещинъ и ухватился за нихъ ногтями; я былъ спасенъ, но не смѣлъ перевести дыханія, боясь потерять равновѣсіе. Видя мое отчаянное положеніе, Литъ бросилъ мнѣ орстень съ желѣзнымъ оконечникомъ, которымъ управляютъ собаками и я съ помощью этого орудія медленно выбрался на берегъ, въ виду уже открытаго моря, куда уже быстро понеслись мои варешки. На помощь проводнику подоспѣлъ Падеринъ съ другимъ орстеномъ и они вмѣстѣ вытащили также сани благополучно на берегъ. Я теперь съ большимъ удовольствіемъ возвратился бы назадъ, но гордость проводника была задѣта и онъ объявилъ, что такъ какъ мы не хотѣли его слушаться и пустились въ путь, то должны были во что бы то не стало пробраться черезъ долину, даже еслибъ это намъ стоило всѣхъ саней.

Такъ какъ совершенно было невозможно перебраться черезъ рѣку въ этомъ мѣстѣ, мы сдѣлали около мили по лѣвому берегу прямо противъ вѣтра и рѣшились на вторую попытку только при поворотѣ рѣки, гдѣ между нами и открытой водой находилась полоса земли. Успѣшно перебравшись черезъ рѣку и небольшой кряжъ на противоположномъ берегу, мы снова очутились передъ другимъ, небольшимъ потокомъ, называемымъ Вилига, у самаго подножья Вилигинскихъ горъ. Вдоль его берега тянулся узкій, но густой лѣсъ и въ немъ находилась юрта, которую мы искали. Нашъ проводникъ казалось инстинктивно находилъ дорогу, ибо хлопья снѣга до того густо наполняли воздухъ, что ничего не было видно далѣе двухъ шаговъ. За часъ до сумерекъ, усталые и промокшіе до костей, мы достигли небольшой, бревенчатой хи-

жины, которую проводникъ призналъ за Вилигинскую юрту. Послѣдніе путешественники, останавливавшіеся въ ней, оставили трубу открытой и она почти до верху наполнилась снѣгомъ, но мы ее очистили какъ могли, развели на землѣ огонь и усѣлись вокругъ него пить чай, не смотря на дымъ. Мы съ полудня уже не видали русскаго почтальона и очень обрадовались, когда черезъ нѣсколько времени услыхали въ лѣсу лай собакъ и онъ благополучно предсталъ передъ нами. Такъ какъ намъ всѣмъ не было мѣста въ юртѣ, то коряки расположились на ночь на снѣгу и къ утру были почти покрыты бѣлымъ саваномъ.

Во всю ночь вѣтеръ глухо завывалъ въ лѣсу, окружающемъ юрту, и на разсвѣтѣ буря продолжала свирѣпствовать съ тою же силою. Мы знали, что она могла продолжаться въ теченіе двухъ недѣль, а у насъ было всего продовольствія и пищи для собакъ на четыре дня, такъ что необходимо было рѣшиться на какое нибудь смѣлое предпріятіе. Вилигинскія горы, загораждавшія дорогу въ Гамскъ, пересѣкались въ трехъ мѣстахъ проходами, которые выходили въ долину и въ хорошую погоду были легко доступны. Но въ бурю, подобную той, которая свирѣпствовала въ настоящее время, сотни проходовъ были бы безполезны, ибо снѣжная пурга скрывала все изъ глазъ на разстояніи трехъ миль.

Мы однако пустились въ путь и вскорѣ встрѣтили неожиданную и по видимому непреодолимую преграду. Берегъ насколько видѣлъ глазъ на западъ былъ занесенъ совершенно снѣгомъ, который постепенно накопляясь образовалъ совершенную стѣну въ 75 или 100 футовъ вышины, такъ что не было никакого прохода изъ ущелья къ морю. Этотъ снѣгъ, благодаря постояннымъ перемѣнамъ погоды, превратился въ ледъ и намъ приходилось проложить себѣ дорогу чрезъ это импровизированное укрѣпленіе, такъ какъ по ту сторону шла единственная дорога въ Гамскъ, а перебраться чрезъ эту стѣну было невозможно, ибо она была слишкомъ крута и малѣйшій невѣрный шагъ могъ повергнуть насъ въ море.

Дѣлать было нечего, мы привязали своихъ собакъ къ выдающимся льдинамъ, скинули тяжелую, мѣховую одежду и принялись заступами пробивать себѣ дорогу. Мы проработали цѣлый

день и къ шести часамъ вечера была готова глубокая траншея шириною въ три фута, но мы тутъ встрѣтили новую и еще худшую преграду. Берегъ, до сихъ поръ представлявшій прямую линію, вдругъ пресѣкся и масса снѣга, черезъ которую мы прокладывали себѣ дорогу, низринувшись въ этомъ мѣстѣ въ море, представляла бездну въ тридцать пять футовъ ширины, на днѣ которой клокотала вода. Не было никакой возможности перебраться на противоположный берегъ безъ понтоннаго моста. Выбившись совершенно изъ силъ, мы принуждены были остановиться на ночлегъ на ледяномъ ретраншаментѣ; ясно было, что на другое утро, намъ оставалось только какъ можно скорѣе возвратиться въ Вилигу и совершенно отказаться отъ мысли достичь Гамска.

Трудно вообразить себѣ даже въ Сибири такого опаснаго мѣста для стоянки, какъ то, на которомъ мы теперь находились. Громадная масса наноснаго снѣга возвышалась прямо изъ воды и могла имѣть своей основой узкую полосу льда, а въ такомъ случаѣ малѣйшій вѣтеръ могъ нагнать морскія волны, которыя легко подточили бы импровизированный ретраншаментъ и снесли бы насъ въ воду вмѣстѣ съ аваланшемъ или оставили бы на краю бездны. Ни то, ни другое, не казалось заманчивымъ и я рѣшился найти, если только возможно безопаснѣйшее мѣсто для ночлега. Литъ, съ отличавшимъ его легкомысліемъ, вырылъ себѣ въ снѣгу „спальню“, въ пятидесяти футахъ надъ водою и пригласилъ меня раздѣлить съ нимъ его пещеру, но я отказался, ибо его спальня, со всѣми бывшими въ ней, могла ежеминутно низвергнуться въ море. Пройдя нѣкоторое пространство по направленію къ Вилиги, я нашелъ русло высохшаго горнаго потока и тутъ-то я расположился съ туземцами на ночь, причемъ мы лежали подъ угломъ 45^0.

Если читатель себѣ представитъ, что онъ ночуетъ на покатой крышѣ большаго собора, надъ которымъ возвышается ущелье въ сто футовъ вышины и подъ которымъ бурлитъ вода, то онъ пойметъ быть можетъ въ какомъ несчастномъ положеніи мы находились въ эту ночь.

На слѣдующее утро мы поднялись до свѣта и уже собира-

Центральная Библиотека ВИФ СС

лись возвратиться въ Вилигу, какъ одинъ изъ коряковъ, отправившійся осмотрѣть въ послѣдній разъ на остановившую насъ преграду, прибѣжалъ съ крикомъ: „можно переѣхать! можно переѣхать“! Проливъ ночью пригналъ нѣсколько большихъ льдинъ, которыя составили какъ бы понтонный мостъ. Однако, боясь, что ледъ не выдержитъ тяжелаго груза, мы сняли всѣ свои вещи съ саней и перенесли на рукахъ сани, вещи и собакъ, однихъ задругими. Такимъ образомъ самыя страшныя затрудненія на нашемъ пути были устранены и мы отправились въ дальнѣйшій путь. Намъ все еще приходилось кое-гдѣ пробивать себѣ дорогу черезъ снѣжные мосты, но мало по малу, какъ предсказывали коряки, берегъ дѣлался шире и выше. Море съ одной стороны, а утесы съ другой, все еще окружали насъ; по на слѣдующій день намъ удалось вырваться на волю чрезъ долину рѣки Конанаги.

На двѣнадцатый день нашего путешествія мы уже были на громадной Малкашинской степи въ разстояніи тридцати миль отъ Гамска и мы надѣялись достичь къ ночи цѣли всѣхъ нашихъ странствій. Но въ сумерки снова разразилась снѣжная пурга и намъ пришлось остановиться на ночлегъ въ открытой степи. Мы не могли найти никакого горячаго матеріала, для разведенія костра да и къ тому же вѣтеръ такъ сильно бушевалъ, что противъ него не устоялъ бы никакой огонь. По этому, мы раскинули нашу палатку и съѣвъ вмѣсто ужина послѣднія крохи хлѣба и сыраго мяса, мы легли спать. Но вскорѣ мы почувствовали, что дыханіе у насъ спирается и что нѣчто тяжелое ужасно насъ гнететъ. Оказалось, что столько снѣгу напало на палатку, что она подалась и совершенно накрыла насъ. Я выхватилъ ножъ и прорѣзалъ полотно; въ одну секунду, громадные хлопья снѣга залѣпили намъ глаза, носъ и ротъ. Дѣлать было нечего, приходилось ждать разсвѣта въ снѣгу. Понятно, какъ долги намъ показались эти десять часовъ, проведенные на обнаженной степи во время снѣжнаго урагана безъ огня, пищи и сна.

Наконецъ утро настало, мы съ трудомъ откопали свои сани и пустились въ путь. Къ полудню мы достигли рѣки Гамска и вскорѣ встрѣтили одинъ изъ отрядовъ якутскихъ работниковъ,

рубившихъ деревья въ лѣсу. Они проводили насъ въ свой лагерь, отстоявшій отъ селенія только на нѣсколько миль и тамъ мы отдохнули, напились чаю съ ржанымъ хлѣбомъ и вытряхнули изъ подъ своего платья накопившійся тамъ полу оледѣневшій снѣгъ. Возстановивъ свои утомленныя силы мы продолжали путь въ селеніе Гамскъ, куда и достигли къ вечеру.

Такимъ образовъ окончилось наше тринадцатидневное странствіе, одно изъ самыхъ тяжелыхъ и опасныхъ, когда либо испытанныхъ мною въ Сибири. Именно по этой причинѣ, я и позволилъ себѣ нѣсколько подробнѣе разсказать эту поѣздку въ Гамскъ. Рѣдко случается перенести столько трудностей и лишеній въ одно небольшое путешествіе, но въ такой дикой и мало населенной странѣ, какъ Сибирь, зимнее путешествіе должно быть непремѣнно обставлено большими или меньшими страданіями и лишеніями.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Возвращеніе въ Гижигинскъ.—Прибытіе «Впередъ».—Приказаніе окончить всѣ дѣла компаніи.—Пораженіе русско-американскаго телеграфа атлантическимъ.—Итоги.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—Путешествіе въ пять тысячъ миль.

Путешествіе въ Гамскъ было послѣднимъ моимъ странствіемъ по сѣверо-восточной Сибири 18 марта, маіоръ Абаза отправился въ Якутскъ для окончательнаго устройства и экипировки отрядовъ якутскихъ рабочихъ; а я возвратился въ Гижигинскъ для ожиданія судовъ изъ Америки. Съ того времени и до открытія навигаціи мало было сдѣлано нашей экспедиціей. Сандфордъ съ своей партіей кончилъ рубку шестовъ на Тилгаѣ и я отправилъ его на Пенжинъ; но срокъ найма его людей вскорѣ истекъ и они отказались отъ возобновленія контрактовъ, оставивъ меня продолжать начатое дѣло съ пятью рабочими.

Въ концѣ мая ледъ въ Гижигинской губѣ тронулся и 1-го іюня пришло китиловное судно, *„Зыбь“*, изъ Америки съ газетами, изъ которыхъ мы узнали, что антлантическій телеграфъ благополучно проложенъ черезъ океанъ и вслѣдствіе того всѣ работы по русско-американскому телеграфу прекращены и самое предпріятіе брошено.

15 іюля пришелъ компанейскій карабль *Впередъ*, съ приказаніями закончить всѣ дѣла, отпустить туземныхъ рабочихъ, собрать всѣхъ нашихъ людей и возвратиться въ Америку. Атлантическій телеграфъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ и западно-соединенная-телеграфная-компанія, убивъ почти три милліона долларовъ, рѣшилась отказаться отъ своего намѣренья провести телеграфъ сухимъ путемъ. Тяжело было бросить дѣло, которому мы посвятили три года нашей жизни и ради котораго мы перенесли столько страданія отъ холода, голода и усталости; но намъ оставалось только повиноваться и мы приняли всѣ мѣры для наискорѣйшаго отъѣзда.

Положеніе дѣлъ въ ту минуту когда мы бросили наше предпріятіе было слѣдующее: Мы изслѣдовали и начертили весь путь телеграфной линіи отъ Амура до Берингова пролива. Мы приготовили около пятнадцати тысячъ телеграфныхъ столбовъ, выстроили сорокъ или пятьдесятъ станціонныхъ домовъ и магазиновъ, прорубили около пятидесяти миль дорогъ по лѣсамъ, окружающимъ Охотскъ и Гамскъ, и вообще сдѣлали много предварительныхъ работъ по всей линіи. Наши средства для будущей зимы были громадныя. Кромѣ семидесяти шести американцевъ, у насъ было полтораста туземцевъ уже работавшихъ между Гамскомъи Охотскомъ и еще шесть сотъ шло на помощь изъ Якутска. Наши средства сообщенія должны были дойти въ будущемъ году до громадныхъ размѣровъ. У насъ былъ маленькій пароходъ на Анадыри и мы заказали другой для Пенжины; мы имѣли полтораста собакъ и нѣсколько сотенъ оленей въ Гамскѣ, Охотскѣ и Гижигинскѣ и купили въ Якутскѣ триста сибирскихъ лошадей съ значительнымъ количествомъ продовольствія и матеріяла. Къ 1-му сентября мы могли приступить къ работѣ съ тысячью людьми. Но успѣхъ атлантическаго телеграфа дѣлалъ

тщетными всѣ наши усилія. Мы могли продолжать наши работы, провести всю предполагающуюся линію, но не было на свѣтѣ компаніи, которая бы могла эксплуатировать ее впродолженіе года при сонерничествѣ съ атлантическимъ телеграфомъ.

Само по себѣ проведеніе телеграфной линіи отъ Берингова пролива до Амура не представляло непреодолимыхъ трудностей. Это дѣло было трудное, но возможное и я полагаю, что эта линія гораздо практичнѣе для сообщенія съ Китаемъ, чѣмъ та, которую предлагалъ впослѣдствіи Колинсъ чрезъ Алеутскіе острова, Камчатку и Японію. Трудъ въ Сибири очень дешевъ и въ Якутскѣ можно нанять сколько угодно рабочихъ по сорока долларовъ въ годъ кромѣ харчей. Лошадей можно купить въ Якутскѣ и Колымѣ до шести сотъ штукъ по пятнадцати—двадцати пяти долларовъ. Изъ Америки нужно только привести проволоку, инзуляторы и инструменты, а также небольшое количество продовольствія для американскихъ мастеровъ. Еслибъ когда нибудь потребовалось дѣйствительно провести телеграфную линію по нашему плану съ Беринговаго пролива къ Амуру, то я полагаю, что всѣ работы можно было бы окончить въ два года и что все не стоило бы дороже двухъ сотъ пятидесити тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Остатокъ лѣта 1867 года, былъ посвященъ нами на собраніе партій, разбросанныхъ по берегу Охотскаго моря, на продажу нашихъ матерьяловъ русскимъ купцамъ и на приготовленія къ отъѣзду. Особое судно было послано на устье Анадыри за Бушемъ и его товарищами, такъ что мы ихъ болѣе не видали. 6-го августа, маіоръ Абаза отправился сухимъ путемъ въ Петербургъ, и въ началѣ октября *Впередъ* отплылъ въ Сан. Франциско со всѣми служащими въ экспедиціи кромѣ четырехъ: Лита, Прайса Магуда и меня. Мы остались въ Охотскѣ, намѣреваясь зимой отправиться въ Америку кругомъ свѣта, то есть, черезъ Азію и Европу.

По отъѣздѣ всѣхъ товарищей наша жизнь въ Охотскѣ была чрезвычайно скучна и грустна, но вскорѣ наступила зима и 24 октября мы съ Прайсомъ отправились на собакахъ въ Петербургъ. Я не стану описывать этого путешествія на протяженіе пяти тысячъ миль, такъ какъ существуетъ уже много подобныхъ описаній. Скажу

только, что въ Якутскѣ мы взяли почтовыхъ лошадей и путешествуя день и ночь достигли до Иркутска 6 декабря. 30 числа мы перебрались черезъ границу Европейской Россіи и 3 января, послѣ десяти недѣльнаго путешествія мы увидали залотые куполы московскихъ соборовъ.

Такимъ образомъ кончились всѣ наши странствія, и нашей книгѣ конецъ.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ

стр.

Предисловіе. 5

Глава первая.

Русско-американскій телеграфъ.—Отплытіе „Ольги“ изъ Санъ-Франциско въ Камчатку и на Амуръ. 7

Глава вторая.

Путешествіе по Тихому океану. 13

Глава третья.

Продолженіе путешествія по Тихому океану.—Пріѣздъ въ Петропавловскъ. 21

Глава четвертая.

Петропавловскъ. 25

Глава пятая.

Русскій языкъ.—Отплытіе амурской экспедиціи. 30

Глава шестая.

Камчадальская свадьба.—Отъѣздъ на дальный сѣверъ. 35

Глава седьмая.

Ѣзда верхомъ въ Камчаткѣ. — Горы. — Растительность. — Животныя.—Селенія.—Народъ. 39

Глава восьмая.

„Іерусалимъ“.—Жилища.—Камчатскій ужинъ.—Индѣйское лѣто.—Молитва.—Тяжелая ѣзда. 46

Глава девятая.

Малька.—Прелестная мѣстность.—Генулъ.—Охота на медвѣдей.—Пущинъ. 52

Глава десятая.

Шеромъ.—Путешествіе по рѣкѣ.—Милково.—Меня принимаютъ за императора. 57

Глава одиннадцатая.

Путешествіе по рѣкѣ.—Ключевская Сопка.—„Черная Баня“. . . . 63

Глава двѣнадцатая.

Путешествіе на лодкѣ по Яловкѣ.—Вулканическій разговоръ.—„О! Сусанна!“—Затруднительная поѣздка въ Яловку. 71

Глава тринадцатая.

Холодное жилище.—Великолѣпная мѣстность.—Еще охота на медвѣдя.—Скачка съ препятствіями.—Плаваніе въ Тигиль . . . 80

Глава четырнадцатая.

Берегъ Охотскаго моря.—Лѣсной.—Китоловное судно и континентальный отрядъ. — Чортовъ проходъ. — Саманкскія горы.—Пурга.—Дикая мѣстность. 87

Глава пятнадцатая.

Продолженіе бури.—Голодъ.—Вѣсти о маіорѣ.—Возвращеніе въ Лѣсной 95

Глава шестнадцатая.

Увеселеніе камчадаловъ.—Народъ.—Рыба.—Соболь Пѣсни.—Сани и собаки.—Одежда. 101

Глава семнадцатая.

Русскій докторъ. — Саманкскія горы. — Стоянка кочующихъ коряковъ.—Собаки и олени.—„Пологи“.—Корякскія лакомства. . 109

Глава восемьнадцатая.

Кочующіе коряки.—Ихъ независимость.—Гостепріимство.—Жилище.—Завтракъ.—Ѣзда на оленяхъ.—Понятіе коряковъ о пространствѣ.—Таинственный посѣтитель 118

Глава девятнадцатая.

Путешествіе въ степи.—Корякская свадьба.—Пьянство.—Однообразная жизнь. 127

Глава двадцатая. стр.

Корякскій языкъ.—Религія.—Обычаи и т. д. 134

Глава двадцать первая.

Рѣка Пенжина.—25° ниже нуля.—Каменное.—Корякская юрта.—Путешествіе въ Гижигинскъ.—Повозка.—Мякина.—Осѣдлые коряки 143

Глава двадцать вторая.

Попытка управлять собаками.—Американцы плохіе кучера.—Гижигинскъ. — Радушный пріемъ. — Планъ зимней экспедиціи. — Отъѣздъ въ Анадырскъ 153

Глава двадцать третья.

Путешествіе зимой къ сѣверному полюсу — Отъѣздъ. — Ночлегъ.—Снѣжная степь.—Миражи.—Лагерь въ степи. 163

Глава двадцать четвертая.

Пребываніе въ Шестаковѣ.—Вѣсти о другихъ отрядахъ телеграфной экспедиціи. — Путешествіе въ Пенжинскъ. — Кедровникъ.—Сибирская пурга.—Пріѣздъ въ Пенжинскъ. 170

Глава двадцать пятая.

Пенжинскъ.—Мнѣніе туземцевъ о русско-американскомъ телеграфѣ.—Путешествіе въ Анадырскъ.—45° ниже нуля.—Правило для полярныхъ путешественниковъ.—Публичная лекція въ степи.—Встрѣча въ Анадырскѣ. 178

Глава двадцать шестая.

Анадырскъ, его исторія и настоящее положеніе.—Климатъ.—Празднованіе Рождества.—Сибирскій балъ.—Общество. 185

Глава двадцать седьмая.

Поиски за товарищами.—Приключенія и странствія по сибирскимъ степямъ 194

Глава двадцать восьмая.

Продолженіе поисковъ за товарищами.—Они отысканы. 199

Глава двадцать девятая.

Сибирскія письмена и ихъ характеристическія особенности.—Понятія о грамотности и искуствахъ 206

Глава тридцатая.

Сѣверное сіяніе.—Дальнѣйшія изслѣдованія страны.—Прибытіе товарищей.—Путешествіе къ Охотскому морю 212

Глава тридцать первая.

Общественная жизнь въ Гижигинскѣ.—Экспедиція маіора Абазы.—Неожиданное превращеніе зимы въ лѣто.—Народные обычаи. 217

Глава тридцать вторая.

Скука ожиданія.—Комары.—Прибытіе русскаго фрегата. 225

Глава тридцать третья.

Прибытіе транспортныхъ судовъ.—Послѣднее путешествіе къ полюсу.—Корякскія возницы.—Голодъ въ Анадырскѣ 230

Глава тридцать четвертая.

Внезапная встрѣча съ Бушемъ.—Дилема.—Голодъ.—Восемьсотъ рабочихъ.—Предпріимчивый американецъ.—Пустыня. 236

Глава тридцать пятая.

Путешествіе въ Гамскъ.—Вилигинская долина.—Ураганъ.—Опасный горный проходъ 243

Глава тридцать шестая.

Возвращеніе Въ Гижигинскъ. — Прибытіе „Впередъ“. — Приказаніе окончить всѣ дѣла компаніи.—Пораженіе русско-американскаго телеграфа атлантическимъ.—Итоги.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—Путешествіе въ пять тысячъ миль. 249

3 р

Библіотека Министерства

Mg
3